

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы
Семинар «Русский XVIII век»

Литературная культура России
XVIII века

Выпуск 5

Санкт-Петербург
2014

Ответственные редакторы:
П. Е. Бухаркин
(СПбГУ / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург),
Е. М. Матвеев
(ИЛИ РАН / СПбГУ, Санкт-Петербург).

Редколлегия:
А. Ю. Веселова (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург),
С. С. Волков (ИЛИ РАН / СПбГУ, Санкт-Петербург),
Е. И. Кислова (МГУ, Москва),
U. Jekutsch (Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Greifswald),
M. Levitt (University of California, Los Angeles),
М. В. Пономарева (СПбГУ, Санкт-Петербург, отв. за выпуск),
А. Ю. Тираспольская (СПбГУ, Санкт-Петербург, отв. за выпуск)

Л64 **Литературная культура России XVIII века. Выпуск 5** / под ред.
П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева — СПб.: Филологический факуль-
тет СПбГУ, 2014. — 306 с.
ISSN 2310-5569

Настоящий сборник является пятым сборником научных статей о ли-
тературной культуре России XVIII в.а, подготовленным на филологиче-
ском факультете СПбГУ. В сборник включены научные работы, посвящен-
ные проблемам изучения истории русской литературы и литературной
культуры XVIII столетия.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей-
филологов, а также для всех интересующихся проблемами изучения лите-
ратурной культуры XVIII столетия.

ББК (2Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

	ОТ РЕДАКЦИИ	5
ФЕДОРАК Н. Л. (ЛЬВОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ИВАНА ФРАНКО)	ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ БАРОККО: ВВЕДЕНИЕ В «СИМВОЛОЛОГИЮ» ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ	7
МАНЕРОВА К. В. (СПбГУ) КОРЫШЕВ М. В. (СПбГУ)	ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ЭЛОКВЕНЦИИ В МАРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПРОФЕССОР И.-А. ГАРТМАН (1680–1744)	20
КАРЕВА Н. В. (ИЛИ РАН)	ТЕРМИНОЛОГИЯ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА	32
ЕКУЧ У. (УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Э. М. АРНДТА, ГРЕЙФСВАЛЬД)	РИТОРИКА НАУЧНО-ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ: О КОНТЕКСТЕ, ЖАНРЕ И АРГУМЕНТАЦИИ «ПИСЬМА О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА» М. В. ЛОМОНОСОВА	48
МАМАТОВА М. Г. (СПбГУ / ИЛИ РАН) МАТВЕЕВ Е. М. (ИЛИ РАН / СПбГУ)	ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА: ПОПЫТКА СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ	66
ИСАЧЕНКО Е. Г. (СПбГУ)	«РАЗГОВОРЫ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ» А. П. СУМАРОКОВА	100
КРУГЛОВ В. М. (ИЛИ РАН)	ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	119
РУДНЕВ Д. В. (СПбГУ)	ИЗ ИСТОРИИ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ТИПОГРАФИИ МОРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА)	132
ВЛАСОВ С. В. (СПбГУ) МОСКОВКИН Л. В. (СПбГУ)	ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В РОССИИ: “RUSSISCHE SPRACHLEHRE” ЯКОБА РОДДЕ (1773 г)	151

ДВИНЯТИН Ф. Н. (СПбГУ)	КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА ГЛАГОЛА В ДЕСЯТИ ОДАХ Г. Р. ДЕРЖАВИНА	164
ШНАЙДЕР Н. (УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Э. М. АРНДТА, ГРЕЙФСВАЛЬД)	ПИСЬМЕННЫЙ РАЗГОВОР С ДРУГОМ В XVIII ВЕКЕ	182
ПОТАПОВА Г. Е. (ГАМБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)	ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАН И. Ф. Э. АЛЬБРЕХТА О КНЯЗЕ Г. А. ПОТЁМКИНЕ «ПАНСАЛВИН, КНЯЗЬ ТЬМЫ» И ЕГО СУДЬБА В РОССИИ	200
ТИРАСПОЛЬСКАЯ А. Ю. (СПбГУ)	ГРЕШНЫЙ ГЕРОЙ В «НАСТАВЛЕНИИ ДЯДИ СВОЕМУ ПЛЕМЯННИКУ» Д. И. ФОНВИЗИНА И В «МОЕЙ ИСПОВЕДИ» Н. М. КАРАМЗИНА: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ	254
ЦЫЛИНА А. А. (СПбГУ)	«ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА» П. И. МАКАРОВА: ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ	267
ВЕСЕЛОВА А. Ю. (ИРЛИ (ПУШКИН- СКИЙ ДОМ) РАН)	ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАСЛЕДИЯ А. Т. БОЛОТОВА	285
АНДРЕЕВ А. В. (ИЛИ РАН) ПОНОМАРЕВА М. В. (СПбГУ)	СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К СОЗДАНИЮ ЭЛЕКТРОННЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ	295

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник является пятым сборником научных статей о литературной культуре России XVIII в.¹, созданным участниками научно-исследовательского филологического семинара «Русский XVIII век», который с 2007 г. работает на филологическом факультете СПбГУ. Семинар является научным сообществом, которое объединяет усилия филологов, занимающихся изучением русского языка и культуры XVIII в. в общеевропейском культурном контексте. Его основной целью является многоаспектное панорамное описание и изучение русской литературной культуры XVIII в. (подробнее о семинаре см. на сайте <http://18vek.spb.ru>).

Сборник «Литературная культура России XVIII века» начался как сборник статей по материалам ежегодных филологических конференций, проводимых на филологическом факультете СПбГУ. Однако уже с 2008 г. стала очевидной нецелесообразность ограничения сборника материалами конференции: он почти сразу превратился в издание, объединившее исследовательские усилия филологов, занимающихся русской литературой и литературным языком XVIII века и в своем большинстве так или иначе связанных с Санкт-Петербургским университетом. К моменту выхода пятого выпуска «Литературной культуры России XVIII века» существенно изменился статус сборника. Во-первых, он официально стал периодическим изданием и получил международный стандартный серийный номер (ISSN).

¹ См. предыдущие выпуски: Литературная культура XVIII века: Материалы XXXVI Международной филологической конференции / под ред. П. Е. Бухаркина и Е. М. Матвеева. СПб., 2007; Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2 / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, М. В. Пономаревой. СПб., 2008; Литературная культура России XVIII века. Выпуск 3 / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. СПб., 2009; Литературная культура России XVIII века. Выпуск 4 / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. СПб., 2011.

Во-вторых, была образована редакционная коллегия издания, в которую, помимо сотрудников СПбГУ, вошли специалисты в области русской словесности XVIII в. из российских академических центров (отдела русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН), Московского государственного университета, а также двух зарубежных университетов — университета Э. М. Арндта (Грейфсвальд, Германия) и Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США). Два члена редколлекции — М. В. Пономарева и А. Ю. Тираспольская — приняли особенно активное участие в работе над данным выпуском. Неоценимую помощь в технической подготовке книги к изданию оказала Н. В. Ткачева, лаборант отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

Пятый выпуск «Литературной культуры» включает статьи, посвященные разнообразным проблемам русской и — шире — восточнославянской словесной культуры XVIII века, которые подготовили специалисты из различных научных центров — Санкт-Петербургского университета, Института лингвистических исследований РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Гамбургского университета (Германия), Грейфсвальдского университета (Германия), Львовского национального университета (Украина). В них рассматриваются разнообразные вопросы, касающиеся словесного искусства в точном смысле данного понятия, культурно-литературного обихода («литературного быта», по определению Б. М. Эйхенбаума), истории образования и новейших способов презентации текстов, литературного языка — т. е. того широкого круга объектов историко-филологического изучения, который, в конечном счете, и обозначается емким и не лишённым расплывчатости понятием «литературная культура».

**ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ БАРОККО:
ВВЕДЕНИЕ В «СИМВОЛОЛОГИЮ» ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ**

Ключевые слова: символ, барочное мировоззрение, метафизика, онтология, Логос, симвонология.

Мир символов в философской системе Г. Сковороды — один из трех непременно присутствующих и в жизни, и на письме. На примере нескольких стихотворений сборника «Садъ божественныхъ пѣсней» доказаны уместность и органичность «символологического» подхода к анализу метафизической лирики философа-поэта. Автор статьи указывает на барочные истоки символического метафизического мировоззрения Г. Сковороды и на глубинную связь его философии и поэзии с предыдущей украинской литературной традицией.

Предлагаемая статья является определенным продолжением размышлений о творчестве (прежде всего поэтическом, сконцентрированном в сборнике «Садъ божественныхъ пѣсней») Григория Сковороды, начатых автором в публикациях об «автопортрете» (Федорак 1999: 97–109) и метафоре (Федорак 2005: 7–16) Сковороды. Поэзия и философская система «последнего великого украинского писателя барокко» (Чижевський 1994: 244), из которой не слабее, чем из «зернь Священнаго Писанія», «прозябаєть» поэтический мир «Сада...», остаются привлекательным и продуктивным полем для осмыслений и исследований при каждом новом обращении к ним и при их перечитывании. Осторожные смены ракурса исследования при рассмотрении одних и тех же текстов (каждого в частности, а также текстов как системы) способны открывать каждый раз новые глубины и неожиданные мгновенные отблески-озарения, сокрытые в 30-стиховой структуре «Сада божественныхъ пѣсней». Если обратиться к условному языку в рамках сквородинового философского мировоззрения, то выяснение

* Назар Любомирович Федорак, канд. филол. наук, доц. кафедры украинской литературы им. акад. М. Возняка Львовского национального университета им. Ивана Франко.

«автопортретных» черт в произведениях Г. Сковороды — в частности, анализ антропологии лирического героя сборника «Садъ божественныхъ пѣсней» — окажется движением в сторону «микрокосма», одного из двух «частных и малых миров», о которых вспоминается в произведении «Диалогъ. Имя ему — потопись зміинъ»: «...мікрокозмъ, сирѣчь — мырикъ, мирокъ, или человекъ» (Сковорода 1973: 2, 138). Тогда приближение к анализу метафорики произведений Г. Сковороды — это, кроме всего прочего, еще и непрямой выход в его практическую философию, воплощаемую самой жизнью («вся жизнь Сковороды есть огромный и глубоко интересный *метафизическій эксперимент*, и его философия есть не что иное, как *логическая запись этого эксперимента*» (Эрн 1912: 213)), ведь буквальный перевод слова «метафора» (гр. μεταφορά) — это перенесение, и основой упомянутого метафизического эксперимента было именно непрестанное взаимоперенесение жизненных принципов в творчество, а творческих — в жизнь с целью их как можно более глубокого отождествления. Только так, согласно Сковороде, «микрокосм» может позитивно повлиять на «мир первый» — мир «всеобщий и мырь обительный, гдѣ все рожденное обитаетъ» (Сковорода 1973: 2, 138).

Последним по счету (но едва ли по значению) в системе Г. Сковороды фигурирует мир символов: конкретно — Библии; впрочем, она

«есть символический мырь, затѣмъ что въ ней собранныя небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вѣчныхъ натуры, утаенныя в тѣнной такъ, какъ рисунокъ въ краскахъ своихъ» (Сковорода 1973: 2, 138), —

а следственно мир самодостаточный и непременно присутствующий — при посредничестве символов — и в жизни, и на письме. В. Эрн вообще считает, что

«все замечательные революционные нововведения Сковороды можно охарактеризовать одной фразой: он сознательно вернул серьезное значение *символу* и *сделал символ* одной из *центральных категорий* своего философовствования» (Эрн 1912: 223).

Таким образом, нельзя оставить без внимания символический мир сквородиновской поэзии — как особый регистр

его принципиально барочного мировоззрения и как один из основных уровней универсализации той жизненно-философской гармонии, к которой он постоянно стремился для себя и которую без усталы проповедовал для всех.

На мой взгляд, среди всех многочисленных определений и толкований символа едва ли не самыми глубокими и самыми обоснованными являются те, которые предложил С. Аверинцев. Поместив художественный символ в надлежащую ему категориальную нишу между образом, знаком, мифом и аллегорией, С. Аверинцев убедительно показал и «точки соприкосновения» символа с этими смежными категориями и понятиями, и «сигнальные флажки», принципиально отграничивающие символ от каждой (каждого) из них. В структуре символа ученый выделил «два полюса, невысказанные один без другого»: «предметный образ и глубинный смысл» («ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты») (Аверинцев 1999: 154)). При этом

«смысл с[имвола] нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо “вжиться”. Именно в этом и состоит принципиальное отличие с[имвола] от *аллегии*: смысл с[имвола] не существует в качестве некоей рациональной формулы, которую можно “вложить” в образ и затем извлечь из образа» (Аверинцев 1999: 154).

В отличие от знака, принципиально тяготеющего к моносемантности,

«с[имвол] тем содержательнее, чем более он многозначен: в конечном же счете содержание подлинного с[имвола] через опосредующие смысловые сцепления всякий раз соотносено с “самым главным” — с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого “универсума” (Аверинцев 1999: 154).

В этом кроется едва ли не основная «неуловимость» символа для рационального изучения, ведь результатом «расшифровки» истинного символа становится следующее символическое понятие — пусть более интеллектуализированное по сравнению с первоначальным символом, но тоже символическое. Сама по себе особая природа символа состоит в том, что его смысл

«объективно осуществляет себя не как наличность, но как динамическая тенденция: он не дан, а задан. Этот смысл, строго говоря, нельзя разъяснить, сводя к однозначной логической формуле,

а можно лишь пояснить, соотнеся его с дальнейшими символическими сцеплениями, которые подведут к большей рациональной ясности, но не достигнут чистых понятий» (Аверинцев 1999: 155).

Творчество Г. Сковороды — целиком и намеренно символическое. При этом нужно в который раз подчеркнуть, что эта символичность как самая выразительная черта его поэтики и философии была как бы «запрограммирована» всем предыдущим развитием литературы украинского барокко. Поэтому и свое логическое воплощение — вершину и венец — обрела в писаниях последнего выдающегося барочного автора. Поэтому символика Г. Сковороды органична не только персонально, но и исторически. В свое время один из первых глубоких исследователей сквородинианы В. Эрн это скорее почувствовал, чем понял, попытавшись объяснить — несколько путано, вне контекста украинской барочной традиции.

«Основной звук, которым звучало для Сковороды мироздание, и которым душа его сочувственно откликалась на впечатления жизни, появился, — писал В. Эрн, — как бы до физического рождения Сковороды в метафизической глубине космического бытия, и мудрость Сковороды есть как бы переводение в план человеческого сознания того, что уже в плане вселенского бытия умопостигаемо дано и что земной жизни Сковороды задано <то же самое разграничение «данности» и «заданности», что и у С. Аверинцева. — Н. Ф.>, как *подвиг свободного искания Истины и Совершенства*» (Эрн 1912: 36–37).

Слова, выделенные у В. Эрна: *подвиг свободного искания Истины и Совершенства*, — это же произвольно метко сформулированная принципиальная «программа» украинского барокко, выполнить до конца которую было уготовано именно Г. Сковороде!

Этот исторический аспект очень важен именно для изучения символического слоя сочинений писателя, в частности поэтических. Ведь из-за того, что, как было указано выше,

«истолкование с[имвола] принуждено само прибегать к с[имволу], ведя в бесконечность символические связи смыслов и так и не доходя до однозначного решения, оно лишено возможности усвоить формальную четкость т[ак] н[азываемых] точных наук» (Аверинцев 1999: 155).

Возможно, постижение именно сквородиновской символики должно было бы состоять не в постепенном выхолащивании

из каждого отдельного символа его иррациональной и метафизической субстанции и не в максимальном (однако никогда не окончательном) приближении таким образом к некоему рациональному или хотя бы образно-риторическому ядру, а как раз в развертывании каждого из возможных смыслов вглубь предыдущей традиции — более простой и лаконичной именно потому, что предыдущей. По мнению С. Аверинцева,

«внутри анализа текста отчетливо выделяются два уровня: описание текста и истолкование различных слоев его символики. Описание в принципе может (и должно) стремиться к последовательной “формализации” по образцу точных наук. Напротив, истолкование с[имвола], или симвонология, как раз и составляет внутри гуманитарных наук элемент гуманитарного в собственном смысле, т[о] е[сть] вопрошание о *humanum*, о человеческой сущности, не овеществляемой, но символически реализуемой в вещном; поэтому отличие симвонологии от точных наук носит принципиальный и содержательный характер — ей не просто недостает “точности”, но она ставит себе иные задачи» (Аверинцев 1999: 155–156).

В сквородиноведении (как, наверное, и в любой другой сфере литературоведения) преобладают «описательные» и «формальные» (по С. Аверинцеву) исследования. Ограничусь лишь коротким списком первостепенных имен: Д. Багалий, Д. Чижевский, Л. Ушкалов. В области сквородиновской «символологии» выделяются имена В. Эрнэ, Б. Крысы, А. Марченко, частично — уже упомянутого Л. Ушкалова. Впрочем, не стоит забывать и о безусловных «первопроходцах»: М. Ковалинском и... самом Г. Сквороде, ведь он в своих трактатах, диалогах, письмах, а при случае и в баснях и даже в лирике неоднократно развертывает комментированные ряды тех или иных символических конструкций. Такое развертывание и комментирование (конечно, не исключительно Г. Сквороды) С. Аверинцев называет «ионаучной формой знания, имеющей свои внутренние законы и критерии точности» (Аверинцев 1999: 156). Ненаучным (или антинаучным), по его мнению, является только «смешение различных аспектов текста и соответствующих этим аспектам видов аналитической работы ума (когда, например, смысл с[имвола] предполагается данным на том же уровне непосредственной наличности, что и формальные элементы с[имвола]» (Аверинцев 1999: 156). В этой статье попробую

впервые пройти узкой тропой «символологии» между строками стихотворений «Сада божественныхъ ꙗꙑсней». Но для этого сначала нужно хорошо обследовать определенную понятийную почву.

Символ есть феномен синтетический, ибо он включает в себя и рациональные, и внерациональные аспекты, а следовательно на его «территории» встречаются логика и логизм. Первая остается инструментом чисто рациональным и поэтому выразительным эмпирически, зато весьма уязвимым метафизически, а второй требует обращения к сфере глубинно укорененного Λόγος'а, который есть «принцип, имманентный вещам, и всякая вещь таит в себе скрытое, сокровенное Слово <...> Отсюда онтологическая концепция истины, чрезвычайно характерная для логизма» (Эрн 1912: 20). И здесь Г. Сковорода вместе с его текстами (вне зависимости от времени написания и от жанра) оказывается на поле, которое едва ли не единственное осталось неопределенным в его писаниях, а именно на поле христианской догматики, а она определяет Логос максимально конкретно:

«Христианская догматика утверждает субстанциальное тождество Л[огоса] Богу-Отцу, Чье “слово” Он представляет Собой, и рассматривает Его как Второе Лицо *Троицы*» (Аверинцев 1999: 115).

Для метафизического мировоззрения Г. Сковороды символ становится вещью (а для любого иного мировоззрения вещью он быть не может) онтологической, изначально заданной и принципиально включенной в бытие. Отсюда привычка, а точнее — метод Г. Сковороды, состоящий в постоянном, повсевременном согласовании каждого суждения с онтологией Λόγος'а. Довольно отчетливо вырисовывается философский четырехугольник: «Символ — Λόγος — метафизика — онтология», который легко разрушить и еще легче проигнорировать при переходе на рационально-материалистические позиции. Собственно, как несколько упрощенно, но в общем уместно обобщает В. Эрн,

«трем основным чертам новой европейской философии — рационализму, меонизму, имперсонализму — восточно-христианское умозрение противопоставляет логизм, онтологизм и существенный, всесторонний персонализм» (Эрн 1912: 22).

С одной стороны — на хронологическом срезе XVIII в. — это правильно, с другой — если принять во внимание объективное «припаздывание» развития украинской литературы — следует помнить, что западноевропейский имперсонализм появился во Франции в начале XVII в. как своеобразный ответ на первые яркие проявления барочного индивидуализма — того феномена, который вослед за М. Монтенем (и имея очень приблизительное понятие о его идеях) унаследовал свободолюбивый и «свободолишенный» в 1775 г. индивидуализм украинский — целиком оппозиционный и непонятный тогдашнему великороссийскому абсолютизму.

Удивительным образом символика Г. Сковороды в поэтических произведениях «Сада божественныхъ пѣсней», по крайней мере частично, охватывает и вовлекает в поле своего силового влияния такую теоретически оппозиционную себе риторическую креатуру, как дефиниция. В координатах средневекового мышления, как справедливо отмечает И. Козлик,

«главным средством реализации закона культурной преемственности <то есть традиционности, такой важной и весомой для украинского барокко. — Н.Ф.> <...> является такая смысловая форма, как дефиниция (сжатое логическое определение, охватывающее самые существенные признаки определяемого предмета)» (Козлик 2011: 81).

Однако очень важной отличительной чертой разграничения восточного и западного мировоззрений является то, что, к примеру, «Старый Завет не знает дефиниций» (Козлик 2011: 81). Но и для Нового Завета дефиниции, характерные для продолжительного периода европейской схоластики, не совсем свойственны. Как метко отмечает современный исследователь,

«Царствие Небесное», «Сын человеческий» и проч. — это не теологические термины, разъясняемые способом определений, а многозначные символы, которые не могут логически определяться» (Козлик 2011: 81).

То есть, на беглый взгляд, невозможно представить себе что-либо более антагонистичное, нежели символ и дефиницию. Это — теоретически. Зато практически стоит лишь обратиться к поэтическому творчеству Г. Сковороды и вспомнить то, что одним из самых приметных признаков украинского барокко является стремление и готовность к максимальному синтезу — к универсализму: христианства и античности, платонизма и аристотелизма, реализма и номинализма и т. д.

Снятие напряженности между символом и дефиницией как искусственного разграничения работы души и разума можно считать весомым вкладом украинского барочного интеллекта в сокровищницу европейской литературно-философской мысли. И поэтическое творчество Г. Сковороды в этом контексте занимает одно из самых заметных мест. Метафизическим обоснованием такого снятия является принципиальная функция Λόγος'a: дать дефиницию, обозначить нечто означает призвать это «нечто» к жизни, но в то же время и обеспечить ему возможность символического существования.

В стихотворениях «Сада божественныхъ пѣсней», будто умышленно, на обозрение «вынесен» целый ряд символов и дефиниций, причем чаще всего они состоят в неразрывной связи между собой. Например, в «Пѣснѣ 1-ой» последовательно в конце строф находит для себя логическое место ряд своеобразных риторических дефиниций:

«О, смерть сія свята!» (Сковорода 1973: 1, 61),

«О, смерть сія люта!» (Сковорода 1973: 1, 61),

«О, жребій сей святий!» (Сковорода 1973: 1, 61),

«О, се златыхъ вѣкъ льтъ!» (Сковорода 1973: 1, 62).

В то же время находим здесь и символические определения, когда лирический герой советует:

«Сотри сердца камень; зажжи въ немъ твой пламень» (Сковорода 1973: 1, 61);

или утверждает:

«А какъ отъ грѣховъ воскресну, какъ одѣну плоть небесну» (Сковорода 1973: 1, 61).

По С. Аверинцеву, выделенные *разрядкой* символы можно рационализировать, шаг за шагом приближая их к тем самым дефинициям, но без шансов на слияние с ними. Например, символ «небесной плоти» можно истолковать как «небесную твердь», и это тоже останется художественным образом для эмпирического восприятия. Тем временем вторичный, по сути, символ «небесной тверди» рождает интеллектуальную оппозицию «прочности — шаткости», которая намекает на зыбкость земного, плотского (вопреки эмпирическому опыту) и на надежность, нерушимость душевного (воплощенного в образе «небесного», который поневоле отсылает воображение и ассоциации осведомленного читателя к символу воды, способной

быть твердой опорой, однако лишь для того, кто верует [Мф. 14: 25]). Впрочем, нельзя не согласиться с тем, что символы непрочности земного и надежности небесного тоже не являются, так сказать, окончательными, ведь они (в отличие, к примеру, от аллегорий) способны порождать дальнейшие ряды символизированных ассоциаций. Кстати, обратить глаза (духовные) кверху — «на небесную твердь» (Сковорода 1973: 1, 70) — призывает своего условного слушателя и лирический герой «Пѣсни 11-ой». Если же обратиться к указанным раньше условным дефинициям, то легко заметить и их символическую нагрузку. Ведь такие изречения, как противопоставления «смерти святой» и «смерти лютой», как «жребій святой» и «въкъ златыхъ лить», тоже способны разворачиваться в дальнейшие рационализированные, но в то же время и символизированные «микросхемы».

В «Пѣснѣ 2-ой» у Г. Сковороды «блещитъ та страна, въ коей неприступный свѣтъ» (Сковорода 1973: 1, 62) — то есть, как несложно догадаться, рай, «лоно Авраамово». Поскольку Г. Сковороде свойственно символическое мировоззрение, эти определения могут быть предельно конкретны («символическая форма мышления имеет у Сковороды тенденцию захватить всю сферу мысли, приняв в себя все понятийное, «сухое», сжатое, терминологически очерченное...» (Чижевський 2005: 188)), однако в координатах не описательной формалистики, а отмеченной выше «символологии» метафизические высказывания способны каждый раз переходить во все более интеллектуализированные, однако неминуемо не окончательные дефиниции. В этой же песне встречаем сложный, в духе византийской символики, конструкт «крыла умные», посредством которых лирический герой советует читателю спешить «во вѣчну радость» (Сковорода 1973: 1, 62). И «крыла умные», и «въчна радость» — это максимально приближенные к библейскому образотворчеству символы, способные продуцировать бесконечные ряды ассоциаций в зависимости от мистической осведомленности и настроенности каждого отдельного читателя. Как и в примере из предыдущей песни, образ «крыль умныхъ» является одним из стержневых в сборнике «Садъ божественныхъ пѣсней», ибо в несколько видоизмененном облике он выскальзывает на поверхность в «Пѣснѣ 14-ой»:

*Ах, простри бодро вѣтрила,
И ума твоего крила...* (Сковорода 1973: 1, 74)

Похожее «выскальзывание» замечаем и в случае с коннотационно противоположным символом, связанным с априорным мировым злом и неминуемой временной преходящностью (в отличие от метафизической вечности для того, чья совесть, как в знаменитой «Пѣснѣ 10-ой», «*какъ чистый хрусталь*» (Сковорода 1973: 1, 68), — символом «вселенских челюстей»:

*День, ночь челюстями зѣваешь,
Все безъ взгляду поглощаешь* («Пѣснь 14-ая») (Сковорода 1973: 1, 74).

И почти дословно вскоре — в адрес уже не «ада», а воли:

*День, ночь челюстями зѣваешь,
Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь...* («Пѣснь 28-ая») (Сковорода 1973: 1, 88).

Конечно, такие повторения было бы легкомысленно признать случайными или попутными. Наоборот, Г. Сковорода как будто хочет подчеркнуть, что свой «адъ» существует и в «большом мире» — макрокосме, и в каждом отдельном «мирке» — микрокосме. В первом «*челюстями зѣваешь*» материальная, видимая, природа мира, во втором — ее метафизический аналог в виде индивидуальной эгоистической воли. И в одном мире, и в другом для того, чтобы добраться к истинному — «внутреннему» — смыслу, надо решительно отбросить внешнюю оболочку. Следовательно, как отмечает по поводу «Пѣсни 28-ой» Д. Чижевский,

«убийство души, воли, раздраение сердца, жертва себя самого не имеет иного смысла, кроме как дать свободный выход обожествленному, божественному человеку — “новому” или “внутреннему” человеку <...> Убитая воля не мешает уже свободно проявиться воле Божьей» (Чижевский 2005: 317).

Кроме того, «Пѣснь 14-ая» и «Пѣснь 28-ая» благодаря своему расположению в пределах сборника «Садъ божественныхъ пѣсней» как бы венчают некие условные равные по размеру циклы: 14-ая — текстов 1–13, а 28-ая — текстов 15–27. Конечно, навязывать книге лирики Г. Сковороды какие-либо внешние схемы очень рискованно и проблематично, однако можно предположить (материал самих стихотворений позволяет это сделать), что первая часть сборника посвящена прежде всего

поиску «истинности» во внешнем мире, а вторая — в мире внутреннем. Неслучайно самое, так сказать, социальное стихотворение Г. Сковороды — «Пѣснь 10-ая» *«Всякому городу нравъ и права...»* — принадлежит к первой части книги, а такое глубоко интимное, как, например, «Пѣснь 29-ая» *«Чолнокъ мой бури вихрѣ шатаетъ»* — ко второй. «Пограничные» «Пѣснь 14-ая» и «Пѣснь 28-ая» символическим образом демонстрируют взаимосвязь «адов» внешнего мира и мира человеческой души. Примечательно, что к обоим произведениям определенные прозаические пояснения дал сам Г. Сковорода. Строки из «Пѣсни 14-ой»:

*О Израиль! Кита звѣря —
Се тебѣ толкъ, мѣть и мѣра,
Плоть не насыщаетъ* (Сковорода 1973: 1, 74), —

он комментирует, развертывая настоящий бесконечный символический ряд:

«Китъ значить страсть. Что есть страсть? Есть то же, что смертный грѣхъ. Но что есть грѣхъ? Грѣхъ есть мучительная воля. Она-то есть сребролюбіе, честолюбіе, сластолюбіе. Сія-то гидра и китъ пожирает и мучитъ на морѣ міра сего всѣхъ. Она же то есть и адъ. Блаженъ, кто нѣсть рабъ сему трегубому языку!» (Сковорода 1973: 1, 74)

В то же время видим здесь очерченный путь от искушений внешнего миру к «аду» человеческой души. Позже, к «Пѣснѣ 28-ой», а именно к перифразу одного утверждения святого Аврелия Августина:

«Правду Августинъ пѣвалъ: ада нѣтъ и не бывалъ» (Сковорода 1973: 1, 88), —

появляется противоположное, но в то же время глубоко диалектическое и не менее символическое пояснение:

«Адъ слово еллинское, значить темницу, мѣсто преисподнее, лишненное свѣта, веселія и дражайшія злата — свободы. Адскій узникъ есть зеркаломъ плѣнниковъ мучительныхъ своея воли, и сія лютая фурія непрерывно вѣчно ихъ мучитъ» (Сковорода 1973: 1, 88).

Благодаря этим словам мы должны понять, что внешнего «ада» вообще не существует. Существует «ад» только внутренний, непосредственным синонимом которого является воля, а символическим антонимом (*«дражайшее злато»*) — свобода.

Несомненно, что такое противопоставление близких в повседневной речи понятий в философско-этической системе

Г. Сковорода тоже несет отдельную символическую нагрузку. Венцом слияния и в то же время окончательного разграничения воли и свободы является символическая картина переломного, срединного, стихотворения сборника — «Пѣсни 15-ой», «прозябшей» из слов Священного Писания об отдыхе Бога на седьмой день после сотворения мира:

«Почи богъ въ день седьмый. Еще внійдутъ въ покой мой»
(Сковорода 1973: 1, 75),

а сама песня начинается такими словами:

*Лежишь во гробѣ, празднуєши субботу
По трудахъ тяжкихъ, по кровавомъ поту.
Князь никоихъ дѣлъ въ тебѣ не имѣтъ,
Князь сего міра, что вступи владѣтъ* (Сковорода 1973: 1, 75).

Как Бог-Отец «по трудахъ тяжкихъ» отдыхал в субботу, так и Бог-Сын — «по кровавомъ поту». Такое символическое сведение воедино двух, казалось бы, разновременных, а на самом деле метафизически одноплановых событий непосредственно связано с интересующей нас сейчас оппозицией «воли — свободы». И сотворение мира, и страсти, и смерть на кресте были волей Божьей. В то же время сам субботний день, непосредственно связанный с семантикой покоя, отдыха, мира, является символическим воплощением той абсолютной свободы, которую возможно достичь лишь после смерти своей воли. Сам Иисус Христос умертвил Свою волю, приняв телесную смерть, благодаря чему и одержал победу над «адам» этой воли, и получил абсолютную свободу, эмпирическим проявлением которой явилось Его воскресение. Далее по тексту «Пѣсни 15-ой» Г. Сковорода называет это «новымъ родомъ побѣды» (Сковорода 1973: 1, 75), а его лирический герой просит у «сына Давидова» высшей милости:

*Дажь мнѣ съ тобою праздновать субботу,
Дажь мнѣ ходить въ твои слѣды,
Дажь новый родъ сей побѣды,
О сыне Давидовѣ!* (Сковорода 1973: 1, 75–76)

«Суббота, — отмечает Д. Чижевский, — имеет <...> свои символы. Среди них <...> скалу посреди моря <...> Также “камень Давидов”, “апокалиптический замок”, “рай”, “обетованная земля” являются символами покоя, субботы <...> или “радуга, покоящаяся на каплях воды” <...> Эти символы суть символы покоя посреди

движення, беспокойства, посреди внешней бури мира» (Чижевський 2005: 308).

Думается, даже несколько этих приведенных примеров «символологического» прочтения поэзии «Сада божественных пѣсней песен?» демонстрируют уместность и органичность такого подхода к анализу метафизической сквородиновской лирики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев 1999 — *Аверинцев С.* Софія-Логос. Словник. К., 1999.
2. Козлик 2011 — *Козлик І.* Світова література доби Середньовіччя та епохи Відродження («Картина світу»). Естетика. Поетика). Івано-Франківськ, 2011.
3. Скворода 1973 — *Скворода Г.* Повне зібрання творів: у 2 т. К., 1973.
4. Федорак 1999 — *Федорак Н.* Людина епохи бароко: «автопортрет» Г. Сквороди // Українознавчі студії. Науково-теоретичний журнал Інституту українознавства при Прикарпатському університеті ім. Василя Стефаника. Івано-Франківськ, 1999. Вип. 1. С. 97–109.
5. Федорак 2005 — *Федорак Н.* Людина епохи бароко: метафора Григорія Сквороди // Григорій Скворода: загадковість присутності (Матеріали конференції, присвяченої 280-річчю від дня народження Григорія Сквороди). Львів, 2005. С. 7–16.
6. Чижевський 1994 — *Чижевський Д.* Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Тернопіль, 1994.
7. Чижевський 2005 — *Чижевський Д.* Філософія Г. С. Сквороди // Чижевський Д. Філософські твори: у 4 т. К., 2005. Т. 1. С. 165–388.
8. Эрн 1912 — *Эрн В.* Григорий Саввич Скворода. Жизнь и учение. М., 1912.

N. Fedorak. A Man of Epoch of Baroque: an Introduction into Hryhoriy Skovoroda's «Symbolology».

This article continues the author's cycle of studies of the poetry of Hryhoriy Skovoroda regarding the scale «lyric hero — metaphor — symbol». The world of symbols in the philosophical system of Hryhoriy Skovoroda is one of three certainly present as in life, as on a letter. Based on several poems from the collection «A Garden of Divine Songs» it is demonstrated that a «symbolological» approach is appropriate and organic for the analysis of Skovoroda's metaphysical lyric poetry. The Baroque sources of the symbolic metaphysical world view of Hryhoriy Skovoroda are revealed and it is shown that his philosophy and poetry are deeply connected to the previous Ukrainian literary tradition.

К. В. Манерова*
М. В. Корышев**

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ЭЛОКВЕНЦИИ
В МАРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ПРОФЕССОР И.-А. ГАРТМАН (1680–1744)**

Ключевые слова: И.-А. Гартман, риторика, европейское Просвещение, университет г. Марбурга, М. В. Ломоносов.

В период Просвещения язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Статья посвящена одному из признанных мастеров элоквенции в Германии: профессору Марбургского университета Иоганну Адольфу Гартману. Его научные интересы охватывали историю, философию, теологию, теорию стихосложения и риторику.

Для немецкого Просвещения периода первой половины XVIII в. понятия “Stil” (стиль) и “Geschmack” (вкус) являются устойчивыми константами, наряду с логико-философскими категориями “Vernunft” (разум) и “Denken” (мышление). Научный и пуристический интерес к немецкому языку способствует его развитию и утверждению в статусе языка народа, обладающего высокоразвитой культурой (нем. Kultursprache). В это время язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, и, как следствие этой тенденции, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Одним из признанных мастеров элоквенции в Германии считают профессора Марбургского университета Иоганна Адольфа Гартмана. Его интересы, согласно тенденции к универсализму, характерному для ученых XVIII в., охватывают несколько сфер, в частности, историю, философию, теологию, теорию стихосложения, риторику.

* Кристина Валерьевна Манерова, канд. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

** Михаил Витальевич Корышев, канд. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Достаточно репрезентативная для немецкой культуры первой половины XVIII в. фигура, И.-А. Гартман важен и для осмысления русско-немецких научных и культурных контактов того времени. Дело в том, что его преподавание в Марбурге совпало со временем обучения там М. В. Ломоносова и его сотоварищей — Д. И. Виноградова и Г.-У. Райзера. И хотя во многих исследованиях, которые посвящены деятельности М. В. Ломоносова как ратора и члена Исторического собрания Академии наук (М. И. Радовский, В. В. Фомин, П. Е. Бухаркин), нет упоминаний о Гартмане, его деятельность в немалой степени определяла тот контекст, в котором происходило становление взглядов русских студентов, в частности — М. В. Ломоносова. Отметим, что устойчивый интерес Ломоносова к проблемам риторики и истории начал развиваться в Германии.

Подробную биографию немецкого просветителя, написанную на основе рассказов самого Гартмана, приводит Фридрих Вильгельм Штридер (Strieder 1785: 289–312). Ф.-В. Штридер отмечает следующее: Гартман сам начал писать свою биографию, но успел дойти лишь до эпизода в Португалии. Вдова Гартмана передала эти записи проф. Гаасу, который и завершил очерк биографии немецкого просветителя.

Иоганн Адольф Гартман (Johann Adolph Hartmann, известно 13 вариантов написания имени Гартмана на немецком языке, 10.03.1680–31(?).10.1744) родился в г. Мюнстере в семье имперского нотариуса, поверенного в делах, хранителя печати в церковном суде епископата Адольфа Генриха Гартмана. Начала латыни и католического вероучения Гартману преподавал домашний учитель, позже, а именно с 1689 г., обучение продолжалось в гимназии г. Мюнстера, где уроки патера Мейра, иезуита, так повлияли на юного Гартмана, что он решил вступить в этот орден и посвятить свою жизнь изучению и приумножению сакрального знания. Однако во время обучения в гимназии Гартман интересовался не только толкованием Божественного писания, не меньший интерес представляли для него занятия светскими дисциплинами, а именно поэтикой, красноречием и философией, которые в гимназии вел талантливый молодой профессор Иоганн Ремпен. Ремпен, иезуит и страстный приверженец католицизма, к методике обучения подходил как

светский профессор, трактовал свой предмет широко и стремился привить своим ученикам универсальный подход к его изучению. Особое внимание в обучении Гартмана Ремпен уделял логике как одному из разделов философии, обязательному в гимназическом преподавании, а также совместным с патером Мейром занятиям по ведению диспута как необходимой подготовке к будущему вступлению в орден иезуитов. Гартмана в этих занятиях привлекали методические разъяснения профессора Ремпена о необходимости четко формулировать задачу и ясно выражать мысль в диспуте, о выборе средств убеждения, аргументации, то, чего впоследствии ему будет не хватать в самом учении иезуитов. Ремпен занимался с Гартманом до 1695 г., затем профессора сменил пастор Кнауф, однако его консервативная манера преподавания и ограниченное толкование философии так сильно отличались от интересных занятий профессора Ремпена, что Гартману приходилось изучать другие разделы философии во многом самостоятельно. Вынужденное самообучение, однако, принесло свои плоды, и в 1698 г. Гартман успешно защитил избранные тезисы по философии и был принят в орден иезуитов.

Вместе с другими шестью кандидатами он отправился в семинарию города Трира, куда и прибыл в последний день мая 1698 г. В семинарии ордена новообращенный Гартман занимался так называемыми духовными упражнениями, заключающимися в основном в наблюдениях и размышлениях о тяжести греха, о наказании, вечном блаженстве, божественной любви. Гартман стремился к занятиям светскими дисциплинами, собственно наукой, но основное обучение новообращенных в иезуитских семинариях ограничивалось формированием у семинаристов так называемой «рабской покорности» вышестоящим и отрицанием ценностей других религий, — концепцией, сформулированной Игнатием Лойлой (нем. *Kadavergehorsam*). Гартман провел в семинарии г. Трира два года, по ее окончании в 1700 г. он вернулся в Мюнстер, где снова занялся изучением философии и литературной поэтики. Следуя традиции иезуитов не задерживаться долго на одном месте, в 1701 г. он переехал в небольшой город Косфельд на границе с Голландией.

Несколько неприглядных историй, в которых были замешаны монахи-иезуиты из этого города и свидетелем которых был

сам Гартман, оставили в его душе неприятный осадок и породили сомнения. Его поразило то, что поведение его братьев по ордену было в высшей степени греховным, нарушало все принципы, привитые им католической верой, но виновники не были наказаны, более того, их оставили в рядах ордена иезуитов.

Гартман попросил перевести его в другое место и в 1703 г. получил направление в г. Еммерих-на-Рейне, где смог заняться тем, что его увлекало, а именно преподаванием риторики и поэтики в гимназии. Среди его учеников было два протестанта, выгодно отличавшихся усердием и дарованием среди других мальчиков, и в ходе общения с ними полное предубеждений отношение Гартмана к людям не католической веры постепенно сменилось уважительным интересом к протестантизму, что в дальнейшем изменило не только его духовные и нравственные ориентиры, но и жизнь.

В возрасте 33 лет (1713 г.), сразу после получения ученого звания профессора, Гартман решил посвятить себя миссионерской деятельности. Согласно прошению, начинающий миссионер получил назначение в Восточную Индию. Из Голландии через Англию в Португалию и далее по морю в Индию — таков был план Гартмана. Однако на пути в Португалию случилось недоразумение: капитан английского судна, на котором плыл Гартман, принял появившиеся на горизонте корабли своего же соотечественника — английского адмирала Бинга — за пиратские суда и завернул в северо-испанский порт Виго, отказавшись плыть дальше. Из этого портового города Гартману пришлось продолжать свой путь в Лиссабон по суше. В пути он заболел: как иносказательно пишет биограф, «португальский воздух подействовал на него губительно», в действительности же недуг Гартмана был следствием легочной инфекции, в те времена называемой «португальской лихорадкой»; по тяжести протекания эту болезнь приравнивали к чуме. Помощь Гартману оказали в иезуитском монастыре в Лиссабоне. Болезнь изнурила Гартмана, и настоятель монастыря посоветовал ему не продолжать свое путешествие с благими миссионерскими целями, а вернуться домой и там продолжить свое служение в лоне католической церкви. Можно только догадываться о том, воспринял ли Гартман свой недуг и вызванное им крушение

намерений как некий знак свыше, стал ли он свидетелем других неприглядных поступков братьев-иезуитов в монастыре, какие беседы зародили в нем сомнение в истинности его веры, но в нем случился внутренний перелом: ценность католицизма утратила для него свое значение. По возвращении в немецкий г. Падерборн Гартман решил перейти в протестантизм.

В то время известным оплотом протестантизма в Германии было ландграфство Гессен (например, в 1686 г. туда перебрались, спасаясь от преследования во Франции, около 4000 гугенотов), и Гартман решил искать пристанища там. Он подал прошение о защите гессенскому министру, и в 1715 г. ему удалось перебраться в г. Кассель. Там же в 1715 г. он перешел в протестантскую веру.

Не удивительно, что в протестантских графствах и княжествах Германии с недоверием относились к беглым иезуитам. Однако Гартману, прозелиту, разрешили не только преподавать в кассельском протестантском учебном заведении Collegio Carolino, но и выступать с речами по торжественным случаям при дворе суверена — ландграфа Карла Гессен-Кассельского. Студенты и коллеги превосходно отзывались о Гартмане, и 27 июля 1716 г. решением ландграфа его утвердили в звании профессора философии и поэтики, позже — истории и элоквенции, чему 24 ноября Гартман получил соответствующее свидетельство. Отношение к Гартману в Гессене было особым, ландграф Карл высоко оценил личность и одаренность бывшего католического миссионера: по высочайшему повелению Гартману стали выплачивать высокое жалование и, что редко случалось, через полгода удвоили его.

С 1722 г. профессор элоквенции и истории Иоганн Гартман преподает уже в Марбургском университете. Здесь Гартман читал лекции по своим любимым дисциплинам: красноречию, истории, философии, а также обучал студентов искусству ведения диспута.

«Работоспособность, честность, тщательность исполнения обязанностей и добродетель Гартмана принесли ему заслуженное уважение и многие материальные блага» (Strieder 1742: 297).

На сайте архива Марбургского университета размещен индекс лекций профессорского состава философского факультета

Марбургского университета с 1722 по 1743 гг., в который включены и лекции профессора И.-А. Гартмана (Indices). Преподавательская «нагрузка» профессора Гартмана органично совмещала занятия по истории и стилистике, позже и по философии. Как можно заключить из архивного материала, в качестве герменевтического источника и предмета обсуждения для занятий Гартман выбирал преимущественно авторов, носителей т. н. «золотой латыни», произведения которых могли иллюстрировать студентам и толкование истории, и анализ приемов риторики. Как видно из анонса предлагаемых курсов, в разное время Гартман отдавал предпочтение следующим авторам и произведениям: это Цицерон, Тацит «Германия», Цезарь «Записки о Галльской войне», Светоний «Жизнь 12 цезарей», Валерий Максим «Достопамятные деяния и изречения», Луций Флор «Римская история», Тит Ливий «Римская история», Курций Руф «История Александра Македонского». Безусловно, предлагаемые для изучения работы свидетельствуют о прекрасной начитанности самого Гартмана, о его склонности к комплексному интерпретационному анализу. С другой стороны, именно этим авторам в отображении исторических событий свойственна острота восприятия жизни, что, безусловно, нашло свое выражение и в языке, в селекции языковых средств. Выбор произведений указанных авторов для комментирования можно назвать прекрасно продуманным. Так, Цезарь, Ливий, Валерий Максим — признанные уже в античности (военные) историки и мастера красноречия; Курций Руф, вероятно, уделял больше внимания риторике, чем исторической правде, однако, его сочинение написано образным языком, и, как известно, было источником для изложения основ стилистического анализа не только в немецких университетах.

Дополнительные практические занятия на философском факультете детализируют действительно обширные научные интересы Гартмана в области гуманитарных наук. В разные месяцы он занимался со студентами стилистикой, ораторским искусством, эпистолографией, всеобщей историей, историей Германии и отдельно Гессена, историей литературы, историей Священной Римской Империи, логикой, географией, геральдикой. Необходимо сказать, что Гартман не только преподавал

данные дисциплины, как практик он с успехом применял их принципы и основные положения, например, в написании собственных трудов. Его библиография насчитывает свыше 70 работ. Гартман является, среди прочего, автором известных жизнеописаний понтификов XI и XII вв., вовлеченных в так называемый «спор об инвеституре» — Урбана Второго, Геласия, Каликстия (Hartmann 1742). Гартман — автор крупных работ по истории Германии, написанных преимущественно на латыни. С 1726 г. ему было доверено написание истории ландграфства Гессена “Historia Hassiaca”, эта работа вышла в трех томах (1741–1746 гг., третий том вышел уже после смерти автора) (Hartmann 1741–1746). Гартман интересовался и филологическими исследованиями: в работе “Vera mentis notion ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Reliqua” (Hartmann 1730) проводится детальный этимологический и стилистический анализ понятий «*mens*» и «*anima*» в работах античных и других авторов. Гартман упоминается и в качестве научного консультанта и редактора для более чем 40 диссертаций по философии, теологии, теории стиля, истории, выполненных на философском факультете университета г. Марбурга. Принципы античного красноречия Гартман использовал при написании «окаzionaliальных» речей: панегириков и надгробных речей, в чем он был особо искусен. Известными примерами панегириков в немецкой риторике являются речи Гартмана в честь своего суверена, короля Швеции и ландграфа Гессен-Кассельского Фридриха Первого (см.: Hartmann 1720).

В 1737 г. студентом Марбургского университета становится Михаил Ломоносов. Упоминания занятий Гартмана в историографии М. В. Ломоносова не часты. В «Сведениях о лекциях, читанных в Марбургском университете», подготовленных для М. И. Сухомлинова и хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН, Фонд 20, опись № 006, единица хранения 59), не содержится подробного описания учебных занятий И.-А. Гартмана. М. И. Сухомлинов в статье о Ломоносове, студенте Марбургского университета пишет о профессоре элоквенции И.-А. Гартмане в следующем контексте:

«...Гартман читал о римском красноречии, разбирал сочинение Цицерона *de officiis* также Тацита, Тита Ливия, Юлия Цезаря, Квинта

Курция, преподавал также географию и отечественную историю» (Сухомлинов 1861: 157).

Элоквенция и стихотворство имели в те времена прикладное назначение, а написание од и стихов было занятием многих. Это занятие оплачивалось — за речи королям и высокопоставленным лицам платили по 12 талеров, недовольные могли подать жалобу и требовать выдачи награды по «таксе, определенной уставом». По мнению М. И. Сухомлинова, именно под влиянием примера немецких литераторов М. В. Ломоносов привык смотреть на торжественную лирику как на официальную обязанность.

Сотрудница архива Марбургского университета И. Ауэрбах, автор книги “Der hessische Löwe und der russische Bär” также упоминает занятия, которые вел И.-А. Гартман: логику, универсальную историю и историю права.

Как следует из индекса лекций Марбургского университета, в апреле 1738 г. темой занятий Гартмана была работа Курция Руфа «История Александра Македонского», весьма колоритный памятник римской литературы времени раннего принципата, который он мог предлагать и для разбора на дополнительных занятиях. Вот что пишет современный латинист А. А. Вигасин в предисловии к изданию этого произведения:

«История Александра Македонского» написана Курцием в некоем смешанном жанре: для истории здесь слишком много драматических преувеличений и внимания к одной личности, для биографии — слишком много событийной истории, описаний битв и походов. Это смесь исторического повествования и риторики, где последний элемент не менее важен, чем первый <...> Курций Руф славится как мастер составления речей. Он выписывал их с особенной любовью и тщанием <...> Речи построены по всем правилам античного красноречия, даже те, которые вложены в уста простых и грубых скифов. Они изобилуют яркими образами и риторическими фигурами, часто основаны на контрастах <...> Имя Квинта Курция Руфа содержится также в списке знаменитых риторов середины I в. у Светония» (Вигасин 1993: 19).

Мы можем предположить, что М. В. Ломоносов знал эту работу Курция еще со времен обучения в Славяно-греко-латинской Академии, так как переводное русское издание было инициировано, по всей видимости, еще Петром Первым

и появилось в 1709 г. На титульном листе первого русского издания значилось: «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского, переведена повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 и напечатана в Москве того же лета в октоврии месяце». В середине XVIII в. известный ученый и писатель Степан Крашенинников выпустил свой новый перевод, затем переиздававшийся. Об этой работе Н. М. Карамзин писал как о переводе «совершенном и классическом», который «и теперь имеет цену свою, по крайней мере, в сравнении с другими переводами латинских авторов» (Цит. по: Вигасин 1993: 22). По словам А. А. Вигасина,

«Квинт Курций Руф, таким образом, внес свою лепту в развитие и русского литературного языка» (Вигасин 1993: 22).

Не берем на себя смелость утверждать, что лекции и занятия профессора И.-А. Гартмана по изучению античного риторического наследия, о посещении которых М. В. Ломоносовым нам доподлинно не известно, могли оказать сильное влияние на концепцию красноречия, созданную впоследствии российским ученым. Скорее, этот общеизвестный в европейском академическом и образовательном пространстве материал мог послужить источником опорных пунктов для последующей разработки таковой. Некоторые наблюдения позволяют сделать вывод о близости научных интересов обоих ученых в области гуманитарных наук: риторики и истории. Остановимся на уже названном сочинении Курция Руфа. Так, в «Кратком руководстве к красноречию» 1747 г. М. В. Ломоносов в числе античных авторов упоминает и Курция Руфа: на «Историю Александра Македонского» он ссылается 11 раз. Каждый раз Ломоносов берет из данного сочинения цитаты для иллюстрации примеров риторических фигур и приемов. Например, в параграфе 78 Главы пятой «О изобретении доводов» М. В. Ломоносов пишет:

«Когда две энтимемы, сделанные из условных силлогизмов, соединены будут в силлогизм или, лучше, в энтимему разделительную, тогда рождается дилемма, довод обоюдный, который ради своей остроты по справедливости рогатым называют. Так говорят скифские послы Александру Великому у Курция, в книге 7: Ежели ты бог,

то должен ты смертным делать благодеяния, а не грабить; буде же ты человек, то помни, что ты такое» (АПСС 7, 157).

В «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов приводит подробные примеры и выдержки из сочинения Курция в главе «О возбуждении, утолении и изображении страстей», в разделах о надежде (АПСС 7, 181) и гневе (АПСС 7, 184). В главе «О изобретении витиеватых речей» Ломоносов в части о вымышленном действии приводит речь скифских послов к Александру:

«И скифские послы говорят Александру Великому у Курция, в книге 7: Наконец, когда ты преодолешь весь род человеческий, то уже с легами, со снегами, с реками и с дикими зверьми войну иметь будешь» (АПСС 7, 211).

Другие цитаты из «Истории Александра Македонского» приводятся в разделах об обращении, о расположении описаний, о прямой и косвенной речи, о вводной речи, об изречении, о присовокуплении. Безусловно, Ломоносов очень хорошо знал работу Курция Руфа и трактовал ее сообразно своим представлениям о риторической традиции.

Не только элоквенция, но и история Германии была предметом лекций профессора Гартмана в период обучения М. В. Ломоносова в Марбурге. В апреле и сентябре 1738 г. исторический аспект в лекциях профессора Гартмана был представлен работами Корнелия Тацита по отечественной истории (*Collegium vero Historiae Germanicae*). Одним из новейших изданий Тацита в Библиотеке Академии Наук было франкфуртское издание 1725 г. М. В. Ломоносов читал эту работу и неоднократно ссылался на нее. Так, в полемике с Г.-Ф. Миллером по поводу диссертации «Происхождение имени и народа российского», а именно в изложении взглядов на происхождение роксоланов Ломоносов упрекает своего немецкого коллегу в незнании основополагающих источников:

«Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе...» (АПСС 6, 29).

Следуя нашим наблюдениям, укажем, что в «Древней российской истории» М. В. Ломоносов ссылается на работу Тацита «*De situ, moribus et populis Germaniae libellus*» («Книга

о положении, обычаях и народах Германии») в трактовке этнической принадлежности вендов (АПСС 6, 176).

В настоящей краткой статье представлен жизненный и научный путь немецкого просветителя И.-А. Гартмана, высказаны предположения о возможном влиянии (скорее всего — косвенном) его взглядов на М. В. Ломоносова. Данные наблюдения позволяют нам сделать вывод, что взаимовлияние немецкой и российской литературной и исторической культур в период Просвещения изучено еще далеко не полностью и постоянно открывает исследователям новые перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. АПСС — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950–1959, 1983.
Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М.; Л., 1952;
Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
2. Вигасин 1993 — *Вигасин А. А.* Предисловие // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.
3. Сухомлинов 1861 — *Сухомлинов М. И.* ЛомоносовЪ студентЪ Марбургскаго университета // Русскій вестникЪ. 1861. Т. XXXI, № 1. С. 127–165.
4. Hartmann 1742 — *Hartmann J. A.* Joh. Adolphi Hartmannni Vitae Pontificum Romanorum Victoris III., Urbani II., Paschalis II., Gelasii II et Callisti II / olim editae nunc Honorii II vita auctiores Marburgi Cattorum. Mullerus, 1742.
5. Hartmann 1741–1746 — *Hartmann J. A.* Historia Hassiaca: Historiam Hassiae, Ad Annum Usque MCLXVII, Complexa, vol. 1, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1741; vol. 2, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1742; vol. 3. Marburgi Cattorum. Mullerus, 1746.
6. Hartmann 1720 — *Hartmann J. A.* Panegyricos Friderico — Regi Suec. Hass. Landgr. cum die 2. Apr. 1720 Suecor. Rex esset renunciatus, dictus nomine Coll. Carolino. Cassel, 1720 fol.
7. Hartmann 1730 — *Hartmann J. A.* Vera mentis notion ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Religua. Marburgi Cattorum. 1730.
8. Indices — Indices lectionum et publicarum et privatarum quae in Academia Marpurgensi. [Электронный ресурс] URL: <http://archiv.ub.uni-marburg.de/eb/2011/0004/view.html> (Дата обращения: 10.03.2013).
9. Strieder 1785 — *Strieder F. W.* Grundlage zu einer Hessischen Gelehrten und Schriftsteller Geschichte. Seit der Reformation bis auf gegenwärtige Zeiten. Besorgt von F. W. Strieder. Bd 5. Cassel, 1785.

K. Manerova, M. Koryshev. Educational tradition for history and rhetoric at the University of Marburg — professor Johann A. Hartmann (1680–1744).

For the German Enlightenment period in the first half of the 18th century, the concepts “Stil” (Style) and “Geschmack” (Taste) are the most enduring constants. One of the acknowledged German masters in elocution is Johann A. Hartmann, professor of Marburg University. He wrote more than 70 works about history, philosophy, theology and rhetoric. These works contribute to the becoming of the historical and philological German tradition and to the formation of the language for the humanities. His doctrine in rhetoric might inspire the researches of the Russian scientist M. V. Lomonosov.

**ТЕРМИНОЛОГИЯ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ
В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА¹**

Ключевые слова: терминология, первые грамматики русского языка, М. В. Ломоносов, историческая лексикология.

Статья посвящена анализу терминологии, используемой М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике» и в «Материалах к “Российской грамматике”» для обозначения категории глагольного времени: ее номинативным и структурным особенностям, ее связям с терминологией восточнославянских и западноевропейских грамматик XVI–XVIII вв., а также грамматик латинского, французского, немецкого, русского языков, созданных в Академии наук в первой половине XVIII в.

В «Материалах к “Российской грамматике”»² прослеживаются три этапа работы над категорией глагольного времени — они показывают эволюцию взглядов М. В. Ломоносова и совершенствование метаязыка грамматического описания. Наиболее ранним черновым вариантом раздела о глаголе является текст на листе 126, где перечислены семь времен глагола, без сопровождения их примерами:

«Время 7: настоящее, прешедшее несовершенное, прешедшее совершенное, прешедшее единственное, прешедшее давнее, будущее одинакое, будущее составленное» (АПСС 7, 696).

Схема расположения материала в этом отрывке обнаруживает зависимость от схемы глагольных времен грамматики

* Наталия Владимировна Карева, канд. филол. наук, науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №13-34-01222a2 «Формирование русской академической грамматической традиции» (рук. Н. В. Карева).

² Рукописи «Российской грамматики» не сохранились, однако в распоряжении исследователей имеются подлинники материалов, собранных М. В. Ломоносовым во время работы над «Российской грамматикой» (1744–1757 гг.). Их рукописи хранятся в Архиве РАН (СПбФ АРАН. Ф. 20. Оп. 1, № 5. Л. 1–46, 50–90, 96–111, 115–117, 120–146, 149); также эти материалы опубликованы в «Полном собрании сочинений» М. В. Ломоносова под названием «Материалы к “Российской грамматике”» (АПСС 7, 595–760).

М. Смотрицкого³, который, ориентируясь на латинские и греческие грамматики, выделил в церковнославянском языке шесть времен: *настоящее*, *преходящее*, *прешедшее*, *непредѣльное*, *мимошедшее*, *будущее* (Смотрицкий 1721: 112). Сопоставление терминологии грамматики М. Смотрицкого с латинскими терминами, с одной стороны, и с наименованиями, предложенными М. В. Ломоносовым, с другой стороны, представлено в таблице 1.

Таблица 1

Термины М. Смотрицкого	Латинские термины	Наименования М. В. Ломоносова. Вар. 1
настоящее	praesens	настоящее
преходящее	praeteritum imperfectum	прешедшее несовершенное
прешедшее	praeteritum perfectum	прешедшее совершенное
непредѣльное	praeteritum singulare unitatis	прешедшее единственное
мимошедшее	plusquamperfectum	прешедшее давнее
будущее	futurum simplex	будущее одинакое
	futurum compositum	будущее составленное

Следуя за М. Смотрицким, М. В. Ломоносов продолжил употреблять славянизм *прешедшее* и создал ряд сложных наименований⁴. Некоторые из этих наименований представляли собой кальки латинских терминов: *прешедшее несовершенное* (лат. *praeteritum imperfectum*), *прешедшее совершенное* (лат. *praeteritum perfectum*), *будущее одинакое* (лат. *futurum simplex*)⁵, *будущее составленное* (лат. *futurum compositum*). Другие были

³ Грамматика М. Смотрицкого была напечатана в 1619 г. и после этого несколько раз переиздавалась: в 1648 г. вышло второе издание с предисловием, написанным неизвестным автором от имени Максима Грека, а в 1721 г. Ф. Поликарпов (Орлов) осуществил третье издание, снабженное новым предисловием и специальным разделом «Чинъ технологи» (Horbatsch 1964). В нашей работе мы пользовались изданием 1721 г., т. к., по данным Г. М. Коровина, именно оно было в библиотеке М. В. Ломоносова (Коровин 1961).

⁴ Под *сложным наименованием* понимаются наименования, обозначающие «сложные понятия, которые представляют собой арифметическую сумму по крайней мере двух основных или производных понятий определенной системы понятий» (Лейчик 2007: 126).

⁵ Прилагательное *одинакий* функционировало в естественнонаучном языке XVIII в. в значении «простой, несложный (по составу, устройству)» (САР¹ 1, 941; Сл. XVIII в. 16, 185).

образованы на базе слов русского языка XVIII в. Так, прилагательное *единственный*, использованное М. В. Ломоносовым для создания наименования *прешедшее единственное* (аналог лат. *praeteritum singulare unitatis*), функционировало в русском языке XVIII в. в значении ‘только один, всего один’ (Сл. XVIII в. 7, 69), ‘одинакий, одно число въ себѣ заключающій’ (САР¹ 1, 941). Прилагательное *давный*, использованное в качестве элемента наименования *прешедшее давное* (аналог лат. *plusquamperfectum*), употреблялось в русском языке XVIII в. в значении ‘происшедший задолго до настоящего времени; бывший, существовавший прежде, в старину’ (САР¹ 2, 455; Сл. XVIII в. 6, 25).

Ранний подготовительный набросок с перечислением семи времен русского глагола был позднее переработан М. В. Ломоносовым (лист 127; АПСС 7, 698). Во втором варианте вместо семи было выделено восемь времен, причем слово «восемь» написано вместо зачеркнутого слова «десять». Повидимому, М. В. Ломоносов много раз возвращался к этому варианту — некоторые слова незакончены, многие зачеркнуты. Мы воспроизводим этот второй подготовительный набросок в том виде, в котором он был напечатан в АПСС (в ломаных скобках даны зачеркнутые в рукописи слова):

«Временъ имѣють россійскія глаголы <десять> восемь: 1. настоящее, н. п.: пишу, отпускаю, толкаю; 2. прешедшее неопредѣленное: писалъ, толкалъ, отпускалъ; 3. прешедшее опредѣленное: писалъ, толкнулъ, отпустилъ; 4. <прешедшее давнешнее учащательное> давно прешедшее: писывалъ, толкивалъ, отпускавалъ; <4> 5. прешедшее <несовершенное, сло> тщетное: я было написалъ, я было толкнулъ, я было отпустилъ; <6> 5. давно прешедшее <давнешне составленное> 7. я бывало читалъ, я бывало отпускалъ, я бывало толкалъ; 7. прешедшее начинательное: я сталъ писать, я сталъ отпускать, я сталъ толкать; 8. я сталъ было читать, 9. мнѣ было писать, 10. мнѣ быть было писать, 10. мнѣ будетъ писать, 11. мнѣ быть писать; <6. прешедшее> 6. давно прешедшее 3. <составленное>, 7. будущее неопредѣленное: буду писать, буду отпускаю и пр., <преше> будущее опредѣленное: напишу» (АПСС 7, 698).

Сопоставление наименований, использованных в первом и втором вариантах, мы также представим в виде таблицы.

Таблица 2

Наименования М. В. Ломоносова. Вар. 1.	Наименования М. В. Ломоносова. Вар. 2.
настоящее	настоящее: пишу, отпускаю, толкаю
прешедшее несовершенное	прешедшее неопределенное: писалъ, толкаль, отпускаль
прешедшее совершенное	прешедшее определенное: написалъ, толкнуль, отпустиль
прешедшее единственное	
	прешедшее начинательное: я сталь писать, я сталь отпускать, я сталь толкать
прешедшее давное	<прешедшее давнешнее учащательное> давно прешедшее: писываль, талкиваль, отпускаваль; прешедшее <несовершенное, сло> тщетное: я было написалъ, я было толкнуль, я было отпустиль давно прешедшее <давнешне составленное>: я бывало читаль, я бывало отпускаль, я бывало толкаль
будущее одинакое	будущее неопределенное: буду писать, буду отпускать
будущее составленное	будущее определенное: напишу

Как мы видим, по сравнению с первым вариантом в отношении специальных наименований без изменения осталось лишь *настоящее время*. Наименование *прешедшее несовершенное*, калькирующее латинский термин *praeteritum imperfectum*, было заменено М. В. Ломоносовым на *прешедшее неопределенное* — в качестве элемента наименования было использовано прилагательное *неопределенный*, функционировавшее в русском языке XVIII в. в значении ‘неимѣющий предѣловъ, безконечный’ (ЛЦ 1746: 347; Сл. XVIII в. 14, 243). То же прилагательное было использовано М. В. Ломоносовым в составе наименования *будущее неопределенное*. *Будущее неопределенное* (например, *буду писать*) противопоставлялось *будущему определенному* (например, *напишу*) — для создания наименования было использовано прилагательное *определенный*, имеющее в русском языке XVIII в. значение ‘точно твердо установленный, назначенный, не подверженный изменениям (о промежутках, отрезках времени)’ (Сл. XVIII в. 17, 41). Прилагательное *определенный* было также использовано М. В. Ломоносовым в качестве элемента

наименования *прешедшее определенное*. Кроме того, было введено новое наименование *прешедшее начинательное время*, проиллюстрированное формами со вспомогательным глаголом *стать* — для создания наименования было использовано прилагательное *начинательный*, функционировавшее в материалах М. В. Ломоносова в качестве элемента наименования *начинательный глагол* (кальк. лат. *verbum inceptivum*)⁶. Наименование *прешедшее давное* было заменено М. В. Ломоносовым на *давно прешедшее* — наименование *давнопрошедшее* (написанное слитно) было употреблено в первый раз в «Латинской грамматике» В. И. Лебедева в качестве аналога латинского *praeteritum plusquamperfectum*:

«Давно Прошедшее значить такое время, которое уже давно прошло, напр. *Legeram, я читывалъ*» (Лебедев 1746: 103).

М. В. Ломоносов выделил три разновидности *давно прешедшего* времени: первая разновидность была проиллюстрирована формами типа *писывалъ* (наименование *прешедшее давнейшее учащательное* зачеркнуто), вторая разновидность была проиллюстрирована формами типа *я было написалъ* и обозначена наименованием *прешедшее тщетное* — прилагательное *тщетный* имело в русском языке XVIII в. значение ‘напрасный, бесплодный’ (САР¹ 6, 337) и третья разновидность была проиллюстрирована формами типа *я бывало читалъ* (наименование *давнейше составленное* зачеркнуто).

Таким образом, во втором подготовительном варианте М. В. Ломоносов увеличил количество выделяемых временных форм, отказался от калькирующих латинские термины наименований и попытался создать новые наименования на базе слов русского языка XVIII в.

Рассмотренный второй вариант был также переработан М. В. Ломоносовым, в результате чего появился третий вариант (л. 96 об.; АПСС 7, 680), отличающийся наибольшей полнотой разработки категории глагольного времени:

«Временъ имѣють простые російскіе глаголы восемь.
1) Настоящее: <н. п.> *трясу, глотаю, бросаю, плещу*. 2) Прошедшее

⁶ «Начинательныя: *надгрызаю, угрызаю*» (АПСС 7, 696).

неопредѣленное: <н. п.> *трясъ, глоталь, бросаль, плескаль*. 3) Прошедшее опредѣленное единственное: <н. п.> *тряхнулъ, глотнулъ, бросилъ, плеснулъ*. 4) Давно прошедшее первое: <н. п.> *тряхивалъ, глатывалъ, брасывалъ, плескивалъ*. 5) Давно прошедшее второе: <н. п.> *бывало <дышалъ[?]> трясъ, бывало глоталь, бросаль, плескаль*. 6) Давно прошедшее третье: <н. п.> *бывало трясывалъ, глатывалъ, брасывалъ, плескивалъ*. 7) Будущее неопредѣленное: <н. п.> *буду трясти, стану глотать, бросать, плескать*. 8) Будущее опредѣленное единственное: *тряхну, глону, брошу, плесну*» (АПСС 7, 680).

Помимо перечисления времен, в третьей редакции содержалось определение их значений:

«Прошедшее неопредѣленное время включаетъ въ себя нѣкоторое дѣйствіе или страданіе учащеніе и значить оное иногда совершенн<ую>ое <иногда несовершенное. Примѣръ первому: *когда онъ ко мнѣ пришолъ, какъ[?] я писалъ*. Примѣръ второго, н. п.>. *Гомеръ писалъ о гнѣвъ Ахиллесов<омъ>нъ*. Иногда несовершенное <н. п.>: *Онъ тогда ко мнѣ пришолъ, какъ я писалъ*. Прошедшее опредѣленное единственное значить дѣйствіе или страданіе, совершенное однажды. Давно прошедшія времена включаютъ въ себя учащеніе какъ прошедшее неопредѣленное и имѣютъ всѣ одно знаменованіе. Будущее неопредѣленное значить будущее дѣйствіе или страданіе, котораго совершенство неизвѣстно. Будущее опредѣленное значить дѣйствіе или страданіе, которае только однажды совершится» (АПСС 7, 680–681).

По сравнению с предыдущей редакцией предложенные наименования изменились мало. М. В. Ломоносов заменил славянизм *прешедшее* на русскую форму *прошедшее*, ориентируясь на академические грамматики 1740–1750-х гг.:

«Сколько есть временъ? Пять настоящее, преходящее, прошедшее, мимошедшее и будущее» (Теплов 1752: 81);

«Прошедшее показуетъ оное время, которое прошло, и есть тройкое: преходящее, прошедшее и мимошедшее» (Шванвиц 1745: 200–201).

Кроме того, в третьей редакции М. В. Ломоносов опустил такую разновидность прошедшего времени как *прешедшее начинательное* (формы со вспомогательным глаголом *стать*) и обозначил разновидности *давно прошедшего* времени наименованиями *давно прошедшее первое, давно прошедшее второе, давно прошедшее третье*. Наименования *прешедшее*

опредѣленное и будущее опредѣленное М. В. Ломоносов дополнил определением *единственное*, что лучше отражало специфику рассматриваемых М. В. Ломоносовым глагольных форм, обозначающих действие, совершившееся только один раз. Сопоставление наименований времен глагола во второй и третьей редакциях представлено в таблице 3.

Таблица 3

Наименования Ломоносова. Вар. 2.	Наименования Ломоносова. Вар. 3.
настоящее: пишу, отпускаю, толкаю	настоящее: трясу, глотаю, бросаю, плещу
прешедшее неопредѣленное: писалъ, толкалъ, отпускалъ	прошедшее неопредѣленное: трясъ, глоталъ, бросалъ, плескалъ
прешедшее опредѣленное: написалъ, толкнулъ, отпустилъ	прошедшее опредѣленное единственное: трякнулъ, глонулъ, бросилъ, плеснулъ
прешедшее начинательное: я сталъ писать, я сталъ отпускать, я сталъ толкать	
<прешедшее давнешнее учащательное> давно прешедшее: писывалъ, толкивалъ, отпускавалъ	давно прошедшее первое: тряхивалъ, глатывалъ, брасывалъ, плескивалъ
давно прешедшее <давнешне составленное>: я бывало читалъ, я бывало отпускалъ, я бывало толкалъ	давно прошедшее второе: бывало <дышалъ[?]> трясъ, бывало глоталъ, бросалъ, плескалъ
	давно прошедшее третье: бывало трясывалъ, глатывалъ, брасывалъ, плескивалъ
прешедшее <несовершенное, сло> тщетное: я было написалъ, я было толкнулъ, я было отпустилъ	
будущее неопредѣленное: буду писать, буду отпускать	будущее неопредѣленное: буду трясти, стану глотать, бросать, плескать
будущее опредѣленное: напишу	будущее опредѣленное единственное: трякну, глону (sic!), брошу, плесну

Таким образом, если в первом подготовительном наброске М. В. Ломоносов создавал наименования глагольных времен, калькируя латинские термины, то во второй и, особенно, в третьей редакциях М. В. Ломоносов, отказавшись от славянизмов и увеличив количество выделяемых времен, попытался создать

систему новых наименований на базе словарного фонда русского языка XVIII в. Однако, как мы покажем далее, окончательная редакция раздела о глагольных временах, которую мы находим в печатном тексте «Российской грамматике», значительно отличалась от трех редакций «Материалов к “Российской грамматике”».

«Российская грамматика» создавалась в эпоху распространения идей универсальной грамматики, опирающейся на положение об общности лежащих в основе всех языков логических механизмов. Общая философская часть «Российской грамматики» посвящена доказательству того, что всеобщие закономерности человеческого разума обнаруживают себя в различных языковых системах. В частности, в § 64 М. В. Ломоносов говорит о трех основных временах, присущих всем языкам:

«Глаголы изображают деяния, в которых прежде всех представляется время, наугорю натрое разделенное, то есть на настоящее, на прошедшее и на будущее, ибо человек, сообщая свои мысли другому, изъявляет, что есть ныне, например: *читаю*; или что было прежде: *читалъ*; или что впредь будет: *прочитаю*. Всех сих времен знаменование должно быть во всяком языке довольно. Меньшее число недостаток, большее избыток причиняет» (АПСС 7, 414).

Рассуждение о трех основных временах, восходящее к идеям “Grammaire générale et raisonnée” А. Арно и К. Лансло, было общим местом грамматик этого периода, как русских, так и европейских:

“Il n’y a que trois temps simples; le Présent, comme *amo, j’aime*, le Passé, comme *amavi, j’ai aimé*; & le Futur, comme *amabo, j’aimerai*” (Arnauld, Lancelot 1754: 149–150);

“Nun ist aber die Zeit dreyerley, nämlich die gegenwärtige, vergangene und zukünftige” (Gottsched 1752: 289);

“Tempora sind dreyerley: Praesens, Praeteritum und Futurum, das gegenwärtige, vergangene und zukünftige” (Peplier 1719: 40);

“Das Tempus ist dreyerley: Praesens, Praeteritum und Futurum” ⇔ «Темпусъ [время] есть тройкій; Презенсъ [настоящій] Претеритумъ [прошедшій] и футурумъ [будущій]» (Шванвиц 1730: 216–217);

“Das Tempus ist dreyerley: Praesens, Praeteritum und Futurum” ⇔ «Время есть тройкое: настоящее, прошедшее и будущее» (Шванвиц 1745: 200–201).

Чтобы передать особенности протекания глагольного действия, грамматистами выделялось несколько разновидностей прошедшего и будущего времен. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова эти разновидности были названы *степенями* глагола.

По мысли Ломоносова, глагол в русском языке обладает различной способностью образовывать временные формы (степени) в зависимости от того, является ли он *простым* или *сложным*. *Простые глаголы* образуют (1) *настоящее время*, (2) *прошедшее неопределенное*, (3) *прошедшее однократное*, (4) *давнепрошедшее первое*, (5) *давнепрошедшее второе*, (6) *давнепрошедшее третье*, (7) *будущее неопределенное*, (8) *будущее однократное*. *Сложные глаголы* имеют только две формы: (9) *прошедшего совершенного* и (10) *будущего совершенного*. Система времен М. В. Ломоносова представлена в табл. 4.

Отметим, что М. В. Ломоносов не пользовался термином, указывающим на аспектуальный вид глагола (термины *род* и *вид* у М. В. Ломоносова соответствуют латинским *genus* и *species* и ими классифицируются понятия на родо-видовом уровне⁷). Видовые образования были рассмотрены в «Российской грамматике» как различные временные формы одного глагола⁸. Особенность ломоносовской системы, состоящая в том, что автор «Российской грамматике» рассмотрел видовые образования как различные временные формы глагола, долгое время вызывала критику со стороны многих грамматистов — последователей М. В. Ломоносова. Считалось, что М. В. Ломоносов полностью игнорировал аспект и поэтому искусственно усложнил систему времен русского глагола (Будилович 1869: 79; Булич 1904: 1, 215). Однако следует признать, что ломоносовская

⁷ «Все вещи на свете совокупляются в некоторые общества ради взаимного подобия, которое называется одним именем. Например, орель, ястребъ, лебядь, соловей и прочие состоят под единым именем птица, что знаменует род, а орель, ястребъ, лебедь, соловей и другие птицы суть виды. Подобным образом человекъкъ есть род, а воинъ, судья, крестьянинъ суть виды» (АПСС 7, 408–409).

⁸ Научное освещение категории вида было положено в начале XIX в.: А. В. Болдырев отделил грамматическую категорию вида от категории времени и спряжения (Болдырев 1812). Окончательно утвердил в термин вид в русской грамматике Н. И. Греч (Греч 1734: 117–118).

Таблица 4

		От простых	
(1) <i>настоящее</i>		<i>трясу, глотая, бросаю, плечу</i>	
(2) <i>прошедшее неопределенное</i>		<i>трясся, глоталъ, бросалъ, плескалъ</i>	«заключает в себе некоторое деяние продолжение или учащение»
(3) <i>прошедшее однократное</i>		<i>тряхнулъ, глотнулъ, бросилъ, плеснулъ</i>	«значит деяние, совершенное однажды»
(4) <i>давнопрошедшее первое</i>		<i>тряхивалъ, глатывалъ, брасывалъ, плескивалъ</i>	«заклучают в себе учащение или продолжение, как прошедшие неопределенные, и имеют знаменование одно старее другого»
(5) <i>давнопрошедшее второе</i>		<i>бывало трясъ, бывало глоталъ, бросалъ, плескалъ</i>	
(6) <i>давнопрошедшее третье</i>		<i>бывало трясывалъ, глатывал, брасывалъ, плескивалъ</i>	
(7) <i>будущее неопределенное</i>		<i>буду трясти, стану глотать, бросать, плескать</i>	«значит будущее деяние, которого совершенные неизвестно»
(8) <i>будущее однократное</i>		<i>тряхну, глотну, брошу, плесну</i>	«значит деяние, которое только однажды свершится»
		От сложных	
(9) <i>прошедшее совершенное</i>		<i>написалъ</i>	«значат полное совершение деяния»
(10) <i>будущее совершенное</i>		<i>напишу</i>	

классификация, отличающаяся строгой внутренней логикой и системностью, совместила в себе временной и аспектуальный элементы. Внутри схемы настоящее / прошлое / будущее Ломоносов выделил временные формы (*степени*) на основании того 1) совершается ли действие однажды или является продолжением («учащением») ранее начатого действия; 2) известно или нет время окончания совершения действия; 3) полностью ли завершено действие или нет. Таким образом, М. В. Ломоносов сконструировал трехчленную систему аспектуальности, различив при этом акционсартную и грамматическую аспектуальность⁹.

М. В. Ломоносова упрекали в том, что он перенес темпоральную терминологию из других языков в русскую грамматику (Булич 1904: 1, 215). Это неверно: в системе времен М. В. Ломоносова лишь *настоящее*, *прошедшее* и *будущее* в качестве трех основных времен соответствуют классическому, повторяющемуся из грамматики в грамматику делению темпоральных форм. Примыкающие к ним определения, описывающие модификации глагольного действия, представляют собой новацию М. В. Ломоносова, который для описания категории глагольного времени в русском языке создал развитую систему терминов, опирающуюся на факты русского языка.

Ядерными терминами¹⁰ терминисистемы М. В. Ломоносова явились наименования *настоящее*, *прошедшее*, *будущее*, обозначающие основные глагольные времена. С помощью прибавления к ним аспектных определений *неопределенное*, *однократное*, *совершенное* были образованы ряды одноструктурных производных наименований¹¹, описывающих особенности

⁹ Термины акционсартная аспектуальность и грамматическая аспектуальность появились под влиянием западной лингвистической традиции, употребляющей вместо единого термина «вид» дополнительные наименования: *aspect* — для обозначения совершенного и несовершенного вида и *aktionsart* — для различий, более конкретно характеризующих действие (Щербина 2003: 295).

¹⁰ Под ядерными терминами понимаются термины, обозначающие «основные, главные понятия системы понятий некоторой определенной области знания» (Лейчик 2007: 126).

¹¹ Под производными наименованиями понимаются наименования, содержанием которых «являются производные понятия данной системы понятий <...> видовые или аспектные понятия, сопоставляемые с основными понятиями» (Лейчик 2007: 126).

протекания действия во времени, обозначаемом ядерным термином: *прошедшее неопределенное, прошедшее однократное, прошедшее совершенное, будущее неопределенное, будущее однократное, будущее совершенное*. По иной модели было образовано лишь наименование *давнопрошедшее*, заимствованное, как мы указали ранее, из латинской грамматики В. И. Лебедева.

Для создания производных наименований М. В. Ломоносовым был использован лексический фонд русского языка XVIII в. Как мы отметили ранее, прилагательное *неопределенный* функционировало в русском языке XVIII в. в значении ‘неимѣющий предѣловъ, безконечный’ (ЛЦ 1746: 347; Сл. XVIII в. 14, 243). Прилагательное *однократный* имело значение ‘происходящий, совершаемый один раз’ (Сл. XVIII в. 16, 192). Прилагательное *совершенный* имело значение ‘исполненный, безъ всякаго недостатка къ чему нибудь устроенный, во всемъ томъ достаточный, что имѣть прилично’ (САР¹ 1, 635) и использовалось в академических грамматиках 1730–1740-х гг. в терминологической функции в качестве аналога латинского *perfectum*:

«Прошедшее Совершенное показываетъ время, которое уже совершенно прошло, напр. *Legi я прочоль*» (Лебедев 1746: 103).

Таким образом, для создания производных наименований временных глагольных форм М. В. Ломоносов использовал прилагательные, внутренняя форма которых раскрывала качественные характеристики обозначаемой грамматической категории.

Отметим также, что в качестве эквивалента определения *однократное* в «Российской грамматике» использовалось также определение *единственное*, за счет чего были образованы наименования-дубликаты — *будущее однократное* и *будущее единственное*. То, что наименования *будущее однократное* и *будущее единственное* являются семантическими дублетами, подтверждается тем, что в переводе «Российской грамматики» на немецкий язык¹² им соответствуют один и тот же немецкий термин *einfach zukünftige*:

¹² Перевод «Российской грамматики» на немецкий язык выполнен академическим архивариусом И. Л. Стафенгагеном под контролем М. В. Ломоносова.

Ср. «Будущее однократное — *тряхну, глотну, брошу, плесну*» (АПСС 7, 480) ⇔ “Die einfach zukünftige (futurum simplex) *тряхну ich werde (nur einmal), schüttern, глоту́ ich werde (einmal) schluckten, брошу — werfen, плесну — platschen, klatschen*” (Lomonossow 1764: 179);

«Будущие единственные — все первого спряжения, не выключая и тех, которые надлежат к глаголам второго спряжения: *давну, давнешь, давнетъ, давнемъ, давнете, давнутъ*» (АПСС 7, 515) ⇔ “Man muß anmerken, daß alle einfache zukünftige Zeiten, wenn deren Stammwort auch zur zweyten Conjugation gehören, sich sämtlich nach der ersten Conjugation richten: als, *давну, давнешь, давнетъ; давнемъ, давнете, давнутъ*” (Lomonossow 1764: 247).

Следствием того, что между терминоэлементами *однократное* и *единственное* установились отношения полного семантического тождества, явилось появление в «Российской грамматике» еще двух наименований-дублетов — *прошедшее однократное* и *прошедшее единственное*. В немецком переводе им, однако, соответствуют два разных варианта перевода. *Прошедшее однократное* регулярно переводится как *einmalig vergangene* (снабженное латинским аналогом *praeteritum singularae unitatis*), а *прошедшее единственное* — как *einfach vergangene* (наименование образовано, очевидно, по аналогии с *einfach zukünftige*):

«Прошедшее однократное — *тряхнулъ, глотнулъ, бросилъ, плеснулъ*» (АПСС 7, 480) ⇔ “Die einmalig vergangene, praeteritum singularae unitatis, *тряхнулъ ich habe (einmal) geschüttert, глотнулъ ich habe (einmal) geschlucket, бросилъ ich habe (einmal) geworfen, плеснулъ ich habe (einmal) geplatschet*” (Lomonossow 1764: 170);

«Славенских глаголов мало таких осталось, которые прошедшее единственное имеют; российские, у славян неизвестные, причастий единственных принять всегда не могут, например: *брякнулъ, брякнувший; нырнулъ, нырнувший* весьма противны» (АПСС 7, 547) ⇔ “Es giebt nur noch wenige Slavonische Zeitwörter, welche die einfach vergangene Zeit hätten; Rußische Zeitwörter dagegn, die den Slavoniern unbekannt sind, können nicht allemahl die einfach vergangene Zeit der Mittelwörter annehmen, als; *брякнулъ ich habe (einmal) geklinget, брякнувший; нырнулъ ich bin untergetaucht, нырнувший* sind dem Gehör höchst unangenehm” (Lomonossow 1764: 310).

Однако тот факт, что эти наименования являются полными синонимами, подтверждается примерами. Во всех случаях

М. В. Ломоносов иллюстрирует свои теоретические положения глаголами, обладающими семельфактивным значением и образованными с помощью прибавления к основе глагола суффикса *-ну* (*тряхнуть, глотнуть, плеснуть, брякнуть, нырнуть, двигнуть, сверкнуть, дунуть*).

Таким образом, работа М. В. Ломоносова по созданию системы наименований, описывающей категорию времени русского глагола, состояла из нескольких этапов. Вначале М. В. Ломоносовым были созданы калькирующие латинские термины наименования. В процессе дальнейшей работы наименования-кальки были заменены на оригинальные мотивированные русские наименования, внутренняя форма которых раскрывала семантику обозначаемой глагольной категории. В результате М. В. Ломоносовым была создана представляющая собой иерархическую структуру система наименований, состоящая из взаимосвязанных элементов. Лексическими элементами терминосистемы М. В. Ломоносова стали терминологические сочетания, построенные по модели уточняющее аспектуальное значение определение + ядерный термин. В качестве ядерных терминов выступили наименования *настоящее, прошедшее, будущее*, в качестве определений — прилагательные *неопределенное, однократное, совершенное*, активно функционирующие в русском языке XVIII в.. Несмотря на то, что М. В. Ломоносов, очевидно, стремился избежать терминологической вариативности, в «Российской грамматике» есть наименования, являющиеся полными семантическими дублетами. Так, в качестве эквивалента определения *однократное* в «Российской грамматике» использовалось определение *единственное*, за счет чего были образованы наименования-дублеты — *будущее однократное* и *будущее единственное*; *прошедшее однократное* и *прошедшее единственное*. Наличие в «Российской грамматике» наименований-дублетов может быть объяснено тем, что М. В. Ломоносов продолжал работать над текстом «Российской грамматики» уже после сдачи книги в набор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев 1812 — *Болдырев А. В.* Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе // Труды общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 3. М., 1812.

2. Будилович 1869 — *Будилович А. С. М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложениями, содержащими материалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности.* СПб., 1869.
3. Булич 1904 — *Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. — 1825 г.).* СПб., 1904.
4. Греч 1734 — *Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Изд-е 2-е, испр.* СПб., 1834.
5. Коровин 1961 — *Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах и каталог его личной библиотеки.* М.; Л., 1961.
6. Лебедев 1746 — *Лебедев В. И. Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества переведено чрез Василья Лебедева, переводчика при Академии наук.* СПб., 1746.
7. Лейчик 2007 — *Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура.* М., 2007.
8. АПСС — *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950–1959, 1983. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.*
9. ЛЦ 1746 — *Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом, для употребления Санктпетербургской гимназии.* СПб., 1746.
10. САР¹ — *Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI.* СПб., 1789–1794.
11. Сл. XVIII в. — *Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–19. СПб., 1992–2011.*
12. Смотрицкий, 1721 — *Смотрицкий М. Грамматика Славенских правилное Синтагма.* М., 1721.
13. Теплов 1752 — *Теплов В. Е. Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академией наук переводчиком Василием Тепловым.* СПб., 1752.
14. Шванвиц 1730 — *Шванвиц М. Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санктпетербургской гимназии.* СПб., 1730.
15. Шванвиц 1745 — *Шванвиц М. Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления Санктпетербургской гимназии вновь пересмотренная и во многих местах исправленная.* СПб., 1745.
16. Щербина 2003 — *Щербина С. И. Развитие русской терминологии сравнительно-исторического языкознания.* М., 2003.
17. Arnauld, Lancelot 1754 — *Arnauld A., Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée contenant les fondemens de l'art de parler, expliqués d'une manière claire & naturelle; les raisons de ce qui est commun à toutes les Langues, & de principales différences qui s'y rencontrent; et plusieurs remarques nouvelles sur la Langue françoise.* Paris, 1754.

18. Gottsched 1752 — *Gottsched J. C.* Grundlegung einer deutschen Sprach-Kunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des forigen und jetzigen Jahrhunderts. Leipzig, 1752.
19. Horbatsch 1964 — *Horbatsch O.* Die vier Ausgaben der Kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckyj. Wiesbaden, 1964.
20. Lomonossow 1764 — *Lomonossow M.* Russische Grammatik verfasst von Hern Michael Lomonossow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, 1764.
21. Peplier 1719 — *Peplier J. R.* Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et allemande. Berlin, 1719.

N. Kareva. Verb tense terminology in “Russian Grammar” by M. Lomonosov.

By the end of the 17th — beginning of the 18th century the verb system of the Russian language had changed a lot in comparison with the verb system of the Old Church Slavonic. “Russian Grammar” by M. Lomonosov was a big effort for developing terminology for the Russian language grammar. The article is focused on the analysis of the terminology used by M. Lomonosov in “Russian Grammar” and his drafts for denotation of the verb tense category. We compare the terminology of M. Lomonosov with the terminology used in east-slavonic and western-european grammar manuals of XVI–XVIII centuries and grammar manuals of Latin, French, German and Russian written for the needs of Academic Gymnasium and Academic University in the first half of XVIII century.

**РИТОРИКА НАУЧНО-ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ:
О КОНТЕКСТЕ, ЖАНРЕ И АРГУМЕНТАЦИИ
«ПИСЬМА О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА» М. В. ЛОМОНОСОВА**

Ключевые слова: жанровая поэтика XVIII в., дидактическая поэзия, научно-дидактическая поэма, риторика, дискурс о пользе наук, история стекла, похвала меценату.

В декабре 1752 г. Ломоносов написал «Письмо о пользе стекла» своему меценату Ивану Шувалову, чтобы побудить его ходатайствовать по поводу запланированной Ломоносовым постройки фабрики для производства цветного стекла перед царицей. Статья анализирует риторическое построение текста в контексте отраженных в европейских риториках и поэтиках XVIII в. дискуссий о статусе дидактической поэзии вообще и о жанре научно-дидактической поэмы в особенности. Поэтому сначала представлен обзор дискуссий XVIII в. о дидактическом роде поэзии и о жанре научной поэмы, а затем анализируется риторическая структура текста. При этом выясняется, каким образом «Письмо о пользе стекла» вписывалось в научные и публичные дискурсы своего времени.

1

Когда Ломоносов задумал строительство фабрики по производству цветного стекла для художественных мозаик, предназначенных украшать государственные и церковные здания, он знал, что ему понадобится поддержка императрицы, которую он мог получить не прямо, но воздействуя на нее через своего мецената — И. И. Шувалова; сам Ломоносов не имел необходимых средств для предприятия, которому он придавал особое значение. Идея фабрики имела для Ломоносова двойную важность — в его глазах фабрика должна была бы стать не только коммерческим предприятием, но и формой создания экспериментального поля исследований химических процессов производства стекла. С историей этой технологии он познакомился еще во время учёбы в Москве, прочитав «Осьмь книг

* Ульрике Екуч, д-р филол. наук, проф. славянского литературоведения университета им. Эрнста Морица Арндта (Греифсвальд, Германия), член Академии наук в Гамбурге.

о изобретателях вещей», энциклопедию истории науки и техники, напечатанную в 1720 г. по приказу Петра I. Почерпнутые из нее знания Ломоносов углубил, обучаясь в Марбурге и Фрейберге, а потом собственными исследованиями как профессор химии в Петербургской Академии наук. В. В. Данилевский и др. показали, что Ломоносов начал активно интересоваться цветными стеклами в связи со своими опытами, направленными на развитие теории цвета (Bezborodov 1962: 27ff.; Данилевский, Ляликов 1961: 150; Hoffmann 2011: 223). При этом, им ставился также вопрос о практическом применении найденных познаний для производства декоративных ваз и стекол. 8 января 1750 г. Ломоносов сообщил об этих опытах в первый раз в Академическом собрании (Hoffmann 2011: 224). Немного позже его внимание переключилось на производство смальты, цветных частей для мозаики со множеством тонких оттенков. Уже 28 марта того же года Ломоносов указал в рапорте Академической канцелярии на возможность использовать свои опыты для производства смальты. Таким образом, в 1750 г. исследование химии стекла стало актуальной задачей, которая связывала чисто научные вопросы о необходимом составе материалов в целях получения определенного цвета стекол с практической стороной их производства.

Немного позже Ломоносов создал проект основания фабрики для производства смальты для художественных мозаик. После нескольких тщетных обращений в Академию Наук и Сенат 14 декабря 1752 г. он наконец получил разрешение на строительство такой фабрики; но необходимые для этого земля и рабочие могли быть предоставлены только императрицей. Чтобы побудить Ивана Шувалова ходатайствовать за него перед Елизаветой Петровной в этом деле, Ломоносов написал в конце того же года «Письмо о пользе стекла». Это произведение можно назвать научно-дидактической поэмой¹ о стекле и разных способах его использования.

Цель нашей статьи — проанализировать риторическое построение текста в контексте отраженных в европейских риториках и поэтиках XVIII в. дискуссий о статусе дидактической

¹ А. А. Морозов говорит о «просветительской поэме». См. его комментарии к тексту в: (Ломоносов 1965: 516).

поэзии вообще и о жанре научно-дидактической поэмы в особенности. Поэтому мы сперва охарактеризуем дискуссии XVIII в. о дидактическом роде поэзии и о жанре научной поэмы, а затем проанализируем риторическую структуру текста, в результате чего можно будет прояснить вопрос о том, каким образом «Письмо о пользе стекла» вписывалось в научные и публичные дискурсы своего времени.

Двойное определение «Письма о пользе стекла» как эпистолы и научно-дидактической поэмы указывает на специфическую черту жанра научно-дидактической поэмы: в отличие от героической поэмы она не находилась в центре внимания поэтик. Это был нечетко обозначенный, несколько расплывчатый жанр; относящиеся к нему произведения могли принимать разные формы и связываться с некоторыми другими жанрами. Ко времени написания «Письма о пользе стекла» статус научно-дидактической поэмы, как и дидактической поэзии в целом, а также вопрос их принадлежности к поэзии вообще, не были выяснены теоретически. Конечно, господствовало данное Горацием и ставшее почти пословицей определение функции поэзии как “*prodesse et delectare*”, в котором глагол «*prodesse/пользоваться*» часто заменялся глаголом «*docere/учить*». Научно-дидактическая поэма, однако, была исключена из поэзии уже Аристотелем (Aristoteles 2008: 6/7), и множество теоретиков поэзии до Ренессанса и барокко следовало в этом за ним. Они, вслед за Аристотелем, определяли поэзию как мимесис, а значит — и как подражание действию, и тем самым исключали разновидность дидактической поэмы из художественной литературы. Однако, наряду с этой линией существовала традиция, которая восходила к Диомеду² и которая нашла свое продолжение в поэтике Скалигера и его последователей; данная традиция причисляла дидактическую поэму к поэзии. Правда, в границах данной эстетико-риторической концепции, отсутствовали четкие различия между поэтическим родом и жанром; научная поэзия или возводилась в ранг, равный с эпикой, драмой и лирикой, или причислялась к литературному ряду,

² Об *Artis grammaticae libri tres* Диомеда, третья книга которого «*De poematibus*» содержит поэтику, и о разделении поэзии см.: (Curtius 1993: 437–439; Siegrist 1974: 21).

смешивавшему жанры и роды, не разграничивающему их³. В эпоху просвещения, в немецком просвещении между 1730-ми и 1770-ми годами, представление о пользе и просвещении как о важнейших функциях поэзии стали господствующими; именно в это время Ломоносов учился в Германии у Христиана Вольфа. Там в 1738 г. он познакомился с тогда уже знаменитой книгой И.-К. Готшета “*Critische Dichtkunst*” («Опыт критической поэтики») (Алексеева 2005: 163–174). Это произведение, в котором Готшед обосновал господство дидактической функции в немецкой литературе, появилось первоначально в 1730 г.; до 1751 г. вышли три следующих издания, во многом обработанные и расширенные. Книга Готшета скоро получила репутацию надежного справочника и сохраняла этот статус до конца века (Siegrist 1974: 6).

Как Готшед подчеркнул уже в первом издании, его поэтика была первая, которая была построена как «критическая». Слово «критический» означало в данном случае перенесение научно-критического метода Христиана Вольфа на изящные науки, «критический» обозначало то, что «оценивается по разумно дедуцированным принципам» (Siegrist 1974: 8; “*daß aufgrund vernünftig deduzierter Prinzipien <...> geurteilt wird*”), то есть то, что выводы ясно и прозрачно обосновываются и излагаются в систематическом порядке. Этим поэтика Готшета решительно отличалась от барочных и позднебарочных поэтик, которые представлялись ему и его современникам соединением «случайных правил» (Siegrist 1974: 7). Готшед считал поэзию могущественной силой в процессе усовершенствования человечества, поэзия «должна была легитимироваться как руководимая разумом деятельность, охватывающая проблемы эпохи и общества» (Siegrist 1974: 9–10). Этим она могла вносить свой вклад в создание более счастливого человечества. Решая подобные задачи, поэзия опирается на тот же критический метод, что философия и естественные науки. Однако, в отличие от них, поэзия распространяет только проверенные, доказанные истины. Она это делает свойственным ей образом, адресуясь не только

³ О немецких дискуссиях, о родах поэзии в XVIII в. и о признании четвертого рода поэзии, который охватывал бы амиметические жанры, см.: (Scherpe 1968).

к разуму и логике, но, прежде всего, к чувствам. Тем самым она делает истину доступной и для необразованного адресата.

В теории познания эпохи просвещения чувства причислялись к так называемым «низшим способностям души», которые могут достигать лишь неясных и нерасчлененных образов и понятий вещей. Чувственные способы познания уступают тем знаниям, которые достигнуты «высшими способностями» души (волей и разумом)⁴, но, вместе с тем, они доступны и менее образованным или совсем неученым людям, в этом — их преимущества. В связи с этим поэзия начинает пониматься как “*ars popularis*”, т. е. как искусство, главная цель которого состоит не в *inventio* (изобретении/вымысле) нового, а в *dispositio* (расположении) и *elocutio* (украшении) уже найденного. Опираясь на понятия «изобретение», «расположение» и «украшение», взятые из области классической риторики, Готшед в «Опыте критической поэтики» снижает значение в художественно-литературном творчестве изобретения и определяет расположение и украшение как главные задачи поэзии. Тем самым он ставит принцип подражания природе в центр поэзии. Приписывая поэзии почти одну только дидактическую функцию, Готшед делает обучение господствующим принципом литературы. Однако, в первых трех изданиях «Опыта критической поэтики» он, основываясь на критерии действия, исключает дидактическую, амиметическую поэму из художественной литературы. Лишь в четвертом издании его книги 1751 г. он решился представить ее четвертым родом поэзии. Интересно, что то же самое мы видим и во Франции: Ш. Батте в трактате “*Les beaux arts, réduites à une même principe*” («Искусства, сведенные к единому принципу») (1746) тоже выделил дидактическую поэзию как самостоятельный четвертый род (наряду с эпикой, драмой и лирикой) только в более поздних, обработанных после 1750 г. версиях своей книги (Siegrist 1974: 26–29). С этого времени в поэтиках можно обнаружить признание равенства дидактического поэтического рода с другими родами; такое признание оставалось незыблемым до конца века. В четвертом, дидактическом литературном роде научно-дидактическая поэма, которая определялась Батте как «изложенная в стихах истина»,

⁴ Подробнее об этой проблематике см.: (Jekutsch 2013: 29–36).

занимает центральное место. На повышенный интерес этого времени к научно-дидактической поэме указывает и появление изданной Франциском Уденом⁵ трехтомной антологии научно-дидактических поэм из прошлых веков; можно назвать также и европейский успех поэмы «Альпы» (1732) А. Галлера, которая вызвала восхищение альпийскими горами и послужила причиной возникновения альпийского туризма.

Как всегда, развитие теории научно-дидактической поэмы происходит с явным опозданием по сравнению с литературной практикой, т. е. отстает от появления поэм, объявленных ею (теорией) образцовыми текстами. Это мы можем наблюдать не только во Франции или Германии, но и в России. Риторика Феофана Прокоповича и Ломоносова, так же как и «Эпистола о стихотворстве» Сумарокова не упоминают ни дидактического рода, ни научно-дидактической поэмы. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Третьяковского насчитывает 23 рода/жанра поэзии и называет дидактическую поэзию на седьмом месте за эпической, лирической, драматической, буколической, элегической и эпиграмматической (Jekutsch 1981: 38f.), не делая различия между родом и жанром. Подобное мы встречаем и у Аполлоса (Байбакова), который в «Правилах питеических в пользу юношества...» (1774, изд. 4-ое: 1790) различает три главных рода поэзии, т. е. эпическую, лирическую и смешанную; потом он, однако, называет и другие роды или жанры, например, поэзию на случай, поэтическое послание и дидактическую поэзию (Jekutsch 1981: 40). Лишь поэтики раннего XIX в., начиная с «Краткого руководства к российской словесности» (1808) И. М. Борна до «Словаря древней и новой поэзии» (1821) Н. Ф. Остолопова, называют дидактическую поэзию четвертым родом и научно-дидактическую поэму ее центральным жанром⁶.

⁵ Poemata didascalica, nunc primum vel edita, vel collecta, t. 1–3, Parisiis, apud Petrum Aegidium Le Mercier, 1749. François Oudin считается издателем сборников.

⁶ Jekutsch 1981: 40–42. Речь идет о следующих произведениях: Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808; Рижский И. Наука стихотворства. СПб., 1811; Левицкий И. М. Курс российской словесности для девиц. Ч. 1–2. СПб., 1812; Якоб Л. Г. Курс философии для гимназий Российской империи. Ч. 5–6. СПб., 1813.

Тредиаковский и Байбаков в принципе не делали различия между родом и жанром, а также нечётко различали понятия «поэзия» и «поэма». В их перечислении родов и жанров называется категория «дидактической поэзии», но не дидактической поэмы. Однако приведенные ими образцовые тексты (Эмпедокла, Лукреция, Горация, А. Попа) не позволяют сомневаться в том, что под дидактической поэзией они понимали именно дидактическую поэму⁷. По их определениям, дидактическая поэзия, т. е. научно-дидактическая поэма, обладает следующими особенностями: 1) это амиметический текст, не изображающий действия, который излагает, описывает и аргументирует свою тему; он пишется в среднем стиле; 2) предмет такой поэмы — какая-либо наука, искусство или отдельное учение, которые описываются в целом в систематическом порядке; ее цель — убедить адресата в истине изложенных мнений и научить его правильному пониманию их основ; 3) строгий и последовательный систематизм научно-дидактической поэмы надо компенсировать разнообразием художественных приемов, между описаниями и аргументами могут быть вставлены эпизоды, маленькие рассказы и экскурсы. Основа построения научно-дидактической поэмы — это коммуникативная структура урока или политической речи: оратор выступает или в роли учителя, который дает урок науки ученику или другу, или в роли защитника, который защищает свое дело против фальшивых мнений противников и подчеркивает его достоинства. Он направляет речь к адресату, которого хочет убедить в правильности своего мнения и подвигнуть к желаемому действию. Поэтому его задача не только защищать, но и хвалить свой предмет. Для поддержки собственной позиции автор-оратор обращается к могущественному адресату, который в состоянии поддержать его стремления и может изменить ситуацию. Для усиления благорасположения подобного адресата автор использует также приемы эпидейктики или панегирической речи. В области украшения дидактической поэмы поэтики отличаются лишь незначительно: одни требуют точного соблюдения систематического изложения, другие советуют сделать его

⁷ Надо подчеркнуть, однако, что Байбаков склонен причислять также маленькие тексты, которые содержат лишь отдельное учение, к дидактической поэме.

свободным и живым, что должно способствовать усилению интереса адресата. Научно-дидактическая поэма может и должна обращаться к формам и приемам, которые обычно связываются с другими жанрами: в поэтической практике эпохи ими часто оказывались эпистола и философская ода.

Мы не знаем, было ли известно Ломоносову четвертое издание «Опыта критической поэтики» Готшеда, когда он сочинял свое «Письмо о пользе стекла». Он не создал поэтики, а систематикой родов и жанров занимался в принципе только с точки зрения стилистики и риторики (я имею в виду «Предисловие о пользе книг церковных» и «Письмо о правилах российского стихотворства»). В своей «Риторике» 1748 г. Ломоносов, однако, затрагивает области и приемы поэтики с приведением примеров из прозы и поэзии, что свидетельствует о его понимании поэтики как части риторики. Кроме того, мы знаем, что Ломоносов знал вышедшую в 1749 г. антологию научно-дидактических поэм Удена⁸, что можно рассматривать как знак его интереса к этому жанру. Все это свидетельствует об его некоторой осведомленности в области риторики дидактической поэмы и об его знакомстве с образцами этого жанра. Тесная связь его творчества с риторикой очень заметна в построении «Письма о пользе стекла», которое следует вышеочерченной структуре внутритекстовой коммуникации и правилам украшения, в целом свойственным дидактической поэме. Чтобы показать установку текста на риторику, мы теперь проанализируем поэму под этим углом зрения.

2

Ломоносов начинает «Письмо...» двумя строками, которые содержат сокращённую до фамилии адресата апострофу и открывают изложение предмета *in medias res*:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов (АПСС² 8, 457).

Открытие текста *in medias res* соответствует правилам сочинения эпistolы, а также и поэмы (см.: Jekutsch 1981: 92–94). Строки эти, адресованные его меценату Шувалову и опровергающие

⁸ См. комментарии Н. Ю. Алексеевой к поэме в: (АПСС² 8, 917–918).

названное «фальшивым» мнение противников, вписывают «Письмо...» сразу в *genus deliberativum*: они вводят в текст образ противников, против которых оратор аргументировано выступает. Главным его аргументом оказываются не объективные качества стекла — на что указывает глагол «читать» во второй строке — но уважение к нему общества. Сверх того, в этих строках неявно звучит вопрос, актуальный для естественно-научной мысли XVIII в. — вопрос о природе стекла и об его классификации как вещества. Против неуважения к стеклу выдвинут тезис:

Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса (АПСС² 8, 457).

Этот тезис доказывается следующим вслед за ним текстом поэмы, доказывается с помощью перечисления областей применения стекла и его достоинств. Тем самым, выдвинутый автором тезис доказывается не логикой и дедукцией, а примерами. Чтобы убедить адресата, он пользуется поэтическим вдохновением — и прием этот обнажается им перед читателем: он указывает на то, что, несмотря на прежнее решение оставить Парнас для служения исключительно наукам, он вновь (в этом конкретном случае) восходит на Парнас, чтобы описать пользу стекла и воспеть его «в восторге». Говоря о «воспевании» своего предмета, автор-оратор отсылает к формуле, открывающей героическую поэму, а также к панегирической оде. Его задача и состоит в хвале стеклу, автор превращается в панегириста.

Полемика с неуважительным отношением к стеклу повторяется и в других строках, где певец подчеркивает, что он представляет стекло не как пример хрупкости и ненадежности счастья, а наоборот, показывает его парадоксальную твердость и неразрушимость — стекло не уничтожается в огне, как иные субстанции, но возникает из огня. Еще одна похвала стеклу начинается с квазимифологического рассказа о его высоком, божественном происхождении, ибо оно порождено Вулканом и Землей в борьбе с водами Океана. Квазимифологическое изображение возникновения природного (вулканического) стекла при взрыве вулкана становится аргументом его высокого происхождения и служит обоснованием высоты ранга стекла, его ценности.

Таким образом, уже начало «Письма о пользе стекла» развивает свой предмет в трёх разных направлениях. Во-первых, оно

вписывает стихотворение в контекст жанров эпистолы⁹, научно-дидактической поэмы и панегирической оды. Во-вторых, моделирует отношения автора, адресата и оппонентов автора по правилам риторической речи: певец выступает защитником стекла против пренебрегающих им. Мнение противников опровергается аргументацией текста. Меценат Ломоносова, Иван Шувалов, выводится как адресат, которого следует убедить в высокой ценности и полезности стекла. За этим адресатом скрывается еще иное лицо: императрица Елизавета Петровна, от склонности которой зависит реализация проекта фабрики. а в-третьих, начальные строки поэмы называют главные качества стекла и намекают на научную и публичную дискуссию об его природе и пользе.

Следующие вслед за таким началом части «Письма о пользе стекла» сохраняют подобную многоплановость; в них продолжается описание разнообразных видов стекла и способов его использования, и сверх того разворачиваются размышления морального свойства. Вообще весь текст «Письма...» можно разделить на пять больших блоков: 1) вступление, возникновение стекла (стихи 1–50), 2) стекло в повседневном и праздничном употреблении (стихи 51–192), 3) стекло как материал оптики (стихи 193–352), 4) стекло и изучение электричества (стихи 353–416), 5) похвала императрице и меценату (стихи 417–440)¹⁰.

Со второй по четвертую часть текст устроен по принципу перечисления. Общий принцип текстопорождения, однако, «оживляется» и текст становится более динамичным благодаря экскурсам, которые связывают отдельные части (2, 3, и 4) с общественными дискурсами XVIII в. о пользе и свободе наук. Так, во втором из условно выделенных нами разделов основное внимание уделяется аспекту «утешения», в нем воспеваются использование в повседневных и праздничных целях — прежде

⁹ Motsch показала в своем исследовании немецкой эпистолы XVIII в., что этот жанр в первой половине столетия понимался как форма поэзии на случай, а во второй как принадлежащий к дидактическому роду поэзии. См.: (Motsch 1974: 69–74).

¹⁰ Части 2, 3 и 4 можно тоже объединить под рубрикой «Перечисление типов использования стекла» или «Похвала стеклу», в этом случае текст делился бы в целом на три части.

всего в среде дворянства и состоятельных людей. Раздел начинается с описания употребления стекла в медицине и аптекарском деле, где оно служит нейтральным и надежным сосудом для лекарств, вносит свой вклад в охрану здоровья человека. Потом автор переходит к значению глазировки при производстве керамики и фарфора, которая приносит двойную пользу: во-первых тем, что она упрочняет материал, делает его водонепроницаемым. Во-вторых, благодаря своей прозрачности глазировка позволяет украшению более явственно проявиться на поверхности предмета и одновременно сохраняет его красоту на долгое время. Третьей сферой употребления стекла названы древние стеклянные мозаики, высокое искусство которых обосновало не только славу таких художников как Апеллес, но и сохранило блеск и свежесть своих цветов в течение многих веков. Интересно, что, несмотря на то, что именно производство мозаик и оживление мозаичного искусства составляют цель автора, мозаикам посвящается не больше восьми строк «Письма о пользе стекла». В качестве следующей области использования стекла называется оконное стекло. Оно описывается как «чудо», которое позволяет человеку впустить в дом свет и одновременно сделать его недоступным для холода, а также растить цветы и фрукты в холодное время года. Эти три области применения стекла приводятся как свидетельства основного качества стекла, его твердости, устойчивости с одной стороны и светопроницаемости с другой. Стекло связывает непроницаемость с проницаемостью, оно соединяет в себе противоположные качества — так Ломоносов подчеркивает его парадоксальность.

Стекло не только полезно, но служит и украшением для женщин и девушек. Описание этого употребления стекла построено как экскурс, адресованный не к меценату, а к прекрасным женщинам. Им нужны зеркала, показывающие им их красоту и отражающие украшающие их драгоценные камни. Сверх того, стекло, обрамляющее в форме цветов драгоценные камни, усиливает блеск оных. Хотя драгоценные камни и дорогие стеклянные цветы доступны только богатым людям, стекло позволяет и менее состоятельным женщинам украшать себя. Их

украшение — это стеклянные жемчуга, которые разошлись по всему миру и которыми любят всюду¹¹. Стеклянные жемчуга становятся исходной точкой моралистического размышления об их употреблении как платежного средства в обмен на золото и серебро колоний, об уничтожении древних американских культур конкистадорами и о порабощении так называемых диких народов, выступающих в роли варваров европейцами. Эта часть заканчивается риторическим вопросом о вине стекла во всем этом — подозрение, которое мгновенно отвергается оратором.

Третья часть продолжает перечисление описанием употребления другого рода стекла — шлифованных линз в сфере оптики. Начинается эта часть — как и вторая — с указания на медицинскую пользу, приносимую стеклом — с указания на очки, которые называются «божественным даром» для стареющего человека:

По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей <...>
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественным имеем,
Что честь достойную воздать ему коснем? (стихи 193–194, 200–204;
АПСС² 8,463)

Название «божественного дара» вводит следующий экскурс о развитии ремесла, техники, науки и культуры, который содержит отсылку к мифу о Прометее, принесшего человеку огонь с неба и научившего его ремеслу. Прометей представляется мучеником за дело свободы науки и за использования ее достижений для блага человечества. Боги его строго наказали за его, как автор-оратор говорит, «мнимые грехи». Ибо с тех пор люди следуют Прометее, повседневно зажигают и употребляют огонь, воспроизводят зажигательные стекла и курят табак, и все это они делают без наказания. К этому пассажи присоединяются

¹¹ До Раннего Нового Времени стеклянный жемчуг был широко распространенным средством платежа и обмена. Его считают одним из самых древних товаров, используемых по всему миру и производимых во всех местах, где производилось стекло. О продукции стеклянных жемчугов и торговле в Африке, Индии и Китае см.: (Vierke 2006).

размышления над вопросом, наука ли погубила Прометея и его последователей или она была оклеветана невеждами и врагами наук. Размышление это начинается чередой риторических вопросов, которые одновременно называют иной способ употребления стекла в оптике и астрономии (телескоп). Размышление выливается в авторское мнение о борьбе за свободу научных исследований против поставленных церковью и другими инстанциями ограничений и препятствий. Речь идет в особенности о тогда еще не завершенной в Российской империи дискуссии о коперниковском перевороте. Линзы телескопа, так аргументирует оратор, уже давно показывают правдивость познаний Коперника, Кеплера, Ньютона и др., т. е. подтверждают правоту науки и опровергают ложь невежественных людей и сопротивление тех представителей церкви, которые проповедают обскурантизм. Все это размышление оканчивается похвалой Богу, величие которого становится все более видимым благодаря прогоняющему мрак невежества стеклу телескопа. После этого следует описание микроскопа, которое снова переходит в хвалу Богу — создателю больших и малых миров. При этом оратор подчеркивает, что его собственные исследования — как и вся наука — дают лишь яснее и яснее познавать величие Божие; наука служит высочайшей хвале Богу.

Четвертая часть и ее вступительный вопрос «Но что еще?» сигнализируют близкий конец текста. Автор называет изобретенный в 1643 г. Е. Торричелли и усовершенствованный Р. Декартом, Б. Паскалем и др. барометр и его пользу, потом, используя топос «невыразимости», сообщает, что он не в состоянии дать полного перечисления всех способов использования стекла. Он оканчивает изображение способов использования стекла дискуссией — в том числе и по поводу своих собственных актуальных исследований электрической атмосферной силы и изобретения первого громоотвода, обещающего — тоже с помощью стекла — в будущем защиту от ударов молнии. В этот момент он уже «спускается с Парнасса».

Таким образом, три средние части «Письма о пользе стекла» построены не только как простое перечисление всех возможных видов употребления стекла. Хотя даты изобретений

разных родов стекла не даются, их перечисление в целом следует хронологическому порядку: так, расположенный в начале поэмы рассказ о возникновении природного стекла можно рассматривать как начало этого перечисления, как первую его часть. При этом, история производства стекла в дидактической поэме Ломоносова ограничивается только некоторыми аспектами; на их примере автор «обсуждает» основные вопросы этики науки и диктуемое общественными предрассудками ограничение свободы науки. Данные проблемы распределяются по частям текста следующим образом. Вторая часть включает в себя бытовой и декоративный аспекты использования стекла и его значение для отдельного человека. Часть эта переходит в моралистическое рассуждение о злоупотреблении стеклом как средством мошенничества и эксплуатации так называемых «диких людей», которые отдают свое богатство в обмен на дешевый стеклянный жемчуг. Виновата в этом, говорит оратор, не наука, которая изобрела и усовершенствовала стекло, но жадность человека. Третья и четвертая части говорят о том, что стекло служит человеку средством познания. Они тоже построены дискурсивно как аргументы за свободу научных исследований против ограничений со стороны невежества и ложной набожности. Ломоносов являет себя убежденным представителем просвещения, не сомневающимся в том, что постоянный прогресс научного познания всегда был, есть и будет на пользу человечеству. Эта часть кончается многократной, похвалой величю Божьему, с помощью которой Ломоносов предупреждает возможные упреки в безбожии и ереси.

Пятая часть снова представляет — после похвалы императрице — обращение к адресату. Ликование народа, которое слышит нисходящий с Парнасса автор, оказывается хвалой царице, ее щедрости и готовности поддерживать развитие наук на общее благо. Оратор подхватывает эту хвалу и переносит ее в свой текст. Затем он обращается к Шувалову, который представляет императрице дела науки и ее успехи и который также должен предствить ей план основания фабрики Ломоносова. Шувалов здесь показан опытным посредником между наукой и державой, между Ломоносовом и царицей, перед которой он

уже часто выступал защитником образования, «художеств» и науки, добываясь ее поддержки. Оратор, который добавляет свой голос к услышанной им многоголосой народной хвале, выступает свидетелем посреднической деятельности Шувалова перед царицей. Похвала Шувалову обосновывается не только его неутомимой готовностью поддерживать науки, но и его индивидуальными качествами: мудростью уже в младых летах, добротой и щедростью. Качества эти сперва сформулированы как общие правила, как максимы:

Кто кажет старых смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов седых.
Кто склонность в щастии и доброту являет,
Тот щастие себе недвижно утверждает (АПСС² 8, 469)

Затем эти качества признаются как качества именно Шувалова, которые превозносит не только оратор, но весь народ. Таким образом, хвала Шувалову приписывается обществу, она являет собой общее, разделяемое равно всеми современниками мнение. Так, похвала меценату представлена выражением не лести отдельного лица, надеющегося на личные выгоды, но коллективного и безучастного суждения.

Наконец, проследим соотношение поэтического текста Ломоносова с его химическими исследованиями о соединении материалов, необходимых каждому оттенку цвета. Ко времени работы над «Письмом о пользе стекла» Ломоносов уже предпринял множество опытов по производству цветного стекла: чтобы изготовить первую, представленную им как образец мозаичного искусства картину, составленную из более чем 4000 смальтов, — это было подражание картине Франческо Солимена, изображающей Богородицу — он провел 2184 экспериментов (Hoffmann 2011: 225). Все эти эксперименты он описывал в рабочей тетради и сообщал о них в отчетах Академии и Академической канцелярии. Но в «Письме...» он не пишет ничего о химии стекла, о трудности опытов или о связанных с ними естественно-научных вопросах. Лишь два раза, в начале и конце поэмы, Ломоносов намекает мимоходом на спорные естественно-научные вопросы. Первое упоминание касается возникновения природного вулканического стекла. Здесь

Ломоносов, однако, не объясняет химический процесс, но облекает этот вопрос в квази-мифологический рассказ о рождении божественного ребенка. Второй намек касается актуальных опытов, проводимых в Европе и Америки и им самим с коллегой по Академии наук Г.-В. Рихманом для исследования атмосферного электричества и изобретения громоотвода. И вновь Ломоносов не описывает свои эксперименты и их естественнонаучные проблемы, но подчеркивает первые успехи тогдашних исследований и обещает защиту от громовых ударов. Таким образом, «Письмо...» избегает именно научных вопросов и ограничивается аспектами практической пользы человеку от стекла и интересными для широкой публики вопросами этики и свободы науки. Риторическая стратегия текста ориентирована на уровень знаний и интересы адресатов — Шувалова (как занимающегося наукой дилетанта) и императрицы Елизаветы Петровны. «Письмо...» предлагает меценату аргументы, которые могут убедить царицу дать необходимые для основания фабрики средства, т. е. помочь успешному исполнению просьбы Ломоносова. Ломоносов четко различает, к кому и с чем он обращается: естественно-научные вопросы он представляет в отчетах и докладах Академии, размышления об этико-моралистических вопросах использования достижений наук в эстетически оформленном стихотворном тексте — научно-дидактической поэме. Таким образом он демонстрирует возможности использования риторики и стихотворного искусства в целях популяризации основных вопросов развития наук, создавая в «Письме о пользе стекла» образцовую научно-дидактическую поэму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева 1999 — *Алексеева Н. Ю.* Ломоносов // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 212–226.
2. Алексеева 2005 — *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
3. АПСС² — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; СПб., 2011–2012.
Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764 гг. М.; СПб., 2011.
4. Граудина 2008 — *Граудина Л. К.* М. В. Ломоносов и отечественная риторика // *М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика.* Сборник статей. М., 2008. С. 221–229.

5. Данилевский, Ляликов 1961 — *Данилевский В. В., Ляликов К. С.* Спектрофотометрическое и колориметрическое исследование мозаичных смальт и других стекол Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Т. 5: к 250-летию со дня рождения (1711–1961). М., 1961. С. 141–150.
6. Данилевский 1964 — *Данилевский В. В.* Ломоносов и художественное стекло, М.; Л., 1964.
7. Кибальник 1983 — *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 193–206.
8. Ломоносов 1965 — *Ломоносов М. В.* Избранные произведения: вступит. статья, подготовка текста и примеч. А. А. Морозова. Л., 1965.
9. Пумпянский 1983 — *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 3–44.
10. Серман 1966 — *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966.
11. Aristoteles 2008 — *Aristoteles.* Poetik. Griechisch / Deutsch, übersetzt u. hrsg. v. Manfred Fuhrmann. Stuttgart, 2008.
12. Bezborodov 1962 — *Bezborodov M. A.* Lomonosovs Arbeiten über die wissenschaftliche Erforschung des Glases // Lomonosov — Schlözer — Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert. E. Winter (Hg.). Berlin, 1962. S. 27–35.
13. Curtius 1993 — *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 11. Aufl. Tübingen, Basel, 1993.
14. Hoffmann 2011 — *Hoffmann P.* Michail Vasil'evič Lomonosov (1711–1765). Ein Enzyklopädist im Zeitalter der Aufklärung. Frankfurt a.M., 2011.
15. Jekutsch 1981 — *Jekutsch U.* Das Lehrgedicht in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1981 (Opera Slavica N. F. 2).
16. Jekutsch 2013 — *Jekutsch U.* Vernunft, Gefühl und Sinne. Zur Verwendung des Begriffs „čuvstvo“ bei russischen Autoren des 18. Jahrhunderts // Emotion und Kognition. Transformationen in der europäischen Literatur des 18. Jahrhunderts. S. Koroliov (Hg.). Berlin, Boston, 2013. S. 28–45.
17. Motsch 1974 — *Motsch M.* Die poetische Epistel. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Literatur und Literaturkritik des 18. Jahrhunderts. Bern, Frankfurt a.M., 1974.
18. Nölle 1982 — *Nölle G.* Technik der Glasherstellung. Leipzig, 1982.
19. Scherpe 1968 — *Scherpe K. R.* Gattungspoetik im 18. Jahrhundert. Stuttgart, 1968.
20. Siegrist 1974 — *Siegrist Ch.* Das Lehrgedicht der Aufklärung. Stuttgart, 1974.
21. Vierke 2006 — *Vierke U.* Die Spur der Glasperlen. Akteure, Strukturen und Wandel im europäisch-ostafrikanischen Handel mit Glasperlen. Diss. (Bayreuth African Studies Online 4), 2006. (<http://opus.ub.uni-bayreuth.de/volltexte/2006/240>, abgefragt am 27.6.2013).

U. Jekutsch. Rhetorical strategy of the scientific-didactic poem: Michail Lomonosov's "Pis'mo o pol'ze stekla".

At the end of 1752, Lomonosov wrote the scientific-didactic poem "Pis'mo o pol'ze stekla". It was addressed to his patron Ivan Shuvalov and was to serve as an inducement for the latter to represent the advantages of establishing a factory for the production of coloured glass to the empress. The article analyzes the rhetorical organization of the poem in the contexts of German and Russian poetics and their discussions on the position of didactic poetry and the place of the didactic poem. Following this aim, the article outlines 1) 18-th century's discourses on the classification of didactic genres and the norms of the scientific-didactic poem, and 2) the rhetorical strategies of Lomonosov's text. It points out, in which ways "Pis'mo o pol'ze stekla" inscribes itself into public discourses on the benefits gained by knowledge and research work.

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА: ПОПЫТКА СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: поэтический язык, троп, риторика, исторический словарь, переносное значение, помета.

Статья посвящена некоторым проблемам словарного описания семантики в художественном языке М. В. Ломоносова. Разработанные для Словаря языка М. В. Ломоносова пометы можно разделить на две группы. Первая группа описывает переносное значение конкретного слова (четыре базовых тропа — метафору, метонимию, синекдоху, антономазию). Вторая группа помет нацелена на описание образного контекста, в котором слово употреблено. Она описывает тропы, тяготеющие к развернутости (перифразу, гиперболу, иронию) и семантические явления, связанные с иносказательным использованием языка, но не являющиеся собственно тропами (олицетворение, сравнение, аллегория, миф).

I

С 2012 г. в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН ведется исследовательская работа по описанию и изучению поэтической иносказательности у М. В. Ломоносова, и прежде всего — поэтических тропов (слов в переносном значении)¹. Поскольку новаторство М. В. Ломоносова именно в области поэтического словоупотребления является общепризнанным, методология описания переносных значений играет первостепенную роль

* Миляуша Габдрауфовна Маматова, магистр лингвистики, аспирант кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, лаборант отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

** Евгений Михайлович Матвеев, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН, ст. преп. кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.

¹ В проекте принимают участие М. Г. Маматова, Е. М. Матвеев, А. С. Смирнова. Работа осуществляется при поддержке Совета по грантам президента Российской Федерации (грант МК-3364.2012.6 «Риторические основы поэтического языка М. В. Ломоносова», рук. Е. М. Матвеев). Научными консультантами проекта являются П. Е. Бухаркин и С. С. Волков.

для готовящегося в настоящее время в ИЛИ РАН Словаря языка М. В. Ломоносова.

В крупнейших отечественных трудах в области авторской лексикографии по-разному решалась проблема соотношения «общезыкового» и «индивидуально-авторского». Так, например, основной целью «Словаря языка А. С. Пушкина» было «описать факты общенационального литературного языка, его словарного состава, нашедшие отражение и применение в произведениях А. С. Пушкина» (СЯП 1956: 10). Вопросы индивидуального стиля А. С. Пушкина отходили на второй план. В предисловии к словарю отмечается: «Словарь далеко не охватывает всех качественных особенностей пушкинского стиля в области словоупотребления <...> Он не берет на себя задачу описания и использования развернутых метафор пушкинского стиля» (Там же).

В ходе работы над двумя авторскими словарями — Словарем автобиографической трилогии М. Горького, концепция которого принадлежит Б. А. Ларину и его ученикам, и Словарем языка русской советской поэзии, разработанным В. П. Григорьевым, — в 60–70-е годы XX в. развернулась полемика по вопросу о границах индивидуально-авторского в поэтическом языке. С точки зрения В. П. Григорьева, опиравшегося, в частности, на идеи Р. Якобсона, эстетическое преобразование слова проявляется в особых авторских, отклоняющихся от нормы словоупотреблениях, при этом художественный текст предстает как последовательность эстетических и обычных знаков (последние иногда называются «упаковочным материалом»² художественного произведения, см.: Григорьев 1965: 24; Поцепня 1997: 14–15). В предисловии к итоговому варианту «Словаря русской поэзии XX века», первый том которого вышел в 2001 г., В. П. Григорьев писал:

«Нередко кажется: ни одному слову поэт не уделяет особого внимания, как бы поровну распределив между словами “общую образность” текста. Это — иллюзия» (СЯРП 2001: 7).

Оппоненты В. П. Григорьева, представители ларинской школы лексикографии, были сторонниками теории общей

² Термин «упаковочный материал» принадлежит Л. В. Щербе (Щерба 1940: 92).

образности языка писателя, согласно которой сущность эстетической функции языка состоит в направленности всех речевых средств произведения словесного искусства к воплощению его эмоционально-образного содержания. Авторы и составители «Словаря М. Горького» — Б. А. Ларин, Л. С. Ковтун, Д. М. Поцепня и др. — оспаривали тезис о том, что нулевой точкой эстетического отсчета выступает общенормативное, над которым надстраивается художественная речь (Поэт и слово 1973: 67; Поцепня 1997: 23). Как писала Д. М. Поцепня,

«художественное преобразование слова начинается не со смыслового сдвига в его семантике, а в материале, внешне совпадающем с фактами литературного и шире — общенародного языка» (Поцепня 1997: 107) и «эстетическое преобразование общелитературного и шире — общенародного слова начинается не с уровня семантического сдвига и отхода от обычного значения, нарушения сложившейся нормы, стандарта словоупотребления, а с отношения слова к мысли писателя, к его видению мира, к образу персонажа» (Поцепня 1997: 203).

Исходя из этого, составители Словаря М. Горького настаивали на том, что даже привычное номинативное словоупотребление является важным компонентом типологии художественного значения слова (Там же).

Не вдаваясь в подробности этой полемики, отметим одно важное обстоятельство: при имеющейся разнице в подходах к проблеме поэтического языка оба авторских словаря, материалом которых является язык русской художественной литературы XX в., рассматривают индивидуально-авторское на фоне общезыкового, т. е. на фоне сложившегося национально-литературного языка, подробно описанного в нормативных словарях.

Совсем иная ситуация возникает в ходе исследования художественного (поэтического) языка поэта или писателя XVIII в., и особенно М. В. Ломоносова.

II

Первая теоретическая проблема, которая встает при попытке описания поэтического языка М. В. Ломоносова, — это проблема общезыкового употребления, на фоне которого

можно описать, используя термин В. П. Григорьева, авторские «словопреобразования». Мы не располагаем полным лексикографическим описанием русского языка XVIII в. доломоновского периода. Наиболее авторитетный на сегодняшний день «Словарь русского языка XVIII века» создан только наполовину. Единственным доступным нам относительно полным описанием такого массива оказывается «Словарь Академии Российской, производным путем расположенный» (Ч. 1–6. СПб., 1789–1794). Авторы этого словаря так или иначе задумывались над оппозицией «индивидуально-авторского» и «общезыкового». В «Начертании для составления толкового словаря славяно-российского языка» говорится:

«На Словарь строго взыскивать не можно всех знаменований и присвоений метафорических, довольно, если в нем больше употребительных» (Начертание 1880: 309).

При этом фиксируемые авторами «употребительные» переносные значения слов в САР зачастую иллюстрируются именно примерами из ломоносовской поэзии. По подсчетам М. И. Сухомлинова, в «Словаре Академии Российской» М. В. Ломоносов цитируется 883 раза (в основном, приводятся стихотворные цитаты), А. П. Сумароков — 30 раз, В. П. Петров — 13 раз, М. М. Херасков — 11 раз (Сухомлинов 1888: 28). Таким образом, САР не отражает с необходимой полнотой и объективностью языковое состояние современной ему эпохи, поэтому использование его в качестве языкового фона для изучения поэтического языка М. В. Ломоносова не представляется возможным.

Вообще, использование материала толковых словарей русского языка при выделении переносных значений у Ломоносова сопряжено с большими трудностями.

Во-первых, к ним относятся семантические различия между современным значением слова и его значением в языке XVIII в. Например:

И **варварския** руки те,
Что их держали в тесноте (8, 27³).

³ Ссылки на цитаты из произведений М. В. Ломоносова приводятся по АПСС и оформляются сокращенно: первая цифра обозначает номер тома, вторая — страницу.

Слово **варварский** в значении '*жестокий, грубый*' в современном русском литературном языке не является переносным (БАС 2, 51⁴), в словарях XVIII в. перенос фиксируется (САР¹ I, 492; САР² I, 384; Сл. XVIII в. 2, 214).

Во-вторых, в различных исторических словарях для описания переносных значений могут использоваться разные принципы. Примером может служить слово **прекрасный** у Ломоносова:

На верьх Парнаских гор **прекрасный**
Стремится мысленный мой взор (8, 137);

Но, о **прекрасная** планета,
Любезное светило дней! (8, 141);

Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекасны наши времена (8, 199) и др.

Данная лексема представляет интерес в связи с тем, что показания словарей расходятся в ее характеристике. Так, в САР¹ и САР² слово **прекрасный** рассматривается как превосходная степень прилагательного **красный**, поэтому оно в словаре отдельных значений не имеет. В связи с тем, что слово **красный** во всех значениях, кроме тех, что обозначают цвет либо отношение к нему, является переносным, то и употребления прилагательного **прекрасный** характеризуются как переносные (САР¹ III, 902–903; САР² III, 381–383). Что касается других словарей, то данные лексем в них описываются раздельно и их значения не характеризуются как переносные (Сл. РЯ XI–XVII вв. 18, 252; Сл. 1847 3, 441). Еще один пример — слово **ветвь** в следующей строке: «Породы Царской **ветвь** прекрасна» (8, 35). Сл. XVIII в. выделяет значение '*линия родства, поколение*', не отмечая его как переносное (Сл. XVIII в. 3, 77); так же поступают и составители Сл. XI–XVII вв. (Сл. РЯ XI–XVII вв. 2, 123). Сл. 1847 приводит данное значение с пометой * (переносное). САР¹ и САР² вообще не выделяют данного значения (Сл. 1847 1, 249; САР¹ I, 1053; САР² I, 1052).

В-третьих, зачастую имеет место непоследовательность при описании производных, в частности, переносных значений

⁴ Ссылки на словари оформляются следующим образом: после сокращенного названия указывается номер тома, а затем страница.

в рамках одного словаря. О. Н. Лагута, проведя анализ лексикографического описания метафор в словарях XIX–XX вв., приходит к следующему выводу:

«Метаязык каждого словаря фактически не представляет собой завершенной системы: во-первых, используются взаимозаменяемые пометы, иногда нерегулярно, во-вторых, нет определенной организации словарных дефиниций. Словарная статья составляется стихийно, без учета опыта оформления аналогичных статей. Проблема метаязыка толкового словаря так и не решена до сих пор» (Лагута 2003: 147).

Данные положения, безусловно, касаются САР¹ и САР². Исследуя вопросы семантического описания в САР, Л. Л. Кутина отмечает, что

«в САР не проведено сколько-нибудь отчетливой грани между смыслами распространенными [то есть производными] и метафорическими. Усвоенная для указания на метафорическое значение звезда (*) часто вводит и другие виды “дальнейших” значений; типичные метафорические значения иногда не снабжаются этим знаком» (Кутина 1980: 85).

Примером подобного смешения может служить слово **пасть (падать)** в значении ‘погибнуть в сражении, в поединке’ («И Персы в жаждающих степях / Не сим ли **пали** пораженны?»; 8, 22). САР¹ приводит данное значение, сопровождая его звездочкой (САР¹ IV, 676), в то время как другие словари не дают пометы (Сл. РЯ XI–XVII вв. 14, 116–117; САР² IV, 762–763; Сл. XVIII в. 18, 235–236).

Особая проблема возникает в связи с тем, что семантические описания однокоренных слов, приведенных в словарях, не имеют системного характера. Например, прилагательное **ярый**, употребленное в следующих строках: «Корабль как **ярых** волн среди, / Которыя хотят покрыти, / Бежит, срывая с них верьхи, / Прегит с пути себя склонити» (8, 18), — в САР¹ не имеет соответствующей данному употреблению дефиниции (единственное значение, которое дает словарь: «*гневливый, сердитый, добопреклонный к сильному и неутолимому гневу*»; САР¹ VI, 1051). Однако слово **ярость** имеет в словаре уже два значения: 1) ‘*сильный, чрезвычайный гнев, запальчивость*’, 2) ‘*говоря о стихиях значит: сильное устремление*’. Связь второго значения и приведенного примера употребления Ломоносовым прилагательного

ярый кажется очевидной. Еще один подобный пример — лексема **шуметь** («Шумит с ручьями бор и дол / Победа, Росская победа!»; 8, 24). В САР¹ лексема шуметь имеет только одно значение: *‘Произвожу шум’* (САР¹ VI, 924). Однако глаголы **прошуметь** и **расшуметься** получают иные определения: соответственно, *‘прокричать’* (САР¹ VI, 924) и *‘раскричаться’* (САР¹ VI, 924). Данное явление трудно объяснить отсутствием семы *‘кричать’* у слова **шуметь**. По-видимому, описание многозначных глаголов строилось без учета семантических связей в пределах словарного гнезда.

III

Второй важный вопрос, связанный с традиционной для авторских словарей оппозицией «индивидуально-авторского» и «общезыкового», — это вопрос о применимости данной оппозиции к описанию поэтического языка XVIII в., времени становления национального литературного языка. Для этого периода характерно «сложное многообразие жанровых и функционально-речевых стилистических вариаций» (Виноградов 1978: 195), возникающее в результате сосуществования и смешения двух литературных языков — русского и церковнославянского⁵. В данном случае условным оказывается как само понятие «общезыкового фона», так и возможность его лексикографического описания.

По-видимому, при отсутствии универсальной языковой нормы авторский язык формируется под влиянием определенной литературной традиции, предъявляющей свои законы и формы литературного выражения. Данное обстоятельство представляет собой один из аспектов, сближающих любой авторский словарь с историческими словарями (Шестакова 2011: 35–38), и приобретает особую актуальность при описании языка писателя середины XVIII в., т. е. писателя эпохи «готового слова» или «риторической эпохи», когда, по словам А. В. Михайлова, готовое слово «ловит автора на его пути к действительности

⁵ В настоящее время в науке существуют различные точки зрения, касающиеся языковой ситуации в России XVIII века. Краткий обзор современного состояния проблемы см., в частности: (Круглов 2004: 7–13).

<...> ведет его своими путями <...> заранее уже продуманными, установившимися и авторитетными для всякого, кто пожелает открыть рот или взять в руки перо, чтобы что бы то ни было высказать» (Михайлов 1997: 117). В связи с этим, как представляется, не вполне корректно, приступая к филологическому описанию художественного языка поэта риторической культуры, пользоваться традиционным для лексикологии и авторской лексикографии разграничением понятий «языковая метафора» и «художественная метафора». Наиболее подходящим определением для характеристики тропов в этом случае является термин «риторическая метафора» — метафора, переходящая от одного автора риторической словесности к другому. Здесь, правда, необходимо сделать одно существенное уточнение. В ряде исследований (в частности, в книге Г. Н. Скляревской «Метафора в системе языка» и в некоторых других) подчеркивается, что риторическая метафора, не обладая индивидуальностью, является своего рода «художественным штампом», клише (Скляревская 2004: 41), представляет собой «механическое соединение схематических образов» (Бельский 1954: 286) и поэтому предполагает ослабление или утрату образного элемента или эстетического потенциала (Скляревская 2004: 41). Можно предположить, что в текстах риторической эпохи ситуация все же иная и использование типичных для этой культуры метафор никак не связано с утратой образа и эстетической нагруженности, поскольку сами механизмы создания образа в риторической культуре связаны с употреблением «готовых слов».

Одним из примеров традиционных риторических метафор в одической поэзии М. В. Ломоносова могут служить метафоры, активно используемые в произведениях древнерусской литературы (такие как «смерть князя — затмение солнца», уподобление желанного и высшего качества свету, «печального» или враждебного — тьме⁶). И. З. Серман отмечал, что

«Ломоносов был не только продолжателем и хранителем стилистических традиций древнерусской литературы, многие ее устойчивые образы он видоизменял, приспособлял к изображению других явлений» (Серман 1966: 105).

⁶ Об этих метафорах см., в частности: (Адрианова-Перетц 1947: 13–36; Серман 1966: 103–106; Моисеева 1971: 240–244).

Серман в книге «Поэтический стиль Ломоносова» показал, как осуществляются у Ломоносова такие творческие видоизменения традиционных метафор древнерусской литературы. Своеобразной иллюстрацией сходного процесса на нашем материале может служить, например, семантика слова **меч** в одической поэзии Ломоносова. Оно часто употребляется в двух значениях, которые определенно восходят к древнерусской литературе и отмечаются в Словаре русского языка XI–XVII вв.: 1) меч ‘оружие вообще, военная мощь, сила’; 2) *перен.* ‘о насилии, разорительной войне, междоусобице’ (Сл. РЯ XI–XVII вв. 9, 137–138)⁷. Приведем несколько контекстов из ломоносовской поэзии:

Но враг, что от **меча** ушел (8, 24);

Целуйте руку, что вам страх

Мечем кровавым показала (8, 26);

Мечем противник где смирен (8, 27);

Которы будут в громкой славе

Мечем страшить и гнать врага (8, 36);

Меча Российска виден блеск (8, 40);

О дерсский мира нарушитель,

Ты **мечь** против Меня *извлек* (8, 86);

Забыв и **мечь**, и стан, и стыд (8, 23);

И огонь, и **мечь** да удалится (8, 216);

И **мечь** Твой, лаврами обвитый (8, 219);

На **мечь**, на Готов *обнаженный* (8, 93);

Целуй Елисаветин **мечь**,

Что ты принудил сам *извлечь* (8, 87);

И, Марс, *вложи* свой шумный **мечь** (8, 61) и т. д.

⁷ В статье «меч» в Сл. РЯ XI–XVII вв. к двум вышеприведенным значениям приводятся следующие устойчивые сочетания: 1) *взяти (поимати) мечем* ‘завоевать, подчинить военной силой’; *мечем зайти* ‘покорить военной силой’; *мечем поклонити, под меч поклонити* ‘заставить подчиниться военной силе’; 2) *мечем крамолу ковати* ‘вести междоусобные войны’; *меч изострити, отстрити(ся)* ‘об угрозе кому-л. войной, смертью от военной силы; о каре, наказании’; *предати(ся) мечу, в меч, на меч, под меч* ‘обречь кого-л. на войну, уничтожить (быть уничтоженным) военной силой’; *быти под мечем* ‘быть под чьим-л. игом, под насильственной властью’; *меч и огонь ввергнути, мечу и огню предавати, огнем и мечем убити* ‘обречь кого-л. на войну, уничтожить военной силой’; *взимати меч противу кого-л., поднести меч, послати меч (меча) на кого-л.* ‘начать военные действия против кого-л.’; *положити под меч* ‘убить, уничтожить оружием’; *меч уняти* ‘прекратить войну, остановить военное нападение’.

Любопытно, что большинство используемых Ломоносовым устойчивых сочетаний со словом «меч» («извлечь меч», «обнажить меч», «вложить меч») отсутствуют в Словаре русского языка XI–XVII вв. и в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (Сл. ДРЯ) и — напротив — зафиксированы в Словаре русского языка XVIII в., причем с отсылкой именно к Ломоносову (Сл. XVIII в. 12, 163–164). При этом в Словаре русского языка XI–XVII вв. присутствуют устойчивые сочетания, построенные по той же модели (глагол + сущ. **меч** в вин. п.) со сходной семантикой: например, *меч изострипти, отстрипти(ся)* ‘об угрозе кому-л. войной, смертью от военной силы; о каре, наказании’, *взимати меч противу кого-л., поднести меч, послати меч (меча) на кого-л.* ‘начать военные действия против кого-л.’, *положити под меч* ‘убить, уничтожить оружие’, *меч уняти* ‘прекратить войну, остановить военное нападение’. Как кажется, рассмотренный случай, как и примеры, приводимые И. З. Серманом, демонстрирует один из механизмов существования индивидуально-авторского начала в культуре готового слова: авторская свобода проявляется в создании вариантов, не затрагивающих модель в целом.

IV

Третий важный вопрос, который хотелось бы рассмотреть, связан с практической стороной описания образной системы в поэтическом языке М. В. Ломоносова, а именно с выделением тропов. Одна из базовых проблем, возникающих при работе с тропами, связана с их классификацией. На первый взгляд, было бы логично, исследуя поэтический язык М. В. Ломоносова, обратиться к перечню тропов, предложенному самим Ломоносовым. Как известно, в своем главном риторическом трактате — «Кратком руководстве к красноречию» (1748) — Ломоносов выделял две группы тропов: «тропы речений», к которым относил метафору, синекдоху, метонимию, антономазию, катахресис и металепис (7, 245), и «тропы предложений», представленные такими явлениями, как «аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония» (7, 249). Внимательное рассмотрение ломоносовской классификации привело нас к выводу о том, что подход Ломоносова к тропам принципиально

неприменим для нашей работы, связанной с риторическим исследованием художественных текстов. Причина этого состоит в фундаментальном различии между нормативной классической риторикой, в рамках которой созданы риторические трактаты М. В. Ломоносова, и научной неориторикой XX в., вне парадигм которой невозможно в настоящее время рассматривать теорию тропов и фигур. Классическая риторика, адресованная создателям речевых сообщений (авторам), предлагает некий свод подробных рекомендаций (в частности, перечни тропов и фигур), пользуясь которыми можно убедительно и красиво выразить мысль (в определении риторики в «Кратком руководстве к красноречию» подчеркивается данная задача риторического знания: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об одной мнению»; 7, 91). Литературная же неориторика во всех ее разновидностях (как и смежные с ней дисциплины, такие как стилистика и лингвистическая поэтика) имеет совсем иную цель — анализ художественного текста, поэтического языка и способов формирования при помощи этого языка проблематики текста⁸. Этими задачами обусловлено стремление неориторики сформировать научную классификацию тропов, позволяющую свести все многообразие «частных случаев», тщательно дифференцируемых классической риторикой, к ряду «базовых» тропов. Среди ломоносовских «тропов речений» можно обнаружить такие «частные случаи». Например, катахриси́с определяется автором «Краткого руководства» как «перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменование, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения — *бояться* вместо *ждать*; *бежать* вместо *итти*; *бранить* вместо *выговаривать*; *лукав* вместо *хитр*; *скуп* вместо *бережен*; *нахален* вместо *незастенчив*; для послабления — *ждать* вместо *бояться*; *итти* вместо *бежать*; *выговаривать* вместо *бранить*; *хитр* вместо *лукав*; *незастенчив* вместо *нахален*» (7, 249). Видно, что в данных примерах доминирует количественный принцип переноса (преувеличение либо приуменьшение), соответственно,

⁸ См., например: (Авеличев 1986: 16–22; Безменова 1991: 122).

с точки зрения принципа переноса данные примеры сводятся к таким тропам, как гипербола и литота (заметим, кстати, что такой троп, как литота вообще отсутствует в перечне тропов, выделенных Ломоносовым в «Риторике»). Еще один пример — троп «металепсис». По Ломоносову, этот троп представляет собой «перенесение слова через одно, два или три знаменования от своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются: *Как десять жатв прошло, взята пространна Троя*» (7, 249) по сути является частным случаем метонимии. Ряд явлений, описываемых Ломоносовым в главах «Краткого руководства к красноречию», посвященных тропам, с позиций современного, анализирующего художественный текст сознания зачастую интерпретируется совершенно иначе. В качестве примера можно рассмотреть одну из разновидностей синекдохи. По Ломоносову, «синекдоха есть троп, когда речение переносится от большего к меньшему или от меньшего к большему» (7, 246), что, в частности, «бывает <...> когда известное число полагается вместо неизвестного: *там тысящи валяются вдруг вместо множество валится*» (7, 246). М. В. Ломоносов приводит в качестве примера фрагмент собственной «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 г. по коронации». Приведем контекст, в котором появляется данный пример:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками
Бежит ярься из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;
Там **тысящи** валяются вдруг.
Но естли хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,
Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,

На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:
Так Росс противных низлагает (8, 89–90).

Из контекста видно, что количественный принцип переноса, позволяющий акцентировать внимание на интенсивности описываемых действий, здесь безусловно доминирует, и слово «тысячи» оказывается вовсе не синекдохой, а гиперболой.

Помимо базового различия подходов к тропам, демонстрируемых классической риторикой и анализирующей научной неориторикой, следует указать еще на то, что некоторые понятия классической риторики, перешедшие сегодня в разряд лингвистических и литературоведческих терминов, получили иные научные определения. Примером такой трансформации может служить термин «аллегория». По Ломоносову, аллегория «есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» (7, 250). Из определения следует, что для Ломоносова «аллегория» есть не что иное, как развернутая метафора. В современных же определениях (притом, что обычно признается сходство аллегии с развернутой метафорой) главным структурообразующим признаком аллегии называется замена обозначаемого абстрактного понятия конкретным художественным образом⁹.

С учетом всего вышеперечисленного, а также того обстоятельства, что общепринятой современной риторико-лингвистической классификации тропов не существует (Москвин 2007: 40–41), в исследованиях, посвященных риторическому анализу текста, возникает необходимость сформировать адекватный исследуемому материалу набор тропов. На этапе лексикографического описания возникают дополнительные трудности, связанные с передачей способов переосмысления слова в поэтическом тексте. Тот факт, что «художественная проза лучше освоена толковой писательской лексикографией, чем поэзия и, соответственно, словарная статья толкового авторского словаря больше “приспособлена” в общем виде к языку прозы» (Шестакова 2011: 107), создает необходимость разработки

⁹ См., напр.: (Томашевский 1999: 61; Хазагерев, Ширина 1994: 125; Лагутина 2003: 27; Москвин 2007: 99).

особой системы помет, отражающей авторское своеобразие семантических преобразований слов, с опорой на специфику материала. Для описания системы переносных значений и образных реализаций слова у Ломоносова был создан специальный рабочий перечень помет, релевантный для поэтического языка М. В. Ломоносова.

V

Для характеристики поэтической иносказательности и ее фиксации в словарях обычно используют два понятия, описывающих значение слова либо его употребление, — «переносное» и «образное». Смысл обоих терминов (а следовательно, и лексикографических помет *перен.* и *образно*) до настоящего времени в лингвистической науке однозначно не определен. По словам составителей проекта Словаря русского языка XVIII в.,

«утвердившаяся в наших словарях с 30-х годов (Словарь Ушакова) помета “переносно” не получила отчетливого статуса своего употребления. Согласно наиболее широкой точке зрения <...> переносны все вторичные значения, являющиеся результатом семантической деривации. Согласно более узкой точке зрения — переносны лишь те значения, которые основаны на фигуре переноса (метафоре, метонимии). Словари разнообразно колеблются между широким и узким понятием переноса (выводя, как правило, из разряда переносных значений номинативно-производные, в том числе и основанные на метонимическом переносе)» (Проект Сл. XVIII в.: 74).

Нет единства и в трактовках понятия «образное». По словам В. М. Мокиенко,

«традиционно <...> под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Мокиенко 1989: 157).

По мнению исследователя, образность реализуется исключительно через явление семантического переноса, создающего двуплановость слова или сочетания, т. е. «образное» и «переносное» есть по сути одно и то же: «расширение понятия образности за пределы переносного употребления слов и сочетаний привело бы к его смешению с понятиями “экспрессивность”, “эмоциональность” и т. п.» (Там же). С другой стороны, в практической лексикографической работе понятия «образное» и «переносное» могут разграничиваться. Приведем

в качестве примера механизм такого разграничения, разработанный составителями Словаря автобиографической трилогии М. Горького:

«В словаре различаются образные и переносные употребления слов. При образном употреблении слово не утрачивает важнейших признаков прямого значения. Оно сохраняет свойственные ему лексические связи и обычно реализуется в рамках широкого контекста <...> Переносные употребления слов характеризуются отвлечением одного из признаков прямого значения от остальных его признаков. При этом возникают новые контекстные связи слова взамен обычных. Все это ведет к устранению образа, чаще всего зрительного, на котором основан перенос значения» (САТГ: 33, 35).

Составители Словаря языка М. В. Ломоносова приняли решение не использовать пометы *перен.* и *образно.* Это связано, во-первых, с неоднозначностью их трактовки, о которой шла речь выше, а во-вторых, с тем обстоятельством, что использование этих помет, как представляется, не позволяет с необходимой для авторского словаря степенью подробности описать смысловые «преобразования» в художественном языке поэта риторической эпохи¹⁰.

Предлагаемая для Словаря языка М. В. Ломоносова система помет, описывающих различные типы переносных и образных словоупотреблений, может быть условно разделена на две группы. Первая группа помет — это пометы, описывающие переносное значение конкретного слова. Сюда включаются 4 базовых тропа — метафора, метонимия, синекдоха и антономазия.

Вторая группа помет нацелена на описание не одного конкретного слова, а образного контекста, в котором слово употреблено. Она описывает а) тропы, тяготеющие к развернутости (перифразу, гиперболу, иронию); б) семантические явления, связанные с иносказательным использованием языка, но не

¹⁰ Ср. в связи с этим замечание составителей Словаря русского языка XVIII в., разработавших свои принципы употребления помет *перен.* и *образно.*: «Контексты, демонстрирующие образные звенья процесса переноса, как правило, принадлежат художественной литературе XVIII в. Но вступая в сферу языка художественной литературы, Словарь XVIII в. касается лишь той его части, которая относится к явлениям стандартной образности, к неоднократно воспроизводимым в XVIII в. образам, символам, риторическим фигурам» (Проект Сл. XVIII в.: 75). Очевидно, что в Словаре языка М. В. Ломоносова сфера языка художественной литературы должна быть описана без каких-либо ограничений.

являющиеся собственно тропами (олицетворение, сравнение, аллегория, миф)¹¹.

Ниже представлена разработанная система помет, а также примеры словарных статей с ними.

I. ОПИСАНИЕ ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

1. *Мтф.* — метафора

МЕТАФОРА — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях сходства, аналогии. Например:

Дела Петровой Дщери **громки** (8, 102)
(**громкий** ‘широко известный, знаменитый, славный’).

2. *Мтн.* — метонимия

МЕТОНИМИЯ — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях смежности, связаны логически (при этом прямое значение сочетается с переносным). Например:

Но больше мирною **рукою**
Ты целой удивила свет (8, 220)
(**рукою** ‘политикой, правлением’)¹².

¹¹ Любопытно, что предлагаемая система помет, разрабатываемая дедуктивным путем (основанная на анализе фактов художественного языка М. В. Ломоносова), невольно оказалась соотносима с ломоносовским делением тропов на «тропы речений» и «тропы предложений».

¹² Метафора и метонимия представляют собой, по общему мнению подавляющего большинства исследователей, два базовых тропа. Н. Д. Арутюновой удачно описаны принципиальные различия в функциях и механизме образования метафоры и метонимии: «Метафора выполняет в предложении характеризующую функцию и ориентирована преимущественно на позицию предиката. Характеризирующая функция осуществляется через значение слова. Метонимия выполняет в предложении идентифицирующую функцию и ориентирована на позицию субъекта и других актантов. Идентифицирующая функция осуществляется через референцию имени. Поэтому метафора — это прежде всего сдвиг в значении, метонимия — сдвиг в референции» (Арутюнова 1990: 32). Способность создавать метафорические и метонимические переносы — это фундаментальная особенность нормальной речевой деятельности человека. Как показал Р. Якобсон, различные формы речевых нарушений связаны с потерей «либо способности

3. *Син.* — синекдоха

СИНЕКДОХА — разновидность метонимии, в которой используются отношения количественного характера (например, часть вместо целого, единственное число вместо множественного, множественное число вместо единственного и др.). Например:

Мяжкой вместо мне перины
Нежна, зелена трава;
Сладкой думой бес кручины
Веселится **голова** (8, 11)
(**голова** ‘человек’);
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их **око**, слух нечует (8, 23)
(**око** ‘глаза’).

4. *Ант.* — антономазия

АНТОНОМАЗИЯ — троп, к которому относится:

а) употребление имени собственного в значении нарицательного:

Пускай в Германии Герой ваш <Карл XII в Польше. — М. М., Е. М.>
успеваает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастьем кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветр, к востоку
И приближается к предписанному року
Не найдет **Дария**, чтоб **Александром** стать (8, 729)
(**Дарий** ‘проигравший’
Александр ‘победитель’).

б) употребление имени нарицательного в значении имени собственного:

Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем

к селекции и субституции, либо способности к комбинированию и контекстной композиции <...> в первом случае подавляется отношение подобия, во втором — отношение смежности. Метафора не свойственна расстройством подобия, а метонимия — расстройством смежности» (Якобсон 1990: 126).

Гоня врагов, **Герой** открылся (8, 22)

(**Герой** 'Петр Великий');

Как ежели на Римлян злился

Плутон, являя гнев и власть,

И естли **Град** тому чудился,

Что Курций, видя мрачну пасть,

Презрел и младость, и породу,

Погиб за Римскую свободу (8, 90)

(**Град** 'Рим').

в) употребление антропонима в значении другого антропонима:

С **Сотином** — что за вздор? — **Аколаст** примирился! (8, 659)

(**Сотин** (от имени «Тресотиниус» — от фр. *très sot* — «очень глупый») 'В. К. Третьяковский')

Аколаст (от гр. *ἀκόλαστος* — «необузданный, дикий, наглый») 'А. П. Сумароков').

II. ОПИСАНИЕ СЛОВА, УПОТРЕБЛЕННОГО В ОБРАЗНОМ КОНТЕКСТЕ

1. В *перифр.* — в перифразе

ПЕРИФРАЗА — троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких (группа слов выражает семантику обозначаемого понятия). Например:

В **стенах Петровых** протекает

Полна веселья там Нева,

Венцем, порфирию блистает,

Покрыта лаврами глава (8, 224)

(**стены Петровы** 'Петербург');

О коль велика добродетель

В Петровых **нежных днях** цветет! (8, 62)

(**нежные дни** 'юность').

2. В *гиперб.* — в гиперболическом контексте

ГИПЕРБОЛА — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношении «большее ~ меньшее» (преувеличение какого-либо качества или признака). Например:

В середине сердца мне **геенну воспалил** (8, 484);

Тогда во **все пределы Света**,
Как молния, достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух (8, 218).

3. *В ирон.* — в ироническом контексте

ИРОНИЯ — троп, в котором переносное значение слова противоположно или резко противопоставлено по смыслу прямому. Например:

Мышь некогда, любя **святыню**,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую **пустыню**,
Засевшись вся в галланской сыр (8, 769).

4. *В олицетв.* — в составе олицетворения

Одним из конструктивных особенностей поэтического языка М. В. Ломоносова является антропоморфизм в изображении частей света (Азия), стран и регионов (Россия, Кавказ), рек (Нева), явлений природы (заря), абстрактных понятий (тишина) и т. д. В таких олицетворениях, не являющихся собственно тропами, отсутствует явление лексического переноса значения (все слова употребляются в прямом значении), а антропоморфизация осуществляется за счет широкого аллегорического и мифологического контекста ломоносовской поэзии. В большинстве случаев подобные олицетворения являются развернутыми. Например:

Коль ныне радостна **Россия!**
Она, **коснувшись** облаков,
Конца не **зрит** своей державы,
Гремящей **насыщенна** славы,
Покоится среди лугов <...>
Седит и **ноги** простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой **обращает**
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегли лактем на Кавкас (8, 221–222).

Выделенные в данном примере слова, создающие антропоморфизиацию изображаемого, употреблены в прямом значении. Однако в целом высказывание представляет собой иносказание: здесь говорится о том, что Россия — это огромная процветающая империя.

Ср. аналогичные примеры¹³:

Не **ад** ли тяжки узы **рвет**
И **челюсти разинуть хочет?** (8, 19);

Полна веселья там **Нева**,
Венцем, порфирию блистает,
Покрыта лаврами **глава** (8, 224);

И се уже **рукой** багряной
Врата **отверзла** в мир **заря**,
От **ризы сыплет** свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться (8, 138);

С способными ветрами **споря**,
Терзать да не **дерзнет борей** (8, 216).

5. *В сравн.* — в контексте сравнения

Тогда во все пределы Света,
Как молния, достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух (8, 218).

6. *В alleg.* — в контексте аллегии

АЛЛЕГОРИЯ — «одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения» (Лагутина 2003: 27). Аллегория не является тропом, поскольку в ней отсутствует явление лексического переноса (все слова употребляются в прямом значении), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета историко-культурных

¹³ Жирным курсивом в приводимых контекстах выделены «олицетворяемые слова» («герои» ломоносовской поэзии, ср. в приводимых примерах: *Россия, ад, Нева, заря, борей*). Жирным шрифтом выделяются слова, с помощью которых происходит олицетворение (антропоморфизиация).

реалий, на которых строится образ. К характерным чертам аллегории также обычно относят ее однозначность (в отличие от символа), тяготение к визуальному воплощению, тяготение к развернутой форме.

Пример аллегии (жирным шрифтом выделяются все слова, формирующие аллегорический образ):

Лев ныне токмо зрит **ограду**,
Чем путь ему пресечен к **стаду** (8, 219)
(Лев 'Швеция').

Общий смысл аллегорического иносказания следующий: шведы не смеют пересечь русско-шведскую границу, которая в соответствии с мирным договором 1743 г. была отодвинута далеко на запад.

7. *В мифол.* — в контексте мифа (как разновидности поэтического иносказания)

В поэзии М. В. Ломоносова обнаруживается большое количество мифологических имен в контекстах, представляющих собой иносказание. В большинстве случаев автор употребляет мифологическую лексику для разработки немифологических сюжетов, описания исторических персонажей, а также для передачи одического восторга и парения. Это приводит к образованию у данных слов вторичных значений¹⁴. При этом, наряду с иносказательно-аллегорическим смыслом, данные контексты, как правило, сохраняют и прямое значение мифологического имени.

Например:

Монархиня, кто Россов знает
И ревность их к Тебе внимают,
Помыслит ли противу стать?
Что *Марс*¹⁵ кровавый **не дерзает**
Руки своей **простерти** к нам,
Твой он силы **почитает**
И власть, подобну небесам (8, 219).

¹⁴ См.: (Войнова 1977: 121–129).

¹⁵ Жирным шрифтом выделены слова, формирующие мифологический образ.

Марс — римский бог войны — оказывается таким же героем ломоносовской оды, каким является императрица Елизавета Петровна; с другой стороны, в этом образе можно усмотреть аллегория войны, воинственности. Такая двойственность интерпретации является неотъемлемой чертой мифа как вида поэтического иносказания, при котором некая общая идея мыслится в виде живого существа¹⁶. На данную особенность поэтики Ломоносова указала Т. Е. Абрамзон, отмечая «текучесть» создаваемых автором образов: «Мифологический образ как бы теряет устоявшееся в культуре значение: конкретное значение и коннотативная окраска возникают лишь при включении образа в тот или иной контекст. В одах М. В. Ломоносова намечается изменение качества художественности: происходит разрушение одномерности и статичности аллегорического художественного образа» (Абрамзон 2003: 428). Ср. несколько сходных примеров:

В полях кровавых *Марс* страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом *Нептун* чюдился,
Взирая на Российский флаг (8, 200);

И се *Минерва* ударяет
В верхи Рифейски копием,
Сребро и золото истекает
Во всем наследии Твоем.

Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор (8, 205–206);

Сходящей с поль златых *Авроры*
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румянный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц взбуждает (8, 124).

¹⁶ См.: (Лосев 1995: 174). А. Ф. Лосев отмечал, что в мифе, как и в символе, «идейная образность действительности <...> дана вместе с самой действительностью <...> Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне субстанционально» (Лосев 1995: 166–167).

III. СОЧЕТАНИЯ ПОМЕТ

1. *Мтн. / В олицетв.* — метонимия / олицетворение

В ломоносовской поэзии обнаруживаются переносные значения, которые можно интерпретировать двояко — как метонимии и как олицетворения. Например:

Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь **Хотин** своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей? (8, 27)

С одной стороны, образ Хотина, имея в виду контекст («стесняет», «может устоять»), а также с учетом ломоносовской тенденции к антропоморфизму, о которой шла речь выше, является олицетворением. С другой стороны, этот образ можно интерпретировать как метонимию (**Хотин** ‘защитники Хотинской крепости’).

Ср. аналогичные примеры:

Петрополь по Тебе терзался,
Когда с Тобою разлучался
Еще в зачатии Твоём (8, 63);

Россию, грубостью попанну
С собой возвысил до небес (8, 200).

В описании подобных случаев предлагается в словарной статье приводить обе возможности риторической интерпретации.

2. *Ант. В перифр.* — антономазия в составе перифразы

Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтиски бреги, вы,
Тритоны с Нимфами там громко восклицают
И **Амфитриты** путь **Российской** прославляют (8, 802)
(**российская Амфитрита** ‘Екатерина II’).

IV. МЕСТО ПОМЕТЫ В СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Пометы могут ставиться:

- а) перед формулировкой значения,
- б) после знака особого употребления (|),
- в) перед устойчивым сочетанием / фразеологизмом. Например:

Мтн. ♦ вложить меч. *Прекратить войну.*

V. ПРОБНЫЕ СТАТЬИ¹⁷

АВРОРА (4)

✦ *Богиня утренней зари в римской мифологии.* На одном фетильном плане, которой должен быть нарочито от земли отделен и возвышен, изобразить выехавшую в колеснице на белых огнедышащих конях **Аврору** с факелом в руке и с утреннею звездою на челе (8, 534).

✦ **В мифол.** *Утренняя заря.* В «Кратком руководстве к риторике» в стихотворном примере.

Сходящей с поль златых **Авроры**

Рука багряна сыплет к нам

Брильянтов, искр, цветов узоры,

Дает румяный вид полям,

Светящей ризой мрак скрывает

И к сладким песням птиц возбуждает (7, 41).

| **Мтф.** *О начале новой эпохи.* В «Оде, которую в торжественный праздник высокога рождения всепресветлейшаго державнейшаго великаго государя Иоанна Третьяго .. 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит».

Породы Царской Ветвь прекрасна,

Моя Надежда, Радость, Свет,

Щастливых дней **Аврора** ясна,

Монарх-Младенец, райской Цвет,

Позволь Твоей рабе нижайшей

В Твой новой год петь стих тишайшей (8, 35).

📖 Аврора 8, 35; Р. Авроры 7, 41; 7, 126; В. Аврору 8, 534.

— Справ. Сл. XVIII в. Аврора; БАС Аврора.

АНТЕЙ (2)

✦ *В греческой мифологии — великан, сын Геи и Посейдона, живший в Ливии и вызывавший на бой всех чужеземцев.* В переводе Ломоносовым с французского языка фрагмента книги

¹⁷ Приведенные словарные статьи составлены членами авторского коллектива Словаря языка М. В. Ломоносова — К. Н. Лемешевым, Е. М. Матвеевым, А. С. Смирновой, Г. Ю. Смирновой. Пометы переносных значений и образных словоупотреблений выделены жирным шрифтом.

«*La Lusíade du Camoens. Poème héroïque sur la découverte des Indes orientales. Traduit du portugais par Duperron de Castera*» (Лузиада Камозенса. Героическая поэма об открытии Восточной Индии. Переведено с португальского Дюперроном де Кастера. Париж, 1735). По левую руку оставили берега Мавританские, славные лютостию **Антея**-исполина (7, 144). В одической поэзии. **В мифол.**

Края небес уже трясутся,
Пути обычны звезд мятутся!
Никак ярится **Антея** злой!
Не Пинд ли он на Оссу ставит?
А Этна верьх Кавкасской давит?
Не Солнце ль хочет снять рукой? (8, 37)

📖 Антей 8, 37; Р. Антея 7, 144.

[АРФА] (2), ж.

✦ *Щипковый струнный музыкальный инструмент. В торжественных одах при описании одического восторга и «парения».*

Не сам ли в **арфу** ударяет
Орфей, и камни оживляет,
И следом водит хор древес? (8, 133)

| **В аллег.**

Взлети превыше молний, Муза,
Как Пиндар, быстрый твой орел,
Гремящих **Арф** ищи союза
И в верьх пари скоряе стрел (8, 83).

📖 В. арфу 7, 133; мн. Р. Арф 8, 83.

— Справ. Сл. РЯ XI–XVII вв. арфа; Сл. XVIII в. арфа; САР арфа; Сл. 1847 арфа; БАС арфа.

[АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ] (1), АЛЕКСАНДР (25), АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ (17).

✦ *Александр Македонский (356–323 до н. э.), царь Македонии с 336 г., создавший в результате военных походов крупнейшее государство Древнего мира, распавшееся после его смерти;*

со времен античности считался одним из величайших полководцев. Я заметил здесь, что от господина Миллера пропущен самый лучший случай к похвале славенского народа, ибо как известно, что скифы Дария, персидского царя, Филиппа и **Александра**, царей македонских, и самих римлян не утраивались, но великие им отпоры чинили и победы над ними одерживали, то посему легко заключить можно, что народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было (6, 21). Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с **Александром Великим**, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни (6, 212). | В трудах по риторике и грамматике в примерах. Приложенные имена даются сверх свойственных, что бывает .. 2) когда по особливым делам или свойствам дано кому будет проименование, так: **Александр** от великого мужества назывался великий, Аттила от строгости — бич божий (7, 104). И **Александр Великий**, хотя солдат своих подвигнуть на гнев против Бесса, Дариева убийцы, говорит у Курция, в книге 6: *Погрешили мы, любезные мои солдаты, ежели Дария для того только победили, чтобы холопу его отдать государство, который дерзнул учинить крайнее беззаконие и государя своего, иже от чужих помощи требующего, как пленника держал во узах, которого бы мы, победители, пощадили.* (7, 184) — Ср.: *Nos vero peccavimus, milites, si Darium ob hoc vicimus, ut servo eius traderemus imperium. Qui ultimum ausus scelus, regem suum, etiam externaе opis egentem, certe, cui nos victores pepercissemus; quasi captivum in vinculis habuit: ad ultimum, ne a nobis conservari posset, occidit* (*Curt. VI, 3, 13*¹⁸). Витиеватые речи (которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями) суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезвычайным образом, и тем составляют нечто

¹⁸ *Quinti Curtii Rufi, De rebus gestis Alexandri Magni, regis Macedonum, libri superstites. Curavit et digessit H. Snakenburg. Delphis & Lugd. Bat., 1724. P. 403.*

важное или приятное, например: **Александр**, *толиких госуда-рей и народов победитель, побежден был своим гневом и все имел в своей власти кроме страстей своих и не знал, что большая всех власть есть повелевать себе самому* (Сенека в посл. 119) (7, 205). Ср.: Victor tot regum atque populorum, irae tristitiaequ succubuit. Id enim egerat, ut omnia potius haberet in potestate quam affectus. O quam magnis homines erroribus tenentur, qui ius domi- nandi trans maria cupiunt permittere: felicissimosque se iudicant, si multas per milites provincias obtinent, et novas veteribus adiungunt, ignari quod sit illud ingens parque diis regnum! Imperare sibi, maxi- mum imperium est doceat me (*Sen. Epist. 113*¹⁹). От уподобления происходят витиеватые речи .. 2) Когда что само с собою уравни- яется: **Великий Александр** *тогда себя был боле, / Когда повеле- вал своей он сильной воле* (7, 218). Страдательный глагол требует родительного с предлогом отъ или творительного без предлога: книга твоя прочтена мною со вниманиемъ; Дарій побѣжденъ отъ **Александра**, но убить отъ своихъ рабовъ (7, 561). Из *стихотворного посвящения к «Краткому Российскому летописцу», адресованного великому князю Павлу Петровичу. В сравн.*

Я обращаю взор к вечерним сторонам,
 В науках и в войнах героев вижу там.
 Для малости сих строк я их не исчисляю
 И вместо всех Петра со Карлом представляю.
 Сей шел, как **Александр**, вселенной потрясти,
 Но он победами пресек его пути,
 Один нас просветить учениями тщился,
 Другой в сражениях взять первенство стремился (6, 291).

| *В переводе оды Жана-Батиста Руссо «À la Fortune».*

Почтить ли токи те кровавы,
 Что в Риме Сулла проливал?
 Достойноль в **Александр**е славы,
 Что в Аттиле всяк злом признал? (8, 662).

Ср.: Quoi ! Rome et Italie en cendre
 Me feront honorer Sylla ?

¹⁹ L. Annaei Senecae philosophi, Opera omnia. Accessit a viris doctis ad Senecam annotatorum delectus. Tomus secundus in quo Epistulae, et Quaestiones Naturales. Lipsiae, 1702. P. 505.

J'admirerai dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Atilla ?²⁰

✦ *Ант. О победителе в войне.*

Пускай в Германии Герой ваш <Карл XII. — М. М., Е. М.> успеваает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветр, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб **Александром** стать (8, 729).

📖 Александр 6, 291; 7, 29; 7, 29; 7, 32; 7, 32; 7, 48; 7, 104; 7, 108; 7, 205; 7, 210; 7, 344; 7, 344; 7, 345; 7, 345; 7, 346; 7, 356; 7, 360; 7, 361; 7, 362; 7, 362; Александр Великий 7, 108; 7, 181; 7, 184; 7, 218; 7, 288; 8, 173; Р. Александра 6, 21; 7, 561; Александра Великого 5, 616; 6, 189; 7, 32; 7, 49; 7, 108; Д. Александру Македонскому 7, 274; Александру 7, 346; Александру Великому 7, 47; 7, 157; 7, 211; 7, 213; 7, 233; Т. Александром 8, 729; Александром Великим 6, 212; 7, 342; П. Александре 8, 662.

АХИЛЛЕС (12) и АХИЛЛ (1)

✦ *В греческой мифологии сын царя Пелея и морской богини Фетиды, один из храбрейших героев Древней Греции, участник Троянской войны. | В «Кратком руководстве к риторике». Переменные прилагательные имена изобретаются: .. 6) От страстей, н. п.: ярый **Ахиллес**, гордый фараон (7, 56). | В «Кратком руководстве к красноречию» в примере гиперболы. Так, **Ахиллес**, гневный на Агамемнона, говорит у Гомера, что он с Агамемноном не примирится, хотя бы он давал ему все богатство, которое в песке морском или в земных недрах скрыто, и дочери его за себя не поймет, хотя бы она красотой с Венерой и искусством с Минервой могла сравниться (7, 255). | В «Российской грамматике». Усугубленные буквы всегда по складам разделяются —*

²⁰ Odes de J.-B. Rousseau. Édition classique, avec notes critiques et littéraires, par J.A. Amar, ancien inspecteur de l'université. 4ème édition. Paris : Imprimerie et Librairie classiques de Jules Delalain, imprimeur de l'Université royal de France, 1847. P. 90.

одна к предыдущему, другая к следующему: *стран-ный, Ахил-лесь*. (7, 428).

| В поэзии.

Хотяб Гомер, стихом парящий,
Что древних Еллин мочь хвалил,
Ахилл в бою как огонь палящий
Искусством чьем описан был,
Моих увидел дней изрядство,
На Пинд взойтиб нашол препятство (8, 41).

| В переводе Сенеки. Когда вещь из одного времени в другое перенесется, н. п., Андромаха говорит женщинам троянским: ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный **Ахиллес** терзал мои члены (то есть Гектора) (7, 48). Ср.:

...Ilium uobis modo,
Mihi cecidit olim, cum ferus curru incito
Mea membra raperet, et graui gemeret sono
Peliacus axis pondere Hectoreo tremens (*Sen. Troad.* 413–416²¹).

| В переводе Гомера.

Мы как бы у Атрида;
Твоею, **Ахиллес**, здесь пищею довольны (8, 160).

Ср.:

Χαῖρ' Ἀχιλεῦ· δαιτὸς μὲν εἴσης οἶκ ἐπιδευεῖς
Ἦ μὲν ἐν κλισίῃ Ἀγαμέμνονος Ἀτρείδαο

↔

Salve Achille convivii quidem aequalis non egeni sumus,
Sive in tentorio Agamemnonis Atridae (*Hom. Il. IX*, 225–226²²).

²¹ L. M. *Annaei Senecae*. Tragoediae, cum notis Thom. Farnabii. Amsterdami, 1632. P. 121.

²² *Homeri* quae extant omnia. Ilias, Odyssea, Batrachomyomachia, Hymni, Poematia aliquot. Cum latina versione omnium quae circumferuntur emendatis, aliquot locis iam castigatiore. Perpetuis item justisque in Iliada simul et Odysseam Io. Spondani Mauleonensis commentariis. Pindari quinetiam Thebani Epitome Iliados latinis versib. & Daretis Phrygii bello Troiano libri a Com. Nepote eleganter latino versi carmine. Basileae, 1583. P. 158.

✦ *Ант. Об отважном воине.*

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый **Ахиллес**,
Продерсский мечь врагов притупит,
Хвалой взойдет к верьху небес (8, 106).

📖 Ахилл 8,41; Ахиллес 7,48; 7,56; 7,212; 7,254;
7,255; 8,106; 8,160; Ахиллесъ 7,428; Р. Ахиллеса 7,197;
Т. Ахиллесом 8,437; 8,438; П. Ахиллесе 7,592.

АМУР¹ (2)

✦ *Амур — река на Дальнем Востоке. В «Первых основаниях металлургии или рудных дел». Из Азии **Амур**, Желтая и Синяя реки изливаются на восток в Тихое море; на полдень в Индейское — Гангес, Инд; на полночь в Ледовитое — Обь, Енисей, Лена; на запад Аму и Сыр в Аральское, между коими текут другие меньшие, впрочем, великие реки (5, 534). В одической поэзии. **В олицетв.***

Мы дар Твой до небес прославим
И знак щедрот Твоих поставим,
Где солнца восход и где **Амур**
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В Твою державу от Манжур (8, 204).

📖 Амур 5,534; 8,204.

АННА¹² (9), АННА ИОАННОВНА (6)

✦ *Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица (1730–1740). Сим множеством излишних и негодных служителей так отягощена была Академия, что не токмо определенной суммы 25 тысяч и доходов от Типографии и от Книжной лавки, но и чрезвычайных прибавлений не доставало, которых до ста десяти тысяч рублей сверх положенной суммы блаженная памяти государыня императрица **Анна Иоанновна** в разные времена Академии пожаловала (10, 39). В прошлом 1736 г.*

указом е. и. в. блаженные и вечнодостойныя памяти великия государыни императрицы **Анны Иоанновны**, данным из высокого Кабинета, повелено было мне, низжайшему, ехать в Германию, в город Фрейберг для научения металлургии (10, 326). По высочайшему е. и. в. блаженныя памяти государыни императрицы **Анны Иоанновны** указу из высокого Кабинета при посылке моей в Германию для научения химии и горных дел определено было мне жалованья по четыреста рублей в год (10, 340). | В поэзии. Велика(я), прекрасна(я) Анна.

Великой **Анны** грозной взор
Отраду дать просящим скор (8, 26).

Доброт чистейший лик вознес
Велику **Анну** в дверь небес (8, 51).

Красуются Петровы стены,
Что к ним Его приходит внук,
Прекрасной **Анной** днесь рожденный (8, 60).

| **Метон.**

На юге **Анна** торжествует,
Покрыв своих победой сей (8, 23).

📖 Анна 8, 23; 8, 30; Анна Иоанновна 10, 39; 10, 274; Р. Анны 8, 20; 8, 26 Анны Иоанновны 10, 165; 10, 326; 10, 338; 10, 340; В. Анну 8, 29; 8, 51; 8, 775; Анной 7, 58; 8, 28; 8, 60.

СЛОВАРИ

1. БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
2. Григорьев 1965 — Григорьев В. П. Словарь русской советской поэзии. М., 1965.
3. Проект Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.
4. САР¹ (САР) — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
5. САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
6. Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–19. СПб., 1992–2011.
7. Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка под редакцией А. Х. Востокова: в 4 т. СПб., 1847.

8. САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1. А — всевидящий. Л., 1974.
9. Сл. ДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1890–1912.
10. Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
11. СЯП 1956 — Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 1956–1961. Т. 1. М., 1956.
12. СЯРП 2001 — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1 (А — В) / сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л., Бакеркина В. В. и др. М., 2001.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон 2003 — Абрамзон Т. Е. Мифологические образы как составляющие ломоносовского одического этоса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 425–429.
2. Авеличев 1986 — Авеличев А. К. Возвращение риторики // Общая риторика: пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986.
3. Адрианова-Перетц 1947 — Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
4. Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
5. Безменова 1991 — Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.
6. Бельский 1954 — Бельский А. В. Метафорическое употребление существительных (к вопросу о генитивных конструкциях) // Уч. зап. 1 МГПИИЯ. Т. VIII: Экспериментальная фонетика и психология речи. М., 1954.
7. Виноградов 1978 — Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.
8. Войнова 1977 — Войнова Л. А. Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977.
9. Круглов 2004 — Круглов В. М. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004.
10. Кутина 1980 — *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.
11. Лагута 2003 — *Лагута О. Н.* Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2. Новосибирск, 2003.
12. Лагутина 2003 — *Лагутина И. Н.* Аллегория // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.

13. АПСС — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950–1959, 1983.
Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу, 1741–1763 гг. М.; Л., 1954;
Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М.; Л., 1952;
Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л., 1952;
Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., 1959;
Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л., 1952.
14. Лосев 1995 — *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
15. Михайлов 1997 — *Михайлов А. В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997.
16. Моисеева 1971 — *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. М., 1971.
17. Мокиенко 1989 — *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1989.
18. Москвин 2007 — *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007.
19. Начертание 1880 — Начертание для составления толкового словаря Словяно-российского языка // Полное собрание сочинений П. А. Вяземского: в 12 т. СПб., 1878–1896. Т. 5. СПб., 1880.
20. Поцепня 1997 — *Поцепня Д. М.* Образ мира в слове писателя. СПб., 1997.
21. Поэт и слово 1973 — Поэт и слово: Опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. М., 1973.
22. Серман 1966 — *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966.
23. Скляревская 2004 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.
24. Сухомлинов 1888 — *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии М. И. Сухомлинова. Выпуск восьмой и последний. Приложение к LVIII-му тому Записок Императорской Академии наук. № 1. СПб., 1888.
25. Томашевский 1999 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1999.
26. Хазагерев, Ширина 1994 — *Хазагерев Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д., 1994.
27. Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.
28. Щерба 1940 — *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 92.
29. Якобсон 1990 — *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990.

M. Mamatova, E. Matveev. Figurative language strategies in M. Lomonosov's poetics: an attempt of dictionary description.

The article focuses on some problems of meta-language semantic description of M. V. Lomonosov's poetic language. A list of labels relevant for M. V. Lomonosov's poetics used in Lomonosov's language dictionary can be divided into two groups. The first one describes figurative meanings of the particular word (four tropes are included here — metaphor, metonymy, synecdoche and antonomasia). The second one describes figurative contexts (extended tropes such as periphrasis, hyperbole, irony) and figurative language phenomena which are not tropes (some types of personification, simile, allegory, myth).

«РАЗГОВОРЫ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ»
А. П. СУМАРОКОВА

Ключевые слова: разговоры в царстве мертвых, диалог, А. П. Сумароков, литература XVIII в., литературный жанр, журнал «Трудолюбивая пчела», журнал «Ежемесячные сочинения».

В статье исследуются шесть «разговоров в царстве мертвых» А. П. Сумарокова, который ввел этот малоизвестный жанр в русскую литературу. Подробно рассматривается ряд проблем, встающих при обращении к диалогам Сумарокова: проблемы авторства, источников, литературно-тематического контекста. На основе проведенного анализа доказывается, что А. П. Сумароков представляет два разных варианта диалога, тем самым создавая новую, адаптированную для русской действительности, модель «разговоров мертвых».

1

«Разговоры в царстве мертвых» — преимущественно прозаический жанр, обозначивший свое существование в русской литературе в середине XVIII — первой четверти XIX в., — оказался в русскоязычной традиции недолговечным, он не породил на русской почве особо выдающихся произведений и не оказал значительного влияния на творчество последующих писателей¹. Одно из возможных объяснений этого явления — отсутствие давних национальных традиций: в отличие от ораторской прозы, известной на Руси с XI в., и беллетристики, бытовавшей в России с XVII в., «разговоры в царстве мертвых», восходящие к античности, были заимствованы из европейской литературы только в XVIII в. Однако, несмотря на свое недолгое существование, этот жанр остается весьма интересным явлением русской прозы.

* Елена Григорьевна Исаченко, магистр филологии, младший научный сотрудник ИФИ СПбГУ.

¹ Исключение составляет разве что творчество К. Н. Батюшкова, интерес которого к этому жанру можно объяснить благоговейным отношением к творчеству его кумира и наставника Н. М. Муравьева, написавшего целый цикл «разговоров в царстве мертвых».

Возникшие в виде переводов и подражаний, «разговоры» не сразу укоренились в русской литературе, первые их оригинальные жанровые образцы появляются в 50-х годах XVIII в. в журналах. Заслуга введения жанра «разговоров в царстве мертвых» в русскую литературу неоспоримо принадлежит А. П. Сумарокову; вместе с тем, как раз эти его произведения привлекали внимание исследователей в недостаточной мере и, по существу, остаются малоизученными: в научной литературе их упоминают лишь вскользь, а то и вовсе обходят стороной (Гуковский 1962; Берков 1957; Стенник 1980).

Всего Сумароков создал шесть образцов этого жанра: «Разговор в царстве мертвых между Александром Великим и Геростратом» и «Разговор в царстве мертвых: Кортес и Монтесума», опубликованные в «Ежемесячных сочинениях» (в 1755 г. и в 1756 г.) (Сумароков 1755, 1756), — и цикл из четырех «разговоров», напечатанный тремя годами позже в майском номере журнала «Трудолюбивая пчела» (Сумароков 1759).

При обращении к шести бесспорным в жанровом отношении «разговорам в царстве мертвых», которые создал Сумароков, сразу же встает целый ряд еще не решенных проблем. Во-первых, это проблема авторства двух диалогов, опубликованных в «Ежемесячных сочинениях». Подписанные «Сочинил А. С.» и «Сочинил С.» «разговоры» были перепечатаны Н. И. Новиковым, как несомненно принадлежащие перу А. П. Сумарокова, в полном собрании его сочинений (Сумароков 1781). Вместе с тем, существует мнение, что диалоги написаны А. В. Суворовым, который, как и А. П. Сумароков, посещал «Общество любителей российской словесности» и печатался в «Ежемесячных сочинениях». Основной аргумент в пользу авторства А. В. Суворова привел в XIX в. С. Н. Глинка, сославшись на лично слышанное им свидетельство М. М. Хераскова, что «Разговоры в царстве мертвых» принадлежат не А. П. Сумарокову, а А. В. Суворову, который читал их на одном из собраний «Общества любителей русской словесности» (Глинка 1841: 11). Также С. Н. Глинка писал о том, что Сумароков пришел к жанру «разговоров мертвых» позднее и использовал его иначе, поскольку его «разговоры» заметно отличаются от этих двух тематикой и образами. Ту же версию

повторил со слов И. И. Дмитриева Н. А. Полевой с отсылками к воспоминаниям Глинки; на авторстве А. В. Суворова настаивали В. А. Милютин (Милютин 1851), П. Н. Симанский (Симанский 1911), О. А. Державина (Державина 1952). С другой стороны, П. Н. Берков в своем авторитетном труде «История русской журналистики XVIII в.» (Берков 1952: 104) атрибутирует диалоги как сумароковские сочинения, что позволяет некоторым исследователям впоследствии на него ссылаться (Алексеев 1983: 147–198). В пользу авторства Сумарокова свидетельствует и обнаруженная Л. Б. Модзалевским рукопись, с которой производился набор первого «Разговора в царстве мертвых» для «Ежемесячных сочинений». Как отмечает К. В. Пигарев в примечании к дневнику Ф. Малевского,

«рукопись эта, по определению Л. Б. Модзалевского, является автографом Сумарокова, что заставляет отнестись с недоверием к показанию М. М. Хераскова, хотя и переданному независимо друг от друга двумя современниками — С. Н. Глинкой и И. И. Дмитриевым» (Малевский 1952: 268).

Полемика по поводу авторства «разговоров» объяснима: по объему, содержанию, характеру действующих лиц и даже по стилю они очень отличаются от четырех «разговоров», напечатанных в «Трудолюбивой пчеле». В 1984 г. появилась статья Н. Марчалис (Marcialis 1984), посвященная вопросу об авторстве двух диалогов, на протяжении двухсот лет остающемуся дискуссионным. Исследовательница также заостряет внимание на том, что «разговоры» сильно различаются стилистически, к тому же они по-разному подписаны. Ссылаясь на «Словарь псевдонимов русских писателей» И. Ф. Масанова² (Масанов 1956–1960), а также на статью Д. Ф. Кобеко (Кобеко 1861: 101), который в 1861 г. атрибутировал те же рукописи как суворовские, Н. Марчалис, приводя и ряд других аргументов, приходит к выводу, что более ранний «разговор» Александра с Геростратом принадлежит А. П. Сумарокову, а «Кортес и Монтесума» — А. В. Суворову. Этого же мнения она придерживается в своей монографии о «разговорах мертвых» (Marcialis

² И. Ф. Масанов считает принадлежащим А. В. Суворову только псевдоним «С.», а А. П. Сумарокову — оба псевдонима («С.» и «А. С.»).

1989: 79). Дискуссия остается открытой, доказательств недостаточно; вместе с тем факт обнаружения Л. Б. Модзалевским рукописи все-таки позволяет видеть вышеперечисленные шесть диалогов произведениями А. П. Сумарокова, поэтому именно как сумароковские тексты они и будут рассматриваться дальше.

Самый первый в России «разговор мертвых» — «Разговор в царстве мертвых между Александром Великим и Геростратом» — был напечатан в 1755 г. Диалог строится на приеме параллели, весьма неожиданной для читателя³: Герострат уравнивает свою славу и славу Александра, потому что в основе их поступков лежала одна и та же причина — тщеславие. Гнев и гордыня царя оказываются абсурдным оружием против иронии Герострата:

«О Боги! Герострат ругается Александру!» (Сумароков 1755: 166).

Каждый довод Александра Герострат парирует еще более убедительно, располагая к себе читателя и выставляя Александра в невыгодном свете.

К концу диалога вырисовывается отнюдь не положительный образ македонского царя: подчеркнуты его себялюбие, гордость и тщеславие. Осуждается поход Александра в Индию, не оправданный насущными потребностями государства, проведенный с целью захвата чужих земель:

«Но что требовало завоевание Индии, кроме того, чтоб ты выплыв из устья реки Инда мог сказать: я был на Океане?» (Сумароков 1755: 168).

Интересно, что сходные мысли А. П. Сумароков высказывает в трактате «О несогласии», опубликованном в апрельском номере «Трудолюбивой пчелы»:

«Ежели бы у всех людей сердца были честны и разумы просвещены, и все бы люди в добродетели геройствовали <...> Александр не зашел бы в отдаленную Индию умерщвлять безвинных чело­веков» (Сумароков 1759: 234).

³ Стоит отметить, что классик жанра «разговоров в царстве мертвых» Б. Фонтенель значительную часть своих диалогов строит, используя прием параллели. Но его параллели — вовсе не выстраивание предсказуемых сопоставлений, напротив, автору удается сопоставить несопоставимое. Как отмечает М. Анришо (Henrichot 2004), «эффект неожиданности составляет всю соль “параллелей” Фонтенеля» — *перевод автора*.

Это является дополнительным аргументом в пользу авторства Сумарокова⁴.

На фоне всеобъемлющей жестокости царя желание Герострата «показать, что великолепие света вдруг в ничто обращается и что все на свете суета» (Сумароков 1755: 170) выглядит весьма безобидной мотивировкой его поступка. Как бы не тщился Александр Македонский доказать свое преимущество, утверждение Герострата, доказывающего обратное, неоспоримо:

«Оба мы основанием дел наших имели тщеславие и оба живем в истории: ты разорителем вселенной, а я Эфесского храма» (Сумароков 1755: 170).

Исследователи ставят в вину автору диалога незаконченность произведения, которую они видят в том, что ничья позиция к концу спора не перевешивает. К. Осипов, П. Н. Симанский, К. В. Пигарев (Осипов 1955; Пигарев 1946; Симанский 1911), придерживаясь точки зрения авторства Суворова, видят причину незавершенности диалога в отсутствии литературного опыта и недостаточной талантливости А. В. Суворова как писателя. При признании авторства А. П. Сумарокова данная аргументация теряет все основания, следовательно, объяснение должно быть иным. Диалог кажется не столько незаконченным, сколько бесконечным: очевидно, что спор может продолжаться еще долгое время и на каждый аргумент Александра Герострат найдет свой. Этой открытостью финала «разговор» очень напоминает диалоги Б. Фонтенеля, в которых авторские симпатии тоже не выходят на первый план и спорящие имеют каждый свою правду. Не исключено, что автор «Разговора в царстве мертвых между Александром Великим и Геростратом» ориентировался на «разговоры» Б. Фонтенеля, ставшие уже классическими.

Несомненный интерес представляет проблема литературно-тематического контекста данного «разговора». Необходимо отметить, что из всех выявленных русскоязычных «разговоров», как оригинальных, так и переводных, лишь в одном диалоге, помимо анализируемого, участвует Герострат — в «разговоре»

⁴ Однако убежденная в авторстве А. В. Суворова О. А. Державина в одной из своих статей утверждает, что эти мысли А. П. Сумароков мог позаимствовать у полководца (Державина 1952).

Б. Фонтенеля «Герострат и Деметрий Фалерский». На русском языке он был впервые опубликован в журнале «Праздное время» в 1760 г. в переводе П. И. Пастухова (Фонтенель 1760). У Б. Фонтенеля Герострат тоже утверждает свою правоту, говоря, что зодчий соорудил Эфесский храм из того же желания прославиться, из какого он, Герострат, его сжег, а

«земля подобна великим скрижалям, на которых каждый желает написать свое имя. Если уже они все исписаны, то надобно изгладить написанное на них и помещать новые имена» (Фонтенель 1821: 139).

В обоих диалогах преступник Герострат убежден, что нет ничего действительно достойного бессмертия, и заставляет читателя не только прислушаться и согласиться со справедливостью его доводов, но и проникнуться к нему симпатией.

В отличие от Герострата, Александр в «разговорах» встречается сравнительно часто, причем личность и деяния его оцениваются преимущественно негативно. В трех из тридцати «разговорах» Лукиана, где участвует Александр, собеседники царя осмеивают его тщеславие, гордыню, самообожествление (Лукиан 1987)⁵. В этом же обвиняет царя Диоген в «разговоре» Ф. Фенелона «Диоген и Александр», на что Александр, не таясь, отвечает, что поддерживал миф о своем божественном происхождении, дабы ему поклонялись и почитали его. В другом «разговоре» французского писателя философ Аристотель осуждает своего воспитанника за то, что тот позволил отдать себя «трех родов неприятелям: гордости, страстям и ласкателям», (Фенелон 1768: 99) и это послужило причиной его бездумного правления⁶. В разговоре «Пирр и Дмитрий Полиорцет» высказана еще одна негативная оценка правителя: он

«был бы благополучнее, будучи царем в Македонии, нежели бегая по всей Азии, как бешеный» (Фенелон 1768: 113).

Жестокие поступки Александра Македонского едва ли заслуживают снисхождения. В «разговоре» Ф. Фенелона «Александр и Клит» царь объясняет командиру царских телохранителей:

⁵ В диалогах Лукиана развенчивается миф о том, что Александр — сын Аммона, ибо он оказался смертным.

⁶ Стоит напомнить, что разговоры Ф. Фенелона служили наставлением наследнику, внуку Людовика XIV, герцогу Бургундскому, поэтому образ Александра в основном был использован классиком, чтобы показать, каким НЕ должен быть идеальный правитель.

«Когда я тебя убил, я тогда очень пьян был» (Фенелон 1768: 100).

Однако и в царстве мертвых правление, мотивированное тщеславием, кажется Александру единственно верным:

«Если бы я по предписанию благоразумия их располагал мужеством и счастьем моим, то обо мне почти ничего бы и не говорили» («Александр и Фрина») (Фенелон 1768: 7).

О. А. Державина полагает, что «разговор» является откликом на политические события своего времени: в нем осуждаются войны из-за тщеславия правителей, не оправданные насущными потребностями государства, а именно Семилетняя война с Пруссией (Державина 1952).

Нельзя с точностью утверждать, является ли «Разговор в царстве мертвых между Александром Великим и Геростратом» оригинальным произведением или же переводом (по крайней мере, его прямой источник неизвестен), но некоторое идейное сходство с классическими «разговорами мертвых», прослеженное выше, может свидетельствовать об ориентации А. П. Сумарокова на жанровые образцы. Так или иначе, образ жестокого правителя, для которого собственное тщеславие выше нужд подданных, выведенный в диалоге, уподоблен преступнику, что свидетельствует об авторских установках и может быть сочтено откликом на события своего времени.

Основная мысль предыдущего диалога прямо не эксплицирована, она вычитывается из текста, тогда как в «Разговоре в царстве мертвых: Кортес и Монтесума», опубликованном годом позже, главная идея вынесена в эпиграф: «Благость и милосердие потребны героям». «Разговор» сильно отличается от предшествующего: в нем не найти и тени иронии, оживлявшей диалог Герострата с Александром. Участники произносят длинные монологи, что нарушает главное правило ориентированного на живую речь жанра — его краткость — и затрудняет восприятие. Диалог реконструирует события начала XVI в. — завоевание Мексики. Ставшая уже традиционной для XVIII в. тема колониальных захватов испанцев и притеснения ими аборигенов поворачивается в «разговоре» под новым углом: Кортес неожиданно предстает в выгодном свете; именно ему, по мнению автора диалога, присущи благость и милосердие, тогда как в Монтесуме читатель видит чудовищного тирана,

жестоко обращавшегося с собственными подданными. Кортес противопоставляет себя правителю ацтеков:

«Благодать моя с союзниками моими и милосердие мое с побежденными, гордость же твоя и тиранство твое над подданными твоими послужили мне главной помощью в завоевании царства Мексиканского» (Сумароков 1756: 30).

По словам М. П. Алексеева, перуанский сюжет был известен русской литературе из сочинений Вольтера «Альзира, или Американцы», также был хорошо знаком диалог Б. Фонтенеля «Кортес и Монтесума», ровно как и «перуанская страница» в его «Беседах о множестве миров» (Алексеев 1964: 93–94). Уже М. В. Ломоносов включил эпизод о разграблении Америки из-за алчности испанцев в свое «Письмо о пользе стекла»:

Им <американцам. — Е. И.> оны времена не будут ввек забвенны,
Как пали их отцы для злата побиенны (Ломоносов 1986: 239).

Строки о жестоком обращении испанцев с аборигенами Америки можно найти в балете А. П. Сумарокова «Прибежище добродетели»:

Как жители пришли сюда другой вселенной,
И нашу зделали, пограбивъ злато, пленной,
<...> Колико Шпанцы вы неправедны и злобны!
Не дикимъ вы зверямъ, но фуриямъ подобны! (Алексеев 1964: 94).

Сходные мысли⁷ высказаны и в его стихотворении «О Америке» 1759 г.:

Коснулись Европейцы суши,
Куда их наглость привела... (Сумароков 1781: 168).

Н. М. Карамзин в «Послании к А. А. Плещееву» (1794 г.) выразил сложившееся к концу XVIII в. отношение русской просветительской мысли к современной Америке:

Смельчак, Америку открывший,
Пути ко счастью не открыл;
Индийцев в цепи заключивший
Цепями сам окован был (Карамзин 1964: 41–42).

⁷ Стоит отметить, что взгляды Сумарокова по поводу испанских захватов, выраженные в этих двух произведениях, ровно противоположны тем, что высказаны в диалоге Кортеса и Монтесумы, что позволяет усомниться в его авторстве. Однако тема идеального государя и государя-тирана, проходящая в диалоге красной нитью, является для Сумарокова основной в течение многих лет.

Нелицеприятный образ Кортеса создан в одном из «разговоров» английского писателя Д. Литтлтона: Вильгельм Пенн, кванкер осуждает Кортеса за жестокость и бесчеловечность, припоминая его злодеяния, такие как пытка государя Гватимозина на горящих углях и др. Кортес признает свою жестокость, объясняя ее правом, полученным его государем от Папы:

«Никогда, никогда не могу быть блажен, когда токмо вспомню зло, содеянное мною. Но я думал, что поступал справедливо и что тем самым старался о преуспевании славы Божьей...» (Литтлтон 1788: 206).

Крайне негативный образ Кортеса вырисовывается и в «разговоре в царстве мертвых между Коломбом и Лас-Казасом», переведенном с французского языка Н. Федоровым (Малле 1792).

Как обычно в случае с произведениями XVIII в. несомненную важность имеет вопрос об иностранных источниках «Кортеса и Монтесумы». М. П. Алексеев (Алексеев 1964: 94) полагал, что сумароковский диалог «Кортес и Монтесума» восходит к одноименному диалогу Б. Фонтенеля (Фонтенель 1821), однако у французского писателя герои спорят о преимуществе Европы над Америкой. Текст Фонтенеля, если и связан с сумароковским «разговором», то очень косвенно. Надо сказать, что работа А. П. Сумарокова с источниками могла носить вольный характер, что показано, например, в статье В. П. Степанова. Исследуя загадочный разговор «Ирсинкус и Касандр», В. П. Степанов проследил, как свободно при написании диалога А. П. Сумароков использовал «Разговоры в Тверской семинарии», напечатанные анонимно и написанные разными авторами (Степанов 1993). Н. Марчалис, исследуя диалог, тоже отмечает, как мало у него общего с фонтенелевским текстом; она полагает, что диалог мог быть переводом или адаптацией некоего немецкого источника (Marcialis 1989: 88).

А. О. Демин в докладе «Разговор в царстве мертвых “Кортец и Мотецума: Благость и милосердие потребны героям” (1756). Литературный источник и исторический контекст»⁸ высказал гипотезу о том, что автор диалога опирался на «Историю

⁸ Доклад прошел на заседании отдела русской литературы XVIII в. Пушкинского дома 25 апреля 2013 г.

о покорении Мексики» Антона Солисы⁹. Русский перевод (Солис-и-Рибаденейра 1765), выполненный Василием Лебедевым, вышел только в 1765 г., но немецкий и французский переводы находились в российских библиотеках начиная с первой трети XVIII в.; один из них вполне мог послужить источником «разговора в царстве мертвых». Однако для доказательства данной точки зрения необходимо провести тщательное сравнение переводов с текстом диалога. Как и О. А. Державина, А. О. Демин полагает, что диалог, предмет полемики которого — оценка испанского завоевателя, в связи с близостью Прусской войны был памфлетом против агрессора Фридриха II. Проблема источников очень важна, однако, оставляя ее в стороне, подчеркну еще раз, что два первых диалога А. П. Сумарокова, по-видимому, носят подражательный характер.

2

К иному типу относятся представляющие несомненный интерес «разговоры» «Трудолюбивой пчелы». Как отмечает В. Г. Березина (Березина 1960: 15), высказанная Геростратом в рассмотренном выше диалоге мысль о том, что в царстве мертвых все равны («Здесь все в одном почтении, и нет здесь никакого разделения между царем и невольником» (Сумароков 1755: 165–166)), будет основной в произведениях данного жанра, помещенных в «Трудолюбивой пчеле». В мартовском номере журнала было опубликовано четыре «разговора мертвых» Лукиана, переведенных с греческого Г. Козицким, а в майском выпуске А. П. Сумароков напечатал уже собственные «разговоры». В них лукиановские мысли о равенстве мертвых и о притеснении бедных богатыми на земле находят прямое продолжение. Четыре диалога: «Скупой и мот», «Высокомерный и низкомерный», «Господин и слуга», «Медик и стихотворец», — объединенные общим заголовком «Разговоры мертвых», отличаются от двух диалогов «Ежемесячных сочинений» прежде всего необычным составом беседующих. Вопреки существовавшей тогда

⁹ Antonio de Solis y Ribadeneyra Historia de la conquista de México, población y progresos de la America septentrional conocida con el nombre de Nueva España, 1684.

традиции в «разговоре» принимают участие не исторические лица Древнего мира и не мифологические персонажи, а носители общественных пороков, представители отдельных сословий. Направленные не только против неизменных и вечных пороков человечества, но и против явлений социальной реальности России 60-х годов XVIII в., диалоги, по мнению Н. Марчалис (Marcialis 1989: 105–106), являются далеко не вторичными текстами русской сатирической журналистики.

Открывается цикл диалогом «Скупой и мот», в котором герои ведут спор о бренности земного богатства. Примечательно, что мот наделяется положительными чертами, вызывает читательскую симпатию, вопреки литературной традиции XVII–XVIII вв. В загробном мире он не скорбит о потерянном имуществе, хвалится тем, что «ел и пил сладко», пока скупой, оберегая свое богатство, «мер с голоду», радуется, что в Аиде «должники никого не мучат». Напротив, жизнь скупого вызывает лишь сожаление:

«Иногда я действую, а иногда мыслю, собирая сокровища, располагая к собиранию оного учреждения моего предприятия, услаждался» (Сумароков 1759: 287).

Единственное, о чем он жалеет, — это что «смерть всех грабителей жесточе», ибо «не знает никаких договоров и все отнимает». Спорящие не приходят к согласию: удрученный своим «горем» скупой будто не слышит доводов собеседника. Проблематика этого диалога во многом связана с тем, что, по словам П. Н. Беркова, «роскошь придворной и столичной жизни при Елизавете и Екатерине приняла такие формы», что «тема “денег”, “богатства”, <...> “скупости”, “мотовства” стала одной из самых актуальных» в творчестве писателей XVIII в., в том числе и А. П. Сумарокова (Берков 1957: 9). Достаточно вспомнить комедию сумароковского противника В. И. Лукина «Мот любовью исправленный». Подробное описание «повреждения нравов в России» можно найти в одноименном памфлете 1786 г. князя М. М. Щербатова (Щербатов 1983). Также в диалоге присутствует сатира против коррупции и бюрократии: Мот цинично осведомлен об экономическом удобстве долгов. По мнению В. Е. Калгановой, в своих диалогах Сумароков смеется над читательским ожиданием: тогда как у Лукиана умерший резко

меняет свою сущность в загробном мире, у русского писателя перемены не происходит, напротив, в царстве теней человеческие недостатки усугубляются (Калганова 2006: 40–43).

Не менее злободневен второй «разговор» цикла — «Высокомерный и низкомерный». В уравнивающем всех загробном царстве снова сталкиваются две правды, два типа поведения, только на сей раз ни один из собеседников не вызывает читательской симпатии. Низкомерный — Молчалин XVIII в.¹⁰:

«Я положил себе такой в жизни устав, чтоб не только приласкиваться к холопьям больших господ, но и собакам их...» (Сумароков 1759: 301), —

переживает, что в Аиде равенство и не перед кем кланяться. Он похваляется тем, что ему «многих великих господ не только лакеи, но и камердинеры друзья были». Недалеко от него ушел по своим качествам и высокомерный, который кичится единственной своей «заслугой» — происхождением от знатного рода и сетует, что нет в мире мертвых страха, а значит и почтения. Как отмечает Н. Марчалис, в заключении, как и в диалогах Фонтенеля, обе стороны обнаружат, что они достойны друг друга, ибо оба любили только себя (Marcialis 1989: 106–109).

А. П. Сумароков в данном диалоге не только высмеивает низкопоклонство и спесь, подменяющие реальные заслуги дворянина, но и затрагивает важную для XVIII в. проблему — критики сословного чванства дворян. Необоснованная гордость своей родословной нередко становилась объектом обличения писателей XVIII в. Достаточно вспомнить сатиру А. Д. Кантемира «На зависть и гордость дворян злонравных». Сам А. П. Сумароков обращался к этой теме не раз, например в своей эпиграмме 1756 г. «Не вознесем мы великими чинами» (Сумароков 1957: 252), в сатире 1771 г. «О благородстве» (Сумароков 1957: 189), а также в комедии «Рогоносец по воображению», где критика невежественных помещиков, кичащихся своим благородным происхождением, вложена в уста служанки Нисы:

¹⁰ Это отметила в своей статье В. Г. Березина (Березина 1960: 15), проиллюстрировав цитатами из А. С. Грибоедова «Мне завещал отец...» и «там москью вовремя поглядит...».

«Нет несноснее той твари, которая одною тенью благородного имени величается и которая, сидя возле квашни, окружена служителем в лаптях и кушаках <...> боярским возносится титлом» (Сумароков 1990: 394).

В рассматриваемом диалоге А. П. Сумароков рисует образ идеального правителя: «большие господа не только почтения, но и любви достойны, ежели они душевные достоинства и попечения об общем или об участном благополучии народа имеют и ежели не своей, но народной пользы ищут», однако тут же признает его утопичным. Слова низкомерного отражают печальную картину русской государственной жизни:

«...а мое мнение то, чтоб они <государя. — Е. И.> делали добро тем, которые, их обманывая, им льстят и кланяются» (Сумароков 1759: 301).

Стоит отметить, что к теме идеального монарха А. П. Сумароков обращался не раз; особого внимания заслуживает его «Слово на день коронавания Екатерины II», где, по словам Е. М. Матвеева, актуализируется вертикаль «истина — императрица» (Матвеев 2009: 110).

Сатира А. П. Сумарокова достигает апогея в третьем диалоге цикла «Господин и слуга». Господин, требующий, чтобы ему прислуживали и после смерти, в ходе разговора со своим слугой обнажает все свои пороки: привычку быть хозяином жизни, плохое обращение со слугой («тебя за наглые слова надобно сечь» (Сумароков 1759: 303)), злоупотребление своим служебным положением, взяточничество. Причем свой образ жизни бывший судья признает вполне законным:

«Когда я дело вершу и доставляю человека десятью тысячами рублей; так убыточно ли ему, когда он десятою частью за то меня подарит да двадцатую часть за труды даст подъячим» (Сумароков 1759: 303).

По мнению В. Г. Березиной,

«разговор “Господин и слуга” — не только самая острая статья в “Трудолюбивой пчеле”, но одно из ярких произведений русской сатирической журналистики XVIII в. вообще» (Березина 1960: 19).

Этот «разговор», как и предыдущий, связан с вопросом о природе и сущности благородного сословия, т. е. о правах и обязанностях дворянства. После обнародованного Петром III

и подтвержденного императрицей Екатериной II «Манифеста о вольности дворянства» (1762), превратившего дворян из служилого сословия в привилегированное, острота этих проблем стала особенно очевидна. Они постоянно занимали и А. П. Сумарокова, для которого признание дворянства в качестве высшего привилегированного сословия всегда неразрывно связывалось с целым комплексом требований как к самому сословию, так и ко всей системе государственных институтов. Самодурство же становится предметом колких насмешек писателя. Например, в уже упомянутой выше сатире «О благородстве»:

Какое барина различье с мужиком?

И тот и тот — земли одушевленный ком.

А если не ясны ум барский мужикова,

Так я различия не вижу никакого (Сумароков 1957: 189),

а также в образе дикой и своенравной помещицы Бурды (комедия «Вздорщица») по-своему предвосхищаются некоторые черты характера фонвизинской госпожи Простаковой.

Последний диалог цикла «Медик и стихотворец» стоит несколько особняком, это не сатира на социальное явление, а литературная пародия: в образе стихотворца выведен литературный противник А. П. Сумарокова. Ю. В. Стенник утверждает, что в диалоге содержатся скрытые сатирические нападки на М. В. Ломоносова и высмеивается поэтический стиль его од (Стенник 1986: 413). Об этом же десятилетием раньше писала в своей статье о «Трудолюбивой пчеле» В. Г. Березина (Березина 1960). Как отметил П. Н. Берков, на страницах сумароковского журнала велась энергичная борьба с Ломоносовым, с политической и эстетической позицией которого издатель «Трудолюбивой пчелы» уже давно сводил счеты (Берков 1952: 118). Учитывая острую литературную полемику между Сумароковым и Ломоносовым, о которой не раз писали исследователи (Берков 1936), и приведенные Ю. В. Стенником строки из Ломоносовских од, перекликающиеся с текстом «разговора» (Стенник 1986), Н. А. Гуськов полагает, что смысл сатирического диалога сложнее, нежели просто антиломоносовский выпад. Исследователь называет его (вместе со «Вздорными» одами А. П. Сумарокова, которые также были нападками на М. В. Ломоносова) «жанровой пародией в целом (подобно

комической поэме, пародирующей героическую)» (Гуськов 2009: 24).

А. П. Сумароков, сторонник сатиры не назидательной, а острой, был автором многочисленных нападок на бездарных, по его мнению, сочинителей и использовал сатиру как средство литературной борьбы. В 1750-х годах им были написаны «Оды вздорные», направленные против М. В. Ломоносова, который добился распоряжения президента Академии наук их не печатать. В сумароковской комедии «Ядовитый», как полагает Ю. В. Стенник, в образе злоязычника Герострата одновременно угадываются черты личности писателя Ф. Эмина и поэта И. С. Баркова (Стенник 1990). Еще больше нападок терпят от А. П. Сумарокова поэты-одописцы, последователи М. В. Ломоносова. В 1766 г. он пишет стихотворение «Дифирамб Пегасу» — едкую пародию на оду В. П. Петрова «На карусель»; в этом стихотворении, высмеивая поэтическую систему Петрова, поэт совмещает приемы, использовавшиеся ранее в пародийных «вздорных одах». Еще более известная сатира А. П. Сумарокова «О худых рифмоторцах» направлена против создателей «пухлых од» и «невеж», берущихся за переводы (Сумароков 1957: 199–202). Х. Шредер (Schroeder 1962: 157) полагает, что объектом нападок в ней являются оды М. В. Ломоносова. Однако Ю. В. Стенник в своей статье, посвященной этой сатире, доказывает, что она направлена не против М. В. Ломоносова, а против В. П. Петрова и В. Рубана, «представителей более молодого поколения поэтов, претендовавших в новых условиях выступать его продолжателями, а на деле оказывавшихся зачастую всего лишь посредственными подражателями» (Стенник 1983: 255). Тому же предмету посвящена притча «Александрова слава»: по мнению Ю. В. Стенника, в ней все указывает на В. П. Петрова. Продолжающий традицию сатиры как средства литературной борьбы четвертый, заключительный, диалог Сумарокова представляет безусловный интерес и может быть предметом отдельного рассмотрения.

Таким образом, А. П. Сумароков представляет два разных варианта диалога: умозрительный, продолжающий традиции европейских «разговоров мертвых», и диалог сатирического

характера, лишь внешне связанный со структурообразующими доминантами этого жанра¹¹.

Четыре комических диалога 1759 г., прежде всего, лишены важнейшего свойства «разговоров мертвых» — идентификации героев с реальными историческими лицами, то есть обнажения историко-культурной пресуппозиции текста. Вводя в «разговор мертвых» социальные типы, А. П. Сумароков отказывается от принципа узнаваемости, тем самым размывая один из главных жанровых принципов диалога мертвых: это не продолжение разговора в мире земном, а диалог, по сути, невозможный между двумя собеседниками в реальном мире (Henrichot 2004). Диалоги «Трудолюбивой пчелы», при всех своих отличиях, составляют некую относительно цельную группу произведений. В частности, их объединяет стилистическая манера: в ней явно узнается «почерк» сумароковских сатирических сочинений, например его басен, комедий (в отличие от двух первых дидактических диалогов).

Интересно, что при всех отличиях второй группы диалогов от жанровых образцов, А. П. Сумароков почему-то озаглавил их «разговоры в царстве мертвых». Возможно, это была дань моде, так как, по мнению Н. Н. Булич, «всякая литературная форма», известная на Западе, «вызывала его <А. П. Сумарокова. — Е. И.> деятельность, и страстно стремился он усвоить ее своему отечеству, забывая о том, естественна она или нет» (Булич 1854: 99). Так или иначе, можно утверждать, что, публикуя свой цикл, А. П. Сумароков создает новую по сравнению с французской литературной традицией модель «разговоров мертвых». Возможно, писатель обращался и к другим европейским традициям, в частности, к немецкой, но этот вопрос остается открытым. С уверенностью можно утверждать, что в русской традиции¹²

¹¹ Формальные признаки, отличающие «разговоры мертвых» от других диалогов, были подробно описаны М. Анришо (Henrichot 2004), это: краткость; единство действия, внутреннего времени и места (языческий ад — константа диалогов мертвых, особое пространство без границ, снимающее отличие между собеседниками); ведущие диалог — мертвые; это диалог, по сути, невозможный между двумя собеседниками в реальном мире; герои диалога должны быть узнаваемыми, правдоподобными и отличающимися друг от друга.

¹² Составленный мною корпус текстов «разговоров в царстве мертвых» насчитывает 54 оригинальных и 167 переводных «разговора» <комментарий автора>.

«разговоры» такого типа, кроме сумароковских, встречаются крайне редко. Как правило, русские «разговоры» продолжают, как и первые два диалога Сумарокова из «Ежемесячных сочинений» классическую традицию жанра. Между тем вскоре после появления в «Трудолюбивой пчеле» сумароковских «разговоров» одни за другими публикуются похожие диалоги М. М. Хераскова, В. А. Приклонского, М. Д. Чулкова (Приклонский 1761; Херасков 1760; Чулков 1769). Это уже не калькирование европейских «разговоров», не механическое подражание: вслед за А. П. Сумароковым авторы делают попытку приблизить содержание диалогов к русской действительности. Исследование развития сумароковской традиции в творчестве данных авторов представляет бесспорный интерес и может стать целью последующих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев 1964 — *Алексеев М. П.* Очерки по истории испанско-русских литературных отношений XVII–XIX вв. Л., 1964.
2. Алексеев 1983 — *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983.
3. Березина 1960 — *Березина В. Г.* Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759) // Вопросы журналистики. Межвузовский сборник статей. Л., 1960. Вып. 2, кн. 2. С. 3–37.
4. Берков 1936 — *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. М.; Л., 1936.
5. Берков 1952 — *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
6. Берков 1957 — *Берков П. Н.* Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // Сумароков А. П. Избранные произведения. 2-е изд. Л., 1957. С. 5–46.
7. Булич 1854 — *Булич Н. Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.
8. Глинка 1841 — *Глинка С. Н.* Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова: в 3 ч. Ч. 1. СПб., 1841.
9. Гуковский 1962 — *Гуковский Г. А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: в 10 т. Т. 3. М.; Л., 1962. С. 349–420.
10. Гуськов 2009 — *Гуськов Н. А.* А. П. Сумароков. Биография. Формирование литературной позиции. СПб., 2009.
11. Державина 1952 — *Державина О. А.* «Разговоры в царстве мертвых» А. В. Суворова // Ученые записки Московского городского института имени В. П. Потемкина. М., 1952. Т. XX. Вып. 2. С. 43–53.

12. Калганова 2006 — *Калганова В. Е.* Время и пространство в жанре «разговора» в просветительской сатире в России (на примере творчества А. П. Сумарокова) // XI Пушкинские чтения: матер. междунар. науч. конф. СПб., 2006. Т. 1. С. 40–43.
13. Карамзин 1964 — *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 41–42.
14. Кобеко 1861 — *Кобеко Д. М.* Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века // Библиографические записки. 1861. № 4.
15. Литтельтон 1788 — *Литтельтон Д.* Беседы душ великих и малых людей. СПб., 1788.
16. Ломоносов 1986 — *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986.
17. Лукиан 1987 — *Лукиан Самосатский.* Избранное. М., 1987.
18. Малевский 1952 — *Малевский Ф.* Пушкин в дневнике Франтишка Малевского // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952.
19. Малле 1792 — *Малле Ж. Л.* Разговор в царстве мертвых между Коломбом и Лас-Казасом // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1792, апрель. Ч. LXX. С. 82–83, 101–116.
20. Масанов 1956–1960 — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1956–1960.
21. Матвеев 2009 — *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII в.: панегирик в светской и духовной литературе. СПб., 2009.
22. Милютин 1851 — *Милютин В. А.* Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Ежемесячные сочинения. Журнал 1755–1764 гг. // Современник. СПб., 1851. Т. 25, январь. Отд. 2. С. 1–52.
23. Осипов 1955 — *Осипов К.* Александр Васильевич Суворов. М., 1955.
24. Пигарев 1946 — *Пигарев К. В.* Солдат-полководец. Очерки о Суворове. М., 1946.
25. Приклонский 1761 — *Приклонский В. А.* Разговоры в царстве мертвых // Полезное увеселение. 1761. Ч. 1, апрель. С. 129–134.
26. Симанский 1911 — *Симанский П. Н.* Опыт исследования суворовской литературы // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. Кн. 1. 1911.
27. Солис-и-Рибаденейра 1765 — *Солис-и-Рибаденейра А. де.* История о покорении Мексики или Новой Гишпани. Ч. 1–2. СПб., 1765.
28. Стенник 1980 — *Стенник Ю. В.* Сумароков // История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 542–570.
29. Стенник 1983 — *Стенник Ю. В.* Из истории литературной полемики 1770-х гг.: (Сатира Сумарокова «О худых рифмотворцах») // Русская литература XVIII — нач. XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 251–260.
30. Стенник 1986 — *Стенник Ю. В.* Комментарии // Русская сатирическая проза XVIII века. Л., 1986. С. 413–418.
31. Стенник 1990 — *Стенник Ю. В.* Сумароков — драматург: вступительная статья // Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л., 1990. С. 3–34.
32. Степанов 1993 — *Степанов В. П.* Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр» // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 31–39.

33. Сумароков 1755 — *Сумароков А. П.* Разговор в царстве мертвых между Александром Великим и Геростратом // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Ч. 2. С. 165–170.
34. Сумароков 1756 — *Сумароков А. П.* Разговор в царстве мертвых: Кортес и Мотесума // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1756. Ч. 2. С. 18–30.
35. Сумароков 1759 — *Сумароков А. П.* Разговоры мертвых // Трудолюбивая пчела. СПб., 1759. Ч. 1, май. С. 287–305.
36. Сумароков 1781 — *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе / изд. Н. Новикова. Ч. IX. М., 1781.
37. Сумароков 1957 — *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957.
38. Сумароков 1990 — *Сумароков А. П.* Драматические произведения. Л., 1990.
39. Фенелон 1768 — *Фенелон Ф.* Новые разговоры мертвых, а также повести и басни, сочиненные для воспитания молодого государя. СПб., 1768.
40. Фонтенель 1760 — *Фонтенель Б.* Разговор между Геростратом и Деметрием Фалерским // Праздное время, 1760. С. 307–312.
41. Фонтенель 1821 — *Фонтенель Б.* Разговоры в царстве мертвых древних и новейших лиц. СПб., 1821.
42. Херасков 1760 — *Херасков М. М.* Разговоры в царстве мертвых // Полезное увеселение. 1760, февраль. С. 81–88.
43. Чулков 1769 — *Чулков М. Д.* Разговоры мертвых // И то и сие. 1769, сентябрь.
44. Щербатов 1983 — О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М., 1983.
45. Henrichot 2004 — *Henrichot M.* Le dialogue est-il un genre? L'exemple du dialogue des morts // Cometes. № 1. 2004.
46. Marcialis 1984 — *Marcialis N.* Due “dialoghi nel regno dei morti” tra Suvorov e Sumarokov // Europa Orientalis 3. 1984. P. 113–123.
47. Marcialis 1989 — *Marcialis N.* Caronte et Caterina, dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII. Roma, 1989.
48. Schroeder 1962 — *Schroeder H.* Russische Verssatire im 18. Jahrhundert. Koln, Graz, 1962.

E. Isachenko. Dialogues of the Dead of A. P. Sumarokov.

This article examines six Dialogues of the Dead of A. P. Sumarokov who was the first to introduce this genre in Russian literature. This study touches upon a wide range of important issues such as attribution, literary sources, literary and thematic context of his dialogues. The author, based on the detailed analysis, proves that Sumarokov presents two different types of dialogue: speculative and satiric. The first one continues the traditions of European Dialogues of the Dead while the second one barely connected to the formal structure of this genre. Consequently, Sumarokov creates a new model of the Dialogues of the Dead adjusted to the Russian reality.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹

Ключевые слова: история русского языка, исторический синтаксис, относительное подчинение, литературный язык нового типа.

Работа посвящена историческому синтаксису русского языка. Анализируется метод, представленный в известной книге G. Hüttl-Folter “Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache” (1996). В статье говорится о том, что своим возникновением метод обязан развитию другой дисциплины — истории литературного языка, а его содержание не ограничивается, как принято думать, полнотой статистических подсчетов и сопоставлением переводных текстов с иноязычными оригиналами. Смысл метода состоит в изучении (1) правил употребления синтаксических конструкций в пределах одного текста, (2) зависимости этих правил от коммуникативного задания текста и его отношения к существующим письменным традициям. Во второй части статьи на развернутом примере показано, что в русском языке первой половины XVIII в. эти правила зависят также от того, является ли текст переводным или оригинальным, печатным или рукописным.

По общему мнению, синтаксис является одной из наименее исследованных областей истории русского языка. Трудно не согласиться с В. М. Живовым, отмечавшим, что

«те суммирующие работы (например, Т. П. Ломтева или В. И. Борковского), которые определяют общий взгляд на характер исторических процессов, давно и безнадежно устарели — как по методам синтаксического анализа, оставшимся на уровне школьной грамматики, так и по способам обработки и эксцерпирования письменных источников, в целом игнорирующим разнородность средневекового узуса» (Живов 1997: 58).

* Василий Михайлович Круглов, д-р филол. наук, зав. Большой словарной картотекой русского языка Института лингвистических исследований РАН.

¹ Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного 28 марта 2013 г. в ИЛИ РАН на Международной научной конференции «Русская историческая лексикология и лексикография XVIII–XIX вв.», посвященной 100-летию со дня рождения Ю. С. Сорокина.

Действительно, обзорные работы по древнерусскому синтаксису, в частности, посвященные сложному предложению (см., напр., Борковский 1979), представляют собой самый первый этап структурно-семантического описания языковых явлений и не стремятся дать ответа на вопрос, как была устроена система синтаксических средств древнерусского языка: была ли она единой, либо состояла из нескольких подсистем, насколько устойчивыми и проницаемыми были границы этих подсистем, каков был характер парадигматических связей между отдельными единицами и какими изменениями была затронута система в целом в разные исторические периоды.

В настоящей статье рассматриваются содержание и истоки метода, который, возможно, способен приблизить нас к решению названных проблем. В своем окончательном виде он был реализован в работах Г. Хютль-Фольтер и сформировался в контексте изучения языковой ситуации начала XVIII в. — периода, когда в максимальной степени проявились вариативность нормы и проницаемость границ письменных традиций. Ниже мы постараемся показать, что, если в момент своего основания история русского литературного языка, появившаяся, по замечанию Н. И. Толстого, как бы внезапно и почти не имевшая предыстории², в стремлении создать «цельную и безупречную систему» (Виноградов 1938: 4) представляла собой едва ли не механическое соединение нескольких частных дисциплин (исторической фонетики, исторической грамматики, исторической лексикологии и истории литературных стилей)³, то со временем, по мере оформления своих собственных методов,

² Ср.: «По сути дела, такая дисциплина, как история русского литературного языка, почти не имела предыстории. Она началась как бы внезапно в конце тридцатых и серьезно заявила о себе в сороковых и пятидесятых годах и у нас, и в зарубежных славянских странах» (Толстой 1998: 454–455).

³ Эти дисциплины перечислены уже в первом абзаце предисловия: «История русского литературного языка — область почти неисследованная. Очень мало изучен язык великих русских писателей как XVIII, так и XIX в. Основные этапы эволюции литературно-языковых явлений не установлены. Нет ни исторической фонетики, ни исторической грамматики, ни исторической лексикологии русского языка. Препятствием к построению истории русского литературного языка является также и недостаточная разработанность истории литературных стилей» (Виноградов 1938: 3, Предисловие ко второму изданию).

она уже сама смогла дать толчок к развитию этих направлений, в ряду которых исторический синтаксис не стал исключением.

Историю истории русского литературного языка принято начинать с известной книги В. В. Виноградова, увидевшей свет в 1934 г. и переизданной спустя четыре года в переработанном и дополненном виде (Виноградов 1938). Н. И. Толстой писал, что в своих «Очерках» Виноградов «намечал непроторенные пути в развитии науки о русском языке, создавал новую дисциплину <...> не имевшую дотоле прочных основ ни в фактологическом, ни в методологическом плане» (Толстой 1982: 4).

В книге задаются хронологические границы истории литературного языка Нового времени. Изложение начинается с характеристики языковой ситуации второй половины XVII в., когда, по мнению автора, «резко проявился внутренний распад системы церковно-славянского языка, обозначившийся еще в XVI в.». Процесс этого распада В. В. Виноградов связывает с влиянием двух тенденций: с одной стороны, с «национализацией и демократизацией литературного языка», под которыми понимаются «рост литературного значения “светских” — деловых, публицистических, повествовательных — стилей русского письменного языка» и «расширение литературных прав бытовой речи», с другой — с процессом европеизации, проявлявшимся в том, что

«европеизмы» проникали в самый церковно-литературный язык и углубляли в нем идеологические и структурно-стилистические противоречия» (Виноградов 1938: 5–6).

Особое внимание уделяется первой половине XVIII в. Так же, как языковые изменения, характерные для конца XVII в., обозначились, по мнению автора, еще в веке XVI, тенденции, получившие развитие в русском языке начала XVIII в., своими корнями уходят в предшествующую эпоху. «Однако, — замечает Виноградов, — рядом с ними возникают новые явления, свидетельствующие не только о борьбе с церковно-книжной культурой <...> но и о попытках создания новых форм национального русского выражения, сближенных с западноевропейскими языками и свидетельствующих о более широком влиянии европейской культуры и цивилизации». В ряду основных особенностей языковой ситуации первой половины XVIII в.,

наряду с европеизацией, назван и процесс смешения и перегруппировки стилей (Виноградов 1938: 48, 52).

Основные этапы истории литературного языка в «Очерках» связаны с творчеством выдающихся писателей и филологов. Так, в главе III исследуется язык М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина, далее — язык И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя и других. В главе II, посвященной первой половине XVIII в., история «новых европеизированных форм русской литературной речи <...> в сфере повествования и лирической поэзии» открывается анализом известного, в частности, своим программным предисловием, перевода В. К. Тредиаковского — «Езды в остров любви» П. Тальмана (Виноградов 1938: 85). Интерес к творчеству другого выдающегося филолога, младшего современника В. К. Тредиаковского — А. Д. Кантемира, возникнет у историков литературного языка лишь спустя несколько десятилетий, и в этой связи особого внимания, на наш взгляд, заслуживает статья Ю. С. Сорокина, посвященная языку одного прозаического перевода (Сорокин 1982).

Ю. С. Сорокин (1913–1990) известен как автор монографического исследования истории словарного состава русского языка XIX в. (Сорокин 1965), работ, посвященных теории и истории русской лексикографии, как основатель и главный редактор многотомного «Словаря русского языка XVIII века». В статье «У истоков литературного языка нового типа» перевод, принадлежащий перу А. Д. Кантемира, анализируется в связи с формированием новых норм русского литературного языка. Речь идет о сочинении секретаря Французской Академии Бернара Фонтенеля “Entretiens sur la pluralité des mondes” («Разговоры о множестве миров»), которое А. Д. Кантемир перевел в 1730 г. и которое было напечатано отдельным изданием спустя десять лет. В книге в форме диалогов излагается гелиоцентрическая система Н. Коперника. Ученый автор рассказывает некоей маркизе о Земле и Луне, о Солнечной системе и других планетах, о далеких звездах, об их рождении и угасании.

Таким образом, «у истоков литературного языка» оказывается переводной научно-популярный текст, появившийся в том же году, что и «Езда в остров любви», и, можно думать,

привлекший внимание Ю. С. Сорокина как образец стиля, близкого к нейтральному и свободному как от поэтических экспериментов художественного текста, так и от специальной терминологии научных трактатов. О том, что исследование помещено в контекст истории современных литературных языков, то есть, в контекст истории формирования полифункциональности и стилистической дифференцированности (существенных признаков этих языков), недвусмысленно свидетельствует помещенный в заглавии, но никак не прокомментированный в самой статье термин «язык нового типа», отсылающий к терминологии Пражской лингвистической школы.

Ю. С. Сорокин, стремится к полному описанию всех характерных особенностей анализируемого памятника, его словаря и грамматики. Центральное место в статье занимает подсчет соотношения варьирующихся и синонимичных форм на разных языковых уровнях, например, флексий *-ой/-ей* и *-ый/-ий* в им. п. ед. ч. м. р. прилагательных; лексем в ряду *натура, природы, естество, тварь*; полногласных и неполногласных форм; глаголов с равнозначными префиксами *вы-* и *из-* и т. п. Можно думать, что скрупулезность произведенных подсчетов свидетельствует не столько о добросовестности исследователя, хотя она, разумеется, очевидна, сколько отражает его взгляды на формирование новых норм русского литературного языка как на процесс постепенного преодоления вариантности⁴.

Статья Ю. С. Сорокина замечательна тем, что в ней в окончательном виде представлено то направление истории русского литературного языка, в рамках которого объектом исследования являются не просто языковые единицы разных уровней, а отдельный текст с присущим ему коммуникативным заданием и отношением к существующим письменным традициям.

Именно этот метод был положен в основу монографического исследования Г. Хютль-Фольтер “*Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache*” (Hüttl-Folter 1996), материалом которого послужили три перевода с французского языка на русский, изданные в первой половине XVIII в.: «Разсуждение об оказательствах к миру» (СПб., 1720), первая часть переведенного

⁴ Ср. также появившиеся в это же время статьи Л. Л. Кутиной о «Словах и речах» Ф. Прокоповича (Кутина 1981, 1982).

В. К. ТрEDIAKовским трактата «Состояние Оттоманской империи» (СПб., 1737) графа де Марсилы и уже известное нам сочинение Фонтенеля в переводе А. Д. Кантемира. Остановливая свой выбор на этих текстах, Г. Хютль-Фольтер уделяет внимание их отношению к предшествующим письменным традициям, специально подчеркивая, что все три источника по типу языка не являются ни церковнославянскими, ни приказными, а ориентированы на новые нормы литературного языка. В работе последовательно анализируются все встретившиеся сложноподчиненные предложения и деепричастные обороты. Конструкции переводов сопоставляются с французскими оригиналами, а исчерпывающая статистика по каждому типу придаточных обобщается в таблицах. Например, результаты анализа придаточных причины в «Разговорах о множестве миров» обобщены таким образом:

• Kausalsätze in den „Razgovory“

Kausalsatz	übers. Text	nicht übers. Text	= O	≠ O	Position übers. Text			Position nicht übers. Text		
					prä	inter	post	prä	inter	post
понеже	75	10	66	9	20	6	49	2		8
для того что	55	4	49	6		1	54			4
что	9		2	7			9			
за тем что	2		1	1			2			
от того что	2		1	1			2			
за то, что	1		1				1			
коли	9		8	1	4	1	4			
когда	4		4		1		3			
потому что	2		1	1			2			
KS gesamt	159	14	133	26	25	8	126	2		12
ибо	26		22	4		1	25			

В левом столбце перечислены все встретившиеся причинные союзы, в следующих двух указано количество употреблений каждого союза в переводной и оригинальной части книги, далее — соответствие или несоответствие конструкций перевода и оригинала, и, наконец, — сведения о позиции придаточного в составе всего сложноподчиненного предложения.

Подобный статистический метод только на первый взгляд может показаться поверхностным. Ниже мы постараемся показать, что смысл этого метода не исчерпывается точностью

простых арифметических подсчетов, а его ценность — полнотой описания⁵. С этой целью обратимся к конструкции, которая в первой половине XVIII в. начинает выходить из употребления, оказавшись за пределами норм нового литературного языка. Еще долгое время она продолжает спорадически употребляться в текстах разных жанров, а в деловом языке является нормой вплоть до середины XIX в. (Потебня 1899: 337–338). Речь пойдет о повторе существительного в постпозитивном придаточном предложении при относительном местоимении *который*. Приведем пример из поздней редакции рукописной «Истории Свейской войны»:

«Генерал-адмирал дал сигнал итти в Элзинфорской гаван для десанту на землю, *по которому сигналу* весь флот пошел после полудни в 1-м часу» (История 2004/1720: 392)⁶.

Известно, что в первой половине XVIII в. данная конструкция довольно часто употребляется, в частности, в письмах и бумагах Петра I и в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1751), во второй — представлена единичными примерами в комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец» (1768) и «Рассуждении о человеческом познании» Я. Козельского (1788) (Круглов 2003: 76–77). Согласно распространенной точке зрения, она представляет собой архаичное явление и отражает этап развития постпозитивных определительных конструкций, когда значение местоимения *который* еще характеризовалось неопределенностью (Потебня 1899: 338). Присутствие существительного в придаточном предложении делает более слабой союзную и усиливает анафорическую функцию местоимения *который*. Иными словами, речь идет о случае, переходном между подчинительной и сочинительной связи. По мнению А. Г. Руднева, на которого ссылается и с которым согласен В. И. Троицкий (1968: 150–151), повторение определяемого имени при относительном местоимении было свойственно деловому языку и получило широкое распространение в XVI–XVII вв. Конструкция с повтором существительного при местоимении *который* была

⁵ Рецензенты, высоко оценившие книгу, в ряду ее достоинств отмечали, прежде всего, тщательную обработку материала и дотошность в сопоставлении русских и французских конструкций (Gladrow 1997: 121; Schweier 1998: 377).

⁶ Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит автору статьи.

представлена во многих европейских языках, в частности, в латинском, немецком, французском и славянских. В разных языках его судьба оказалась разной. В частности, в немецком, французском и русском повтор уже в раннее Новое время начинает постепенно выходить из употребления. Он сохраняется в некоторых восточнославянских говорах, а в польском языке закрепляется в качестве единицы нейтрального стиля. Следовательно, если сама конструкция с повтором может быть описана структурно-типологически, то механизм ее архаизации в каждом языке целесообразно рассматривать отдельно, в контексте формирования норм этого языка.

Говоря о случаях употребления названного типа придаточных в русском языке первой половины XVIII в., следует сделать несколько уточнений.

Во-первых, как в рукописных, так и печатных текстах XVII–XVIII вв. оно может быть оформлено в виде отдельного предложения, как в следующем контексте:

«...чтоб быть *перемирию* на сорок лет, и пересылку Шведским Королем иметь по прежнему с наместниками Новгородскими. *Которое перемирие* от оных наместников и подписано» (Шафиров 1717: 9, 2 паг.).

Подобные примеры можно было бы трактовать как свидетельство слабой связи между главным и придаточным предложением, однако такое же графическое оформление встречается и в случае отсутствия существительного при местоимении. Ср.:

«...чтоб съехатся, *послам* на границе на Сестре реке, близ Выборка. *Которые* того года на той реке съехався, трактовали о мире» (Шафиров 1717: 13, 2 паг.).

Следовательно, здесь пунктуация не несет содержательной информации о характере синтаксических связей и подобные примеры могут быть без оговорок использованы в ряду других.

Кроме того, следует учесть, что возможно как дистантное, так и контактное расположение существительных из главного и придаточного предложений. Контактное, по-видимому, является наиболее архаичным, ведь именно оно в наибольшей степени усиливает анафорическую функцию местоимения, которое в этом случае получает значение указательности. Ср.:

«И сошлись со оным виц-адмиралом на озере в тишь и имели бой, на котором бою хотя оной полковник от неприятеля ис пушки каргечем и убит, однако ж наши люди ис тех шкут швецких 2 сожгли, 1 потопили, 2 взяли» (Гистория 2004/1720: 217).

В-третьих, следует учесть, что существительное в придаточном предложении может не просто повторять существительное из главного, а либо отсылать к однокоренному соответствию, либо обобщать смысл сказанного в главном. Ср.:

«Тогда они паки в город возвратились и из нескольких пушек из города в апроши *стреляли*, и бомбы бросали, *от которой их стрелбы* тогда 4 человека ранено» (Гистория 2004/1720: 204);

«В 5 день *начата делать* у Нарвы батарея под 16 пушек и один редут, *при которой работе* ранено 2 человека салдат» (Гистория 2004/1720: 204).

Как видно из примеров, рассматриваемое явление, в целом, неоднородно и может выходить за границы отдельного предложения. Если согласиться с тем, что функция повтора существительного при относительном местоимении⁷ была созвучна коммуникативному заданию деловой речи, и увидеть в таком повторе одно из средств создания связей на уровне текста, то можно предположить, что механизм его архаизации был связан с распространением другого подобного средства — употреблением коррелятов в главном предложении. В роли коррелятов могли выступать различные местоимения указательной семантики, такие как *тот, такой, сей, оный*. Ср.:

«Но потом началась *оная* война паки междо обоими Коронами, в *которой* Король Шведской имел счастье <...> взять у Его Царского Величества <...> Нарву» (Шафиров 1717: 15, 2 пар.).

О функциональной близости обеих конструкций свидетельствует и тот факт, что в пределах одного предложения они не встречаются. Вот как представлено соотношение повторов и коррелятов в ранних переводах с французского языка на русский — в напечатанных гражданским шрифтом «Разговорах о множестве миров» и «Военном состоянии Оттоманския империи» (Hüttl-Folter 1996: 69–71), а также в рукописном

⁷ По выражению В. М. Живова (2000: 578), повтор существительного при местоимении *который* «обеспечивал однозначность референциального отождествления».

«Правлении гражданском» (вторым трактатом «О правлении» Дж. Локка) (Круглов 2003: 68)⁸:

	«Правление гражданское» (рукописный) 1720	«Разговоры о множестве миров» 1730/1740	«Состояние Оттоманской империи» 1737
повторы	6 (1,1 %)	2 (0,3 %)	3 (0,3 %)
корреляты	82 (15,6 %)	157 (24, %)	225 (21 %)

Как видно из таблицы, в переводах с французского языка корреляты употребляются в десятки раз чаще, чем повторы. Данная особенность действительно присуща именно переводным текстам, так как в оригинальных наблюдается совершенно иная картина. Так, в рукописной «Истории Свейской войны», продолжающей традиции приказного языка, количество оборотов с повтором, напротив, более чем в два с половиной раза превышает количество коррелятов. При этом в сумме они составляют 15 % от общего числа постпозитивных придаточных с местоимением *который*, и это, в общем, повторяет тот показатель, что мы видели в «Правлении гражданском».

Можно сделать следующий шаг и предположить, что если, как утверждает Г. Хютль-Фольтер, проанализированные ею переводы с французского отражают нормы литературного языка нового типа, а оригинальная рукописная «История», как мы видели, продолжает приказную традицию, то оригинальный печатный текст, с одной стороны, не испытывавший влияния французского оригинала, а, с другой, — отредактированный в соответствии с новыми нормами, должен по этим показателям занять промежуточное положение: количество коррелятов и повторов должно быть представлено в нем примерно поровну.

С целью проверить это предположение мы обратились к напечатанному в 1717 г. гражданским шрифтом «Рассуждению о причинах войны со Швецией» П. П. Шафирова (Шафиров 1717)⁹ и обнаружили, что гипотеза полностью подтвердилась. Ср.:

⁸ За 100% принято общее количество постпозитивных придаточных предложений с местоимением *который* в каждом тексте.

⁹ Приложения, не принадлежащие перу Шафирова, при подсчетах не учитывались.

	Гистория (1720-е), рукописный	Шафилов 1717, печатный
повторы	160 (10, 9 %)	26 (7,8 %)
корреляты	60 (4, 1 %)	26 (7,8 %)

Действительно, в ряду прочих изученных текстов сочинение Шафилова является единственным примером того, что корреляты и повторы могут быть представлены равным количеством употреблений, а их сумма, если сравнить с «Гисторией», остается практически неизменной.

Таким образом, становится очевидно, что между употреблением двух конструкций в первой половине XVIII в. существовала определенная связь: в новом литературном языке предложения с коррелятами получали все большее распространение за счет повторов существительного при местоимении *который*. Полученные результаты наглядно демонстрируют, какую роль в процессе формирования новых норм играли иноязычное влияние и редакторская правка при подготовке текста к печати. Что же касается самого метода, то, несмотря на кажущуюся простоту, он представляется весьма продуктивным. Его ценность не исчерпывается точностью арифметических подсчетов, стремлением проанализировать весь имеющийся материал и сопоставить конструкции перевода с иноязычным оригиналом. Сосредоточив наше внимание на отдельном тексте со свойственным ему коммуникативным заданием и отношением к существующим письменным традициям, он помогает обнаружить неочевидные парадигматические связи между отдельными синтаксическими единицами и увидеть частные детали сложных исторических процессов.

ИСТОЧНИКИ

1. Гистория 2004/1720 — Гистория Свейской войны. Последняя редакция // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / составитель Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 197–541. (Рукопись 1720-х гг).
2. Шафилов 1717 — Шафилов П. П. Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый <...> к начатию войны против короля Карола 12, Шведского 1700 г. имел. СПб., 1717.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский 1979 — Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / под редакцией акад. В. И. Борковского. М., 1979.
2. Виноградов 1938 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Издание второе, переработанное и дополненное. М., 1938.
3. Живов 1997 — *Живов В. М.* Заметки об историческом синтаксисе русского языка (По поводу книги: Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Böhlau Verlag. Wien; Köln; Weimar, 1996. 319 S.) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 58–69.
4. Живов 2000 — *Живов В. М.* О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: сб. статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 573–581.
5. Круглов 2003 — *Круглов В. М.* Употребление относительных придаточных с местоимением *который* в русском рукописном переводе второго трактата «О правлении» Джона Локка // Zeitschrift für slavische Philologie. 2003. № 1. С. 61–81.
6. Кутина 1981 — *Кутина Л. Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 7–46.
7. Кутина 1982 — *Кутина Л. Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика // Литературный язык XVIII века. Проблема стилистики. Л., 1982. С. 5–51.
8. Потебня 1899 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. Харьков, 1899.
9. Сорокин 1965 — *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90 годов XIX века. М.; Л., 1965.
10. Сорокин 1982 — *Сорокин Ю. С.* У истоков литературного языка нового типа (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 52–85.
11. Толстой 1982 — *Толстой Н. И.* О курсе истории русского литературного языка академика В. В. Виноградова // В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Издание третье. М., 1982. С. 3–9.
12. Толстой 1998 — *Толстой Н. И.* Взгляды А. Н. Пыпина на историю русского литературного языка (Страничка из истории русской лингвистики) // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 454–463.
13. Троицкий 1968 — *Троицкий В. И.* Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII веков. Казань, 1968.
14. Gladrow 1997 — *Gladrow W.* Рецензия на кн.: Hüttl-Folter 1996 // Zeitschrift für Slawistik. Bd 42. 1997. Heft 1. S. 120–121.

15. Hüttl-Folter 1996 — *Hüttl-Folter G.* Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien, Köln, Weimar, 1996.
16. Schweier 1998 — *Schweier U.* Рецензия на кн.: Hüttl-Folter 1996 // Die Welt der Slaven. 1998. Heft 2. S. 374–377.

V. Kruglov. The Historical Syntax and History of the Russian Standard Language.

This paper deals with the historical syntax of the Russian language. It provides the analysis of the method proposed by G. Hüttl-Folter in her famous monograph “Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache” (1996). The method owes its existence to the development of a separate discipline — the history of the standard language, and is not restricted, counter to the wide-spread opinion, to complete statistic calculations and comparisons of translated Russian texts to their foreign sources. The main goals of the method are to investigate (1) rules that apply to syntactic constructions within a text, (2) correlation between the rules and the communicative task of that text within a context of the existing writing traditions. As demonstrated by an extended example provided in the second part of the paper, these rules depended on whether a text was a translation or original, printed or hand-written in the Russian language of the first half of the 18th century.

**ИЗ ИСТОРИИ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ТИПОГРАФИИ
МОРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА)**

Ключевые слова: история России, XVIII век, кадетские корпуса, Морской кадетский корпус, ведомственное книгоиздание, история книгоиздания, книжная торговля.

В статье рассмотрены особенности реализации печатной продукции, изданной типографией Морского кадетского корпуса во второй половине XVIII в. Автор анализирует действия типографии, направленные на увеличение объемов продаваемой литературы, и делает вывод о количестве читателей нравоучительной литературы, напечатанной в корпусной типографии.

Н. А. Рубакин справедливо заметил, что

«история литературы не есть только история возникновения идей, но и история распространения их в массе читателей, история борьбы этих идей за свое существование и за преобладание в читательской среде» (Рубакин 1975: 35).

Эту мысль развил С. П. Луппов:

«...реакция читателя на прочитанную книгу, если это удастся установить, выявляет активную роль книги, характер ее воздействия на общество» (Луппов 1978: 83).

На настоящий момент существует обширная научная литература, посвященная разным аспектам распространения изданной книги, хотя многие вопросы еще ждут своего исследователя. Наиболее полно история распространения книги в Петербурге XVIII в. представлена в работах А. А. Зайцевой, которая изучила как историю ведомственной книготорговли (на примере петербургской Академической лавки), так и деятельность частных книготорговцев (Зайцева 1980, 1982, 1983, 1984, 2005). Ряд дополнений к сведениям, собранным А. А. Зайцевой,

* Дмитрий Владимирович Руднев, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ.

содержится в работах А. Полянского и М. Ю. Гордеевой (Полянский 1971; Гордеева 2009). Продажа академических изданий в Москве рассмотрена в работах Д. В. Тюличева (Тюличев 1983, 1984), деятельность книжной лавки Московского университета — в работах И. Ф. Мартынова и И. Л. Карповой (Мартынов 1979; Карпова 2006). Частная книготорговля в Москве в конце XVIII — первой четверти XIX в. проанализирована в работе О. Е. Ниловой (Нилова 1991). В работе В. Ф. Лясова рассматривается распространение книг, изданных Н. И. Новиковым (Лясов 1976).

Исследователи пытаются определить размеры и социальный состав читающей аудитории, географию распространения печатных книг, охарактеризовать отдельные группы читателей, их книжные интересы. Применительно к периоду второй половины XVIII в. эта проблематика рассматривается в работах С. Ф. Шевченко, В. В. Буша, А. В. Севастьянова, А. Ю. Самарина, Е. Б. Кудрявцевой, Д. Д. Лотаревой, Т. В. Леденевой (Шевченко 1915; Буш 1925; Севастьянов 1983; Самарин 1999, 2000а, 2000б; Кудрявцева 2000; Лотарева 1994; Леденева 1996).

В третьем типе работ делается попытка оценить масштабы влияния печатной книги, прежде всего переводной, на поведение и повседневную жизнь читателей во второй половине XVIII в., определить место чтения в жизни человека этого времени (Marker 1985; Белозерская 1895; Лотман 1994; Гладилова 1995; Ранчин 1995; Кудрявцева 2010 и др.).

Вторая половина XVIII в. характеризуется резким увеличением объемов выпускаемой в России печатной продукции. Печатная книга становится мощным средством приобщения русских людей к европейской культуре, начинает оказывать серьезное влияние на культурную жизнь России. Многие явления культурной жизни России во второй половине XVIII–XIX вв. были бы просто невозможны без развитой культуры чтения, без многочисленных переводов, которые в большом количестве печатаются в России в это время. К числу явлений, на возникновение которых повлияла печатная книга, относятся, например, распространение масонства. Значительное влияние оказала литературная культура на движение декабристов в 1810–1820-е годы. Ю. М. Лотман усматривал в поведении

декабристов своеобразное воспроизведение поведения античных и литературных героев, сведения о которых декабристы восприняли именно из книг:

«...поступки и поведенческие тексты <декабристов. — Д. Р.> определялись сюжетами литературных произведений, типовыми литературными ситуациями или же именами, суггестировавшими в себе сюжеты» (Лотман 1994: 477).

Вопрос о том, каков был круг читающей публики во второй половине XVIII в., до сих пор остается плохо изученным. В это время книги издавались обычно тиражом 1200 экз. (так называемый «выход» или «завод», которым книги печатались с XVII в.), реже тираж составлял 600 экз., но иногда мог достигать и до 1800 или 2400 экз., однако можно ли по тиражам издававшихся книг судить о степени воздействия книги на читающую публику? Как быстро расходились издания? Какая литература пользовалась большим спросом? Ответив на этот вопрос, мы сможем оценить читающую аудиторию в XVIII в. и воздействие на нее печатной книги. Главная трудность, с которой сталкивается исследователь, — это отсутствие количественных данных относительно числа проданных книг. В данной статье на основе архивных материалов мы попытаемся показать, как происходила реализация изданий типографии Морского шляхетного кадетского корпуса.

Типография Морского кадетского корпуса относилась к числу старейших петербургских типографий. По указу Петра I в октябре 1715 г. в Петербурге, на базе старших классов московской навигацкой школы, была основана Морская академия, при которой в январе 1721 г. по именному указу было велено иметь типографию из одного стана для печатания академических книг (Огородников 1899: 3). В 1752 г. Морская академия перестала существовать; на ее основе был образован Морской кадетский корпус, в состав которого была включена и типография. По новому штату Морского корпуса от 1764 г. типография при нем должна была содержать себя самостоятельно за счет печатания книг и карт. На таких основаниях типография существовала до 1803 г., когда перешла в ведение Морского министерства. Совершенно очевидно, что типография была заинтересована в реализации издаваемой продукции, поскольку от этого зависело ее существование.

Типография принимала заказы на издание различной печатной продукции от разных заказчиков, которых с некоторой долей условности можно разделить на три группы: 1) Морской кадетский корпус, для которого типография печатала учебные пособия (и, кроме того, изготавливала различные инструменты для кадетов в имеющейся при типографии инструментальной мастерской); 2) Адмиралтейская коллегия, которая, в отличие от Военной коллегии, не имела собственной типографии и помещала свои заказы в типографии Морского кадетского корпуса, и некоторые другие государственные учреждения (Сенат, Академия наук, Вольное экономическое общество и др.); 3) различные частные лица. Такое деление заказчиков в зависимости от предназначения печатной продукции отразилось в ответе директора Морского кадетского корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова на запрос генерал-прокурора Сената кн. А. А. Вяземского, когда и с какой целью была основана корпусная типография. В феврале 1773 г. он писал: «печатаются в ней <типографии. — Д. Р.> как потребныя для кадетскаго училища, так и для флота книги и карты, а сверх того и полезныя для общества книги ж»¹.

Способы реализации печатной продукции различались в зависимости от того, кто выступал ее заказчиком. В том случае, если заказчиком выступала Адмиралтейская коллегия или иное государственное учреждение, руководитель типографии И. Т. Смирнов после выполнения заказа извещал об этом рапортом канцелярию корпуса (или директора корпуса). Та, в свою очередь, посылала промеморию в учреждение, выступавшее заказчиком, с требованием выделить типографии деньги за выполненный заказ, а руководитель типографии получал приказ отослать напечатанный тираж заказчику. Как правило, деньги приходили в типографию в течение месяца или нескольких месяцев. После получения денег И. Т. Смирнов извещал об этом канцелярию корпуса, требуя от нее приказа о записи полученной суммы в приходно-расходную книгу.

Иначе происходила реализация учебной литературы, заказчиком которой выступала канцелярия корпуса. После выполнения заказа тираж учебника не выкупался корпусом,

¹ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 70. Л. 87–87об.

а оставался в собственности типографии, при которой и хранился. В дальнейшем канцелярия по мере необходимости в учебниках (за этим следил инспектор по учебной части) присылала приказы руководителю типографии, в которых содержалось требование переплести определенное число экземпляров одного или нескольких учебников и прислать их в корпус (типография располагалась в отдельном здании). Именно присланные переплетенные экземпляры и оплачивал корпус, выделение денег за присланные учебники происходило обычно несколько раз в год. Объем поставляемых в корпус учебников можно видеть из следующих цифр: в 1769 г. для корпуса было переплетено 980 книг на 607 руб. 50 коп.², в 1776 г. — 720 книг на сумму 530 руб., в 1793 г. — 1300 книг на сумму 1585 руб.³, в 1798 г. — 1244 книги на сумму 1233 руб.⁴ Возросшие объемы потребления учебной литературы были вызваны увеличением с 1783 г. численности кадетов в Морском кадетском корпусе.

В корпус учебники поступали по себестоимости, и все попытки руководителя типографии добиться от канцелярии разрешения поставлять в корпус учебники по продажной цене окончились неудачей. Так, в ноябре 1802 г. Иван Смирнов рапортовал в канцелярию о напечатании 1200 экз. учебника Этьена Безу (1730–1783) *Основания арифметики...*⁵ и спрашивал позволения у канцелярии продавать книгу при типографии и поставлять ее в корпус по 50 коп. (себестоимость 33 ¼ коп.). Однако канцелярия разрешила руководителю типографии продавать книгу по предлагаемой им цене, но обязала поставлять в корпус по себестоимости⁶. Аналогичным образом в июле 1802 г. Иван Смирнов в своем рапорте о напечатании 300 экз. книги *Бугерова новое сочинение о навигации*⁷ предлагал

² Там же. Д. 20. Л. 38.

³ Там же. Д. 584. Л. 198, 202об.

⁴ Там же. Д. 786. Л. 164–164об. Всего же работ для корпуса было выполнено на 1667 руб. 15 коп.

⁵ Переиздание изданной в 1795 г. книги *Основания арифметики / Переведенный из курса г. Безу в Морском шляхетном кадетском корпусе Иваном Соболевым и Никифором Лебедевым* (СК XVIII в. 450).

⁶ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 996. 136, 138.

⁷ Переиздание книги Пьера Бугера (1698–1758) *Бугерова новое сочинение о навигации*, переведенной Н. Г. Кургановым и изданной в первый раз в 1764 г. (СК XVIII в. 756).

напечатанную книгу продавать при типографии и поставлять корпусу по цене 1 руб. 50 коп. (себестоимость 1 руб. 26 коп.), но канцелярия запретила (из-за небольшого тиража) продажу книги, а поставлять в корпус приказала по себестоимости⁸.

Часть напечатанного тиража учебников почти всегда поступала в продажу «охочим людям»⁹ по продажной цене, которая мало отличалась от ее себестоимости, если сравнить ценообразование типографии Морского кадетского корпуса и других ведомственных типографий (см. об этом ниже).

Наибольший интерес для заявленной темы представляет реализация изданий, заказчиками которых выступали частные лица. Здесь мы встречаемся с тремя случаями. В первом случае заказчик, помещая заказ в типографию, обязывался после его выполнения сразу его оплатить, после оплаты заказчик получал заказ на руки. Это был наиболее частотный случай: так печатали свои произведения в корпусной типографии М. Чулков, В. Рубан, В. Лукин и мн. др. Проследить судьбу тиража после того, как его забирал заказчик, не представляется возможным, потому что дальнейшей судьбой издания занимался сам заказчик. Обычно реализация происходила через частных переpletчиков, которые выступали и продавцами книг. О таких заказах в архиве типографии откладывалось мало документов, и печатание ряда частных изданий в типографии Морского корпуса можно установить только по особенностям шрифтов.

Во втором случае частный заказчик печатал свое произведение на счет типографии. После печатания тираж оставался в залоге до тех пор, пока от продажи книг при типографии не набиралась сумма, покрывавшая издержки на печатание тиража. Такой способ издания книг был в целом не характерен для типографии Морского кадетского корпуса, поскольку из опыта других типографий — типографии Академии наук и типографии Сухопутного кадетского корпуса — было известно,

⁸ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 996. Л. 132, 134.

⁹ Примечательно, что в документах ни разу не встретилось слово «читатель». В это время читатель как социальная категория, т. е. как «социальный субъект избирательного восприятия печатной продукции и <...> объект ее воздействия» (такое понимание читателя принято в библиотечном деле) еще не оформился. О формировании понятия «читатель» в XVIII в. См.: (Кондакова 1972, 1978).

что продажа книг происходила медленно, требуемая сумма долго не набиралась и издательские издержки ложились тяжелым долгом на типографию¹⁰. Тем не менее издание книг под залог тиража было — в частности, так была издана одна из самых популярных книг второй половины XVIII в. «Письмовник» Н. Г. Курганова¹¹. Возможно, определяющим обстоятельством стала служба Курганова в корпусе. В отличие от многих других книг, «Письмовник» продавался очень хорошо и выдержал множество изданий. Книга была напечатана тиражом 600 экз. в начале 1770 г. и обошлась автору в 344 руб. 38 коп. Тираж должен был оставаться в залоге до того момента, когда от продажи книги будет выручена эта сумма. При типографии книга продавалась по 1 руб.¹² (цену установил автор) при себестоимости книги 57 коп. Уже в июле 1771 г. книг было продано на 420 руб., после чего Курганов получил из типографии оставшиеся книги и еще 75 руб. 62 коп., вырученные сверх необходимой суммы¹³. Но судьба «Письмовника» была скорее исключением.

Наконец, был еще один способ издания частных заказов, когда типография покупала у частного лица книгу или перевод, с тем чтобы потом извлекать от продажи напечатанного тиража и последующих переизданий выгоду. В этом случае заказчиком выступала, по сути, сама типография. Такой способ издания книг был характерен в течение очень короткого промежутка времени, когда в Морском кадетском корпусе служил инспектором по учебной части Г. А. Полетика¹⁴. Обычно типография платила автору за его рукопись около 40 руб. После цензуры, которую, как правило, осуществлял главный инспектор по учебной части, получая за это определенную сумму денег

¹⁰ Печатание в типографии Сухопутного кадетского корпуса большого числа книг в долг привело к тому, что на ней оказался огромный долг. Продажа книг, напечатанных в конце 1750-х — начале 1760-х гг., не покрыла издержки на печатание даже к концу XVIII в., что привело к упадку типографии и сокращению в ней числа печатных станков и служащих. См.: (Столпянский 1915: 45–50).

¹¹ Первое издание имело название *Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие* (СК XVIII в. 3374), последующие издания выпускались под именем *Писмовник, содержащий в себе науку российского языка*.

¹² См. объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 2 марта 1770 г., № 16 (повтор от 5 марта, № 18; 12 марта, № 21), где указана цена книги.

¹³ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 44. Л. 419–419об.

¹⁴ Подробнее об этом периоде см.: (Руднев 2006).

за каждую книгу, книга печаталась, тираж записывался в приход и далее продавался типографией. Типография была заинтересована как можно быстрее продать книги, напечатанные под залог, а также те книги, рукопись которых была приобретена типографией. Вместе с этими книгами типография продавала часть учебников по продажной цене.

В Петербурге продажа напечатанных книг происходила прямо при типографии Морского кадетского корпуса. Проданные книги и полученная прибыль фиксировались в приходно-расходных книгах, которые затем отсылались в канцелярию корпуса: некоторые из них сохранились в архиве Морского кадетского корпуса (например, за 1771, 1775 и 1776 гг.). Кроме того, с июля 1774 г. типография подавала директору корпуса ежемесячный рапорт с ведомостью денежной казны типографии. В этих рапортах указывалась лишь общая сумма от проданных книг. Так, из сохранившихся ведомостей за 1798 г. известно, что в январе книг было продано на 22 руб. 18 коп., в феврале — на 9 руб. 17 коп., в марте — на 13 руб. 46 коп., в апреле — на 11 руб. 75 коп. и т. д.¹⁵

С целью привлечения внимания возможных покупателей к изданиям типографии Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербургских ведомостях и в приложениях к ним помещались объявления о вновь изданных или печатающихся книгах, а также о тех книгах, продаются при типографии корпуса. Вот пример объявления за 1766 г.¹⁶:

21 февраля, № 15 (повтор 21 марта, № 23)	«Морского шляхетнаго Кадетскаго корпуса в типографии продаются нижеследующия книги: 1, Генеральная Геометрия с элементами сферической и плоской Тригонометрии; 2 Архимедовы Теремы в 4, по 51 коп. с половиною; 3, Атлас Балтийскаго моря, сочиненный трудами Его Превосходительства господина Вице-Адмирала и Кавалера Нагаева, на Александрийской бумаге, состоящей в 28 картах без переплету для морских 5 руб. 39 коп., в переплете 5 руб 84 $\frac{1}{4}$, 4, Атлас тот же без переплету для прочих 5 руб. 93 коп. в переплете 6 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп.; 5, Атлас Балтийскаго моря переведенной с Шведскаго на Российской язык, на Александрийской бумаге 2 руб. 6 коп.; 6, Бугерово новое
--	--

¹⁵ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 786. Л. 305–315об.

¹⁶ Сохранена орфография и пунктуация газетных объявлений.

	<p>сочинение о навигации корпусным служителям 1 руб. 50 коп., для прочих 1 руб. 65 коп. 7, Генеральная теоретическая и практическая Геометрия с элементами плоской и сферической Тригонометрии 76 коп., 8 Евклидовы элементы 65 коп., 9, Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях с фигурами в лист 4 руб. 10 коп, 10, Краткая математическая География в 8, 15 коп., 11, Курсов и расстояний между знатными местами Балтийского моря в 8, 16 коп., 12, Каталог для мореплавателей в лист 24 ½ коп., 13, Менехмы или близнецы, комедия 25 коп., 14, О избрании Королей в Польше Г. Шлецера в 8, часть первая на белой бумаге 12, а на простой 9 коп, часть вторая на белой 15, на простой 12 коп., 15, Полное собрание навигации в четырех частях, сочиненное Его Превосходительством Господином Адмиралом и Кавалером Мордвиновым в лист, 3 руб. 4 коп.; 16, Списки всех с начала служивших в Российском флоте флагманов, обер-саваеров и корабельных мастеров и ныне служащих во оном и при Адмиралтействе, как флагманов, так Штаб и Обер-Офицеров, на белой бумаге в 8, 12 коп.; 17, Таблицы разности широты меридиональной, склонение солнца и прочее в 4, 24 ½ коп, 18 Таблицы логарифмов в 4, 45 ¼ коп.; 19, Указы всепресветлейшей державнейшей великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны со вступления на престол с 28 июня 1762, по 1763 год, 40 коп.; 20, Указ с инструкциею коллегии Медицинской в лист 7 коп., Указ с штатами разным присудственным местам в лист 34 коп., Указ положенным вновь зборам в лист, 7 коп. Повесть Княжны Жеваны Королевы Мексиканской в 8 на любской бумаге по 40, а на простой по 35 коп. <i>Ныне печатаются:</i> 1 Аглинская Грамматика, 2 Арифметика из сочиняемого Г. Профессором Котельниковым Математического курса, 3 Г. Голберга сравнение Героев, 4 Задиг или судьба, повесть восточная, 5 книга Марсова или воинских дел, 6, о лесной науке с фигурами»</p>
<p>23 июня, № 50 (повтор 7 июля, № 54)</p>	<p>«В Типографии морского шляхетного Кадетского корпуса продаются напечатанные на Российском языке следующие книги: <i>Задиг или судьба и свет каков есть видение бабука с елегиею</i> по 60 коп., <i>прописи</i> показывающая совершенство и красоту Российских букв и слогов на Александрийской бумаге по 25 коп. экземпляр»</p>
<p>3 октября, № 79 (повтор 6 октября, № 80)</p>	<p>«В Типографии морского шляхетного Кадетского корпуса продается книжка, <i>Климово подземное путешествие</i> на белой бумаге по 1 руб., а на серой по 90 коп. экземпляр без переплету»</p>

Позже в типографии Морского кадетского корпуса стали печататься книгопродажные ведомости, которые вкладывались в приложение к Санкт-Петербургским ведомостям. Из «Сводного каталога» известно о семи таких росписях: 1771

(две), 1774, 1776, 1777, 1779 и 1789 г.¹⁷ Название росписей не менялось на протяжении нескольких десятилетий, кроме той части, где указывался адрес типографии Морского кадетского корпуса: до 1773 г. указывалось, что продажа книг осуществляется «при типографии Морского шляхетного кадетского корпуса, состоящей на Васильевском острове в 20 линии»; в 1773 г. типография переехала в дом на 12 линии¹⁸, который ранее занимал Морской кадетский корпус, что нашло отражение в книгопродавческих росписях.

Кроме продажи книг в типографии Морского кадетского корпуса, делались попытки организовать торг изданными книгами в других городах. Такие попытки делались не только типографией Морского кадетского корпуса, но и иными ведомственными типографиями, прежде всего Академией наук¹⁹. Окончательно проблема торговли книгами в других городах

¹⁷ СК XVIII в. 8902–8906; СК XVIII в. Доп. 306 (*Роспись российских книгам, морским картам, гравированным проспектам и портретам, которые продаются при типографии Морского шляхетного кадетского корпуса...*). В архивных материалах за 1782 г. есть указание на печатание «каталогов, по которым книги продаются» тиражом 100 экз. (РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 290. Л. 5). Возможно, такими тиражами каталоги и печатались.

¹⁸ После пожара в 1771 г. было решено перевести Морской кадетский корпус в Кронштадт, где он оставался до 1796 г., когда приказом императора Павла он был переведен на прежнее место. Руководитель типографии получил приказ от директора корпуса перевести типографию в бывшее здание корпуса 18 февраля 1773 г.; 8 сентября того же года, после необходимого ремонта в бывшем здании корпуса, типография переехала по новому адресу. См: РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 81. Л. 7.

¹⁹ Например, в Санкт-Петербургских ведомостях печатались объявления такого рода: «Из находящейся при Императорской Академии Наук книжной лавки отвести желающие в Новгород и к городу Архангельскому, явиться могут в учрежденной при Академии Наук комиссии» (19 янв. 1767 (№ 6); повтор: 23 янв. (№ 7); 2 февр. (№ 10); 6 февр. (№ 11); 9 февр. (№ 12)) или: «Из Академической книжной лавки положено отправить книг и прочаго для удовольствия публики на продажу по немалому числу в нижеписанные города, а имянно: в Киев, Смоленск, Ярославль, Белгород, Воронеж, Астрахань и Оренбург, також и в Сибирь; того ради сим объявляется, что естли кто из партикулярных людей имеет отсюда отъехать в предписанные города с какими товарами и поклажею, то не пожелают ли ради общей пользы потрудиться, для отвозу в оные, Академические книги принять и доставить в тех городах господам Губернаторам и Воеводам, оные бы явились в Академической книжной лавке; а за провоз плачено будет по договору, только в исправном отвозе представили по себе поруки» (1 июня 1767, № 44).

решилась лишь тогда, когда в процесс книготорговли включились купцы, заинтересованные в скорейшем и максимальном извлечении прибыли и, как следствие, осваивавшие провинцию, где ощущался недостаток в книгах.

Из архивных документов известно о том, что руководителю типографии Морского кадетского корпуса И. Т. Смирнову удалось наладить продажу печатной продукции типографии в Москве, где с мая 1770 г. торговлю книгами взял на себя коллежский регистратор Максим Борисяков, комиссар московской Академической книжной лавки. Борисяков продавал в Москве книги Академии наук, получая за это жалованье, квартиру и пять копеек с рубля за проданные книги. Продажа посторонних книг в Академической книжной лавке была строго запрещена, однако, несмотря на это, комиссары неоднократно уличались в том, что торговали в книжных лавках посторонними книгами в своих интересах²⁰. От Морского кадетского корпуса Борисяков требовал за продажу книг 5 копеек с рубля. 30 марта он дал письменное обязательство, что будет продавать книги, присылаемые ему из корпуса, пересылая вырученные деньги каждую треть года через взятые в Московском банке ассигнации²¹.

Доставка книг в Москву осуществлялась либо «надежными ездоками» (главным образом купцами, которые возили товары в Москву), либо через почту по 10 экз. каждой книги²². Доставка с оказией обходилась в два раза дешевле, чем почтой. Например, в июле 1770 г. книги в Москву взялся перевезти белевский купец Петр Гусев, прося за свои услуги по рублю с пуда; при утрате товара он должен был заплатить за книги по их продажной цене²³. Судя по всему, такая плата купцам за провоз книг из Петербурга в Москву была обычной.

В течение примерно десяти лет типография производила в Москве довольно успешную торговлю. Так, в 1773 г. типография получила от Борисякова за проданные в течение года

²⁰ См. об этом: (Зайцева 2005: 98).

²¹ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 31. Л. 10–10об.

²² Впрочем, это ограничение количества экземпляров иногда нарушалось, если книга быстро расходилась. Так было с «Письмовником» Н. Г. Курганова.

²³ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 102. Л. 104; Д. 302. Л. 123–123об. Судя по тексту определения канцелярии, Петр Гусев обязался и далее отправлять книги в Москву.

книги 161 руб. 39 коп.: 64 руб. 66 коп. были получены 8 апреля и еще 96 руб. 73 коп. — 2 августа²⁴. Первые три года Борисяков получал за свой труд положенные 5 коп. с рубля, однако осенью 1773 г. попросил, «чтоб за его труд и старание в продаже книг получать ему по десяти копеек от рубля»²⁵. По представлению руководителя корпусной типографии директор корпуса И. Л. Голенищев-Кутузов согласился с увеличением платы Борисякову. И. Т. Смирнов писал в своем рапорте, что от увеличения платы за продажу книг типография не понесет убытка, «понеже прибавится цена по препорци на книги, а книги в Москве так же покупаются будут, как и прежде; ибо в типографии Морского корпуса многия печатаемые книги гораздо дешевле обходятся и продаются, нежели в прочих типографиях»²⁶.

В рапорте руководителя типографии очень примечательны слова о дешевизне изданий. Эти слова подтверждаются архивными документами, которые показывают, что торговая наценка на издаваемые книги была небольшой. Так, изданная в 1766 г. книга Фокеля *Описание естественного состояния растущих в северных российских странах лесов*²⁷ продавалась при типографии по 90 коп. (себестоимость 84 ½ коп.), напечатанная в 1767 г. французская азбука Я. А. Сигезбека²⁸ продавалась по 25 коп. (себестоимость 17 ½ коп.), изданная в 1770 г. *Готтшедова немецкая грамматика* И. М. Греча²⁹ — по 1 руб. (себестоимость 86 коп.), напечатанные в том же 1770 г. *Нравоучительные*

²⁴ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 81. Л. 8.

²⁵ Там же. Л. 9.

²⁶ Там же. Л. 9. Кроме того, в том же рапорте Иван Смирнов сообщал, что Академия наук платит Максиму Борисякову за его труд 120 руб. в год и пять процентов с рубля от проданных книг. Книги в Москву посылались ему за его счет, однако с уступкой 12 копеек с рубля. Из всего этого следовало, что просимая Борисяковым плата не очень высока и, во всяком случае, ниже тех расходов, которые несет Академия наук.

²⁷ СК XVIII в. 7839. Тираж 1200 экз. обошелся в 1014 руб. 45 коп. (РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 12. Л. 47).

²⁸ *Наставление как по-французски исправно читать и произносить*. В «Сводном каталоге» издание отсутствует. Тираж 1200 экз. обошелся в 182 руб. 90 коп. (не считая платы редактору и сочинителю; см.: РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 17. Л. 35-35об.). Второе издание вышло в 1774 г. (СК XVIII в. 4471).

²⁹ СК XVIII в. 1622. В выходных данных указан 1769 г. Тираж 1200 экз. (РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 31. Л. 165-166).

сократительские разговоры Ж. Верне³⁰ продавались по 30 коп. (себестоимость 24 коп.) и т. д.

Иван Смирнов не ошибся в своих расчетах: в сентябре 1775 г. он рапортовал директору корпуса, что получил от регистратора Максима Борисякова за проданные в течение года 290 руб. 30 коп.³¹ Из сохранившейся приходно-расходной книги за 1775 г. становится известным, что для доставки книг в Москву типография пользовалась также услугами ямской конторы, платя по 2 рубля за пуд: с января по октябрь книги посылались в Москву 8 раз, на их пересылку было потрачено 12 руб. 40 коп. В 1776 г. для перевозки книг типография воспользовалась как услугами почты, так и услугами московского ямщика Кузьмы Евдокимова. Перевозка книг ямщиком была в два раза дешевле, поэтому в Москву было послано книг весом 6 пудов 30 фунтов (это обошлось в 6 руб. 75 коп., т.е. по одному рублю за пуд). Последние сведения о Борисякове относятся к 1779 г. В конце апреля 1779 г. Максим Борисяков переслал за проданные в 1778 г. книги 219 руб.³² Более поздних данных о продаже книг в Москве среди архивных материалов обнаружить не удалось³³. Вполне возможно, что продажа книг в Москве продолжалась до 1783 г., когда новый директор Академии наук Е. Р. Дашкова решила закрыть в Москве Академическую книжную лавку (Зайцева 2005: 104).

Описав те действия, которые типография предпринимала для увеличения продажи своих книг, попытаемся оценить объемы продаваемых книг. Сделать это возможно, проанализировав данные приходно-расходных книг, сохранившихся за

³⁰ СК XVIII в. 937. Тираж 1200 экз. На титуле указан 1769 г., но напечатана книга была июне 1770 г. (РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 269–270).

³¹ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 140. Л. 15.

³² Там же. Д. 227. Л. 29.

³³ Следует добавить, что Максим Борисяков выступал не только продавцом книг в Москве, но и их заказчиком в типографии Морского кадетского корпуса: в 1773 г. он выступил издателем книги *Похождение новомодной красавицы принцессы Гуланданы и храброго принца Барамы* (СК XVIII в. 5575; СК XVIII в. Доп. С. 118; тираж издания 600 экз.), а в 1775 г. выступил издателем двух из книг: второй части проповедей Илии Минятия (СК XVIII в. 2480; *Поучения в разные недели, и праздничные дни...*) и книги *Собрание разных сочинений, называемых нечто* (тираж каждой из них 600 экз.). Вторую книгу в «Сводном каталоге» обнаружить не удалось.

1771, 1775, 1776, 1796 и 1801 гг. Эти данные свидетельствуют о том, что наибольшим спросом пользовалась учебная литература, издававшаяся для нужд кадетского корпуса и частично пускавшаяся в продажу. Так, в 1775 г. было продано 11 экз. немецкой азбуки, 10 экз. первой части и 14 экз. второй части *Сокращения первых оснований математики* Х. Вольфа и 15 атласов Балтийского моря. Учебную литературу покупали как для частных нужд, так и для учебных заведений; атласы приобретались купцами, осуществлявшими морскую торговлю. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в 1776 г., когда было продано 39 атласов Балтийского моря, 48 экз. *Элементов геометрии* (причем 11 мая было куплено сразу 40 экз. — видимо, для учебного заведения), 42 экз. немецкой азбуки, 30 экз. первой и 34 экз. второй части *Сокращения первых оснований математики* Х. Вольфа. Значительно хуже расходились издания нравоучительного характера, напечатанные в бытность в корпусе Григория Полетики: они продавались в течение года в количестве 1–4 экз., реже 5 экз. Исключение составляли два издания: *Человека довольного* Вернажа было продано в 1775 г. 6 экз., а в 1776 г. — 11 экз. В 1776 г. было также продано 17 экз. *Путеводителя к премудрости Вивеса* (в 1775 г. — 4).

Среди продаваемой при корпусе литературы менее всего расходились книги, относимые к полезному чтению, то есть нравоучительная и историческая литература, которая, «если ли будет напечатана, для общества полезна быть может», как писал в 1766 г. Григорий Полетика в своем рапорте о необходимости напечатать книгу *Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей* Хольберга. Изданные на счет типографии в 1766–1770 гг., эти книги за несколько десятилетий в своей массе не были проданы и наполовину. Об этом красноречиво говорит «Щет состоящим при типографии книгам за 1801^й год»³⁴. К 1 января 1801 г. на складах типографии оставалось 952 экз. книги *Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей* Хольберга в переводе С. Веденского (издана в 1766 г., тираж 1200 экз.); 802 экз. книги

³⁴ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 997. Л. 28–30об.

Новые разговоры мертвых Фенелона в переводе И. Остолопова (1768 г., 1200 экз.); 688 экз. книги *Человек довольный, научающий хорошо жить* Вернажа в переводе Ф. Халчинского (1769 г., 1200 экз.); 932 экз. книги *Нравоучительные сократические разговоры* Верне, также переведенные Ф. Халчинским (1769 г., данных о тираже нет, но, видимо, 1200 экз.); 238 экз. книги *Разсуждение о добродетелях и награждениях* Драгонетти в переводе Ф. Карина (1769 г., 600 экз.). Наиболее продаваемой оказалась книга *Путеводитель к премудрости* Вивеса, переведенная С. Гамалеей (1768 г., 1200 экз.), которой осталось на складах 446 экз.

Несколько лучше, чем нравоучительная литература, продавались книги по истории (несмотря на дороговизну некоторых изданий). Так, к 1 января 1801 г. оставалось 666 экз. *Книги Марсовой* (издана в 1766 г., тираж 1200 экз.); 944 экз. книги *Опыт исторический и критический о разгласиях церьквей в Польше* Вольтера, переведенной В. К. Тредиаковским (1768 г., 1200 экз.); 720 экз. книги *История о императоре Феодосии Великом* Флешье в переводе С. Гамалеи (1769 г., 1200 экз.); 746 экз. 1-го тома, 776 экз. 2-го тома, 812 экз. 3-го тома и 790 экз. 4-го тома книги *История о римских императорах с Августа по Константина* Кревье в переводе В. Тредиаковского (1767–1769 гг., по 1200 экз.).

В 1780–1790-е гг. торговля нравоучительной и исторической литературой при типографии падает. Так, судя по приходно-расходной книге типографии, за 1796 г. было продано лишь 26 экз. некоторых из перечисленных выше книг на 22 руб. 95 коп., причем исключительно исторических — 20 экз. разных томов *Истории о римских императорах с Августа по Константина*, 4 экз. *Истории о императоре Феодосии Великом*, 2 экз. *Книги Марсовой*³⁵. Это составляло примерно 10% от проданных при типографии книг: остальные проданные книги были учебниками. На слабую продажу книг в 1780–90-е гг. указывают тиражи двух книг, изданных на счет типографии позже остальных: в 1801 г. оставалось 434 экз. книги *Любовь Палирия и Дирфши* (1774 г., 600 экз.) и 1152 экз. 1-го тома и 1163 экз. 2-го тома книги *О нравах и обычаях римлян* Лефевра де Морсана (1787 г., 1200 экз.).

³⁵ РГАВМФ. Оп. 1. Ф. 432. Д. 693. Л. 1-10.

Эти данные свидетельствуют о том, что объем продажи нравоучительной литературы составлял не более 500 экз., а в среднем 300–400 экз. каждого издания, и это несмотря на то, что книги, изданные в типографии Морского кадетского корпуса, были недорогими. Цена оказывалась далеко не определяющим фактором, обеспечивавшим надежный сбыт издания. Приведенные данные говорят об ограниченности круга образованного читателя в России во второй половине XVIII в. Аналогичные выводы сделаны А. А. Зайцевой, проанализировавшей продажу при Академии наук книг «Собрания, старяющегося о переводе чужестранных книг на российский язык» (Зайцева 2005: 54–55). Расширение круга читателя происходит в начале XIX в., когда «мода на чтение» охватывает среднее сословие (Зайцева 1987: 192–194).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерская 1895 — *Белозерская Н. М.* Влияние переводного романа и западной цивилизации на русское общество XVIII в. // Русская старина. 1895. Т. 83. С. 125–156.
2. Буш 1925 — *Буш В. В.* Древнерусская литературная традиция в XVIII в. (К вопросу о социальном расслоении читателя) // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. 1925. Т. 4. Вып. 3. С. 1–11.
3. Гладилова 1995 — *Гладилова Е.* Литература в повседневном быту русского дворянства (На материалах семейных хроник конца XVIII–XIX вв.) // Русская филология. Тарту. 1995. Вып. 6. С. 23–26.
4. Гордеева 2009 — *Гордеева М. Ю.* Петербургская Академия наук и частная книготорговля в середине XVIII века // Чтения памяти Александры Александровны Зайцевой (1927–1996). СПб., 2009. С. 92–101.
5. Зайцева 1980 — *Зайцева А. А.* Новые материалы о русских книжных лавках в Санкт-Петербурге // Книжное дело в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1980. С. 116–134.
6. Зайцева 1982 — *Зайцева А. А.* Академия наук и частные книгопродавцы в конце XVIII в. // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1982. С. 100–114.
7. Зайцева 1983 — *Зайцева А. А.* Книжная лавка Академии наук в конце XVIII в. // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в. Л., 1983. С. 121–135.
8. Зайцева 1984 — *Зайцева А. А.* Ассортимент книжной лавки Академии наук в конце XVIII в. // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984. С. 140–164.

9. Зайцева 1987 — *Зайцева А. А.* Книгопечатание в России на рубеже XVIII и XIX вв. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1987. С. 183–194.
10. Зайцева 2005 — *Зайцева А. А.* Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века. СПб., 2005.
11. Карпова 2006 — *Карпова И. Л.* Ассортимент книжной лавки Московского университета в 1756–1765 гг. // Книга в России. Сб. 1. М., 2006. С. 113–133.
12. Кондакова 1972 — *Кондакова Т. И.* «Читатель» — «чтец» — «читальщик» в русском литературном языке XVIII века // Русский язык в школе. 1972. № 1. С. 105–106.
13. Кондакова 1978 — *Кондакова Т. И.* О наименовании понятия «читатель» в русском литературном языке XVIII века // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. М., 1978. С. 109–115.
14. Кудрявцева 2000 — *Кудрявцева Е. Б.* Дети и книги в России конца XVIII века // Человек Читающий: Номо legens–2. М., 2000. С. 77–86.
15. Кудрявцева 2010 — *Кудрявцева Е. Б.* Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в. СПб., 2010.
16. Леденева 1996 — *Леденева Т. В.* Читатель в русской провинции XVIII–XIX веков // Ярославская старина. 1996. Вып. 3. С. 3–12.
17. Лотарева 1994 — *Лотарева Д. Д.* Некоторые проблемы изучения масонской книжности в России в конце XVIII — первой половине XIX в. // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 183–190.
18. Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
19. Луппов 1978 — *Луппов С. П.* Русский читатель XVII — первой половины XVIII века // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. М., 1978. С. 83.
20. Лясов 1976 — *Лясов В. Ф.* Возникновение рынка подписных изданий и книгораспространительская деятельность Н. И. Новикова // Книга. Исследования и материалы. Сб. 36. М., 1976. С. 73–80.
21. Мартынов 1979 — *Мартынов И. Ф.* Книжная лавка Московского университета в XVIII в. // Книжная торговля: исследования и материалы. 1979. Сб. 6. С. 142–163.
22. Нилова 1991 — *Нилова О. Е.* Издательско-книготорговая деятельность московских купцов в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Актуальные проблемы истории русской культуры. М., 1991. С. 75–89.
23. Огородников 1899 — *Огородников С. Ф.* Типография Морского министерства (Исторический очерк). СПб., 1899.
24. Полянский 1971 — *Полянский А.* От Вейтбрехта до Ротгана: из истории книжной торговли в Петербурге в XVIII–XIX вв. // Книжная торговля. 1971. № 10. С. 60–61.
25. Ранчин 1995 — *Ранчин А. М.* Книга и чтение в жизни персонажей русской литературы второй половины XVIII–XIX в. // Книга в пространстве культуры: тез. науч. конф. Москва, 1995 г. М., 1995. С. 44–46.

26. Рубакин 1975 — *Рубакин Н. А.* Этюды о русской читающей публике // Рубакин Н. А. Избранное: в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 35–104.
27. Руднев 2006 — *Руднев Д. В.* Г. А. Полетика и издательская деятельность Морского кадетского корпуса в 1760–70-е гг. // Вторые Лупповские чтения. М., 2006. С. 42–72.
28. Самарин 1999 — *Самарин А. Ю.* География распространения петербургских журналов в конце XVIII века // Петербургские чтения–98–99. СПб., 1999. С. 750–755.
29. Самарин 2000а — *Самарин А. Ю.* О географии распространения русских изданий во второй половине XVIII века // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2000. № 1–2. С. 133–140.
30. Самарин 2000б — *Самарин А. Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000.
31. Севастьянов 1983 — *Севастьянов А. В.* Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762–1800). М., 1983.
32. Столпянский 1915 — *Столпянский П.* Из прошлого Рыцарской академии // Педагогический сборник. 1915. № 1. Часть неофициальная. С. 38–60.
33. Тюличев 1983 — *Тюличев Д. В.* Продажа в Москве изданий Петербургской Академии наук в начале 60-х гг. XVIII века // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в.: сб. науч. тр. Л., 1983. С. 85–104.
34. Тюличев 1984 — *Тюличев Д. В.* Распространение книг, изданных Академией наук на русском языке, в Москве в 50-е гг. XVIII века // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв.: сб. науч. тр. Л., 1984. С. 94–114.
35. Шевченко 1915 — *Шевченко С. Ф.* К вопросу о том, что читал народ в XVIII столетии // Филологические записки. Воронеж, 1915. Вып. 5–6. С. 760–767.
36. Marker 1985 — *Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princenton, 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота
- СК XVIII в. — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1967, 1975.

D. Rudnev. On the history of the book trade in the second half of the XVIII century (on the basis of archive data of the Sea Cadet Corps' printing press).

The article describes the conditions of selling books printed by the Sea Cadet Corps' Press in the second half of the XVIII century. The ways of

marketing of printed literature depended on who was its customer. A part of printed books was published by the Sea Cadet Corps' Press at its expense. Since 1764 the printing press had to support itself by selling their services and therefore was interested in speedy marketing of printed books to get the invested money back.

To attract the customers' attention to its printed literature the Sea Cadet Corps' Press issued lists (*róspisi*) of printed books that specified the names of books and their price. These lists were distributed free of charge and served a form of advertising. Another way to increase sales of books was the organization of their sales in Moscow since 1770. However, despite the activities of the Sea Cadet Corps' Press to increase the sales of books, despite the high quality of print products and their low price, their sales went slowly. Analysis of the volume of moralistic and historical literature sold during the second half of the XVIII century shows that the circle of Russian readers at the time was very limited.

**ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО В РОССИИ:
“RUSSISCHE SPRACHLEHRE” ЯКОБА РОДДЕ (1773 Г.)**

Ключевые слова: русский язык как иностранный, история образования, история методики, учебник русского языка для немцев, XVIII век.

В статье дается описание жизни и творчества Якоба Родде, переводчика и секретаря рижского магистрата. Особое внимание уделено анализу учебника русского языка для немцев “Russische Sprachlehre”, включающего грамматику, учебные диалоги, русские пословицы и материалы для чтения и перевода с русского языка на немецкий. В статье доказывается, что учебник Я. Родде испытывал влияние грамматических трудов В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, И. К. Шарпантье, разговорника Г. Ф. Платса, а также педагогических идей Я. А. Коменского. Предисловие к учебнику Я. Родде можно считать первым трудом по методике преподавания русского языка как иностранного. Кроме того, Я. Родде был первым, кто использовал в качестве учебных текстов произведения русской художественной литературы.

В общем перечне учебников русского языка как иностранного, опубликованных в России в XVIII веке, значительную часть составляют учебники русского языка для немцев. Это обусловлено, с одной стороны, интересом к России и русскому языку в немецких королевствах и княжествах Европы (из этих государств приезжали в Россию, главным образом, коммерсанты и военно-технические специалисты), с другой стороны, коммуникативными потребностями русских немцев (жителей прибалтийских городов, Санкт-Петербурга, московской Немецкой слободы, крестьян-колонистов) и их детей. Одним из наиболее известных учебников русского языка, предназначенных для немецких школ России, был учебник “Russische Sprachlehre zum

* Сергей Васильевич Власов, канд. филол. наук, доц., зав. кафедрой французского языка СПбГУ.

** Леонид Викторович Московкин, д-р пед. наук, проф. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ.

bestem der deutschen Jugend eingerichtet von Jac. Rodde”, вышедший первым изданием в Риге в 1773 г. и затем переиздававшийся там же в 1778, 1784 и 1789 гг.

Якоб (Яков Матвеевич) Родде (1725 — 18.05.1789), вероятно, был одним из потомков немецкого купца Иоганна Родде, выходца из Любека, проживавшего во второй половине XVII в. в Нарве. Представители многочисленного семейства Родде занимались торговлей с Россией, и поэтому все изучали русский язык. Тимофею Ивановичу или Дитриху Родде (сыну Иоганна) принадлежала так называемая Трондхеймская рукопись — русско-немецкий словарь-разговорник, обнаруженный С. Свердруп Лунден в библиотеке Норвежского Королевского научного общества в г. Трондхейме и опубликованный с ее же комментариями (Lunden 1972: 27–28). В исследовании Э. Винтера упоминается нарвский пиетист И. Г. Родде, состоявший в переписке с российским филологом Иоганном Вернером Паузе и собиравший для него сведения, имеющие отношения к истории России (Winter 1953).

Представители семейства Родде внесли значительный вклад в культуру прибалтийских немцев. Наиболее известным из них был пастор Каспар Маттиас Родде (1689–1743), который преподавал в 1717–1719 гг. русский язык в Галльском университете, а с 1719 г. арабский язык в Нарвской гимназии. Он сделал множество переводов с немецкого на русский, в частности перевел Малый катехизис А. Г. Франке «Начало христианского учения» (Mengel 2008: 256). Известно также, что он перевел Новый завет на арабский язык (Basler 1987). Не исключено, что Якоб Родде был его сыном.

Впрочем, точными сведениями о происхождении Якоба Родде мы не располагаем. По одним данным он родился в Нарве в 1725 г. и был сыном К. М. Родде (Gadebusch 1777: 42), по другим данным он родился в Москве (Hupel 1782: 217), по третьим в г. Троицкий Острог Нижегородской губернии (Meusel 1811: 365). Известно, что в 1740-е годы он обучался на богословском факультете университета г. Галле, а в 1771–1774 гг. был секретарем и переводчиком магистрата г. Риги (Recke, Napiersky 1831: 555–556; Сазонова 2008: 173–179; Сазонова 2010: 50–52).

Якоб Родде известен не только как создатель учебника русского языка. Опираясь на известный «Вейсманнов лексикон», он составил немецко-русский и русско-немецкий словари (Rodde 1784; Родде 1784). На основе книги К.-Э. Дерриен «Времяпрепровождение веселое и нравоучительное, или Сказки нововымышленные в пользу малых детей» (Дерриен 1770) он написал сборник текстов для чтения на русском языке (Родде 1779). Я. Родде перевел на немецкий язык анонимную драму «Благодеяния приобретают сердца» (*Wohlthaten gewinnen die Herzen* 1771), ряд сочинений митрополита Платона Левшина (Platon 1770a; Platon 1770b), книги П. И. Рычкова «Топография оренбургская» (Rytschkov 1772a) и «Опыт казанской истории древних и средних времен» (Rytschkov 1772b), инструкцию по выращиванию картофеля (*Anweisung zur Pflanzung der Erdäpfel* 1765). Это значит, что творчество Я. Родде может быть интересно специалистам не только по истории педагогики, но также по вопросам религиоведения, географии, истории России, сельского хозяйства.

Нас же в этой статье будет интересовать учебник русского языка для немцев (Rodde 1773), включающий в себя грамматику, учебные диалоги, сборник русских пословиц и материалы для чтения и перевода с русского языка на немецкий. Следует отметить, что два последних издания учебника (1784 и 1789 гг.) несколько отличаются от первых — они были значительно дополнены новыми парадигмами спряжения неправильных глаголов, новыми параграфами в разделе синтаксиса и новыми текстами.

До появления учебника Я. Родде, немцы, изучавшие русский язык, имели в своем распоряжении лишь два грамматических пособия на немецком языке: краткий очерк русской грамматики, составленный В. Е. Адодуровым и изданный без указания имени автора в 1731 г. в качестве приложения к «Немецко-латинскому и рус[c]кому Лексикону» под названием «Начальные основы рус[c]кого языка» (*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* 1731), и пространную «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, переведенную на немецкий язык И. Л. Стафенгаеном и опубликованную в типографии Санкт-Петербургской Академии наук в 1764 г. (Lomonossow 1764).

Если грамматический очерк Адодурова был слишком кратким для его использования в преподавании русского языка, то «Российская грамматика» Ломоносова была слишком сложной для усвоения ее иностранцами. В данных обстоятельствах создание грамматики русского языка, приспособленной к нуждам его преподавания в немецкоязычной среде, было настоятельной необходимостью.

Вполне естественно, что созданный Я. Родде учебный курс русской грамматики испытал на себе влияние работ Адодурова и Ломоносова, а также, как мы покажем в дальнейшем изложении, «Основ русского языка» Шарпантье и Мариньяна ([Charpentier et Marignan] 1768)¹.

В разделе именного склонения Родде следует в основном за Адодуровым, относя к 3-му склонению, как и Адодуров, слова типа *лошадь*, которые у Ломоносова принадлежат к 4-му склонению, а к 4-му склонению, вслед за Адодуровым, Родде относит слова вроде *гвоздь*, *злодѣй*, *рожденіе*, которые у Ломоносова отнесены к 3-му склонению. Формы прилагательных 5-го склонения в учебнике Родде совпадают то с формами, приводимыми Адодуровым (*добрый*, *добрые* или *добрыя* — для всех 3 родов), то с формами, которые приводит Ломоносов (например, *божей* — ед. ч. м. р; у Адодурова — *божій*). Если тот или иной порядок склонений не затрагивает самих парадигм склонения и является условным, то различия в формах прилагательных отражают действительные колебания узуса прежде всего в области орфографии, вызванные нечеткостью реального произношения безударных гласных.

В разделе глагола Я. Родде следует не за грамматическим очерком В. Е. Адодурова, а за «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова. Так, он выделяет не три времени русского глагола (настоящее, прошедшее и будущее) в изъявительном наклонении, как Адодуров, а те же десять времен, что и Ломоносов, оставляя за этими временами только их латинские названия, предложенные в переводе Стафенгагена, и опускает

¹ О влиянии грамматик Адодурова, Ломоносова и Шарпантье на трактовку склонений имен и спряжений глагола в учебнике Родде уже в 1775 г. писал в самом общем плане Х.-Л. Х. Бакмейстер (Bacmeister 1775: 61–64). См. также (Keipert 2006: 96 и далее) с ссылкой на Бакмейстера.

их немецкие переводные эквиваленты: 1) Praesens — «настоящее»: *бросаю*; 2) Imperfectum — «прошедшее неопределенное»: *бросалъ*; 3) Praeteritum singulare unitatis — «прошедшее однократное»: *бросилъ*; 4–6) три «давнопрошедших» (первое, второе и третье) — Plusquamperfectum primum (*брасывалъ*), secundum (*бывало бросалъ*), tertium (*бывало брасывалъ*); 7) Futurum Imperfectum — «будущее неопределенное»: *буду бросать*; 8) Futurum simplex — «будущее однократное»: *брошу*; 9) Praeteritum perfectum — «прошедшее совершенное»: *написал*; 10) Futurum perfectum — «будущее совершенное»: *напишу* (Rodde 1773: 78–79).

Нужно сказать, что уже предшественники Родде Шарпантье и Мариньян в своих «Основах русского языка», написанных по-французски, пытались реформировать громоздкую схему глагольных времен у Ломоносова, сокращая количество давнопрошедших времен до одного давнопрошедшего первого (*брасывалъ*) ([Charpentier et Marignan 1768: 92–117]²). Однако Я. Родде не принял их подхода к усовершенствованию системы глагольных времен, предложенной Ломоносовым, хотя и заимствовал у французских грамматистов с некоторыми изменениями и дополнениями парадигмы спряжения неправильных глаголов (Rodde 1773: 154–195).

Нельзя не обратить внимания на предисловие к учебнику Родде, которое можно считать первым трудом по методике преподавания русского языка как иностранного, так как в нем впервые даются рекомендации учителям по работе с учениками, изучающими русский язык. В этом предисловии Родде указывал, что самую большую трудность для учащихся-немцев в русской грамматике представляют глаголы — в ней много неправильных глаголов, формы которых нельзя усвоить по образцу, а нужно выучивать наизусть. Именно для этого он и поместил в учебнике парадигмы спряжения неправильных глаголов. Вместе с тем, Родде считал, что нельзя в учебном процессе опираться только на память учеников. Всегда, когда можно, нужно заставлять учеников думать. При обучении грамматике нельзя всегда давать им грамматические правила в готовом виде, даже

² Подробнее об учебнике русского языка Шарпантье и Мариньяна см.: (Власов, Московкин 2007).

и с примерами. Иногда необходимо давать ученикам только примеры и помогать им выводить из них правила. Эта рекомендация использовать индуктивный способ введения грамматического материала базируется на широко известных в XVIII в. идеях Я. А. Коменского.

У Коменского же была заимствована и идея многократных повторений грамматического материала. Родде считал, что ученики должны 1–2 раза в неделю заниматься повторением грамматики, для этого он рекомендовал им прочитывать вслух выученные правила и подбирать к ним примеры, указывая, что в упражнениях изученное грамматическое правило каждый раз должно повторяться с новой лексикой.

Я. Родде отмечал, что важно специально работать над выражениями и оборотами, которых в русском языке очень много, причем не проводить их грамматического разбора, а анализировать их значение и условия употребления. Для организации усвоения выражений и оборотов он также рекомендовал многократные повторения.

Учебник Родде наряду с грамматическим очерком включает еще две части: разговоры (диалоги) и тексты для чтения и перевода. Каждая из них по-своему интересна и заслуживает внимания.

Раздел «Домашние разговоры — *Gespräche von Haussachen*» включает 96 диалогов, которые даны на русском и немецком языках. Они заимствованы из книги «Домашние разговоры», пособия для обучения учеников Санкт-Петербургской академической гимназии устной речи на французском, немецком, русском и латинском языках (*Dialogues domestiques* 1749). Это учебное пособие, издававшееся в типографии Императорской Академии наук в 1749, 1756, 1780, 1788 и 1793 гг., было создано на основе разговорника немецкого педагога Георга Филиппа Платса “*Dialogues domestiques françois-allemands avec des compliments familiers. Französisch-teutsche mit gemeinen Complimenten vermischte Gespräche von Haus-Sachen*” (Platz 1734), который содержал параллельные диалоги на французском и немецком языках. В Санкт-Петербурге к ним были добавлены русский вариант диалогов, составленный переводчиком Академии

наук В. И. Лебедевым, и латинский, составленный академиком Х. Крузиусом³.

Я. Родде из этих вариантов оставил только два — русский и немецкий, причем немецкие диалоги он почти полностью переписал. Причина этого не очень ясна. Возможно, диалоги, составленные Платсом в Нюрнберге, казались странными прибалтийским немцам. Впрочем, могла быть и другая причина — Родде изменил немецкую часть диалогов, так как опасался, что его могут обвинить в плагиате.

Диалоги в учебнике Родде объединены друг с другом по содержанию. Они включают следующие темы: приглашение друзей в гости, подготовку праздничного обеда, разговоры за обедом и после него, прогулки, расспросы, покупки, заказы у портного, пирожника, приготовление ко сну и многое другое. Из этих диалогов можно многое узнать о жизни и быте дворянской семьи XVIII в. Например, «правила обхождения» отражены в диалоге III «Комплименты при визите» (слова даны в современной орфографии):

— Вы нам позволили, государь мой, приехать к Вам, мы приехали отдать Вам долг наш и проведать о здоровье Вашем.

— Я вам, государи мои, покорно благодарен за честь, которую вы мне сделали.

— Это моя должность была приехать к Вам: меня очень беспокоит, что Вы своим учтивством предускорили мою должность.

— Вы так говорить изволите, и вы не поставите того в вину, что мы приехали отнять у Вас четверть часа от Вашего времени, которое Вам очень дорого.

— Мне нет приятнее времени как то, которое я препровожу в вашей приятной компании (Rodde 1789: 5–7).

Большой интерес представляют разговоры хозяев со слугами. Хозяева в этих разговорах очень строги, но слуги реагируют на реплики хозяев по-разному. Одни, например, Бертрам, исполнительные, и их работа не вызывает отрицательной реакции хозяев. Другие ленивы, грубы и непунктуальны. Иногда они ведут себя с хозяевами неучтиво. Приведем пример из разговора LXXIX «Слугу некуда посылают»:

³ О «Домашних разговорах» в учебнике Я. Родде см. также: (Bernhagen 1968; Keipert 2006: 91–93).

— Иван, снеси это сукно к портному, скажи ему, чтоб ко мне пришел и снял с меня мерку на платье.

— Погодя, сударь, несусь к нему, я и без того с двора иду.

— Не хочю годить, тотчас ступай! (Rodde 1789: 136)

В другом разговоре (диалог LXXXIV «Слугу бранят») хозяин ругает слугу Ивана за то, что он слишком долго отсутствовал, выполняя его поручение:

— ...ты очень своеволишь, ты надеешься на то, что я тебе спущаю: куда тебя пошлю, долго не мешкай, я не хочу уже более терпеть. Одним словом, впредь тебе спущать не стану; и ежели ты обычая своего не переменишь, то увидишь, каково тебе будет. Я тебе взаправду (не шутя) это говорю.

— Не извольте, сударь, столь много гневаться, мне скоряе домой прийти нельзя было; однако прошу прощения, ежели я Вас чем-нибудь прогневал (Rodde 1789: 144–145).

А вот фрагмент диалога ХС «Некоторая спать хочет», характеризующий неучтивую служанку Анну:

— Пойдемте же спать <...> Анна, посвети нам!

— Не темно вить.

— В другор тебе говорю: посвети сюда.

— Тотчас, сударыня! (Rodde 1789: 155–156)

Интересно, что в диалогах слуги с простыми и русифицированными в переводе именами (Иван, Анна и др.) заслуживают худшего к себе отношения, чем слуга с «благородным» немецким именем Бертрам.

Нельзя не сказать несколько слов и о текстах для чтения и перевода. Начинается эта часть учебника со списка отобранных автором пословиц с переводом на немецкий язык (в этом тоже усматривается влияние учебника Шарпантье). Родде включил в этот список более 100 пословиц, четвертая часть которых и сейчас известна обычным носителям русского языка: *Кто на молоке ожегся, тот и на воду дует. Ворон ворону глаз не выклюет. В семье не без урода. Будет и на нашей улице праздник. Баснями соловья не кормят. Век живи, век учишь. Взавиши за гуж, не говори, что не дюж.* Другие пословицы вышли из употребления, но, тем не менее, их смысл и условия их возможного появления в речи понятны: *Малых воров вешают, а больших прощают. Старую собаку трудно к цепи приучить. Вкусно яблоко, когда сторожа нет. Сие так полезно есть, как слепому зеркало. Мышь не в одну нору ходит. Вечер покажет, каков был*

день. После рати храбрых много. Рубашка ближе к плечам, чем кафтан. И у курицы сердце есть. Всякая лисица свой хвост хвалит. Дорог хлеб, коли денег нет. Знать человека по речам, а птицу по перьям. Сделайся только овцою, а волки готовы. У друга пить воду лучше неприятельского меду и др.

Среди текстов учебника, предназначенных для чтения, анализа и перевода с русского языка на немецкий, встречаются рассказы познавательного характера (о птицах, пчелах, рыбах), фрагменты исторических произведений, в том числе вступление и две первые главы и из «Древней Российской истории» Ломоносова, но самое главное то, что именно в учебнике Родде впервые мы видим в качестве учебных текстов художественные произведения и их фрагменты: главу 8 из «Велисария» Ж. Ф. Мармонтеля, незадолго до этого дважды переведенного с французского языка и ставшего популярным в русском обществе (Мармонтель 1768, 1769)⁴, стихотворные произведения, среди которых ломоносовские переложения псалмов, оды «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Надпись ко статуе государя Петра Великого», а также сумароковская притча «Ось и бык». Это был первый в истории преподавания русского языка как иностранного факт включения в учебники художественных произведений русских писателей.

В истории преподавания русского языка как иностранного включение художественных текстов в учебники русского языка XVIII в. принято объяснять интересом, который проявляли европейцы к русской культуре, и в частности литературе (Милославская 2008). Однако, на наш взгляд, основной причиной, вызвавшей использование художественных произведений русских писателей в учебниках русского языка как иностранного, была тенденция перехода от общеевропейских ценностей к национальным, порожденная процессом формирования европейских наций. Эта тенденция выражалась в отказе от латыни как универсального языка образования и культуры и в переходе к организации образования на национальных языках. Она выражалась в интересе к национальным культурам, к созданию грамматик и словарей национальных языков, к сбору пословиц, сказок

⁴ Первый из указанных переводов был осуществлен Екатериной II (глава IX) и ее приближенными.

и других произведений устного народного творчества, в появлении нового литературного направления — романтизма и т. д.

В учебниках иностранных языков эта тенденция проявилась как тенденция перехода от общеизвестных текстов европейской культуры, например, текстов молитв, псалмов, прецедентных исторических произведений («Истории Александра Великого»), к текстам, являющимся принадлежностью конкретной национальной культуры. И поскольку ярче всего интерес к изучению национальной специфики народов проявлялся в Германии⁵, нас не должно удивлять то, что первым автором, включившим в свой учебник русского языка произведения русской художественной литературы, был немец Якоб Родде.

Необходимо также отметить, что учебник Родде критиковался и современниками, и историками языкознания. В XIX в. И. И. Балицкий писал, что Родде «наделал столько разных praeteritis и futuris, что осилить русское спряжение не могло бы никакое терпение трудолюбивого немецкого юношества...» (Балицкий 1876: 20). Именно поэтому в дальнейшем был подготовлен и издан более доступный для учащихся учебник Ивана Андреевича Гейма, который также содержал грамматический очерк, диалоги и тексты для чтения (Heim 1789).

В завершение анализа методической концепции Якоба Родде еще раз подчеркнем, что этот автор не только отразил в своем учебнике существующие в его время представления о содержании обучения русскому языку как иностранному, но предложил и ряд методических новаций: сделал попытку упростить грамматику Ломоносова и включил в учебник художественные произведения русских писателей в качестве текстов для чтения. Его учебник был востребован в немецких школах, созданных при лютеранских храмах, а также в светских немецких школах Прибалтики.

⁵ Национальное движение в Германии было порождено фактом феодальной раздробленности германских земель, в результате чего немцы ощущали себя искусственно разделенным народом. Они видели объединяющий фактор в общей культуре и языке (верхнемецком). Осознание национального единства началось, вероятно, во времена Мартина Лютера. Расцвет национального движения — XVIII–XIX вв. Яркую национальную окраску имели не только лютеранство и его позднейший вариант — пиетизм, но и литературно-художественные течения, а также философские и педагогические концепции, выраставшие на германской почве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балицкий 1876 — *Балицкий И. И.* Материалы для истории славянского языкознания. Ч. 1. Киев, 1876.
2. Власов, Московкин 2007 — *Власов С. В., Московкин Л. В.* Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Основы русского языка» Шарпантье и Мариньяна // Мир русского слова. 2007. № 1. С. 72–80.
3. Дерриен 1770 — *Дерриен К.-Э.* Времяпрепровождение веселое и нравоучительное, или Сказки нововымышленные в пользу малых детей. СПб., 1770.
4. Мармонтель 1768 — *Мармонтель Ж.-Ф.* Велизерь, сочиненія господина Мармонтеля, члена Французской Академіи, переведенъ на Волгѣ. Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1768 года. 2-е издание. СПб., 1773.
5. Мармонтель 1769 — *Мармонтель Ж.-Ф.* Велисарий. Сочиненіе Г. Мармонтеля академика французскаго. Съ Амстердамскаго 1767 года изданія, переведено въ Москвѣ въ томъ же году [П. П. Курбатовым]. Печатано при Императорской Академіи Наукъ 1769 года. 4-е издание. 1796.
6. Милославская 2008 — *Милославская С. К.* Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М., 2008.
7. Родде 1779 — *Родде Я. М.* Разныя исторіи нравоучительныя, выбранныя въ пользу юношества, обучающагося Россійскому языку. Рига, 1779.
8. Родде 1784 — *Родде Я. М.* Россійской лексиконъ по алфавитѣ, изданный Яковомъ Родде секретаремъ и переводчикомъ при Магистратѣ российско императорскаго города Риги. [Riga — Leipzig, 1784].
9. Сазонова 2008 — *Сазонова Л. И.* Немецко-русский филолог-переводчик Яков Родде // Die slavischen Grenzen Mitteleuropas: Festschrift für S. Bonazza zum 70. Geburtstag. München, 2008 (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Сборники; Bd 34). S. 173–179.
10. Сазонова 2010 — *Сазонова Л. И.* Родде Яков Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 3 (Р–Я). СПб., 2010. С. 50–52.
11. Anfangs-Gründe der Russischen Sprache 1731 — Anfangs-Gründe der Russischen Sprache // Нѣмецко-латинскій и рускій Лексиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданъ. СПб, 1731.
12. Anweisung zur Pflanzung der Erdäpfel 1765 — Anweisung zur Pflanzung der Erdäpfel, welche man sonst Patatoes nennt. Aus dem Russischen. Riga, 1765.
13. Bacmeister 1775 — *Bacmeister H. L. Ch.* Russische Bibliothek. Des dritten Bandes erstes Stück. St.Petersburg, Riga und Leipzig, 1775.
14. Basler 1987 — *Basler F.* Russischunterricht in drei Jahrhunderten. Ein Beitrag zur Geschichte der Russischunterrichts an deutschen Schulen. Berlin, 1987.
15. Bernhagen 1968 — *Bernhagen W.* Jacob Rodde als Verfasser des Gesprächsbuches «Домашние разговоры» — “Gespräche von Haussachen” // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.

- Herausgegeben von Helmut Grasshoff und Ulf Lehmann. Band II. Berlin, 1968. S. 114–121, 395–397.
16. [Charpentier et Marignan] 1768 — [*Charpentier J.-B. J., Marignan*]. *Éléments de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage*. СПб., 1768 (другие издания: 1791, 1795, 1804).
 17. *Dialogues domestiques* 1749 — *Dialogues domestiques*. Gespräche von Haussachen. Разговоры домашние. Colloquia domestica. СПб., 1749.
 18. Gadebusch 1777 — *Gadebusch F. K.* Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung. Dritter Theil. Riga, 1777.
 19. Heim 1789 — *Heim J.* Russische Sprachlehre für Deutsche mit einer Chrestomatie, von Joh. Heim. M., 1789.
 20. Hupel 1782 — *Hupel A. W.* Der nordischen Miscellaneen viertes Stück // Fischer J. B. Beiträge und Berichtigungen zu Hern F. K. Gadebusch livländischer Bibliothek. Riga, 1782.
 21. Keipert 2006 — *Keipert H.* Das Russisch-Lehrwerk von Jacob Rodde. Zur Kenntnis der russischen Sprache im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert // Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert: Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Bonn, 2006. S. 85–110.
 22. Lomonossow 1764 — *Lomonossow M.* Russische Grammatik. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorentz Stavenhagen. SPb., 1764.
 23. Lunden 1972 — *Lunden S. S.* The Trondheim Russian-German MS Vocabulary. Oslo, 1972.
 24. Mengel 2008 — *Mengel S.* Durch Reformation zur Sprachreform? Ein unbekanntes Phänomen der neueren russischen Literatursprache // Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ochrid 2008. Herausgegeben von S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolph. München 2008.
 25. Meusel 1811 — *Meusel J. G.* Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. Eilfter Band. Leipzig, 1811.
 26. Platon 1770a — *Platon, Jeromonach.* Rechtgläubige Lehre, oder Kurzer Auszug der christlichen Theologie zum Gebrauch Sr. Kais. Hoheit, des Durchl. Thronfolgers des russ. Reichs, rechtgläubigen grossen Herrn Zesarewitsch und Großfürsten Paul Petrowitsch, verfasst von Sr. Kais. Hoheit Lehrer, dem Jeromonach Platon, nunmehrigen Archimandriten des Troizkischen Klosters. Aus dem Russ. Riga, 1770.
 27. Platon 1770b — *Platon, Jeromonach.* Rede über 1 Cor. 1, 23 gehalten den 9. April 1764 am Charfreitage von Ihro Kais. Maj. Hofprediger, dem Jeromonach Platon. Aus dem Russ. übersetzt. Hamburg, 1770.
 28. Plats 1734 — *Plats G. Ph.* *Dialogues domestiques françois-allemands avec des compliments familiers.* Französisch-teutsche mit gemeinen Complimenten vermischte Gespräche von Haus-Sachen. Nürnberg, 1734.
 29. Recke, Napiersky 1831 — *Recke J.-F. von, Napiersky K.-E.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bd III. L — R. Mitau, 1831.

30. Rodde 1773 — *Rodde J.* Russische Sprachlehre zum bestem der deutschen Jugend eingerichtet von Jac. Rodde. Riga, 1773; 2te vermehrte Auflage. Riga, 1778; 3te vermehrte Auflage. Riga, 1784; 4te Ausg. nebst einigen Hausgesprächen. Riga, 1789.
31. Rodde 1784 — *Rodde J.* Deutsch-Russisches Wörterbuch / Ausgegeben von Jacob Rodde Secretair und Translateur, eines hochedlen Raths der Russischen Kaiserlichen Stadt Riga. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784.
32. Rodde 1789 — *Rodde J.* Russische Sprachlehre. Vierte vermehrte Auflage. Riga, 1789.
33. Rytschkov 1772a — Rytschkov P. Orenburgische Topographie oder Umständliche Beschreibung des Orenburgischen Gouvernements / Verfasset von Peter Rytschkov Staatsrath und Correspondenten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften; Aus dem Russischen von Jacob Rodde Secretair und Translateur in Riga. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1772.
34. Rytschkov 1772b — *Rytschkov P.* Versuch einer Historie von Kasan alter und mittler Zeiten / Verfasst von Peter Rytschkov, Staats-Rathe, Correspondenten der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften und Mitglieder der Freyen oekonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg; Aus dem Russischen übersetzt von Jacob Rodde, Secretair und Translateur in Riga. Riga: Bey Joh. Friedrich Hartknoch, 1772.
35. Winter 1953 — *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.
36. Wohlthaten gewinnen die Herzen 1771 — Wohlthaten gewinnen die Herzen. Drama in einem Aufzuge. Aus dem Russischen von Jacob Rodde. Riga, 1771.

S. Vlasov, L. Moskovkin. History of creation of the textbooks of the Russian as a foreign language in Russia: “Russische Sprachlehre” by Jacob Rodde (1773).

The article presents the life and works of Jacob Rodde, a translator and secretary at Riga town court. Most of the focus is on the analysis of the Russian language book for German speakers “Russische Sprachlehre”, which includes grammar, dialogues, Russian proverbs and texts for reading and translating from Russian into German. The authors prove that the textbook by J. Rodde was written under the influence of grammatical works by V. E. Adodurov, M. V. Lomonosov, I. K. Charpentier, of the conversation book by G. Ph. Plats and J. A. Komensky’s pedagogical ideas. The preface to the textbook by J. Rodde can be considered as the first methodological work on Russian as a foreign language. J. Rodde was also first who used literary texts by Russian writers in the textbooks for Russian as a foreign language.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА ГЛАГОЛА В ДЕСЯТИ ОДАХ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Ключевые слова: Ломоносов, Державин, русская литература XVIII в., ода, поэтическая грамматика, глагол, поэтика, количественная грамматика поэтического текста, количественные методы исследования, поэзии, эволюция жанра.

Приводятся данные по количеству и составу личных форм глагола в 10 одах Г. Р. Державина. Результаты сопоставляются с подсчетами аналогичных показателей по 20 торжественным одам М. В. Ломоносова. Основные признаки од Державина: относительная однородность глагольной грамматики отдельных од и фрагментов, отсутствие поступательной эволюции предпочтений в области глагольной грамматики, относительно малое количество форм повелительного наклонения. Суммарные данные по всем одам Державина и Ломоносова довольно близки (устойчивость поэтической грамматики).

«Грамматика поэзии» Романа Якобсона (Якобсон 1983 и мн. др.) обладает, в числе прочих, тем несомненным достоинством, что присущий ей аналитический подход подразумевает сплошной учет фактов грамматической организации текста. В работах, представляющих свой предмет как «язык» или «стиль» такого-то текста или автора (т. е. созданных в русле традиций «изучение языка художественной литературы» или «стилистика: изучение индивидуально-авторских стилей»), внимание обычно приковано почти исключительно к таким фрагментам грамматической системы, где возможна стилистическая маркированность и/или происходит грамматическая эволюция. При этом такие фрагменты той же грамматической системы, которые не затронуты активными историческими процессами или не предоставляют возможностей для стилистически мотивированного выбора, обычно оказываются за пределами соответствующих описаний (ср. Успенский 1995).

* Федор Никитич Двинятин, канд. филол. наук, доц. филологического факультета СПбГУ и факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

Скажем, практически наверняка будут описаны любые соотношения в использовании падежных форм, если некоторые из возможных в изучаемую эпоху вариантов являются устаревшими (устаревающими) или восходят к церковнославянской норме, но само соотношение форм различных падежей (например, особое обилие в тексте или у автора форм родительного падежа) так же фактически наверняка будет проигнорировано. Напротив, у Якобсона и его последователей грамматическая структура текста последовательно понимается как результат отбора возможностей, предоставляемых системой, так что принципиальным оказывается вопрос о том, какие грамматические ресурсы и в каком соотношении использованы в данном тексте или у данного автора.

Именно такой подход особенно приемлем для исследования поэтической традиции как особым образом организованного языка поэзии, межтекстового, межличностного, диктующего поэту некоторые стандартные ассоциации, и в то же время в практике каждого поэта непрерывно видоизменяемого, развивающегося и как будто создающегося заново (сам Якобсон в работах по «грамматике поэзии» не ставил такой задачи). В простейшей модели языковая организация конкретного текста может пониматься как результат взаимодействия смысла этого текста, авторского идиолекта (как реализации общенародного языка данной эпохи) и поэтической традиции. Поэтому изучение того, как в поэтической традиции, в диахронии поэтической речи осуществляется выбор из возможностей, предоставляемых языковой системой, и в том числе на грамматическом уровне, имеет несомненный интерес.

Даже самый беглый взгляд на грамматическую систему русского языка (и других, подобных ему в этом отношении) обнаруживает две ведущие подсистемы: именную и глагольную. Исследование того, как осуществляется в тексте или у автора выбор из ресурсов этих подсистем, не может не учитывать существенных различий между ними. Эти различия могут быть описаны с разных сторон и в разных терминах, но все они взаимосвязаны. Коротко говоря, глагольная грамматика в целом значительно более серийна, семантически и контролируема, чем именная. Если присмотреться к трем основным грамматическим

категориям имени — роду, числу и падежу — то несложно заметить, что в обычных текстах (а преобладающее большинство поэтических текстов принадлежит в этом отношении как раз к «обычным») формы единственного и множественного числа более или менее свободно чередуются, формы мужского, женского и среднего рода не только чередуются, но еще и выбираются в значительной степени независимо от смысла сообщения, а формы тех или иных падежей чередуются, определяются конструкцией фразы, подбор их почти не контролируется и смысл запечатлевается в них только опосредованно. Шесть основных грамматических категорий глагола — залог, наклонение, вид, время, лицо и число — устроены в целом совершенно иначе. Даже число — общая, казалось бы, категория у глагола с именем — будучи приурочено почти исключительно к позиции сказуемого, обнаруживает куда более явную связь с содержанием сообщения и потенциальную серийность. Выбор наклонения, времени, вида, лица, залога связан с тематикой, со смыслом сообщения, контролируем, результатом часто оказываются пространственные серии глагольных форм.

Поэтому изучение тех или иных предпочтений, тех или иных соотношений в именной подсистеме поэтической грамматики требует более пристального зрения и более тонкого инструментария, чем в случае подсистемы глагольной. Речь, как правило, идет о таких фрагментах грамматической структуры, где имеется определенный запас дополнительных возможностей, область свободы, создаваемая колебаниями в использовании до некоторой степени факультативных грамматических средств. Скажем, напрочь избежать употребления именительного падежа можно только в отчетливо экспериментальных текстах, резко повысить его долю — в полуэкспериментальных «номинативных»; но более сдержанные колебания доли именительного могут определяться средней длиной и сложностью структуры простого предложения: чем меньше набор других имен, соответствующих одному подлежащему, тем выше доля именительного. Употреблением оборотов с приименным беспредложным родительным (их может быть минимум либо поразительно много) регулируется доля родительного падежа, и т. д.¹

¹ Ср. опыты автора статьи: Двинятин 2008, 2012.

Напротив, глагольная грамматика предоставляет возможности для более прямого наблюдения. Например, выбор форм глагольного времени в том или ином соотношении происходит в любом сколько-нибудь пространным тексте. Насколько тут царит разнобой, в какой мере выбор определяется тематикой, содержанием текста, а тематика, в свою очередь, резко различается от текста к тексту, вплоть до невозможности обнаружить какие-либо закономерности? Или, напротив, в диахронии, в поэтической традиции и ее эволюции можно обнаружить какие-либо устойчивые параметры по этому признаку?

В одной из предыдущих статей автора приведены и прокомментированы данные по массовой (сплошной) глагольной грамматике двадцати торжественных од М. В. Ломоносова (Двинятин 2013). Следует подчеркнуть, что анализировались только личные (финитные) формы глагола: прошедшее, настоящее и будущее время изъявительного наклонения, повелительное наклонение и сослагательное наклонение (вместе с которым рассматривались обороты, построенные с использованием форм изъявительного наклонения и частицами *да, пусть*); инфинитивы и все формы причастий и деепричастий в расчет не принимались. Вот суммирующая таблица в несколько преобразованном виде² (табл. 1).

Таблица 1

Количество личных форм глагола в торжественных одах Ломоносова, их относительное количество и распределение по временам и наклонениям

	Глаг.	Гл./ стрк.	ПВ	НВ	БВ	ПН	Пр.
Ода... на взятие Хотина, 1739	196	0,7	47	131	5	11	2
Ода... рождения Иоанна..., 1741	145	0,69	38	58	13	30	6
Первые трофеи Иоанна..., 1741	181	0,79	52	97	12	17	3

² Поскольку все разобранные оды Ломоносова и Державина написаны четырехстопным ямбом, в качестве параметра для подсчета средней частоты личных глагольных форм принята строка (метрически единообразная во всех текстах: Я4). В пяти правых столбиках приведены данные по распределению глагольных форм по временам индикатива (прошедшее — настоящее — будущее) и повелительному наклонению; «прочие» формы из последней колонки — это сослагательное наклонение плюс небольшое количество форм, образованных с участием частиц *да* и *пусть*. Осторожность требует заметить, что в подсчеты могли вкрасться отдельные неточности.

	Глаг.	Гл./ стрк.	ПВ	НВ	БВ	ПН	Пр.
Ода на прибытие... Петра..., 1742	74	0,53	16	43	6	2	7
Ода на прибытие... Елисаветы..., 1742	286	0,65	43	160	24	51	8
Ода... тезоименитства... Петра..., 1743	97	0,69	10	36	27	21	3
Ода... брачного сочетания..., 1745	120	0,6	4	86	10	17	3
Ода на день восшествия..., 1746	115	0,55	33	57	10	10	5
Ода на день рождения..., 1746	81	0,48	27	43	6	2	3
Ода на день восшествия..., 1747	118	0,49	33	67	8	8	2
Ода на день восшествия..., 1748	143	0,6	36	71	9	11	16
Ода... в Сарском Селе, 1750	120	0,52	10	69	3	30	8
Ода на день восшествия..., 1752	128	0,56	28	78	4	18	0
Ода на... рождение... Павла..., 1754	134	0,58	39	52	21	22	0
Ода... на праздник рождения..., 1757	103	0,57	24	38	7	31	3
Ода... тезоименитства..., 1759	119	0,5	28	54	10	23	4
Ода... на праздник... восшествия..., 1761	134	0,58	23	72	7	24	8
Ода... Петру..., 1762	146	0,58	33	59	19	32	3
Ода... Екатерине..., 1762	126	0,48	27	44	13	35	7
Ода... Екатерине..., 1764	153	0,48	30	60	29	27	7
Всего	2719		581	1375	243	422	98

Описать устройство и эволюцию ломоносовской торжественной оды *sub specie* используемых в ней финитных глаголов можно описать с опорой на понятия 1) единообразия, 2) отдельных колебаний и 3) плавной эволюции. Напротив, четкая классификация од по употреблению глаголов едва ли возможна, а резкие диахронические сдвиги и скачки не зафиксированы.

Единообразие ломоносовских од проявляется, например, в том, что во всех двадцати текстах самыми употребительными являются формы настоящего времени. Общая их доля по двадцати одам равна приблизительно 50,5%. Колебания долей различных форм глагола связаны, в основном, со спецификой отдельных текстов: так, в брачной оде 1745 г. доля презенса

возрастает почти до 72%, в четырех одах 1746–1747 гг. резко падает доля инфинитивов и т. п. Эволюция проявляется в общем снижении доли глаголов (что отчасти связано с общим удлинением слов в поздних одах по сравнению с ранними) от 0,69–0,79 глагола на строку в ранних одах до 0,48–0,58 в поздних. К концу творческого пути доля презенса среди личных форм глагола снижалась у Ломоносова с 55% (огрубленный результат по 13 первым одам) до 41% (по 7 последним) — то есть на четверть. Самой заметной чертой эволюции количественной грамматики глагола в одах Ломоносова оказывается возрастание доли и роли форм повелительного наклонения, более или менее постепенное и не возмущающее общих контуров глагольной системы, и все же значительное: в одиннадцати первых одах средняя доля императива (опять-таки среди личных форм) — 11,5%, а в девяти последних — 21%: возрастает почти в два раза. Напротив, диахрония форм прошедшего времени в целом следует принципу единообразия: процент претеритов практически не изменяется по большим периодам ломоносовского творчества: по всему корпусу торжественных од он равен 21%, по первой их половине (10 од) — 21% и по второй половине (следующие 10) — тем же 21% (это не исключает, разумеется, колебания, иногда более резкого, от одной оды к другой, но какого-либо направления у колебаний по претериту, таким образом, нет).

Одно из направлений дальнейшей эволюции русской оды, притом самое значительное с историко-литературной точки зрения — одическое творчество Г. Р. Державина. Любопытно проследить за тем, в какой мере и по каким направлениям Державин продолжает ломоносовскую практику подбора глагольных форм для торжественной оды, а в какой мере и по каким направлениям видоизменяет ее.

Из Державина было обчислено десять од 1779–1799 годов написания, девять торжественных и духовная ода «Бог»³. Результаты сведены в табл. 2.

³ Здесь есть некоторая условность: в корпус Ломоносова не включались его духовные оды. Остается утешать себя мыслью, что, во-первых, в творчестве Державина граница между политической (торжественной) и духовной одой более жанрово размыта, чем у Ломоносова, и во-вторых, что без оды «Бог» материал казался бы явно неполным.

Таблица 2

Количество личных форм глагола в одах Державина, их относительное количество и распределение по временам и наклонениям

	Глаг.	Глаг./ стр.	ПВ	НВ	БВ	Пов.	Пр.
На смерть Мещерского, 1779	68	0,77	12	45	8	3	
Фелица, 1782	139	0,53	12	115	5	4	3
Бог, 1784	64	0,58	11	43	3	0	7
На счастье, 1789	141	0,64	11	101	14	13	2
Изображение Фелицы, 1789	249	0,54	16	40	5	44	144
На коварство французского..., 1790	152	0,48	42	60	30	13	7
На взятие Измаила, 1790	239	0,63	86	111	14	26	2
Водопад, 1791-94	248	0,56	96	126	12	8	6
На возвращение Зубова..., 1797	171	0,53	48	86	9	19	9
На переход альпийских гор, 1799	94	0,67	33	48	2	11	0
	1565		367	775	102	141	180

Таким образом, в отличие от Ломоносова, устройство и эволюцию державинской торжественной оды *sub specie* используемых в ней финитных глаголов можно описать с опорой на понятия 1) относительного единообразия, 2) достаточно четкой классификации или типологии рассмотренных од и 3) достаточно резкой, скачкообразной эволюции.

Также можно сказать, что в аспекте глагольной грамматики оды Ломоносова более единообразны как целые тексты, и при этом для них характерна большая пестрота, гетерогенность различных глагольных форм на уровне отдельных контекстов (строф, групп стрóf и т. д.), а оды Державина как целые тексты распределяются по разным типам употребления глагольных форм, и при том на уровне отдельных контекстов употребление глагольных форм в его одах существенно более унифицировано, единообразно, чем у Ломоносова.

По употреблению финитных форм глагола десять рассмотренных од Державина легко классифицируются на три следующих группы. Первую составляют относительно ранние тексты (1779–89): «На смерть кн. Мещерского», «Фелица», «Бог» и «На счастье». Их определяющей чертой является резкое преобладание

настоящего времени; несколько упрощая, можно сказать, что эти оды написаны в настоящем времени с некоторым прибавлением других личных форм глагола. Вторая представлена единственным текстом, «Изображение Фелицы». Он отмечен беспрецедентным преобладанием форм сослагательного наклонения; побочной чертой оказывается повышенная роль императивов. Третью группу образуют более поздние тексты: «На взятие Измаила», «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского», «Водопад», «На возвращение графа Зубова из Персии» и «На переход альпийских гор». Их глагольную основу составляют формы настоящего и прошедшего времени с регулярным, но не слишком резким преобладанием форм настоящего; опять-таки упрощая, можно было бы сказать, что они написаны в настоящем и прошедшем временах, в приблизительном соотношении их форм 4 : 3. Более точно, с округлением до процента, доли форм прошедшего и настоящего времени равны: в одах первой группы — «На смерть Мещерского» 18/66, «Фелица» 9/83, «Бог» 17/67, «На счастье» 8/72⁴; в одах третьей группы — «На взятие Измаила» 28/39, «На коварство...» 36/46, «Водопад» 39/51, «На возвращение Зубова» 28/50, «На переход Альпийских гор» 35/51. По большей части эти формы настоящего и прошедшего времени в одах третьей группы не распределены по всему тексту в относительно равномерном чередовании, а, напротив, большая часть как одних, так и других форм сосредоточена в таких фрагментах, где эти формы либо преобладают, либо представлены вообще исключительно. Возможно, следует еще раз отметить, что типы указанные типы глагольной организации в разобранных одах Державина сменяются строго хронологически.

Возрастание роли прошедшего времени в поздних одах Державина безусловно связано с возрастанием роли повествовательности. «На смерть кн. Мещерского», «Фелица», «Бог» и «На счастье» могут быть названы в широком смысле слова «описательными» одами. В них нет ни систематического

⁴ М. Л. Гаспаров подмечает в этой оде «хаос» построения, который «аккомпанирует изображаемому хаосу в мире» (Гаспаров 2000: 103); в таком контексте 72% однотипных текстообразующих форм глагола могут восприниматься как один из сдерживающих и компенсирующих факторов.

обращения к событиям прошлого и их цепочкам, ни последовательного обращения к тому «становящемуся настоящему», в котором собственно настоящее время описываемых событий или картин взаимодействует с недавним прошлым и которое заставляет поэтому регулярно прорезживать формы настоящего формами прошедшего с перфективной семантикой. Напротив, оды «На взятие Измаила», «На коварство...» и «Водопад» содержат большие собственно повествовательные фрагменты, посвященные событиям прошлого. В меньшей мере это можно сказать о двух самых поздних одах: «На возвращение Зубова» и «На переход альпийских гор»: в них Державин скорее реализует ломоносовскую технику⁵ мозаичного смешения разных глагольных форм в одних контекстах.

Державинскую технику сплошного использования однородных глагольных форм можно для начала проиллюстрировать даже не одой, а стихотворением «Развалины», жанровая принадлежность которого неясна (оно сочетает элегический надгробный плач, ретроспективную идиллию и редуцированную придворную одичность). Первые 111 из 117 строк этого стихотворения содержат почти сплошную серию из 60 глаголов в прошедшем времени, несовершенного вида (включая формы типа *был*, нейтрализующие сов. и несов. вид; двувидовой глагол *велела* употреблен в несов. виде); эта впечатляющая серия имперфектов не прерывается ни одной формой настоящего или будущего времени, повелительного или сослагательного наклонения, и только одной формой прошедшего времени, совершенного вида: *поделали*. Все эти имперфектоподобные формы описывают одну ситуацию, один утраченный идиллический локус, одно блаженное прошлое; некоторые из них называют состояния (храм *стоял*, звери *жили*), другие — регулярные действия (трапеза *поставлялася*, Киприда *сидела*)⁶. Далее следуют короткая энергичная серия из пяти форм прошедшего времени

⁵ Ср. мнение Л. В. Пумпянского о поздних одах Державина (и, в частности, этих) как возвращающихся к ломоносовскому типу оды (Пумпянский 2000: 101–103).

⁶ По классификации глаголов, восходящей к З. Вендлеру, первые — состояния/states, вторые — деятельности/activities, а *поделали* — свершение/accomplishment (конкретнее: «агентивное действие с накоплением эффекта»). См.: Падучева 2009.

совершенного вида (в трех соседних строках!) и двух завершающих форм настоящего времени:

В сем тереме, Олимпу равном,
Из яшм прозрачных, перлов гнезд,
Художеством различным славном,
Горели ночью тучи звезд,
Красу богини *умножали*
И так средь сих блаженных мест
Ее, как солнце, *представляли*....

Но здесь ея уж ныне нет:
Померк красот волшебных свет;
Все тмой *покрылось*, *запустело*;
Все в прах *упало*, *помертвело*.
От ужаса вся *стынет* кровь,
Лишь *плачет* сирая Любовь (Державин 1957: 264).

Примеры подобного серийного расположения глаголов дают и собственно оды. Так, 5–10 строфы «Фелицы» написаны почти исключительно в настоящем времени: 35 форм презенса, прореженные одной формой номинально будущего времени *наскучит* (среди форм настоящего времени, обозначающих регулярные действия, простое будущее время обозначает обычно такие же регулярные действия, но предельные, противопоставленные формам настоящего фактически не по времени, но по виду). В 12 первых строфах оды «На счастье» — 71 из 76 личных форм глагола — презенсы. В строфах 42–52 «Водопада» 38 личных форм глагола, и все 38 — прошедшего времени.

Если говорить о семантике форм настоящего и прошедшего времени, то основа их многозначности у Державина в принципе традиционна и предсказуема. Можно сказать, что прошедшее варьирует по самой оси времени, от самого недавнего (подобие перфекта) до самого отдаленного (подобие плюсквамперфекта), а настоящее — по оси актуальности — регулярности — постоянства. Настоящее может обозначать данный момент, прошедшее — только что миновавший; на другом полюсе настоящее может называть вечные действия и состояния, а прошедшее — изначальные, как, например, в оде «Бог». Относительно небольшому репертуару русской глагольной грамматики соответствует, таким образом, благодаря этой многозначности, большая свобода в описании времени вообще и времени конкретных действий и состояний в частности.

Совершенно особый случай представляет собой ода «Изображение Фелицы». Как уже сказано выше, спецификой ее является преобладание форм сослагательного наклонения: она составляет 2,7% в девяти других рассмотренных одах Державина и 58% в этой. Главная грамматическая игра Державина связана здесь с возможностью нейтрализации форм сослагательного наклонения и прошедшего времени изъявительного наклонения. В серийном употреблении сослагательного наклонения частица *бы* или заменяющий ее элемент (например, союз *чтобы*) может опускаться при некоторых глаголах, так что *л*-овая форма без *бы* оказывается внешне неотличимой от формы прошедшего времени. Однако такое совпадение формы не значило бы практически ничего без семантической нейтрализации, а именно ее и добивается Державин. Отталкиваясь от известной анакреонтической оды⁷ (впервые указано Я. К. Гротом), Державин обращается к живописцу: «Изобрази ее <...> чтоб <...> Фелица <...> в твоей картине бы жила»⁸. Таким образом, сослагательное наклонение мотивируется и как ирреальное, и как собственно «сослагательное», используемое в придаточных предложениях (основными формами «первого» плана текста становятся императивы, обращенные к адресату-художнику, их 17,7% от личных форм глагола, а в девяти других обсчитанных одах — 7,3%). Фелица как будто только моделируется, как некий идеальный объект, почти что несбыточная мечта, невозможная со всеми своими добродетелями в реальности; но тут-то, по законам одического мира, формы без *бы* и начинают играть вторым значением — изъявительного наклонения, подлинного существования, свершившегося достоверного факта, например:

⁷ В переложении которой сослагательное наклонение появляется уже у Кантемира (*Уста сделай таковыя, / Чтоб все чувства побуждали / И лобзания прощали*) и Ломоносова (*Чтоб уста без слов вещали / И приятством привлекали / И чтоб их безгласна речь / Показалась медом течь*). В греческом подлиннике просто-напросто *υράφε χεῖλος οἶα Πειθοῖς, / προκαλοῦμενον φίλῆμα*.

⁸ Как «живописную и сюжетную программу будущего полотна», «план», «расписанный до мельчайших деталей», характеризует «Изображение Фелицы» И. П. Смирнов (Смирнов 1969: 148). Ср. фактически обратное мнение — о прекрасно осознававшемся автором чрезвычайно условном характере этого «плана» и всей установки Державина (в этой оде) на живописность и вообще визуализацию: Лаппо-Данилевский 2011: 206–207.

Из уст ее *текла бы* сладость
И *утешала* стон вдовиц;
Из глаз ее *блистала б* радость
И *освещала* мрак темниц;
Рука ее *бы награждала*
Прямых отечества сынов;
Душа ее в себе *прощала*
Неблагодарных и врагов (Державин 1957: 144).

Здесь 6 глаголов, и строго чередуются формы с *бы* и без: *текла бы* — *утешала* — *блистала б* — *освещала* — *бы награждала* — *прощала*. Формы *текла бы* — *блистала б* — *бы награждала* «отвечают» за поддержание общего сослагательного фона, а три другие осуществляют на этом фоне игру реального и ирреального, свершившегося и желанного: *утешала* означает и 'чтобы утешала, утешала бы' и '(действительно) утешала', также формы *освещала* (да, освещала!) и *прощала* (и на самом деле прощала!). Одическая похвала маскируется под ирреальную, но грамматической нейтрализацией демаскирует свою ирреальность. Как далеко могут отстоять такие нейтрализующие формы от относящихся к ним *бы*, показывает, например, такая строфа:

Да, удостоенна любви,
Надзрения Твоих очес,
Чтоб я за каждую каплю крови,
За всякую *бы* каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать *могла*
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем *звала* (Державин 1957: 140).

Весьма любопытным оказывается сравнение долей различных форм глагола по всем одам Ломоносова и Державина. Его можно проводить двояко: либо исключая из державинского корпуса отклоняющееся «Изображение Фелицы» с его доминирующим сослагательным наклонением, либо включая и эту оду. Второй способ в принципе справедливее, поскольку всякое отклонение есть форма реализации общего принципа. Если взять данные по всем одам, то обратит на себя внимание следующее. Во-первых, чрезвычайно схожи у обоих поэтов доли настоящего и прошедшего времени: настоящее занимает у Ломоносова

50,6% от всех личных форм глагола, а у Державина 49,5%, прошедшее — 21,4% у Ломоносова и 23,5% у Державина. Во-вторых, расходится роль сослагательного наклонения: Державину оно понадобилось в одной оде, но в качестве доминирующего, и вот его общая доля равна 11,5%, а у Ломоносова только 3,6%. В-третьих, у Державина заметно меньше доли будущего времени — 6,5% против 8,9% у Ломоносова — и императива, который у Ломоносова занимает 15,5%, а у Державина только 9%. Если отказаться от включения в державинский корпус «Изображения Фелицы», то будет наглядно, что это снижение удельного количества будущего времени и повелительного наклонения соответствует некоторому возрастанию количества настоящего и прошедшего времени (55,9% и 27,6% соответственно против ломоносовских 50,6% и 21,4%). Суммируя, можно сказать, что будущее время и императив (формы, размыкающие описательно-повествовательную основу оды в предсказание и обращение) оказываются востребованы у Державина в меньшей мере, чем у Ломоносова — более чем в полтора раза. Эта черта особенно заметна на фоне неуклонного повышения доли императива у Ломоносова: державинским 9% у позднего Ломоносова соответствует даже не 15,5%, а 21%: если Ломоносов «завещал» русской оде возрастание роли императива, то Державин этого завета не исполнил⁹.

⁹ Любопытно сравнить эти данные с результатами предварительных подсчетов по центральному жанру следующей поэтической эпохи — элегии и ее первому великому автору — Жуковскому (тем более что первую из классических элегий Жуковского отделяет от последней из разобранных од Державина только 2 года). В «Сельском кладбище», «Вечере», «Славянке» и элегии «На смерть королевы Виртембергской» доля среди личных форм глагола настоящего времени равна приблизительно 52%, прошедшего — приблизительно 30%, и это на фоне полного устранения сослагательного наклонения; будущему времени и повелительному наклонению остаются по 9%. Если эти наблюдения подтвердятся другим материалом (подсчеты по Батюшкову не вполне показательны из-за сравнительно небольшого объема многих его ключевых элегий, из-за переводного характера других, из-за сомнительной жанровой квалификации третьих, можно будет предполагать, что положение «по представительному объему текстов доля настоящего времени тяготеет к 1/2, прошедшего — к 1/4 или 1/5, будущего — 1/10 или меньше, повелительного — 1/10 или больше» действует по крайней мере на раннем этапе эволюции русской лирики в известном смысле независимо от смены эпох и направлений, а также от законов авторских манер и стилей.

Последние замечания обращают к категории лица и вообще к коммуникативной или прагматической организации од Державина и, в частности, по сравнению с Ломоносовым. Картина здесь достаточно четкая. В одах Ломоносова 1-е и 2-е лицо глаголов и императив обладают двумя взаимосвязанными особенностями: с одной стороны, они прагматически поливалентны, для них характерна постоянная смена предметной соотнесенности (в связи с частотой риторических обращений к различным лицам и олицетворенным сущностям, а также воображаемых диалогов), с другой стороны — они часто встречаются в тексте в форме единичных вкраплений и небольших серий. Они, таким образом, являются подчиненным, но регулярным элементом общего изложения: в целом оды Ломоносова «написаны в 3-м лице» (около 3/4 всех личных форм), но оно постоянно перебивается небольшим количеством форм 1-го и 2-го лица и и большим количеством форм императива.

В этом отношении оды Державина устроены иначе. Формы 1-го и 2-го лица появляются у него в основном серийно, в контексте относительно неизменной, предсказуемой соотнесенности: так, в «Фелице» *я* — это лирический субъект/мурза, а *ты* — Фелица; в «Изображении Фелицы» *ты* — Рафаэль/живописец, в оде на счастье — само Счастье, в концовке оды «На коварство...» — кн. Пожарский и т. д. Подобное последовательное соотнесение *я* с лирическим субъектом (и далее, самим поэтом как таковым), а *ты* с одним многократным адресатом, в принципе нетипично для Ломоносова (встречается у него, но не преобладает). Это снимает необходимость подсчетов: лицо у Державина — элемент тематической композиции, а не грамматической структуры изложения.

Еще одна небезразличная характеристика — общая доля личных форм глагола в тексте. У Ломоносова в диахронии относительное количество глаголов в целом снижается: поначалу 0,7 на строку, и даже 0,79 в насыщенной глаголами второй оде 1741 г., а после 1745 не больше, чем 0,6. Средние данные по 6 первым одам — 0,675 личных форм глагола на строку, по пяти последним — около 0,525 на строку (меньше почти на четверть); процесс не вполне поступательный, на любом этапе существуют некоторые колебания, однако в целом количество личных форм глагола неуклонно сокращается. Основной

причиной представляется хорошо известный стиховедам (см. Тарановский, Прохоров 2010; Шапир 1996; Рогов 2010) процесс возрастания слогового объема глагольных форм в более поздних одах Ломоносова (глаголы длиннее, и в рамках того же слогового объема их в тексте помещается меньше); побочная причина — более раскованный синтаксис поздних од, не так последовательно, как в ранних, соотносительный с моделями, подразумевающими обязательность глагольного сказуемого. У Державина диахроническая тенденция не просматривается столь же четко, колебания в отдельные периоды более резкие, при этом общая доля личных форм глагола в тексте приблизительно соответствует ломоносовской.

Наконец, можно привести данные — основанные, правда, на довольно выборочном материале — касающиеся общей доли глаголов в текстах Державина и его предшественника Ломоносова. В специальном исследовании была предпринята попытка определить такие обобщенные грамматические классы, колебания долей которых в русском поэтическом тексте были бы минимальными (так что большая часть реального грамматического разнообразия текстов могла бы быть описана как вторичное разнообразие внутри относительно константных групп). В качестве одной из таких групп были выделены «глаголы»: сюда отнесли все личные формы глаголов, инфинитивы, все деепричастия и пассивные причастия в предикативной функции (типа *забыт*). Таким образом, объем выделяемых глаголов в рамках этого подсчета отличается от того, который принят в остальной части этой статьи: к личным формам добавлены инфинитивы, деепричастия и некоторые причастия. Главным результатом подсчетов можно считать выявление малопредсказуемой константности показателей по основным грамматическим классам и, в частности, по глаголам. Были обчислены 100 классических русских стихотворений XVIII–XX вв.; за единицу подсчета принимался слог поэтической речи, все данные приводятся по доле слогов, занимаемых глагольными формами. Общая доля глаголов в 100 текстах равна 21,9% (если считать общий объем слогов) или 21,2% (если усреднить данные по 100 стихотворениям). Первая четверть стихотворений (от Ломоносова до Лермонтова,

«классицизм»¹⁰) характеризуется долей глаголов в 22,15%, вторая (от Лермонтова до раннего Блока, «романтизм») — 22,5%, третья (от позднего Блока до Есенина и Ходасевича, «постсимволизм») — 21,6%, четвертая — 20,9%. Ямбические стихотворения отмечены долей глаголов, равной 21,4%, хореические — 22,3%, трехсложники — 20,9%, прочие (в основном несиллаботонические) — 23,4%. От небольшого стихотворения к небольшому доли могут существенно различаться, но подсчеты по пространственным текстам и подкорпусам, вроде указанных, дают гораздо более унифицированные результаты.

Одним из стихотворений, включенных в корпус для подсчетов, была «Фелица» Державина (другим — ода 1747 г. Ломоносова). Доля глаголов в «Фелице» равна 23,7%: 530 слов из 2236 заняты глаголами (финитными, инфинитивами, деепричастиями, пассивными предикативными причастиями). По «средним» показателям таких слогов должно было бы быть 490–495; в каждую строфу (одическое 10-стишие) Державин как бы добавляет один-полтора «лишних» глагольных слога. Такое добавление нельзя признать ни незначачим, ни по-настоящему заметным — это ощутимый, но умеренный сдвиг; среди 100 просчитанных стихотворений «Фелица» по доле глаголов оказывается 28-й, т. е. все-таки в числе 50 «средних» (с 26 по 75), но с самого края этих средних двух четвертей. Ода Ломоносова со своими 21,7% глаголов оказывается в самой середине списка — делит 44–45 места со стихотворением Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Самые важные выводы можно было бы изложить следующим образом. По использованию в одах личных форм глагола в целом Державин довольно похож на Ломоносова¹¹ (количественная грамматика поэтического текста довольно часто обнаруживает бо́льшую, чем можно было предположить, грамматическую заданность изучаемых произведений). 50%-ная «константа» настоящего времени и 20–25%-ная прошедшего по суммарным данным привлеченного корпуса — один из подобных примеров. В то же время налицо и различия.

¹⁰ Все эти характеристики в кавычках — намеренно обобщенные и условные.

¹¹ С. С. Аверинцев напоминает о субъективном нежелании фактического реформатора Державина «ниспровергать каноны» (Аверинцев 1996: 136–137).

У Ломоносова часто просматривается поступательная эволюция (уменьшение количества глаголов, возрастание роли императивов), а у Державина разного рода колебания не складываются в однонаправленную эволюцию. У Ломоносова трудно выделить какие-либо типы или разновидности од по критерию частот различных форм глагола; у Державина четко выделяются три типа: описательная ода в презенсе, сослагательная ода и описательно-повествовательная ода в презенсе и претерите. Несмотря на наличие серий и однородных фрагментов, для од Ломоносова в целом характерна глагольная пестрота, мозаичность, непрестанные переходы от одного типа глагольного изложения к другому; у Державина часто целые тексты или их обширные фрагменты отмечены единообразным глагольным изложением. Часто отмечается «свобода» державинской оды, сочетание в ней различных жанровых истоков, быстрые переходы и перепады чувств и мыслей (см., напр., Алексеева 1993: 89–91); тем любопытнее, что с точки зрения поэтической грамматики Державин, наоборот, однообразнее и монотоннее Ломоносова (что, разумеется, не означает «хуже» — или, наоборот, «лучше»). Не исключено, что тематические и стилистические инновации оттеснили поэтическую грамматику Державина в область относительной стабильности; но устойчивость в построении отдельных фрагментов и текстов соединяется у него с разнообразием построения различных фрагментов и текстов — еще один пример диалектики сходств и различий в семантике и поэтике классического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С.* Поэзия Державина // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996. С. 121–137.
2. Алексеева 1993 — *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 г.: (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 75–92.
3. Гаспаров 2000 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Изд. 2-е. М., 2000.
4. Двнятин 2008 — *Двнятин Ф. Н.* Вторая кульминация генетивной поэтики. Маяковский // Дело авангарда. The Case of the Avant-Garde. Amsterdam, 2008. С. 81–111.
5. Двнятин 2012 — *Двнятин Ф. Н.* Беспредложный творительный в поэтическом тексте П. Филонова: структура текста и «мерцание» семантики // Russian Literature. Vol. 71. Iss. 3–4 (1 April — 15 May 2012). P. 313–328.

6. Двинятин, 2013 — *Двинятин Ф. Н.* Количественная грамматика глагола в торжественных одах Ломоносова // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 380–400.
7. Державин 1957 — *Державин Г. Р.* Стихотворения / вступительная статья, подготовка и общая редакция Д. Д. Благого, примечания В. А. Западова. Л., 1957.
8. Лаппо-Данилевский 2011 — *Лаппо-Данилевский К. Ю.* К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» // XVIII век. Сб. 26. СПб., 2011. С. 203–220.
9. Падучева 2009 — *Падучева Е. В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–21.
10. Пумпянский 2000 — *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма [1923–24] // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000. С. 30–157.
11. Рогов 2010 — *Рогов К. Ю.* К генезису «высокого» одического ямба: об одном успешном опыте фальсификации истории российской словесности // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 58–92.
12. Смирнов 1969 — *Смирнов И. П.* Заболоцкий и Державин // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 144–161.
13. Тарановский, Прохоров 2010 — *Тарановский К. Ф., Прохоров А. В.* К характеристике русского четырехстопного ямба XVII века: Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков [1982] // Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю языка М. В. Ломоносова. Вып. 1: Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова. СПб., 2010. С. 78–120.
14. Успенский 1995 — *Успенский Б. А.* Язык Державина // Лотмановский сборник. Вып. I. М., 1995. С. 334–362.
15. Шапир 1996 — *Шапир М. И.* У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма // *Philologica* Т. 3. Вып. 5–7 (1996). С. 69–101.
16. Якобсон 1983 — *Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии [1961] // Семиотика. М., 1983. С. 462–482.

F. Dvinyatin. The quantative grammar of a verb in ten G. R. Derzhavin's odes.

The article contains the data on the number and composition of the various finite verbs in 10 G. R. Derzhavin's Odes. The results are compared with the calculations of similar data for the 20 solemn ceremonial odes by M. V. Lomonosov. The main features of Derzhavin's odes are the relative homogeneity of verbal grammar in whole texts and large fragments, the lack of progressive evolution of preferences in the verbal grammar and the relatively small number of imperatives. Summarized data for all odes are close enough for both poets (the constancy of poetical grammar).

ПИСЬМЕННЫЙ РАЗГОВОР С ДРУГОМ В XVIII ВЕКЕ

Ключевые слова: эпистолярный жанр, письмовник, XVIII век, дружеское письмо, дружество, кружки, рационализм, чувствительность.

В центре исследования — эпистолярная культура последней трети XVIII в. В то время, когда в межличностном общении дружба выдвигается на передний план и образуются кружки, изменение литературного быта выводит жанр письма из периферии в центр. В письмовниках появляется рубрика, посвященная дружеским письмам. На примере эпистолярного наследия друзей и единомышленников Гавриила Державина, Василия Капниста, Николая Львова и Ивана Хемницера рассматривается воплощение новых веяний эпохи в их «письменном разговоре», раскрывающем семантику общения этого дружеского кружка.

В конце XVIII в. в России возникло много литературных кружков и обществ, явившихся предпосылкой и одновременно продуктом формирования нового гражданского сознания. Члены этих кружков выступали за распространение просветительского учения. От эпохи к эпохе менялась форма литературных групп так же, как и их социальное и историческое значение, зависящее от изменений в литературе и самих литераторах. Литературные салоны и кружки были особенно характерны для России начала XIX в. Однако уже в середине XVIII столетия существовали некоторые салоны, а с 1730-х и 1740-х годов — и дружеские литературные кружки (Аронсон, Рейсер 2001; Бродский 1984: V). Одним из примеров которых является дружеский кружок второй половины XVIII в., в который входили Г. Державин, В. Капнист, Н. Львов и И. Хемницер. Общие интересы, заинтересованность в развитии культуры и литературы, а также общая мечта о сотворении чего-то нового связали поэтов в конце 70-х годов. Всю жизнь до самой кончины поддерживали они дружеские и творческие отношения.

* Натали Шнайдер, магистр, аспирантка кафедры славянского литературоведения философского факультета университета им. Эрнста Морица Арндта (Грейфсвальд, Германия).

В разные исторические эпохи дружеские концепции меняются, и их трактовка в литературе наполняется разным содержанием от эпохи к эпохе (Ingen van, Juranek 1998: 46–48, 173–175). В Новейшее время дружба была рационализирована и базировалась на добродетели и стремлении к ней. Принадлежность к одному из эксклюзивных кругов и взаимная поддержка литературных единомышленников, членов светских кругов, приносила ее участникам выгоды в обществе. Близкие отношения в таких содружествах, в отличие от групп последующих эпох, невозможно себе представить. В середине XVIII в. дружба рассматривалась как незаменимая часть добродетели, ее основное условие. Несчастье человека состояло в его слабостях и пренебрежении добродетелью. Только друг способен скорректировать ошибочное поведение человека и направить его на истинно верный путь. Так, например, в октябрьском номере 1760 журнала *Полезное увеселение*, печатавшего в 1760–1762 гг. эпистолярные поэтические произведения молодых поэтов и студентов Московского университета из кружка Михаила Хераскова, вышла статья под названием *О дружбе*. В ней говорилось о добродетели, сотворяющей дружеские узы. Если в середине столетия понятие дружбы брало свое начало в прагматическом мире и рассматривалось как средство исправления людей, то к концу XVIII — началу XIX в. рациональный аспект смещается в сторону эмпатического. На передний план выдвигаются такие категории как любовь и дружба. Дружеские узы связывали единомышленников и строились на взаимопонимании и обоюдном признании. Чувствительное дружество стало важной формой жизни, неотъемлемой частью существования творческой личности, превратившей его в центральную тему своих поэтических посланий и писем. Особенно явно это проявилось во времена романтики, когда дружество было возведено в культ и причислялось к одному из ценнейших человеческих качеств. В своей записной книжке Гавриил Романович Державин немалое внимание уделил дружбе и любви. Наряду с такими рубриками, как *Об истории*, *О языках*, *О воображении*, находим у него разделы, посвященные браку, а также рубрику *О любви и дружбе*. Державин пишет:

«Дружба увеличивает радость сугубо и уменьшает скорби до долины. В городах самых многолюдных можно найти великое уединение. Но человек единственно тот един, который не имеет друзей; вселенная для него не иное что, как обширная пустыня, место ссылки и печали. Когда человек пожирает, так сказать, собственное сердце свое; и как он завертывается в печаль свою, то скоро отчаяние и ужасная ненависть к самому себе довершают изнурение его, ежели он не имеет верного друга, который бы исторг его страхи, подозрения его, его мрачные заботы и мучения» (Арх. Державина: 175).

Только дружба способна приносить человеку радость и облегчать его страдания, без дружеской поддержки мир превращается в безрадостную пустыню.

Для поддержания контакта, а также для обмена опытом и знаниями друзья использовали переписку, получившую наибольшую популярность в последней трети XVIII в. Таким путем друзья сохраняли жизненно необходимую связь, несмотря на разделяющие их километры и долгую разлуку. В XVIII в. происходят изменения в функции письма как следствие широкого распространения письменности и увеличения значимости ее в европейской культуре. Не передача обычной информации была теперь целью письменной коммуникации, главным становилось изложение переживаний, чувств и ощущений. Чувственное и пережитое анализировалось, продумывалось и описывалось языковыми средствами в письме к близкому другу. Культура чувств являлась теперь импульсом эпистолярного жанра (Goethe 1969: 45–46)¹. Физическая разлука друзей приводила к проживанию этих отношений через письменную коммуникацию, большая роль в которой отводилась чувственной семантике сердца. Главное стремление этих писем состояло не в передаче, а в оказании определенного влияния на адресата. Тематизация собственных внутренних переживаний и нахождение собственного Я стали возможны в таких жанрах, как письмо, дневник и автобиография. Вышедший на первый план субъект повлек за собой в XVIII в. и перемещение из периферии в центр жанра письма, в котором наблюдались «индивидуализация общества и его литераризация» (Schönborn

¹ Сибилле Шёнборн сравнивает письмо с разговором двух близких людей, чей диалог переводится в особую литературную форму, на язык письма (Schönborn 1999: 5).

1999: 3)². Концентрация внимания на личной жизни в России наступает несколько позже, чем в Европе, примерно с 70-х годов. На место общественных и государственных тем приходят темы, касающиеся частной и интимной жизни личности. Классицистические темы и жанры сосуществуют параллельно с новыми тенденциями сентиментализма. Письма дружеского кружка, являющиеся предметом рассмотрения данной статьи, берут свое начало во времена формирования нового стиля и последующего разрушения прежней системы жанров, сопровождавшегося реформированием языка. Письменное общение членов кружка носило в большей степени деловой характер, обладавая рационалистические черты. Писавшие были сдержанны в выражении своих чувственных порывов, как бы еще только нащупывая почву в новом направлении. Читаемая в строках достоверность не вела к полному разглашению интимных подробностей чувственного мира. Следы возникающей культуры чувств, однако, уже видны, — хотя и несколько иначе, чем в европейской письменной культуре того времени³, — особенно отчетливо в письмах Хемницера, пишущего из далекой Смирны⁴. В них прослеживается непреодолимая потребность в общении с далеко оставшимися друзьями — в большей степени, в силу возраста более молодыми, Львовым и Капнистом. Общаясь с ними через письма он тоскует по личному общению, встречам и дружескому теплу, ностальгирует по светлым совместно прожитым дням. Письма его превращаются в пространство самопознания и осознания особой значимости дружбы, дающей ему силы в дни одиночества⁵. Только благодаря этому чувству Хемницер преодолевает невзгоды вдали от родины, оно поддерживает его душу в тяжелые моменты сомнений и в борьбе за выживание:

² Ср. у Сибилле Шёнборн “Literarisierung und Individualisierung der Gesellschaft”.

³ «Письмо ускоряло процесс становления сентиментализма в русской литературе, было одной из первых глав его» (Лазарчук 1972: 18).

⁴ О письменной корреспонденции Хемницера и Львова см.: (Марасинова 2006).

⁵ Ср. «Как бы я желал описать вам чувства, которые теснились во мне при чтении этих строк в вашем письме! О дружба!» (Иван Хемницер к Николаю Львову от 10./21.01.1783; Хемницер 1873: 79).

«...скажу тебе, что письма от вас, а особливо от тебя, весьма мною ожидаемы. Только у меня и праздника» (Хемницер 1873: 63)⁶.

Манера письма — стиль и форма — всегда зависела в главной мере от норм общения определенного общества в то или иное столетие. Это накладывало свой отпечаток и отображалось в так называемых письмовниках, отражавших практику составления писем и оказывавших влияние на нее. Некоторые процессы, протекавшие в эпистолярной русской культуре XVIII в., поддаются реконструкции именно по дошедшим до наших дней письмовникам. На фоне их существования формировался эпистолярный кодекс, индивидуальный и литературно значимый, включавший и стилистику дружеского письма. В первой половине XVIII в. письмовники представляли собой переводы с немецкого на русский, во второй — с французского. Русские письмовники, однако, не копировали переводимые оригиналы дословно, а контаминировали отдельные части французских и немецких источников в соответствии с собственными представлениями и личным восприятием. В своей статье *Русские письмовники середины XVIII — первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета* Елена Дмитриева приводит примеры некоторых письмовников и раскрывает их эволюцию в течение почти целого столетия (Дмитриева 1986)⁷. Для выбранной в данной статье тематики особенное значение, несомненно, играет рубрика о дружеских письмах. Такая рубрика была неотъемлемой частью письмовников на протяжении всего XVIII в., однако предписания для дружеских писем не отличались от других ни в функциональном, ни в стилистическом отношении. Более подробно они описывались в письмовниках XIX в. Впервые же к дружеским письмам обратился Николай Новиков в письмовнике *Краткие правила, способствующие к научению сочинять разного рода письма, с приобщением примеров из славнейших писателей*, составленного им в 1788 г. на основе французского источника. Просветительские взгляды Новикова повлияли на разъяснительные комментарии

⁶ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10. 1782.

⁷ В дальнейшем при описании сборников с эпистолярными правилами используется материал из данной статьи, в которой автор выделяет три стадии развития русских письмовников вплоть до 20-х годов XIX в.

к отдельным рубрикам, а также на отбор текстов, которые в отличие от предыдущих письмовников представляли собой не малопритязательные и повторяющиеся стереотипные образцы, а примеры из лучших литературных текстов. Новиков советовал использовать общепринятые искусственные формулы и схематические выражения-штампы только при написании писем к официальным лицам или покровителям. Письма же к друзьям составлять, используя простые речевые обороты, не скрывая чувства и сердечные переживания.

Новые требования тематического и стилистического рода встречаются и в вышедшем в Петербургском издательстве *Новом и полном письмовнике, или подробном и ясном наставлении, как писать купеческие, канцелярские <...> дружеские письма*, изданном в 1791 г., вероятно, П. И. Богдановичем. Впервые в теоретической части письмовника высказывалось требование к написанию писем простым и понятным языком, отражающим безыскусственность и красоту устной беседы в непринужденной манере. Затронутые в теоретической части новшества в стиле писем были продемонстрированы на приведенных примерах в практической части книги.

Дружеские письма в России XVIII–XIX веков являются главной темой исследований в работах Н. Степанова, Г. Макогоненко и Р. Лазарчук (Лазарчук 1972; Макогоненко 1980; Степанов 1966)⁸. Степанов расценивает письма как «творческую лабораторию», в которой назревали и разрабатывались особенности и художественные методы нового стиля (Степанов 1966: 69). Характерными свойствами дружеских писем являются их мозаичность, смешение различных тематических и стилистических пластов, ориентация на разговорную речь, пародийное использование поэтических и традиционных штампов высокого стиля, чередование прозы и стихотворных форм (Степанов 1966: 73). Р. М. Лазарчук характеризует письмо второй половины XVIII в. также как «лабораторию жанра, как школу стиля» (Лазарчук 1972: 4). Будучи на один шаг вперед, чем современное развитие литературы, письма позволяли быстрее реагировать на новые, едва еще ощутимые в литературе конфликты. Письма

⁸ См. у Степанова главу «Дружеское письмо начала XIX в.» (Степанов 1966: 66–90).

предоставляли пространство для индивидуального выражения личных чувствований и ощущений. Отражение нового сентиментального типа сознания и мироощущения первоначально нашло свое выражение в письмах, прежде чем вылиться на страницы прозаических произведений столетия. В период с 1760 по 1800 гг. письмо превратилось в форму самопознания и выражения личности. В нем встречаются элементы эпистолярного романа и эссе, театральной рецензии или послания. Письмо ускорило процесс распада классицистической эпистолы и привело к возникновению дружеских посланий; особенности, легшие в основу конструкции письма, стали специфическими чертами жанра дружеского послания.

Поэты представленного в статье дружеского кружка также состояли в тесной переписке друг с другом, в которую были вовлечены и их жены. С 80-х годов XVIII в. друзья оказались отдалены друг от друга, занимая разные посты на государственной службе и стараясь своим рвением послужить на благо любимого отечества, однако расстояния ни в коей мере не повлияли на сохранение дружеских уз. Хемницер работал с 1782 г. генеральным консулом в Смирне, где он и умер спустя два года. Львов жил с семьей в Петербурге; Капнист, приезжая в этот город в рамках своих служебных обязанностей, реже частных визитов, проводил большее время на Украине и в своем поместье Обуховке. Державин занимал пост губернатора сначала в Петрозаводске, затем в Тамбове. В период с 1782 по 1816 гг. друзьям все же удавалось собираться вместе, хоть и нерегулярно, обсуждать совместные литературные планы, реализовывать поэтические проекты. Следы творческого процесса и обсуждений можно найти в их «письменном разговоре». Письма производят впечатление естественности и непринужденности тона общения между друзьями. Строгие правила, предписанные письмовниками, практически не используются друзьями. Их письма искренни и полны живых ноток доверительной дружеской беседы. Они как бы имитируют сам живой разговор, его спонтанность, естественность, непринужденность и краткость, ориентируются на тематику устного речевого общения — это свободная и непринужденная коммуникация. В письмах друзей смешиваются обсуждения различных тем, наблюдения

за повседневными, политическими и культурными явлениями, гармонично дополняемые шуточными затеями, дружеским подтруниванием, критическим анализом различных вещей и размышлениями о дружбе. Сумбурный переход от одной темы к другой, неожиданные повороты в мыслительных рассуждениях, разговорная лексика характеризуют разговор друзей. Так же мозаичен и стиль дружеского письма, в нем оперируют формами устной и письменной речи, употребляют различные литературные элементы, например, пародийные, стихотворные, шутки и анекдоты. Атмосфера дружеского кружка выражается через семантику аллюзий, замалчиваний, недосказанности, пародий и каламбуров. Большое значение их письмам придает разнообразие личного материала и их автобиографический характер, отражающийся в использовании пишущим семантики (Лазарчук 1972: 14), присущей только кружку, и вплетении в канву письма разговорных выражений из повседневной жизни, а также интонаций. Друзья употребляют нередко и грубое слово, которое вне данной группы приобрело бы пейоративное значение. Так например, распространенным внутри круга являлось слово «рожа», что видно из следующих строк:

«Знаешь, какова моя рожа, когда не ипохондрическая?» (Хемницер 1873: 50)⁹, или «ведь ты иногда такая рожа в таких случаях, что уж сам на себя не похож» (Хемницер 1873: 85)¹⁰, или «Видишь, что я теперь весел; а все от того, что ты меня рожей называл» (Хемницер 1873: 78)¹¹.

В письме 1786 г. читаем у Львова такое восклицание:

«Рад я, как кобель, так сказать <...> что вам весело и мне любо!» (Львов 1994: 328)¹².

Эти строчки полны неподдельной радости, что дружеская чета Державиных нашла свое место и акцептирована местным дворянством на новом месте службы Гавриила Романовича в городе Тамбов. Друзья вводят в свою переписку выдержки из собственных произведений или своих друзей, причем это цитирование часто носит пародийный или ироничный характер.

⁹ Иван Хемницер к Николаю Львову от 08.08.1782.

¹⁰ Иван Хемницер к Николаю Львову от 02.07. 1783.

¹¹ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10/21.01.1783.

¹² Николай Львов к Гавриилу Державину от 13.08.1786.

Так например, по прибытии в Смирну нового русского консула Ивана Ивановича на набережную пришло много любопытных посмотреть на него, при таком зрелище вспомнилось баснописцу басня *Зеленый осел*, переложенная им из Геллерта:

«...Согрешил я тут, вспомнил о собственных стихах, по улицам смотреть зеленого осла кипит народу без числа» (Хемницер 1873: 63)¹³.

В ответном письме Львов подхватывает шуточный тон друга и передает приветы «зеленому ослу»:

«Спасибо за припев зеленому ослу щастия. Кабы да вашими устами мед пить!» (Хемницер 1873: 76)¹⁴.

Для кружка типичен также каламбур с названием города Смирна, учитывая многозначность этого слова в русском языке друзья используют его в разных контекстах как стилистический прием, достигая комического эффекта. Письма Львова, Хемницера и Капниста иллюстрируют такую языковую игру:

«Турки мои теперь кажется присмирели. В протчем однако здесь вообще не так смирно, как ты думаешь. Режут и режутся всякий день» (Хемницер 1873: 74–75)¹⁵, —

пишет Хемницер. В другом письме он приводит слова Львова из их «письменной беседы» на эту тему: «не очень у нас смирно, говорят у вас?» (Хемницер 1873: 85)¹⁶. У Капниста в письме к Львову, опубликованном Гротом в одном из примечаний, снова встречаем одну из шуток, построенной на принципе полисемии с данным словом:

«Радуюсь, что наш друг уже в Смирне; желаю искренно, чтоб там все смирно было...» (Хемницер 1873: 85, комментарий Грота)¹⁷.

Соотношение рационального и эмоционального аспектов в письмах четверых друзей различно. Одни письма содержат в себе информацию о повседневной жизни, семейных и служебных заботах, другие полны переживаний, душевных порывов, чувств и размышлений, описаний собственной личности.

¹³ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10.1782.

¹⁴ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10/21.01.1783.

¹⁵ Иван Хемницер к Николаю Львову от 31.12.1782.

¹⁶ Иван Хемницер к Николаю Львову от 02.07.1783.

¹⁷ Василий Капнист к Николаю Львову от 19.12.1782.

В письмах старшего по возрасту Гавриила Романовича практически не находят места психологический анализ собственного душевного состояния, чувствительные признания, что не мешает ему, конечно, выражать радость или печаль по поводу тех или иных жизненных перипетий, пусть даже и в сдержанной форме. Так, в 1797 г. он сердечно поздравляет своего друга Капниста с рождением дочери Софии и желает счастья для всей семьи:

«Радуюсь, что здорово доехал, что здорова Александра Алексеевна и что у тебя завелась в доме премудрость, авось-либо более счастья тебе будет» (Державин 1871: VI, 64)¹⁸.

Нет в письмах Державина самоанализа, размышлений о духовном мире, однако в самых критических ситуациях, сопровождавших его не раз на жизненном пути, и в его «письменном разговоре» прорываются эмоциональные переживания и некоторые крупницы их ложатся на бумагу. Его бескомпромиссный и неуживчивый характер, прямолинейность усложняли ему продвижение по службе и доставляли трудности, иногда опасные для жизни вследствие происков нажитых недругов и врагов — и в Сенате, и во времена губернаторства в Петрозаводске и Тамбове. Нередко именно друзья, их помощь и поддержка помогали ему выйти из тяжелого положения, вся глубина признательности поэта и осознание ценности дружеских уз читаются в следующих строках его письма к другу Николаю Львову:

«Благодарю тебя <...> как друга, не словами, но чувствами сердечными. Александр Андреевич (Безбородко) — мой ангел благодетель, а ты — его помощник во всех случаях, счастье мое утраивающих и несчастья меня избавляющих» (Державин 1869: V, 842)¹⁹.

Реакция друзей, сопереживающих поражениям и неудачам своего друга и сострадающих ему и его жене, душевные терзания наглядно видны в эмоциональном письме Капниста к Державину:

«Умирающие тогда около меня сыны мои не занимали всей моей души: она была исполнена скорбью о вас, скорбью, свойственною той дружбе, которую я с вами связан и которая составляет великую часть моего благоденствия. Безсилен помогать, мне оставалось

¹⁸ Гавриил Державин к Василию Капнисту от 17.04.1797.

¹⁹ Гавриил Державин к Николаю Львову от 29.04.1785.

лишь сострадать с вами. Несколько раз принимался писать к вам; перо падало из рук; печаль моя не находила слов. Я опасался, чтоб изображением чувств моих я не растревил более вашей горести <...> я вас люблю <...> ваше состояние меня раздирает» (Державин 1869: V, 758)²⁰.

Чувство благодарности встречается в письмах друзей часто в контексте, связанном с темой детей. Дети Львовых и Капнистов нередко приезжали в Петербург к дяде и тете Державиным, жили у них в столице и в имении Званка. Гавриил Романович помогал племянникам при устройстве на службу и покровительствовал при вхождении в высшее общество столицы. Дарья Алексеевна относилась к детям сестер как к родным, они называли ее «второй матерью». Письма Василия Васильевича и Александры Алексеевны, живших в далекой Малороссии, проникнуты словами благодарности за заботу о детях, а также тревогой за их будущее:

«Чувствительнейше и от искреннего сердца благодарю вас за старание ваше о помещении детей моих <...> Вы не имеете детей, так вы не можете себе и вообразить той благодарности, которую я и Сашенька к вам чувствуем за сие величайшее одолжение <...> Сердце мое так стеснилось, что я должен кончить письмо мое. Обнимаю вас в мыслях» (Капнист 1960: 485)²¹.

Но не всегда в жизни двух друзей, Державина и Капниста, преобладало взаимопонимание. В период с 1804 по 1812 гг. в их дружеских отношениях произошел разрыв, причина которого, несмотря на разные предположения и домыслы по этому поводу, до сих пор доподлинно не известна. Контакт прервался не только между поэтами, но и между их женами, родными сестрами Дарьей и Александрой Дьяковыми. После долгих лет молчания младший по возрасту Василий Капнист все-таки обратился с примирительным письмом к другу, полном переживаний и боли от потери дружеских уз:

«Любезный друг, Г. Р. Я уверен что мы друг друга любим: зачем же слышком (sic) долго представлять противные сердечным чувствам роли? <...> У меня мало столь искренно любимых друзей, как вы <...> Если я был в чем-нибудь виноват перед вами, то прошу прощения. — Всяк человек есть ложь: я мог погрешить, только

²⁰ Василий Капнист к Гавриилу Державину от 10.05.1789.

²¹ Василий Капнист к Гавриилу Державину от 05.12.1813.

не против дружества: оно было, есть и будет истинною стихиею моего сердца <...> Обнимем мысленно друг друга, и позабудем все прошедшее, кроме чувства, более тридцати лет соединявшего наши души» (Державин 1871: VI, 236–237)²².

Ответ Державина не заставил себя ждать, был, однако, составлен в сдержанном тоне, поэт немногословен и, в отличие от сердечных излияний Капниста, расчетлив в выборе выражений:

«В дружбе моей вы не должны были никогда сомневаться <...> Я готов всегда тебя обнять <...> и возобновить прежнюю нашу связь» (Державин 1871: VI, 243)²³.

В одном из своих дружеских писем Державин сам признавался в лаконичности изложения своих переживаний и ощущений на бумаге, объясняя это иной функцией эпистолярного текста и другими мотивами, побуждающими его к написанию. Письмо для него — средство передачи важной информации, касающейся внешней сферы жизни и окружения, а не внутреннего мира чувств:

«Васенька <...> пишу к тебе, но пишу все коротко, для того, что пуститься к тебе писать пространно, — то мысль за мыслью, чувства за чувствами следуют; не увидишь, как Бог знает сколько напорешь, а поглядишь — дела ничего. Дожидаюсь нетерпеливо, как сам приедешь; тогда душу к тебе с словами выпущу и напою тебя моим открытым сердцем» (Державин 1869: V, 408)²⁴.

Хемницер же, напротив, рассматривает данное дружеское общение на бумаге как возможность излить душевные переживания приятелю:

«... вот тебе, мой друг, что на душе у меня» (Хемницер 1873: 92)²⁵ или «Ну, на этот раз немножко отвел я душу, поговоря с тобою через письмо» (Хемницер 1873: 68)²⁶.

Для него это именно разговор, возможность вырваться из своего одиночества и «поговорить» с другом²⁷, недаром в его

²² Василий Капнист к Гавриилу Державину от 18.07.1812.

²³ Гавриил Державин к Василию Капнисту от 16.08.1812.

²⁴ Гавриил Державин к Василию Капнисту от 29.04.1785.

²⁵ Иван Хемницер к Николаю Львову от 29/18.02.1784.

²⁶ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10.1782.

²⁷ Хемницер использует в своих письмах такие языковые выражения, как «ты сказал», «теперь скажу тебе», «тебе сказать теперь больше нечево», «ты говоришь», «поговорим о тебе», «говоря с вами об вас мне веселее стало», «а теперь слушай» и подобные, семантика которых указывает именно на разговор. (Хемницер 1873: 46–47, 53, 56, 59, 65–67).

письмах возникает мотив изгнания, душевного одиночества в мире, ставшем для него безрадостной пустыней:

«...один одинок, не с кем слова молвить <...> все, что думаешь, скрыть в себе самом» (Хемницер 1873: 67)²⁸.

Даже спустя год службы в Смирне тоска по друзьям и чувство покинутости остро им ощущаются:

«...представь, что человек <...> оставя друзей, родных, отечество, вдруг увидит себя человек посреди неизвестной ему земли, обитаемой, говорят, людьми, которых не находит, один без друга, без роднова» (Хемницер 1873: 78)²⁹.

Переживания и жизненно необходимая потребность общения с друзьями выливаются на страницы его писем. Аналогичные процессы наблюдаются и в переписке Дениса Фонвизина с его сестрой в 60-х годах XVIII в., а также в 1776–1781 гг. в разговоре «родственных душ» между Михаилом Муравьевым и его близкими, отцом и сестрой. Письма Муравьева принимают форму психологического романа, рассказывающего о жизни сердца и души своего чувствительного и сентиментального героя. В письмах Хемницера слышна доверительная интонация дружеского разговора, он делится своими чувствами и ощущениями, радостями и горестями — каждое письмо к другу Николаю Александровичу, как глоток свежего воздуха:

«Слава Богу, теперь хоть с письмами посоветовать да побеседовать можно...» (Хемницер 1873: 79).

Во время таких бесед Иван Хемницер открыто говорит с другом по душам, ему не надо взвешивать каждое слово и думать о его последствиях, он может дать волю своим мыслям и чувствам. Яков Грот рассматривает письма Хемницера, как «невольный отпечаток души» (Хемницер 1873: 23). Сложности исполнения возложенной на него миссии и свои страхи от нависших над ним опасностей, о которых он не хочет сообщать родственникам, Хемницер не скрывает в письмах к другу. Сетования на одиночество, однако, не оставляют у читателя негативного впечатления о полной резигнации автора, напротив, он пытается с юмором переносить жизненные невзгоды

²⁸ Иван Хемницер к Николаю Львову от 20.11.1782.

²⁹ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10/21.01.1783.

и остроумной шуткой разрядить атмосферу тревоги и беспокойства друга Львова за его судьбу. Письма Николая Львова, к сожалению, не сохранились, содержание отдельных из них, однако, можно реконструировать на основе выдержек, которые приводятся Хемницером³⁰. Цитируя отдельные строки друга, он тут же отвечает на них, подхватывает реплики Львова, чутко реагирует на них и полемизирует с собеседником, что превращает письмо порой в шутливую и беззаботную дружескую болтовню, демонстрируя непринужденность и естественность их дружеских отношений. Вовлекая адресата в конкретную ситуацию, автор как бы раздвигает временные и пространственные рамки, преодолевая разделяющие друзей преграды. Искренняя благодарность читается в строчках Хемницера к своему более юному, но влиятельному другу, принимающему в его судьбе большое участие. Вдали от близких, он предается размышлениям о ценностях дружбы, о своем назначении, пытается осмыслить собственный характер, познать себя. В его письмах мы находим описания, возникшие в результате рефлексивной деятельности по осознанию своего внутреннего и духовного мира:

«Друг мой, ты знаешь, что я только Я с друзьями моими быть могу; а где не друзья мои, там уж от меня толку не жди: где каждое слово на вески класть надобно, тут сам знаешь, шутить неловко» (Хемницер 1873: 77)³¹ или «Нещастие мое, что я податься на знакомство никак не могу, естли поводов к заключению дружбы не предвижу» (Хемницер 1873: 91)³².

В часы уединения и письменных бесед с другом Хемницер раскрывается, открывает ему свое «Я».

Хемницер, Львов и Капнист не используют предписанные схемы построения письма, опускают шаблонные обрамления в его конструкции, а также формы приветствия, прощания и шаблонные фразы, регламентированные существующими письмовниками. Друзья не только часто исключают подобного рода формалии, но и шуточно обыгрывают эту тему в своих письмах:

³⁰ Ср. «Ты говоришь в письме своем «что желаешь чтоб побольше у нас страху было». Естли тот страх которой я желаю, так мы не видавшись одно думали» (Иван Хемницер к Николаю Львову от 20.11.1782; Хемницер 1873:65).

³¹ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10/21.01.1783.

³² Иван Хемницер к Николаю Львову от 29/18.02.1784.

«Наперед все-таки у тебя спрошу, здоров ли ты, даром, что ты и это за церемониал считаешь» (Хемницер 1873: 47)³³ или «Сказал бы я тебе здравствуй, с новым годом; да ты не любишь поздравлений; и так нет тебе ничево» (Хемницер 1873: 73)³⁴.

Николай Львов нередко уже в первой фразе сообщает важную информацию, переходит сразу к делу или продолжает начатый в прошлом письме разговор и развивает незаконченную в нем тему, как, например, в начале письма к Державину:

«Я все еще в угольной яме» (Львов 1994: 329)³⁵.

Некоторые письма друзей создают впечатление некоего коллективного разговора, в котором задействованы не только пишущий и конкретный адресат, но и другие члены дружеского круга. В одном письме Капниста и Хемницера, адресованном Державину, ощущается дружеское настроение и дух встречи, создается впечатление семейной атмосферы. Капнист пишет:

«Когда он ни слова, так я стану болтать» (Капнист 1960: 260)³⁶.

В письмах ко Львову из Смирны Хемницер употребляет характерное для Капниста выражение «в прочем коли ж», все время подчеркивая его, например,

«В прочем коли ж ты устал об турецшине слушать, так мы и о другом заговорим» (Хемницер 1873: 83)³⁷.

Современный читатель как будто слышит оживленную и беззаботную беседу друзей, которые спорят, перебивают друг друга, иронизируют, пересыпают речь шутками.

Хемницер удручен тем, что в силу далеких расстояний коммуникация с дорогими друзьями возможна только на бумаге,

³³ Иван Хемницер к Николаю Львову от 08.07.1782.

³⁴ Иван Хемницер к Николаю Львову от 31.12.1782.

³⁵ Николай Львов к Гавриилу Державину от 18.09.1786. Уже в письмовнике 1765 г. строго регламентируются внешняя форма письма и его содержательная сторона, составитель ссылается при этом на старые риторические различия в письмах общих и особенных частей. Более свободное оформление могло быть в особенных частях, к которым относились вступление, основная часть и заключение. Предписания же касались основных частей, и нарушение их или игнорирование правил отправителем рассматривалось как знак неуважения, невоспитанности или даже как выражение умышленного оскорбления, нанесенного получателю. К таковым частям относились формулы обращения, прощания, подпись, дата и размещение текста письма на бумаге (Дмитриева 1986: 545–546).

³⁶ Василий Капнист к Гавриилу Державину от 05.03.1781.

³⁷ Иван Хемницер к Николаю Львову от 18.02./01.03.1783.

и пытается путем вплетения в канву письма быстрых, отрывистых фраз —

«Ето я вам не пишу, а как сумасшедший, вбежав к вам в комнату, прокричал» (Хемницер 1873: 84)³⁸ —

и диалогов оживить слово и превратить это письменное пространство в живое общение, создать иллюзию присутствия в дружеском кругу³⁹. После таких «личных разговоров», получая послания, полные шуточных выражений и полезных советов от друга, ему становилось спокойнее на душе и он с новыми силами мог снова бороться и преодолевать жизненные препятствия, о чем он сам признавался в письме к другу Львову:

«Голос мой, естль переменился в продолжении писанного тогда письма, из жалобнаго сначала в меньше унывный, етому быть не мудрено было <...> Ты, помнишь, и сам примечание ето сделал, что я, как бы пасмурен к тебе когда ни приходил, всегда уходил веселее: тоже самое, видно, со мною происходит, когда через письма с тобою говорю» (Хемницер 1873:76)⁴⁰.

В заключение еще раз подчеркнем, что интенсивность эмоций в письменном общении четырех друзей различна. Вхожий в высшие круги общества, занимавший губернаторские, сенаторские и министерские посты и служивший при дворе Державин, привыкший к обращению с деловой корреспонденцией и государственной документацией, более сдержан на бумаге и не использует этот вид эпистолярного жанра для передачи своих переживаний. Лаконизм, объективность и четкость характеризуют его сообщения. Послания же Капниста, Львова и Хемницера, как и их творчество, более ориентированы на

³⁸ Иван Хемницер к Николаю Львову от 02.07.1783.

³⁹ Ср. «Так, милостивая государыня Марья Алексеевна; он, етот он, много ко мне написал между тем как вы, припавши к нему на ушко и на плечо, возле нево сидели, и дожидались: когда он писать кончит чтобы вам начать. Представьте себе какой етот Николай Александрович! Лавочку у вас перебил! Добро. Дайте мне только его увидеть! <...> Знаете ли что, сударыня? Перебейте же и вы за то у него лавочку <...> Пускай ка и он к вам на ушко и плечо припадет и дожидается когда вы письмо кончите чтоб ему начать. “Да, разумеем ету хитрость, хочется по два письма вместо одново”. Ну вот, и весь мой план изпорчен! Так, правда; однако будто бы не догадались: зачем человека и впрямь не потешить! “Ну хорошо, хорошо; напишем”» (Иван Хемницер к Николаю Львову от 10./21.01.1783; Хемницер 1873: 79–80).

⁴⁰ Иван Хемницер к Николаю Львову от 10/21.01.1783.

новые веяния и тенденции эпохи⁴¹. В первую очередь это, несомненно, касается Ивана Хемницера, описывавшего свои чувственные переживания на бумаге и доверительно излагавшего мысли далекому другу Львову, таким образом предоставляя ему и современному читателю возможность заглянуть в свое жизненное пространство и приоткрывая завесу эмоционального и душевного состояния. В дружеских письмах мы находим интересные свидетельства о жизненных перипетиях четырех друзей и их семейств: радости и горести, тревоги и печали, эмоции, мотивы поведения, а также осознание реального и внутреннего миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон, Рейсер 2001 — *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001.
2. Бродский 1984 — Литературные салоны и кружки: первая половина XIX века / ред., вступ. ст. и примеч. Николая Бродского. Хильдесхайм, Цюрих и Нью-Йорк, 1984.
3. Гуковский 2003 — *Гуковский Г.* Русская литература XVIII века: учебник / вступ. ст. А. Зорина. М., 2003.
4. Державин 1869 — *Державин Г. Р.* Сочинения: в 9 т. / с объясн. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1864–1884. Т. 5. СПб., 1869.
5. Державин 1871 — *Державин Г. Р.* Сочинения: в 9 т. / с объясн. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1864–1884. Т. 6. СПб., 1871.
6. Дмитриева 1986 — *Дмитриева Е.* Русские письмовники середины XVIII — первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Известия АН СССР. 1986. Т. 45, № 6. С. 543–552.
7. Капнист 1960 — *Капнист В. В.* Собрание сочинений в двух томах / ред., вступ. ст., примеч. Д. С. Бабкина. Т. 2. М.; Л., 1960.
8. Лазарчук 1972 — *Лазарчук Р.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Л., 1972.
9. Львов 1994 — *Львов Н. А.* Избранные сочинения / вступ. ст., сост., подг. текста и ком. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кельн, Веймар, Вена, СПб., 1994.
10. Макогоненко 1980 — *Макогоненко Г.* Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980.

⁴¹ «Новое течение было настолько органическим и естественным проявлением судьбы русской дворянской интеллигенции в последнюю четверть XVIII в., что оно возникло в сознании ряда писателей как новая задача литературы. Оно вызревало, начиная с 70-х годов, в творчестве М. Н. Муравьева, Н. А. Львова, Нелединского-Мелецкого, затем у И. И. Дмитриева, Карамзина, Капниста, Хованского и многих других...» (Гуковский 2003: 263).

11. Марасинова 2006 — *Марасинова Е. И.* И. Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 219–254.
12. Арх. Державина — ОР РНБ Ф. 247 (Арх. Державина). Т. 2.
13. Степанов 1966 — *Степанов Н.* Поэты и прозаики. М., 1966.
14. Хемницер 1873 — *Хемницер И. И.* Сочинения и письма / изд. Яков Грот. СПб., 1873.
15. Goethe 1969 — *Goethe J. W.* Winkelmann und sein Jahrhundert. Mit einer Einl. und einem erläut. Reg. v. Helmut Holtzhauer. Leipzig, 1969.
16. Ingen van, Juranek 1998 — *Ingen van F, Juranek Ch.* (Hg.). *Ars et amicitia.* Beiträge zum Thema Freundschaft in Geschichte, Kunst und Literatur. Festschrift für Martin Bircher zum 60. Geburtstag am 3. Juli 1998. Amsterdam, 1998.
17. Schönborn 1999 — *Schönborn S.* Das Buch der Seele. Tagebuchliteratur zwischen Aufklärung und Kunstperiode. Tübingen, 1999.

N. Schneider. The Letter conversation among friends in the 18th century.

The focus of the study is the epistolary culture in the last third of the 18th century. At that time, friendship became the main feature in the interpersonal communication resulting in the creation of literary circles. The change of the literary life causes that the genre 'letter' moves from the periphery to the centre of literary genres. Also in the manual of letter writing there appears a section about how to write letters to friends. Thus, the researches of the 20th century describe the new forms of letter writing as a 'creative laboratory of the genre'. On the example of the epistolary heritage of the four friends Gavriil Derzhavin, Vasily Kapnist, Nikolay Lvov and Ivan Hemnister it will be shown how the new ideas of the 18th century were expressed in their letter conversation. Followingly, we will find an interesting evindence about the various events of the four friends and their families in the period from 1782 to 1816. The letter conversation reveals the emotional and mental state of those friends at that period of time.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАН И. Ф. Э. АЛЬБРЕХТА
О КНЯЗЕ Г. А. ПОТЁМКИНЕ «ПАНСАЛВИН, КНЯЗЬ ТЪМЫ»
И ЕГО СУДЬБА В РОССИИ

Ключевые слова: Позднее Просвещение, русско-немецкие литературные связи, история переводной литературы, политический роман, масонство.

Статья посвящена анализу романа «Пансалвин, Князь Тьмы» (1794) немецкого писателя-просветителя Иоганна Фридриха Эрнста Альбрехта (1752–1814), автора многих нашумевших политических «романов с ключом», в которых под вымышленными именами изображались действительные лица и происшествия. Работа опирается на широкий архивный материал и дает освещение темы «Альбрехт и его русские читатели» за период с позднего XVIII в. вплоть до сего дня.

1

В современных исторических работах, посвященных князю Григорию Александровичу Потемкину, нередко упоминается произведение под заглавием «Пансалвин, Князь Тьмы» — политический роман или, если угодно, памфлет на Потемкина и Екатерину II, анонимно изданный в 1794 г. в Германии (“Germanien” — так оно и значится вместо конкретного места выхода в свет на титуле книги “Pansalvin, Fürst der Finsternis und seine Geliebte. So gut wie geschehen”)¹. В 1809 г. роман был напечатан также по-русски, в Москве, в университетской типографии, под заглавием «Пансалвин, Князь Тьмы. Быль? Не быль? Однакож и не сказка», без обозначения автора и переводчика. Уже в броском подзаголовке «Князь Тьмы», обыгрывающем фамилию «Потемкин» и намекающем на Сатану как властителя преисподней, заключается оценка деятельности светлейшего

* Галина Евгеньевна Потапова, канд. филол. наук, Magister Artium Гамбургского университета (Universität Hamburg).

¹ Анонимно-обобщенные или вымышленные обозначения «места выхода» были широко распространены в тогдашней литературной продукции немецких «якобинцев». В. Граб, занимавшийся этой темой, приводит примеры: «Багдад, перед потопом» или «Афины, у наследников Аристотеля» (Grab 1966: 166).

князя, оценка сугубо негативная, — что и делает упоминание «Пансалвина» одним из самых показательных примеров антипотемкинской литературы в глазах сегодняшнего российского историка, стремящегося увидеть государственную деятельность Потемкина в более объективном свете, чем было это в советское время, да и задолго до того, большую часть XIX в. (см. в особенности Елисеєва 2005: 401–402; Лопатин 2012: 38–48).

О том, что на волне интереса к Потемкину этот забытый роман вновь привлекает к себе внимание в наши дни, свидетельствуют также довольно многочисленные упоминания «Пансалвина» в российском интернете, причем информация, которую там можно найти, крайне разноречива. Даже такой скромный жанр, как реклама антикварных книг, демонстрирует большой разброс в том, что касается оценок и степени осведомленности. Для начала нелишне будет привести наиболее объективную из таких заметок, основывающуюся на старых российских библиографических источниках, о которых ниже еще пойдет речь, и способную дать начальное представление о «Пансалвине»:

«Автор книги — немецкий драматический актер Иоганн-Фридрих Эрнст Альбрехт, написавший ее, как утверждали, по заказу графа Платона Зубова. Под именем Пансальвина² выведен в этой сатире князь Г. А. Потемкин-Таврический. «При самом появлении своем в свет, “Пансальвин” возбудил всеобщее любопытство и сделался предметом различных догадок и толков. Причина такого внимания скрывается в содержании книги, рассказывающей под вымышленными именами историю быстрого возвышения светлейшего князя Потемкина-Таврического. Судьба героя, его интимные, любовные связи и разные придворные интриги переданы автором в форме нравственно-сатирического романа...» (Афанасьев 1860: 371–372). Кроме Потемкина и Екатерины II в романе выведены граф Н. И. Панин, П. А. Брюс, П. А. Румянцев-Задунайский, А. В. Суворов, А. Н. Нарышкина, И. П. Елагин и др. Прототипы героев памфлета узнавали себя в его персонажах, скупали экземпляры книги и уничтожали»³.

² Имя «Пансальвин», в принципе, согласно немецкому произношению, следовало бы везде писать с мягким знаком, как оно написано здесь. Поскольку в первом и единственном русском переводе романа (и в большинстве вызванных им критических отзывов) имя «Пансалвин» пишется без мягкого знака, я все-таки придерживаюсь этого написания и далее специально не оговариваю встречающийся в цитатах разнобой.

³ <http://www.ozon.ru/context/detail/id/18473761/>

Не все в этой аннотации справедливо, как мы убедимся ниже. Однако подавляющее большинство других упоминаний «Пансалвина» в интернете, а также, к сожалению, в российской исторической литературе, содержит несравнимо более грубые ошибки и недоразумения. Несмотря на то, что в современном «Сводном каталоге русской книги» (вслед за рядом дореволюционных справочников) верно указано авторство немецкого писателя Иоганна Фридриха Эрнста Альбрехта (Сводный каталог 2000: 40), мнения на этот счет бытуют самые фантастические, особенно в российском интернете. Так, одно издательство, специализирующееся на распечатках сканированных старых изданий как «книг на заказ», уверенно распространяет рекламу на «Пансалвина» как произведение некоего Хуергельмера, конечно без всяких ссылок на источник атрибуции⁴.

Чаще всего, однако, «Пансалвина» приписывают саксонскому дипломату Густаву Адольфу Вильгельму фон Гельбигу (1757–1813), известному как один из ранних распространителей легенды о «потемкинских деревнях»⁵. В этом отношении особенно характерно утверждение в «Википедии», в статье «Потемкинские деревни»:

«Авторство легенды приписывается саксонскому дипломату Георгу Гельбигу. Впервые легенда была опубликована анонимно,

⁴ См.: <http://www.hud-kniga.biz/tv39-1259994.html>. Имя «Huergelmer» является псевдонимом кого-то из литераторов, вращавшихся в тех северо-немецких «якобинских» кругах, о которых говорится в монографии В. Граба (Grab 1966). Иногда вышедшие под этим именем произведения политической публицистики атрибутируют Альбрехту, иногда Г. Ф. Ребману, чаще же высказываются сомнения в авторстве того и другого (Kawa 1980; Engels 2009: 325–348).

⁵ В русских, а также во многих немецких источниках Гельбиг ошибочно именуется «Георгом Адольфом Вильгельмом». — См. о его действительной роли в создании легенды о «деревнях» в статье А. М. Панченко «“Потемкинские деревни” как культурный миф» (Панченко 1999: 462–475). — Единственная имеющаяся на немецком языке работа о гельбиговской биографии Потемкина (Meier 1987) совершенно неудовлетворительна. Автор ограничивается наивным, причем политически предвзятым, пересказом основных, на ее взгляд, моментов содержания по Гельбигу; знакомство с другими источниками и исторической литературой (даже немецкой и английской, не говоря уже о русской) отсутствует; единственная ссылка на известный труд В. А. Бильбасова (Бильбасов 1896; Bilbassoff 1897) носит чисто формальный характер, так как ничего подобного предпринятому Бильбасовым, пусть и кратко, критическому рассмотрению источника не предпринимается; никакие биографические сведения о Гельбиге, помимо указаний у Бильбасова, А. Майер также неизвестны.

впоследствии — в книге-памфлете Г. А. Гельбига «Потемкин Таврический» (русский перевод — «Пансалвин — князь тьмы»). В 1811 эта книга была издана на русском, вызвав возмущение еще живых родственников Потемкина»⁶.

Гельбигова биография Потемкина, в самом деле, переводилась на русский язык, но эти переводы так и остались в рукописях; об их судьбе подробно сообщает В. С. Лопатин в своем недавнем исследовании (Лопатин 2012: 38, 173–190, 409–410). Вышедшую в Петербурге в 1811 г. «Жизнь Потемкина» (Левшин 1811)⁷, на которую ссылается эта статья Википедии, можно назвать переводом сочинения Гельбига только с большими оговорками. Потому что это издание является русским переводом с сильно переделанной французской компиляции, первоначально действительно составленной на основе книги Гельбига писательницей Жанной Элеонор де Серенвиль, а затем отредактированной Леже-Мари-Филиппом Траншаном де Лаверном (см. Лопатин 2012: 38–40). И уже никоим образом не является переводом гельбиговской биографии интересующий нас «Пансалвин», впервые вышедший в свет по-немецки тремя годами ранее, чем Гельбиг вообще начал печатать в гамбургском журнале «Минерва» свой труд о Потемкине. Применительно к Гельбигу основной упрек — в распространении легенды о «потемкинских деревнях» — по крайней мере, верен. Но в применении к «Пансалвину» он просто несправедлив, потому что ни о каких бутафорских деревнях в романе ни слова нет (эта легенда на тот момент еще не успела сформироваться) и про поездку Миранды на юг, в провинцию Пансалвина, говорится вообще очень кратко. Тем не менее, с легкой руки Википедии, утверждение, будто миф про «потемкинские деревни» начинается с «Пансалвина», можно встретить в последнее время довольно часто⁸. Остается только пожалеть, что совершенно

⁶ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁷ В некрологе В. А. Левшина это издание указано среди его сочинений и, вероятно, действительно переведено им (Северная пчела 1826: 4).

⁸ Ср., например, с заметкой в сетевой «свободной русской энциклопедии “Традиция”» (<http://traditio-ru.org/wiki/>), а также со статьей П. Романова «Потемкинские деревни. Как светлейшего князя замарали» (<http://ria.ru/authors/20060313/44216582.html>) и со статьей А. Назарова «Очернение светлейшего» (<http://www.gazetanv.ru/archive/article/?id=347>). Та же ошибка встречается в антикварных объявлениях в сети; см., например: <http://www.knigafund.ru/books/10467>.

оправданное в своей основе желание доказать несостоятельность мифа о «потемкинских деревнях» (мифа, ничего не возразишь, злополучного в истории российского самосознания) приводит к созданию новых легенд. Потому что утверждение, будто в «Пансалвине» рассказывается «легенда о потемкинских деревнях» — это такой же вымысел, как и сама легенда про деревни.

Еще одна ошеломляюще странная передача содержания «Пансалвина» присутствует, как это ни досадно, у О. И. Елисейевой в ее биографии Потемкина, написанной для серии «Жизнь замечательных людей» и в целом, если отвлечься от подобных казусов, производящей впечатление солидной и продуманной работы:

«...эта антитеза: светлейший князь — князь тьмы — раскрыта в немецком мистическом романе-памфлете, опубликованном в 1794 г. Феерическая сказка “Пансалвин и Миранда”, наполненная перетрахованной в розенкрейцерском духе ветхозаветной мифологией, повествовала о злом демоне, обольстившем добродетельную царицу Миранду и превратившем все ее прекрасные дела в нечто совершенно противоположное. Не видя дьявольской сущности любимца, Миранда доверчиво предоставила ему право распоряжаться своим государством, которое едва не оказалось на краю гибели <...> Так Потемкин в понимании сторонников Павла превращался в демона, принявшего человеческого облик с целью погубить Россию» (Елисейева 2005: 401–402).

К сожалению, исследовательница поторопилась заключить о содержании по заглавию (а также, видимо, по книге о масонах Г. В. Вернадского, к которой мы еще обратимся ниже). На деле, главный герой «Пансалвина» вовсе не является «демоном, принявшим человеческий облик», никакой «ветхозаветной мифологии» или мистики в романе нет, и если даже заходит речь о царстве «света» и «тьмы», то подразумеваются не мистические, а морально-оценочные категории (так что примерно с тем же успехом можно было бы упрекнуть в мистицизме Добролюбова как автора формулировки про «луч света в темном царстве»). Не имеющий ни малейшего отношения к действительному содержанию романа пересказ Елисейевой досаден тем более, что предшествующая ему общая оценка литературы о Потемкине, прямо или косвенно исходящей из масонских кругов, с небольшими поправками верна:

«Образ Потемкина — злого гения России, а в сниженной трактовке — авантюриста, лентяя, присваивавшего себе чужие победы, сластолюбца и хитрого царедворца, умело игравшего на слабостях императрицы, — создавался в литературе, выходявшей из розенкрейцерских кругов. Он отражал восприятие светлейшего князя как “князя тьмы”, существовавшее в русских и прусских масонских братствах, поддерживавших цесаревича Павла» (Елисеева 2005: 401).

Это в целом справедливое суждение компрометируется, к несчастью, тем совершенно фантастическим пересказом «Пансалвина», какой воспроизведен выше.

Если такого рода ошибки и преувеличения присутствуют в столь основательном труде, как книга Елисеевой, то не стоит удивляться, когда в одном из новых, рассчитанных на некритический спрос массового читателя, «исследований» о масонстве мы читаем:

«“Князь тьмы”, “дьявол” — вот такие эпитеты пестрят в указаниях из Берлина. Масон-розенкрейцер И. Эрнст под псевдонимом Альбрехт написал памфлет “Пансальвин, князь тьмы”, где Пансальвином, естественно, изображали Потемкина Таврического. Уже после смерти Потемкина памфлет услужливо перевел на русский язык В. Левшин, друг Новикова» (Замойский 2001: 190)⁹.

Кроме антимасонского пафоса бросается в глаза, во-первых, то, что автор без указания источника воспроизводит — в весьма утрированном и тенденциозном виде — суждения из все той же книги Г. В. Вернадского, а во-вторых — допускает грубую фактическую ошибку, интерпретируя фамилию «Альбрехт» как псевдоним и не понимая, что Вернадский в своей диссертации (Вернадский 1917: 236) просто вынес в скобки вслед за фамилией все три имени нашего сочинителя: «Альбрехт (Johann Friedrich Ernst)...»¹⁰.

⁹ О «Пансалвине» как масонском памфлете ср. также, например: Малиновский 2007.

¹⁰ К сожалению, недоразумение, согласно которому фамилия «Альбрехт» является псевдонимом некоего Эрнста, вошло даже в «Словарь русских писателей XVIII века», где в статье о В. А. Левшине утверждается следующее: «С кон. 1770-х гг. Л. примыкает к просветительскому кружку Н. И. Новикова, находится в дружеской связи с Ф. П. Ключаревым и А. Т. Болотовым. Возможно, он был масоном: позднее перевел с нем. книгу Альбрехта (М.-Ф. Эрнст) “Пансалвин, князь тьмы” (М., 1809), масонский памфлет, направленный против Г. А. Потемкина» (Пухов 1999: 199). На мой взгляд, те стимулы, которые побудили

Но кем же, однако, был этот Иоганн Фридрих Эрнст Альбрехт? Речь пойдет об авторе нельзя сказать, чтобы хорошо известном даже среди немецких литературоведов, однако и не совсем безвестном. Альбрехт был хорошо распродаваемым, популярным представителем так называемой тривиальной литературы. Пренебрежительно оцениваемый присяжными рецензентами, он тем не менее снискал у читателей не меньшее признание, чем Кристиан Генрих Шпис, Кристиан Август Вульпиус или даже Жан-Поль. Позже его творчество привлекало внимание исследователей почти исключительно как сопроводительный материал к другим темам. Если речь шла о тривиальной литературе XVIII в., его имя часто упоминали, но почти не занимались собственно им. Некоторое возрождение интереса к Альбрехту среди исследователей, посвятивших себя позднему XVIII в., началось с работы В. Граба о северо-немецких «якобинцах», сторонниках идей Французской революции, к которым он причислил и Альбрехта (Grab 1966: 177–184, 224–229). Вслед затем об Альбрехте появилось несколько работ, продолжают они появляться и в настоящее время¹¹. Пусть на сегодняшний день многое в его биографии продолжает оставаться непроясненным, эта фигура в германистике все-таки уже обрела кровь и плоть.

Нелишне наконец представить этого автора и русскому читателю. Уже просто ради устранения фактических ошибок и путаницы, но также и для того, чтобы внести более спокойный тон в заряженную политическими эмоциями атмосферу отзывов о «Пансалвине» в сегодняшней России¹². Обратимся для начала к некоторым твердо установленным биографическим датам.

Левшина в 1800-е годы выпустить в свет несколько компиляций о знаменитых государственных деятелях и полководцах, а наряду с тем перевести также «Пансалвина», были в первую очередь экономического свойства (см. ниже).

¹¹ См. в особенности: Thiel 1970; Zimmermann 1986; Zimmermann 1999; Robel 1994; Grab 1997; Engels 1999; Engels 2002; Sangmeister 2011.

¹² Этот излишний накал политических эмоций заметен, к сожалению, и в последнем исследовании В. С. Лопатина (2012), по основательности разысканий и убедительности анализа далеко превосходящем все, что было написано прежде об истории потемкинской (и антипотемкинской) литературы.

Иоганн Фридрих Эрнст Альбрехт родился 11 мая 1752 г. в городке Штаде, в то время принадлежавшем к Бременскому герцогству. Его отец был придворным медиком и физиком, и сын предназначен был пойти по его стопам: в 1768 г. он отправился в Эрфурт изучать медицину в тамошнем университете, под руководством профессора И. П. Баумера (1725–1771), младшего брата видного реформатора медицинского образования И. В. Баумера (1719–1788). Профессор Баумер придерживался просветительских взглядов и, в частности, популяризировал среди своих студентов философские воззрения Кристиана Вольфа (1679–1754). Важным для литературных интересов Альбрехта стало знакомство с К. М. Виландом, с 1768 г. преподававшим на филологическом факультете Эрфуртского университета. В 1772 г. Альбрехт защитил докторскую диссертацию на медицинском факультете. В том же году он женился на дочери своего учителя И. П. Баумера, к тому времени уже покойного; пятнадцатилетняя Софи Баумер (1757–1840) стала отныне именоваться Софи Альбрехт — имя, которое через десять лет будет греметь на немецких театральных сценах.

Альбрехт преподавал в Эрфурте до 1776 г. В 1775 г. он опубликовал штудию о жизни пчел, однако это была его последняя в собственном смысле научная работа. Летний семестр 1776 г. стал также последним его семестром в Эрфуртском университете. По-видимому, доход с преподавательской деятельности был невелик и не мог обеспечить семью, что и заставило Альбрехта принять в 1776 г. хорошо оплачиваемое место лейб-медика в Ревеле, «при графе Мантойфеле» (Geisler 1784: 153). Это был Карл Райнхольд Цёге фон Мантойфель (von Manteuffel gen. Szoegel, Zöge von Manteuffel, 1721–1779; в русском написании обычно Карл Рейнгольд фон Мантейфель), владелец имения в Пальвере/Палфер, один из сыновей Готхардта Иоганна Цёге фон Мантейфеля (1690–1763), известного эстляндского ландрата, пожалованного в 1759 г. в графское достоинство Священной Римской империи. Карл Рейнгольдне был скольконибудь выдающейся фигурой, биографических сведений о нем мало. В одних источниках утверждается, что он был обер-лейтенантом на российской службе, в других — что на голландской

(первое кажется более вероятным, потому что многочисленные родственники графа из этой ветви семейства Мантойфелей служили во второй половине XVIII в. в российской армии). Немногочисленные исследователи, писавшие об Альбрехте, обычно исходят из того, что переезд четы Альбрехтов назад в Эрфурт осенью 1779 г. был связан с кончиной графа (Sangmeister 2011: 431). Впрочем, в одной старинной, не во всех отношениях достоверной, биографии Софи Альбрехт повествуется следующее:

«Альбрехт был уволен графом из лейб-медиков после того, как неудачно отворил ему вену, но в Германию он после этого прискорбного происшествия вернулся далеко не сразу — они с женой еще долгое время жили в России (то есть, вероятно, в пределах Российской империи), добывая средства к существованию разными путями, в том числе торгуя лечебными снадобьями» (Neumann-Strela 1907: 390–392).

Наверно, в этом рассказе что-то преувеличено ради авантюрной занимательности, но в целом вероятность такого развития событий не исключена. На этом фоне предстали бы в несколько ином свете, чем принято считать, также литературные и книгоиздательские начинания Альбрехта этих лет.

Как сочинитель он дебютировал в 1778 г. драмой «Неприродный отец» (“Der unnatürliche Vater”). В те же ревельские годы он издает альманах «Эстляндская поэтическая антология» (“Ehstländischepoetische Blumenlese”, 1779–1780), а также развивает усиленную деятельность по налаживанию собственной типографии в городке Везенберг (сегодня Раквере; к этому городку и замку мы еще вернемся ниже). В издательстве Альбрехт печатает, впрочем, не свои собственные сочинения (их он отдает другим издателям в Германии, в расчете на гонорары), но такую продукцию, от которой ожидает гарантированной прибыли. Интенсивно печатает он в том числе масонскую мистическую литературу (видимо, в эти годы Альбрехт действительно вступил в одну из розенкрейцерских лож). В те же годы он начинает переводить на немецкий язык философские сочинения Руссо (это немецкое издание вышло в 1779–1782 гг.). Если принять версию, что с увольнением из лейб-медиков денежные обстоятельства Альбрехта опять стали крайне затрудненными, эту деятельность логично рассматривать не как

любительское занятие в часы досуга, а как попытку перед лицом финансового краха устоять на ногах.

Биографическая версия, согласно которой Альбрехт с местом лейб-медика довольно скоро вынужден был расстаться, заставляет заново взглянуть еще на один пункт, связанный с предполагаемым периодом его пребывания на службе у Мантойфеля и для нашего изложения особенно важный. Традиционно утверждается, что Альбрехт в 1776–1779 гг. сопровождал графа «в путешествиях по России» (Grab 1966: 177), отсюда и его сведения о жизни в империи, в том числе о жизни царского двора, которые позже были им использованы в романах. Однако когда дело доходит до обоснований этого утверждения, биографы ссылаются обычно всего лишь на слова современника о том, что Альбрехты восемь раз плавали по Балтийскому морю между русскими остзейскими провинциями и Германией, то есть, очевидно, до Любека (Geisler 1784: 159). Но бывали ли они в России дальше Эстляндии и Лифляндии? На настоящий момент единственным достоверным свидетельством в пользу того, что супружеская чета Альбрехт в столицу Российской империи надолго или ненадолго, но приезжала, служит помета «Санкт-Петербург» на одном из портретов Софи Альбрехт этого времени (Thiel 1970: 9). В правдоподобности утверждений, касающихся продолжительных поездок Альбрехта по России, заставляет сомневаться уже его интенсивная книгоиздательская деятельность в эти годы, которая ему много времени для таких путешествий не могла оставить. а путешествовал ли в свои последние годы граф Карл Рейнгольд фон Мантойфель, вообще остается под вопросом. Во всяком случае, в «Санктпетербургских ведомостях» за 1776–1779 годы имя графа Мантойфеля не встречается в разделе «Отъезжающие», где, посети он Петербург, он в принципе должен был бы быть отмечен.

Но, не подтверждая версию о визите Альбрехта в Петербург в сопровождении графа Мантойфеля, тот же раздел «отъезжающих» в «Санктпетербургских ведомостях» поставляет пищу для дальнейших размышлений и биографических спекуляций, поневоле рискованных. Во вторник 4 июля 1777 г. в числе «отъезжающих» назван «Иоганъ Фридрихъ Албрехтъ», проживающий «у Синяго мосту в Шелевом доме» (Санктпетербургские

Ведомости 1777: 22)¹³. Радоваться этому сообщению как новому вкладу в альбрехтоведение (если о существовании такового можно говорить) было бы преждевременно, потому что профессия Альбрехта, жившего у Синего моста, обозначена как «портного дела подмастерье». Учитывая, что фамилия «Альбрехт», а тем более сочетание имен «Иоганн Фридрих» в немецком встречаются часто, легко все истолковать как случайное совпадение. Однако совпадение начинает выглядеть подозрительным, когда через год с небольшим, в номере от 20 июля 1778 г., среди «отъезжающих» опять упомянут подмастерье (только на этот раз «жестяного дела подмастерье»), живущий «у Синяго мосту в Шелевом доме у жестяного дела мастера Вебера» и носящий имя: «Албрехтъ Ернстъ» (Санктпетербургские Ведомости 1778: 776)¹⁴. То, что имена этих двух немецких подмастерьев, появляющихся в Петербурге с интервалом в год (причем именно в интересующие нас годы), в совокупности дают полный набор имен Иоганна Фридриха Эрнста Альбрехта, как минимум, странно. Но был ли это в действительности интересующий нас человек и, если да, то по каким причинам он рекомендовался как подмастерье, а не как медик — об этом остается только гадать. Подозрения, что вместо обоих подмастерьев в Шелевом доме гостил летом 1777 и 1778 г. именно «наш» Альбрехт, усугубляются тем обстоятельством, что в названном доме, принадлежавшем в эти годы разбогатевшему портному Асмусу Шелю и находившемся между Большой Морской улицей и Исаакиевской площадью, у Синего моста, располагалась с 1775 г. книжная лавка К. Шейбнера и Эверса, продававшая книги на иностранных языках (Бройтман, Краснова 2005: 149)¹⁵. Легко предположить, что основавший под Ревелем свою немецкую типографию Альбрехт приезжал в Петербург, чтобы наладить связи с петербургскими книгопродавцами, рассчитывая на спрос в богатой немецкоязычными читателями столице. Кроме того, эти поездки могли служить также налаживанию связей между масонскими

¹³ Сообщение повторяется в № 54 от 7 июля 1777 г.

¹⁴ Сообщение повторяется в № 59 от 24 июля и № 60 от 27 июля 1778 г.

¹⁵ Ср.: «По примеру русских купцов продажей академических книг на иностранных языках с 1775 г. начали заниматься <...> также книгопродавцы государственной Берг-коллегии и монетного департамента К. Шейбнер и Эверс» (Зайцева 2005: 58).

ложами остзейских провинций и Петербурга. По крайней мере, в кругу эстляндских знакомых Альбрехта было несколько «вольных каменщиков», несколькими годами позже наезжавших в Петербург именно по масонским делам (Sangmeister 2011: 450–451).

Верить или не верить неоднократным утверждениям Альбрехта в его позднейших политических романах, что он подолгу жила в Петербурге, а потому не понаслышке знает описываемые события¹⁶, — остается сегодня, пока документальная основа не прояснена, делом вкуса. В значительной степени это настаивание на осведомленности очевидца, конечно, является стратегией литератора, работающего на потребу литературного рынка и хорошо знающего, что произведения, носящие печать подлинности, встретят значительно больший интерес в публике. И все-таки скорее впечатление человека, какое-то время действительно живавшего в городе, производит описание Петербурга в «Пансалвине», в 1-й главе 4-го «десятка», где Альбрехт далеко не ограничивается широко известными из современных ему изображений северной столицы констатациями, что город был создан из ничего на пустом месте, чтобы по контрасту явить великолепие и мощь государства, обновленного Петром (в романе — Надиром). Начав с этих общих мест, он далее, в большей части главы, рисует достаточно дифференцированный очерк нравов обитателей столицы, что под пером человека, в действительности не знавшего Петербурга, было бы странно. Осуждая нравы придворной верхушки, в особенности вельмож, подобных Пансалвину, Альбрехт рисует состояние нравов в более широких городских массах чрезвычайно лестным образом¹⁷:

«Так, любезный читатель, не взирая на развращение двора, не взирая на пороки, которыми заражены были Вельможи, подобно

¹⁶ Особенно часто ссылки на собственные наблюдения очевидца, жившего в Петербурге во время царствования как Екатерины II, так и Павла I, даются Альбрехтом в романе «Турбанс Турбандус»; впрочем, большого доверия они не внушают уже потому, что именно в годы Павлова царствования Альбрехт, как подтверждают свидетельства современников, жил в Альтоне и был занят театром и другими обязанностями.

¹⁷ Цитируется здесь и далее, если не оговорено иначе, в переводе В. А. Левшина (Альбрехт 1809: 225–231).

как и во всех других местах, не взирая на привезенное в нее со всех стран света зло, найдешь ты здесь в бедном и среднем состоянии добродетели, найдешь несравненно чистейшие неповрежденные нравы, верность в браке и нераспутных детей <...> Найдешь ты много благосердия к низшим, даже в самых Вельможах. — О, прекраснейшее чувство человечества, и почти неразлучное с оным гостеприимство каждому, кто только приближается с благоприличием, отверстые сердце и объятия для того, кто может быть их другом, и отверстый кошелек для нуждающихся! Какая столица может сие сказать о большей части своих жителей? У них также, что бы ни говорено было о их развращении, не царствует издавна величие деспотического тиранства над меньшими сочеловеками; ибо по одному тирану, по Князю Тьмы, не должно заключать о всех, да и немногие, когда обойтись вокруг столицу, таким поведением его довольны и его за оное выхваляют. Напротив, сколько ни обыкновенно в столицах утеснять самую бедную часть жителей, но о здешней сего утверждать не можно. Художник и искусный ремесленник уважаются, и мало находится совершенно бедных <...> Из всего вышеописанного можно вывести заключение, что столица сия содержит в себе большею частию людей доброго рода. Чувствование ея обывателей дозволяет им наслаждаться жизненными радостями в таком изобилии, сколько они могут, не быв притом слишком эгоистами, чтоб не уделять того другим. Каждое доброе, на которое обратит внимание, для них приятно¹⁸. Много к образованию их содействовали чужестранцы. Весьма несправедливо заключают, чтобы чужестранцы, приезжающие туда для снискания своего счастья, надлежали к самому негодному классу людей. Нет, оные бывают большею частью добрые, любезные люди, кои в отчизне своей были угнетены, ищущие прибежища в своем несчастье, и снискав себе счастье, соделались лучшими людьми, исправляющими других, ибо снискали от них любовь. Сия любовь к добру простирается, начав с великих до малых, и сие далеко прикрывает все прочие их пороки. Благословение да снидет на сей город и его жителей! да не осмелится никакой зуб оклеветания до них коснуться, и кто угрожает им враждою, отвратись от них, и оставь их в покое, потому что несколько члены из них действуют ко всеобщему благу»¹⁹.

¹⁸ Эта несколько неясная в переводе Левшина фраза означает: «Всякое благое (нововведение, дело), на какое ни обратишь их внимание, они рады приветствовать» (Albrecht 1794: 213).

¹⁹ Заключительные слова — о «нескольких из них», действующих «ко всеобщему благу», — с умыслом или неумышленно переведены неверно. В оригинале: «...и оставь его (т. е. город) в мире и покое, в коем все его отдельные части действуют на благо целого» (Albrecht 1794: 214).

В сентябре 1779 г. Альбрехты возвращаются в Эрфурт, где Софи в 1782 г. впервые пробует себя как актриса на сцене частного театра. В 1783 г. она получает ангажемент в Кур-Кельнской труппе в Бонне, дававшей представления в Майнце и Франкфурте. Альбрехт отныне выступает продюсером своей жены и сопровождает ее в частых разъездах, в то же время занимаясь дальше своими литературными и переводческими трудами. Уже при самом начале своей театральной карьеры, в апреле 1784 г., Софи Альбрехт стала первой исполнительницей роли Луизы Миллер в «Коварстве и любви» Шиллера; тогда же чета Альбрехтов познакомилась с драматургом лично. Знакомство продолжилось и во время пребывания Альбрехтов и Шиллера в Лейпциге и Дрездене в 1785 г. Софи также сочиняла сентиментальные стихотворения, ее песни печатались в журнале Шиллера «Талия».

Некоторое время Альбрехт жил в Праге как книготорговец и издатель²⁰. В 1795 г. супруги перебрались под Гамбург (тогда фактически независимый ганзейский город), а в 1796 г. Альбрехт стал «принципалом» в Альтоне (город-сосед Гамбурга, в то время еще принадлежавший датской короне). 1 сентября 1796 г. он сделался директором драматического театра в Альтоне, который был с гордостью переименован им в «Национальный театр» и действительно пережил под его руководством короткий расцвет (Hoffmann 1926: 73; Grab 1966: 224). Практическое отсутствие цензуры в датской Альтоне (до введения ужесточенного цензурного устава в 1799 г.) способствовало тому, что Национальный театр сделался одним из интеллектуальных центров тогдашних «левых», сторонников радикальных французских просветителей и Французской революции.

В 1798 г. Альбрехт развелся с женой (впрочем, позже, после того как ее молодой муж внезапно умер, бывшие супруги опять жили под одной крышей). В 1800 г. он передал руководство театром в другие руки, но с 1802 г. руководил им снова (с перерывами до 1806/1807, потом вновь с 1811 г.). С 1809 г. он жил в основном опять медицинской деятельностью (практикуя как врач в Гамбурге) и выпустил в свет большое количество популярных

²⁰ Этот период его жизни освещается в статье: Sangmeister 2014.

пособий по медицине, в том числе по половой гигиене (настраивавших своими названиями более не на гигиенический, а на эротический лад и вследствие того находивших большой спрос в публике).

Умер Альбрехт в действительном смысле слова как врач, леча больных. С приходом французов, под Рождество 1813 г., тысячи гамбургцев были по приказу наполеоновского маршала Даву выселены из города и должны были искать приют в соседней Альтоне. Среди беженцев началась тифозная эпидемия. Альбрехт лечил больных в наскоро организованных лазаретах, заразился тифом и умер 11 марта 1814 г. (Grab 1966: 229).

Литературное наследие Альбрехта составляет несколько сотен наименований: помимо упомянутых популярно-медицинских сочинений, относящихся в основном уже к началу XIX в., это комедии, драмы, романы, переводы философских и литературных сочинений с французского. К. Гёдеке насчитывает 89 собственно литературных изданий, однако этот перечень не полон (Goedeke 1893: 501–504)²¹. С беллетристической легкостью Альбрехт отдает дань многим разным направлениям в литературе своего времени: наряду с драмами и комедиями тут и рыцарские, и «ужасные» романы, романы о разбойниках и привидениях, о приключениях в Новом свете, и чувствительные романы с сильной примесью эротизма (в подражание «Новой Элоизе» Руссо). Вот только некоторые названия: «Лауретта Пизана, или Жизнь итальянской распутницы» (1789), «Тереза фон Эдельвальд. История из монастырской жизни» (1784), «Долько-бандит, современник Ринальдо Ринальдини» (1801), «Пять черепов. Ужасающая авантюрная история» (1810), «Сцены любви из жарких краев Америки» (1810).

За многими произведениями Альбрехта стоит, тем не менее, отчетливо просветительская программа. В особенности это относится к его политическим «романам с ключом» (Schlüsselromane). В произведениях этого экстравагантного жанра, незадолго до того приобретшего большую популярность во Франции, под вымышленными именами и в окружении

²¹ В 2014 г. должен явиться в свет том к 200-летию со дня смерти Альбрехта “Die Albrechts — Erfolgsautor und Bühnenstar”, включающий также его библиографию, составленную Рюдигером Шюттом (Киль).

вымышленных декораций описывались актуальные политические события (см. Darnton 1995a, 1995b; Sangmeister 2011: 413). Жанр поставлял пикантное чтиво для читателя, внимательно следившего за разделом политической хроники, и являл собой смесь из исторических фактов, отчасти вымышленной романной интриги, сатиры и политических суждений. «Одним из развлечений, доставляемых чтением этих книг, было именно разгадывание имен-ребусов» (Thiel 1970: 36). (Добавим, что применительно к «русским» романам Альбрехта говорить следует, по-видимому, о феномене двойного адресата: с одной стороны, заурядные немецкие читатели, слышавшие в лучшем случае только о центральных действующих лицах этих романов и читавшие их ради литературной занимательности, но также и в надежде расширить свой запас фактических сведений; с другой стороны — узкий круг «экспертов», хорошо знающих изображенные события и способных приурочить все действующие лица к конкретным историческим фигурам и событиям). Политическая актуальность была для этого жанра основным фактором рыночного успеха: шифрованные биографии государей и выдающихся деятелей поставлялись на литературный рынок в нужный момент, пока события еще не успели отойти в прошлое²². Коммерческий расчет сочинителя в немалой мере был ориентирован также на то, чтобы заинтересовать бюргерских читателей, особенно дам, подробностями любовно-эротической жизни феодалов (Thiel 1970: 37, 39–40).

Видимо, следуя французским образцам, Альбрехт, начиная с 1789 г., выпустил в свет целый ряд таких романов. Прусский король Фридрих Вильгельм II изображен им в романах «Троякого рода воздействия. История из мира планет» (“Dreyerley Wirkungen. Eine Geschichte aus der Planetenwelt”, в восьми томах, 1789–1792) и «Саул Второй, прозываемый Толстым, король Страны Пушек» (“Saulder Zweyte, genannt der Dicke, König von Kanonenland”, 1798), французская королева Мария-

²² Тиль замечает: «Биография ужасающего Суворова является в свет в 1800 г., после того как он своими прошлогодними победами над французами в Верхней Италии во Второй коалиционной войне произвел столь сильное впечатление на современников. Биография, стало быть, поставляется Альбрехтом на литературный рынок в нужный момент» (Thiel 1970: 29).

Антуанетта — в романе «Урания. Королева Сарданалии на планете Сириус» (“Uranie. Königin von Sardanapalien im Planeten Sirius”, 1790). Интересно, что России Альбрехт посвятил наибольшее количество таких «романов с ключом». «Пансалвиным» (1794) начинается целая серия: посвященная Екатерине II «Миранда. Королева Севера, возлюбленная Пансалвина» (“Miranda. Königin im Norden, Geliebte Pansalvins”, 1798), два романа о Павле I — «Пыль I, император Подземного Царства» (“Staub der Erste, Kayser der Unterwelt”, 1802) и вышедший двумя годами позже новый роман «Турбанс Турбандус, маленький сын великой Миранды» (“Turbans Turbandus, der großen Miranda kleiner Sohn”, 1804²³), а также роман о Суворове «Какодемон Грозный. Громовая стрела Пансалвина и Миранды, ревизор Кодекса прав человека» (“Kakodämon der Schreckliche. Pansalvins und Mirandas Donnerkeil, Revisor des Codex der Menschen-Rechte”, 1800). Романы о Потемкине и о Суворове он при этом выдает в свет также повторно, без переделок, но под другими заглавиями²⁴.

Кроме того, о политике русского двора речь идет в романах-обзорах европейской политики: «Правители животного царства» (“Die Regenten des Thierreichs”, 1792), где под прикрытием сказочных (или басенных) животных масок дается сатира на современные политические происшествия, а также в романе «Новейшие путешествия в сказочное животное царство» (“Neueste Reisen ins fabelhafte Thierreich”, 1796).

Кроме «Пансалвина», романы Альбрехта о России не были переведены на русский язык, потому и не затрагивались в русской исторической науке. В немецком литературоведении оценка «русских» романов Альбрехта несколько раз предпринималась в более общих работах о нем и в одной-единственной

²³ К. Гедеке, М. Тиль, Г. Робель, Д. Зангмайстер ошибочно утверждают, будто “Staub der Erste” был двумя годами позже переиздан в том же виде под именем “Turbans Turbandus”; на деле это даже не переработка первого, а совсем другой роман (см. Engels 1999: 678). Павел выводится также в ряде глав романа «Боги Европы во плоти» (“Europens Götter in Fleisch” (1799) под именем Паррункович/Парвункович).

²⁴ “Geheime Lebensgeschichte eines Günstlings” (на титуле: Frankfurth und Leipzig, 1795) и “Der Todten-Tanz bei Ismael. Geschichte einer Bluthochzeit, nebst dem Leben des Bräutigams” (на титуле: St. Petersburg, 1803).

специальной статье, посвященной роману о Павле «Пыль I» (Robel 1994).

У В. Граба, с которого, по сути, и началось изучение творчества Альбрехта, оценка «русских» романов крайне недифференцирована и предвзята. Судя по всему, Граб эти романы вообще не читал, сделав заключения об их содержании по известному библиографическому труду К. Гёдеке, где в скобках после выходных данных романов приводится односложная расшифровка (“Miranda” — Екатерина II, “Staub der Erste” — Павел I и т. д.), и пополнив эту информацию первыми сведениями, какие ему попались в сомнительного достоинства справочниках. Только так можно объяснить утверждения Граба вроде того, что в «Пансалвине» рисуются распутные нравы, господствующие при русском дворе, или что в романе «Пыль I» изображается «душевнобольной царь Павел» (Grab 1966: 179). К особенно курьезным заключениям приходит Граб, поверив указанию Гёдеке, будто роман под заглавием «Северная карикатура, или Жизнь и смерть северного исполина Паулоастра» (“Die nordische Karrikatur oder Leben und Tod des nordischen Riesen Pauloaster” (3 тома, 1802) тоже посвящен царствованию Павла. Поверить в это, положим, несложно, потому что к тому располагают и заглавие, и фиктивное обозначение места издания (“Moskau und St. Petersburg”). Но чрезвычайно смело, очевидным образом никогда не держав в руках этого крайне редкого издания, излагать его содержание столь развернуто и красочно, как делает Граб, утверждающий, будто Альбрехт повествует здесь о «скачкообразной, иррациональной внешней политике Павла I, который из врага Франции превратился в пламенного почитателя Наполеона Бонапарта, менял фронты, а потому был убит английскими агентами» (Grab 1997: 436). На самом деле, ни слова о Павле I (как, впрочем, и об английских агентах) в этом сочинении нет. Заглавие на титульном листе служило в данном случае только приманкой для доверчивого читателя, желающего купить еще один скандальный роман. Под новой обложкой содержалось переиздание одного неполитического, плохо разошедшегося романа Альбрехта, своеобразного «романа воспитания» в трех томах, прежде называвшегося «Адельгаупт фон Штокфиш» (1800–1801) (см. Sangmeister 2011: 463).

На то что подобные пересказы «русских» романов у Граба не соответствуют содержанию текстов, обратили внимание германисты, занимавшиеся Альбрехтом после него: М. Тиль, Г. Робель, Х.-В. Энгельс (особенно здесь следует выделить раздел о романах в диссертации Тиля). Но, к сожалению, русские источники и русский исторический материал XVIII в. остались и для названных исследователей-германистов *terra incognita*. Об этом свидетельствует уже чисто фактическая путаница, встречающаяся в их работах: так, М. Тиль думает, что под именем фельдмаршала Баста в «Пансалвине» выведен Суворов (Thiel 1970: 36, 41–42; между тем уже Гельбиг в конце XVIII в. ясно указал на Румянцева). Х.-В. Энгельс причисляет В. А. Бильбасова к ура-патриотически «ангажированным» русским историкам, не подозревая, что в тогдашней России труд Бильбасова подвергся цензурному запрету (Engels 1999: 673–674), и т. д.

Все это делает полезным настоящую статью также применительно к состоянию исследования темы в Германии. Не претендуя на то, чтобы охарактеризовать все «русские» романы Альбрехта, остановимся в этой работе подробнее на «Пансалвине».

3

Чтобы несколько ускорить дело с пересказом «Пансалвина», процитируем тот краткий реферат содержания и расшифровку действующих лиц, которые дает А. Н. Афанасьев применительно к русскому изданию:

«При самом появлении своем в свет, “Пансалвин” возбудил всеобщее любопытство и сделался предметом различных догадок и толков: причина такого внимания скрывается в содержании книги, рассказывающей под вымышленными именами историю бы-стро возвышения светлейшего князя Потемкина-Таврического и исполненной того же анекдотического интереса, каким богаты “Russische Günstlinge” (Tübingen, 1809 г.) и мемуары XVIII в. Судьба героя, его интимные, любовные связи и разные придворные интриги переданы автором в форме *нравственно-сатирического* романа; при всяком удобном случае он принимает на себя роль нравоучителя и проповедует о губительных следствиях честолюбия, жадности, завоеваний и других пороков, которые так обыкновенны в фаворитах и временщиках. В издании: Minerva, von Archenholtz, 1797 г.,

в начале помещенной здесь во 2-м томе биографии Потемкина (стр. 3) были объяснены вымышленные имена романа и обнаружен его настоящий смысл. Объяснения эти, впрочем, не совсем верны; но ошибки легко исправить при пособии современных записок и биографических статей. Пользуясь их указаниями, мы так определяем действующие лица романа: *Пансальвин* — князь Потемкин; *Графиня Маниль* — жена графа Семена Романовича Воронцова, бывшая любимой фрейлиной императрицы Екатерины; *Г-жа Шпадиль* — графиня Прасковья Александровна Брюс, урожденная графиня Румянцова; *Барон Понто* — обер-гофмейстер Иван Перфильевич Елагин; *Баронет Пикин* — Александр Семенович Васильчиков; *Граф Кервит* — князь Григорий Орлов; *Трефия* — Екатерина Николаевна Зиновьева, потом жена князя Григория Орлова; *Князь Кародо* — граф Никита Иванович Панин; *Фельдмаршал Басто* — граф Румянцов-Задунайский; *Неана* — Анна Никитишна Нарышкина. Наконец, на стр. 351 упоминается о Василие Степановиче Попове» (Афанасьев 1860: 371–372).²⁵

Поскольку значительных изменений по сравнению с оригиналом перевод не содержит (за исключением опущенного в переводе Пролога), примем эту передачу содержания за отправной пункт. Яснее следует сказать о некоторых моментах литературного построения.

«Пансалвин» — это все-таки не «нравственно-сатирический», а политический роман. Следствием этого является и обилие прямых политических рассуждений, и то, как демонстративно автор порой нарушает принятые в фикциональном произведении законы вероподобия, чтобы подчеркнуть условность вымышленных масок.

Кроме того, «Пансалвин» — это в своем роде «роман развития (воспитания)», *Bildungsroman*, рисующий историю того, как Пансалвин *постепенно* превращается в «Князя Тьмы». Здесь можно повторить то же, что говорит М. Тиль о романах Альбрехта про Фридриха Вильгельма II — «пасквилями» эти романы не являются (Thiel 1970: 140). Даже центральный характер, Пансалвин-Потемкин, изображается не только черными красками. Не будем забывать: автор этого романа — врач-просветитель, наделенный, по сути, оптимистической уверенностью в том, что в принципе все излечимо и все находится

²⁵ Ср. расшифровку Бильбасова (Bilbassoff 1897: 1, 663–664).

во власти разумного воспитания²⁶. Он повествует именно о *неправильном* варианте развития души — сохраняя уверенность в том, что все могло бы пойти и по другому, разумному пути. Особенно заметна будет эта смысловая установка в его позднейших романах о Павле. Но и в романе о Пансалвине это уже ощутимо в программных названиях главок типа «Первые шаги к сему имени» (то есть к имени Князя Тьмы), «Следующая причина к сему имени» (Albrecht 1794: 233, 240) и т. д. Повторим, никаким «злым демоном, принявшим человеческий облик» (О. И. Елисеева), Пансалвин не изображается — он изображается лишь неправильно выбравшим свой путь человеком. Ответственность за неправильное развитие характера Альбрехт возлагает на получившие неверное направление ростки честолюбия в душе главного героя. Романый герой Пансалвин не столько по-настоящему влюбляется в Миранду, сколько отчаянно шантажирует ее способность сострадания, заставляет монархиню влюбиться в себя. Однако даже после этого автор оставляет Пансалвину шанс морального исправления: в армии он встречает добродетельного военачальника по имени Баста²⁷ (Румянцев), который пытается направить таланты Пансалвина и его увеличивающееся влияние при дворе на благородные цели, пытается указать ему на то, что хороший фаворит может быть благодетелем для страны и подданных.

Противопоставление «Пансалвин — Баста» проходит и далее, почти до конца романа. Наряду с любовной парой «Миранда — Пансалвин», это противопоставление положительного и отрицательного мужского персонажа является конститутивным для романа как целого. Между пагубными внушениями Пансалвина и благими советами Басты оказывается монархиня Миранда, которая — ослепленная сначала любовью, потом недоразумением и собственным славолубием — внимает Пансалвину, а не Басте, тем самым ввергая государство в разорительную и жестокую войну (имеется в виду Вторая Турецкая война), приносит бесчисленные несчастья своим подданным и подданным соседних государств.

²⁶ См. об этом кредо Альбрехта как врача-популяризатора: Thiel 1970: 139.

²⁷ В немецком тексте имя героя звучит “Basta”, в переводе Левшина — «Басто».

В романе декларирована просветительская программа доброго, разумного правителя, отца своих подданных (или, соответственно, их матери), и показано, что получается, если монарх злоупотребляет властью или становится жертвою собственных слабостей. Идеал «отеческого правления» Альбрехт в «Пансалвине», как и в других романах, связывает с образом Фридриха Великого. Под именем Герцога выступает Фридрих в Прологе «Пансалвина» (опущен в русском переводе), который сюжетно не связан с дальнейшим действием, но дает идеальный эталон, в соизмерении с которым следует оценивать уклоняющиеся от идеала действия главных романских героев. Представления автора о том, как должен править регент в век Просвещения, ориентированы прежде всего на заботу о поддержании мира и благе страны и народа, на поощрение честно служащих людей, а также на строгий контроль по отношению как к собственным желаниям и потребностям, так и к финансовым расходам министров и прочих придворных.

В сущности, программа Альбрехта — это программа просвещенного абсолютизма, на фоне которой лишь редко и робко появляются некоторые пожелания, идущие в сторону конституционной монархии²⁸. Главная цель его критики — это не монархи и князья, а дурные министры, извращающие даже хорошие задатки монархов (Thiel 1970: 55, 140). Пансалвин как фаворит добродетельной по ее натуре Миранды тоже вписывается в образ извратителя монаршей воли.

Такова, в общих чертах, политическая программа романов Альбрехта. Однако если говорить не об идеальных ориентирах этой программы, а конкретном ее применении к изображаемой исторической действительности, нельзя не заметить, что деление действующих лиц на добродетельных и порочных в «Пансалвине» диктуется предвзятостью. В романе слышатся отголоски борьбы придворных партий. Политические противники Потемкина представлены у Альбрехта положительным образом. Это касается не только Румянцева, но и Н. И. Панина, представленного как князь Кародё, пронизательный

²⁸ Подробно о понятии «доброго правителя» у Альбрехта см.: Thiel 1970: 64–66.

государственный муж и тонкий дипломат. Вполне доброжелательным образом изображен также Григорий Орлов (граф Кёрвит). Конечно, заметен в романе и политический страх западных держав перед Россией, перед ее экспансией на Черном море. Поскольку продвижение России на юг, усиление ее влияния в соседних с Пруссией и Австрией землях связывалось с именем Потемкина, неудивительно, что он становится основной мишенью для нападок автора (см. Панченко 1999: 462–475; Лопатин 2012: 43–44).

Таковы основные содержательные моменты романа. К некоторым частностям мы еще вернемся ниже. Пока обратимся к обстоятельствам его публикации. Как уже было сказано, роман вышел анонимно. Гельбиг в своей биографии Потемкина, начавшей по частям печататься в журнале «Минерва» в 1797 г., упоминает, что роман привлек внимание Екатерины и исключительно благодаря встречающимся там и тут комплиментам характеру Миранды автор мог избежать дальнейших санкций:

«Это лицо <монархию. — Г. П.> нельзя не узнать по ходу этой истории, только характер изображен чересчур лестно. Между тем, может быть, эта лесть была причиной, что императрица, сама сие читавшая, не повелела приложить усилий к тому, чтобы открыть сочинителя» (Helbig 1797: 2, 3–4).

18 октября 1794 г. роман был запрещен в Пруссии, так как союзная российская держава выразила свое возмущение его появлением, и еще находившиеся у книгопродавцев экземпляры были конфискованы (Grab 1966: 179)²⁹. Впрочем, это не помешало предприимчивому Альбрехту через год выдать в свет переиздание «Пансалвина» под другим заглавием: «Тайная история жизни одного фаворита»³⁰ (так он иногда делал и с другими своими произведениями, не только по политическим причинам, но и просто в коммерческих целях, продавая старое произведение как новинку).

²⁹ Со ссылкой на материалы бывшего Прусского тайного государственного архива, где под литерой Q заключались акты о конфискованных книгах.

³⁰ “Geheime Lebensgeschichte eines Günstlings” (на титуле: Frankfurth und Leipzig, 1795).

Если знать о том, что первое немецкое издание «Пансалвина» было запрещено в России и Пруссии, тем более поразительным выглядит тот факт, что спустя пятнадцать лет (впрочем, в годы совсем другого, Александровского царствования) в Москве явился русский перевод романа. Альбрехт нашел в лице Василия Алексеевича Левшина (1746–1826) конгениального переводчика, пусть слово «конгениальность» звучит в данном случае чуть иронически.

Левшин едва ли мог знать какие-либо подробности об Альбрехте, вряд ли даже знал его имя. То, что автор и переводчик оказались во многом схожи, принадлежит к закономерностям социальной истории литературы. Подобно Альбрехту, Левшин тоже был представителем тривиальной литературы конца XVIII — начала XIX в. По плодовитости этот русский автор мало уступает немецкому собрату: у Левшина насчитывается более сотни сочинений, в более чем 250 томах. Он воплощает собой тот же социальный тип, что и Альбрехт: профессиональный писатель, живущий преимущественно доходами от своих сочинений и, наряду с изящной словесностью, вынужденный обращаться к жанрам, популяризирующим прикладное знание, — с той только разницей, что Альбрехт специализировался на медицинских сочинениях, а Левшин на сельскохозяйственных. Левшин переводит с немецкого как «Конский лечебник», так и Виландова «Оберона». Близки Альбрехт и Левшин и по своим мировоззренческим убеждениям. О просветительских взглядах Альбрехта, его членстве в масонской ложе и связях в «якобинских» кругах уже говорилось выше. Что касается Левшина, то он стоял близко к кружку Н. И. Новикова.

Впрочем, переводчик оказался «конгениален» автору также в смысле плохого стиля. Пестрящий ненужными галлицизмами стиль Альбрехта часто вызывал упреки рецензентов (см. Bilbassoff 1897: 1, 665). Левшин, по-видимому работавший в спешке, поначалу хоть и заботится о живости и естественности слога (особенно в начале романа), но чем далее, тем более впадает в тяжеловесный, местами крайне невнятный стиль изложения, во многом проистекающий из попытки буквально следовать немецкому словоупотреблению (причем не всегда верно

понятому). К чему это иногда приводит, достаточно демонстрирует следующий образчик галантного описания чувств:

«Ежели можно страсть назвать слабостию, была то бесспорно слабость с ея стороны, когда она непрерывно, не взирая на все доводы, отчасу более к нему прилеплялась, не помышляя о том, что сии прилепления напоследок возьмут над нею поверхность» (Альбрехт 1809: 259)³¹.

Кроме безнадежной устарелости стиля (к 1809 г.!) встречаются местами и ошибки по недостаточному знанию языка или в результате спешки и небрежности.

Но все приведенные рассуждения несколько забегают вперед, потому что на титуле русского издания переводчик не был обозначен, как не был обозначен и автор. В архиве Министерства народного просвещения сохранилось целое дело «по отношению Г. Министра Народного Просвещения об уведомлении, кем издана книга под заглавием: *Князь тьмы*»³². Краткая справка о содержании дела находится в опубликованном вскоре после Октябрьской революции описании этого архивного фонда (МНП 1921: 119–120), но оригинальное звучание документов настолько любопытно, что стоит остановиться на этом эпизоде подробнее.

21 декабря 1809 г. министр народного просвещения граф Петр Васильевич Завадовский обращается к попечителю Московского университета, графу Разумовскому, со следующим письмом:

«Милостивый Государь мой Граф Алексей Кирилович!
в нынешнем году напечатана в типографии Московского Универ. книга: *Пансалвин или Князь тьмы*, нетерпимое издание по себе, а еще и более тем всех крайне удивляет, что Московского Университета цензурный Комитет пропустил такое дерзкое и нелепое сочинение. Я прошу ваше Сиятельство взять ответ от цензоров, одоббивших

³¹ В оригинале окончание пассажа: "...daß sie ununterbrochen, trotz allen Beweisen seiner weiten Eingriffe, an ihm hieng, und nie daran dachte, diese Eingriffe könnten auch zuletzt gegen sie überhand nehmen" (Albrecht 1794: 240).

³² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 118. № 138 (Дело о вынесении выговора доктору философии Н. Ф. Кошанскому, одобвившему к печати сочинение «Пансалвин, или Князь тьмы», изданное В. А. Левшиным). В дальнейшем указания на шифры дел, хранящихся в РГИА, даются в скобках в тексте статьи.

непристойное к напечатанию, следственно и несоблювших в строгом разсматривании своей должности, и уведомить меня, кем именно оно издано³³.

Имею честь быть с совершенным почтением
Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою
Подписал Г. Князь Завадовский».

7 января 1810 г. следует ответ Разумовского:

«Милостивой Государь мой
Граф Петр Васильевич!

По отношению Вашего Сиятельства от 21го числа истекшего Декабря, при сем имею честь препроводить ответ, взятый с Доктора философии Кошанского, одобрившего к напечатанию книгу *Пансальвин или Князь тьмы*, и уведомить, что по справке с Университетскою Типографиею найден издателем оныя Коллежский Советник, Кавалер и разных ученых обществ член Василий Левшин. Имею честь быть с истинным почтением и преданностию

Милостивой Государь мой!
Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Г. Алексей Разумовский».

Попытка Разумовского притушить гнев министра ссылками на ученые заслуги Левшина едва ли могла иметь успех. Напротив, раскрывшаяся принадлежность книги именно Левшину должна была изрядно разгневать Завадовского, а именно, по следующим обстоятельствам, которые Разумовскому в Москве не были известны.

Дело в том, что в марте предшествующего года, 1808-го, Завадовскому как министру народного просвещения уже была препровождена из Санкт-Петербургского цензурного комитета на его личное рассмотрение рукопись другого сочинения Левшина: «Жизнь, характер, военные и политические деяния Российского Генерал-Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического с приобщением его домашней жизни, анекдотов, достоверного описания его побед и всех достопамятных происшествий, случившихся в течение его жизни до самой кончины», в двух частях³⁴. Как сообщается

³³ Зачеркнуто: ...и кто есть издатель или сочинитель сей книги.

³⁴ См. краткую информацию о соответствующем цензурном деле: (МНП 1921: 14, 101). Сегодняшние обозначения и шифры указанных документов:

в журнале заседаний Петербургского цензурного комитета за 1808 год, на заседании 21 февраля комитет, по представлению цензора Г. М. Яценкова, вынужден был констатировать, что, хотя было употреблено «все возможное внимание, чтобы выбросить из оной <рукописи. — Г. П.> места предосудительные, противные правилам устава и цензуры, однако для большей осторожности <комитет. — Г. П.> определил: представить оную рукопись на суд начальства и в силу 14 пункта Устава испросить решения, можно ли оную одобрить к напечатанию или нет?» (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 3. Л. 29 об.–30). Завадовский, ознакомившись с рукописью, распорядился в письме к председателю Петербургского цензурного комитета Н. Н. Новосильцеву от 28 марта 1808 г.:

«...не хотел занять Главное училищ правление лишним трудом, я сам прочел доставленную ко мне рукопись под заглавием: Жизнь, характер, военные и политические деяния российского генерал-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврического. Я помню дела того времени, и обращался в них. Князь Потемкин был действующее орудие на знаменитые происшествия, а сочинитель, по-видимому не зная близко ни характера, ни его дарований, из своего воображения кидает злоречие на лицо усопшего и столь знаменитого мужа. И сего единого было бы довольно, чтобы не дозволять печатать таковое сочинение; но как еще в оном неприлично рассеяны неуважительные выражения в отношении к самой императрице Екатерине II, то предпишите комитету сию рукопись удержать» (Сухомлинов 1889: 10)³⁵.

Для Завадовского при запрещении книги сыграла роль, очевидным образом, еще одна причина, не названная им в приведенном письме: в рукописи «неуважительно» говорилось не только о Потемкине и Екатерине, но и о самом Завадовском, причем в очень деликатном вопросе: речь шла о месте его как фаворита императрицы, сменившего в этой роли Потемкина в 1776 г. На это обстоятельство косвенно указал уже первый публикатор письма Завадовского, М. И. Сухомлинов, отмечавший:

Ежемесячные ведомости книг, рукописей, сочинений, рассмотренных Петербургским цензурным комитетом, 6 января 1805 — 1 апреля 1811 (РГИА. Ф. 733. Оп. 118. № 403); Дело о запрещении печатать сочинение «Жизнь, характер, военные и политические деяния российского генерал-фельдмаршала кн. Г. А. Потемкина-Таврического», 14–28 марта 1808 (РГИА. Ф. 733. Оп. 118. № 111).

³⁵ Письмо воспроизведено также: Скабичевский 1892: 110–111. Краткую справку о содержании архивного дела см.: МНП 1921: 101.

«Несколько черт для биографии Завадовского рассеяно в записках современников, как, например, в рукописной биографии Потемкина, не допущенной к печати самим Завадовским» (Сухомлинов 1889: 10)³⁶.

Как видно из этого замечания, Сухомлинов читал рукопись, удержанную Петербургским цензурным комитетом и так и не явившуюся в печати. В делах Петербургского цензурного комитета, сегодня хранящихся в Российском государственном историческом архиве, мне эту рукопись обнаружить не удалось. Имеются свидетельства, заставляющие полагать, что в рукописных копиях это сочинение было известно некоторым современникам и позднейшим историкам и что оно являлось компиляцией, выполненной на основе немецкой биографии Потемкина, вышедшей из-под пера уже упоминавшегося саксонского дипломата Гельбига. Вероятно, копией этой самой рукописи, представленной Левшиным в Петербургский цензурный комитет, была и так называемая «Погодинская рукопись» (тоже под заглавием «Жизнь Потемкина»). Копию с этой последней обнаружил сравнительно недавно В. С. Лопатин, к сожалению не назвавший в своей монографии место хранения найденного документа (см. Лопатин 2012: 173–190). Как указывает Лопатин, эта рукопись является переводом статей Гельбига из «Минервы», однако с добавлениями, предпринятыми русским переводчиком; как дата завершения работы над биографией (т. е. над русским переводом, а не оригинальным трудом!) в рукописи указан 1807 год. Лопатин предполагает, что переводчиком и тут выступил Левшин³⁷. По-видимому, это

³⁶ Определеннее выражается А. М. Скабичевский, отмечающий: Завадовского рукописное сочинение о «Жизни Потемкина» заинтересовало «тем более, что в нем встречались кое-какие черты из его собственной жизни» (Скабичевский 1892: 110).

³⁷ По замечанию Лопатина, переводчик существенно переработал текст, дополнив его. Это вполне согласуется с практикой Левшина как плодovitого компилятора, слегка менявшего чужие тексты. В эти годы Левшин, очевидно рассчитывая на хороший спрос в публике, энергично работает над компилятивными биографиями полководцев: Жизнь и деяния славного английского вице-адмирала <...> Горация лорда Висконта Нельсона (СПб., 1807. Ч. 1–2); Жизнь, анекдоты, военные и политические деяния российского генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева... (СПб., 1808); Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича Князя Итальянского, Графа

так и было. По крайней мере, дата окончания русского перевода в 1807 г. идеально согласуется с тем обстоятельством, что та рукопись Левшина, о какой мы говорили выше, в начале 1808 г. уже находится на рассмотрении в Петербургском цензурном комитете.

К сожалению, не имея возможности ознакомиться с текстом рукописи, трудно говорить о ее содержании. Но, учитывая указание Сухомлинова, приходится заключить, что в русском переводе-компиляции Левшина с большей или меньшей степенью полноты присутствовало то изложение обстоятельств фавора Завадовского, какое дает Гельбиг в статьях 1797–1800 гг. в «Минерве» (и какое перешло в книжное издание его труда 1804 г.). Это изложение событий, имевших место тридцать с лишним лет назад, даже и постаревшему министру народного просвещения не могло понравиться.

То, что роман Екатерины с Завадовским (в то время молодым красавцем-малороссом, секретарем Румянцева) ознаменовал первый (и возможно, самый серьезный) кризис в отношениях Екатерины и Потемкина, не ставится под сомнение и сегодняшними историками, хотя видят они эти события несколько по-разному: в изложении О. И. Елисейевой этот эпизод выглядит настоящей семейной драмой (Елисейева 2005: 191–193), в изложении В. С. Лопатина — сравнительно быстро преодоленным кризисом (Лопатин 2012: 367–368). Большой личной вражды

Суворова-Рымникского, в коих изображается истинный дух и характер сего ироя, с присовокуплением Вахт-Парада, или Науки Побезждать, сочиненной сим непобедимым полководцем. (М., 1809). Он же, согласно библиографии в его некрологе (Северная пчела 1826: 4), перевел и другую биографию Потемкина, по Ж. Э. де Серенвиль и Л. М. Ф. Траншану де Лаверну, «Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического» (СПб., 1811. Ч. 1–2; см. сноску 8). Интересно довольно двусмысленное упоминание Левшина о Потемкине в «Предупреждении» к компиляции о Суворове: «Я издам за сим вскоре критическое обозрение жизни Князя Потемкина-Таврического, мужа, коего имя в свое время было толико знаменито, и который единым счастьем своим и предприимчивостию вознесся до высокого степени. Сей современник Князя Суворова изобразится мною со всеми своими талантами и великими страстями, дабы читатели могли удобнее вывести заключение, кто из них по истине был муж великий: и непобедимый Суворов не был ли некоторым орудием воинской славы, сопровождавшей память Князя Потемкина-Таврического?» (Левшин 1809: II–III).

к Потемкину теперь, после стольких лет, министр народного просвещения не испытывал — об этом свидетельствует его приведенное выше письмо Новосильцеву (как, впрочем, и некоторые свидетельства, относящиеся еще ко времени жизни Потемкина)³⁸. Дело заключалось в другом: изложение событий в переведенном Левшиным сочинении оскорбительно задевало мужское самолюбие Завадовского. Гельбиг утверждал, что Потемкин-де сам приискал сменщика, который бы заместил его в опочивальне Екатерины (Helbig 1797: 3, 119–123). Пусть это было даже верно для большинства последующих фаворитов, но именно в случае с Завадовским это было по существу не так, как доказывает переписка Потемкина с Екатериной 1776 г. (Лопатин 1997: 523–525; Лопатин 2012: 31, 367). К тому же Завадовский — в оригинальном тексте Гельбига названный по имени, в русском переводе едва ли — был представлен как фигура заведомо незначительная, как человек «несамостоятельного характера», «всегда бывший орудием в руках других» (Helbig 1797: 3, 121). Учитывая это, можно себе вообразить, как мало должна была понравиться министру Завадовскому представленная ему на рассмотрение рукопись. И можно понять его возмущение, когда на другой год тот же Левшин опубликовал таки непочтительное сочинение о Потемкине и Екатерине (хоть сам Завадовский в «Пансалвине» и не упоминался).

Раздражение министра было, по-видимому, лишь усугублено и письменным объяснением цензора Н. Ф. Кошанского: «о читанной и одобренной им книге: Пансалвин». Копия этого документа, снятая секретарем Михайло Снегиревым и заверенная «старшим письмоводителем Михайло Каченовским», содержится в упомянутом цензурном деле 1809–1810 г. Кошанский защищается следующим образом:

«В силу § 21 Устава о Ценсуре запрещается *всякое пристрастное толкование сочинений, или мест, которые, по каким-либо мнимым причинам, кажутся подлежащими запрещению, и повелевается толковать оныя выгоднейшим для сочинителя образом*». Следственно я,

³⁸ Завадовский писал С. Р. Воронцову о Потемкине в 1788 г.: «Нерадение его, при жажде властвования, в отношении дел суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство, и сия добродетель в нем с излишеством. Все стоячее он валит, а лежачее подымает; врагам отнюдь не мстителен» (Архив Воронцова 1877: 61).

в должности Цензора, не мог и не должен был толковать не ясных и не связных произшествий и гиероглифических имен, так как другие, для особенных видов, дерзко их изъясняют; впрочем естлиб и толковал, то с одной стороны под вымышленным именем всякой может разуместь больше или меньше особ, смотря по воле своей и намерению; с другой стороны, цензор не в силах постигнуть всех тайных помышлений Автора. Но как по силе § 15 в сей книге нет ничего противного ни Религии, ни Правительству, ни личности, то я не мог не одобрить оной к напечатанию; иначе это было бы насилие чужой собственности, между тем как сим же уставом всемилостивейше повелевается облегчать и ускорять печатание книг в любезнейшем отечестве нашем. На подлинном подписано: Николай Кошанский» (РГИА. Ф. 733. Оп. 118. № 138. Л. 3–3об.).

Стратегия оправдания Кошанского достаточно любопытна. Здесь говорит явным образом не тупоумный цензор, действительно не догадывающийся о подоплеке изображенных в романе событий, но некто, кто только разыгрывает незнание и непонимание, вопреки отчетливому сознанию того, о чем на самом деле идет речь. В заключительном абзаце «объяснительной записки» даже эта легкая маска непонимания фактически отбрасывается за ненужностью — вместо того здесь высказывается уверенность в либеральном смысле реформ и цензурного устава, принятого в первое время царствования Александра, звучит просветительская гордость свободой книгопечатания в «любезнейшем отечестве». Прямая оценка книги, как по сути не содержащей в себе «ничего противного ни Религии, ни Правительству», интересна и сегодня на фоне споров о степени «якобинства» автора³⁹. Хочется согласиться с Кошанским: никаким «якобинцем» Альбрехт не был, во всяком случае — не как автор «Пансалвина».

Завадовский счел себя обязанным доложить о деле с «Пансалвиным» самому государю. На последнем листе дела значится: «Сие отношение Государю Императору было представлено Г-м Министром Генваря 8 дня 1810 г., но Повеления никакого не объявлено». Как в точности отреагировал Александр I на

³⁹ Репутацию «якобинца» создал Альбрехту В. Граб (Grab 1966: 177–184 u. passim); против этой точки зрения первым возразил М. Тиль, отметивший, что дальше конституционной монархии политические стремления Альбрехта не простирались (Thiel 1970: 72 u. passim). Ср. также: Robel 1994: 223.

доклад Завадовского — неизвестно. Об этом остается только догадываться. Во всяком случае, никаких дальнейших взысканий не последовало. Напротив, Кошанский, как известно, был через небольшое время назначен профессором Царскосельского лицея, и Левшин тоже продолжал пользоваться монаршими милостями — он несколько раз получал бриллиантовые перстни в награду за свои ученые труды (Северная пчела 1826: 3). Император то ли счел дело маловажным, то ли, подобно Кошанскому, не усмотрел в романе ничего крамольного. Сыграла тут, по-видимому, свою роль и неприязнь Александра к Потемкину. Что же касается отношения Александра (первых лет его царствования) к П. В. Завадовскому, то существует любопытное свидетельство современника:

«Когда Лагарп (воспитатель Александра) высказал сожаление по поводу того, что министром просвещения назначен человек столь реакционных взглядов, как граф Завадовский, Александр ответил следующей запиской: “Всем управляет Совет, состоящий из Муравьева, Клингера, Чарторыжского и других, нет бумаги, которая не была бы ими обработана, нет человека, назначенного не ими. Частые сношения мои в особенности с двумя последними мешают министру ставить какие-либо преграды добру, которое мы стараемся делать”» (Шилдер 1897: 96).

Итак, хотя для главных «провинившихся», Левшина и Кошанского, дело обошлось без последствий, скандал был достаточно громким, и о неудовольствии министра народного просвещения стало известно в обществе.

5

Поскольку в 1809 г., при выходе русского «Пансалвина» в свет, журнальные или газетные рецензии как жанр еще не успели как следует прижиться в русской периодике, печатных отзывов о книге не появилось (или мне они неизвестны). Историк царствования Екатерины II В. А. Бильбасов писал в 1890-х годах, что русский перевод вышел — «и был скоро забыт» (Bilbassoff 1897: 1, 669). Это не вполне так. Пусть на страницах исторических сочинений он не оставил большого следа (да и рассматривать его как исторический источник, по констатации самого же Бильбасова, не стоит), однако это издание пользовалось большим спросом и популярностью

в частных библиотеках, причем часто на форзаце или на внутренней крышке переплета владельцы вносили свои замечания об антипотемкинской направленности романа или пометы, касающиеся расшифровки имен действующих лиц⁴⁰.

Самая ранняя из известных мне помет находится в экземпляре русского «Пансальвина» из библиотеки семьи Дмитриевых в Научной библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова⁴¹. М. А. Дмитриев записывает на верхнем форзаце книги, по-видимому, перешедшей к нему от дяди, И. И. Дмитриева:

«Книга очень редкая, потому что вскоре по выходе была запрещена. Под именем Пансальвина разумеется в ней Князь Потемкин; а под именем Миранды — Императрица Екатерина. Ее перевел с немецкого известный издатель хозяйственных книг, Василий Левшин, из мщения к памяти Потемкина, которым был когда-то обижен».

Эта запись свидетельствует, что книга вызвала разговоры и что принадлежность перевода Левшину была известна достаточно широко. Вероятно, Михаил Дмитриев основывается в этом сообщении на каком-либо устном анекдоте, слышанном им от дяди. Остается неизвестным, действительно ли у Левшина были личные поводы мстить памяти князя или «обида» его была вызвана тем, что Потемкин восстановил мнение Екатерины против московского кружка Новикова, к которому принадлежал также Левшин⁴².

⁴⁰ Систематическое обследование сохранившихся экземпляров романа представляло бы большой интерес. По обстоятельствам, я должна была ограничиться экземплярами из библиотек Санкт-Петербурга (Российская национальная библиотека, Библиотека Академии наук, Библиотека Пушкинского Дома, Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета). За сообщение о том, что карандашные подчеркивания и астериски имеются также в одном из экземпляров «Пансальвина», принадлежащих Российской Государственной Библиотеке (инв. номер: МКIV-33548), сердечно благодарю Ирину Леонидовну Карпову (Отдел редкой книги РГБ).

⁴¹ Шифр: Дмитр./8934, инвентарный номер: Дм. 9078. Приношу искреннюю благодарность заведующей отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Ирине Леонидовне Великодной, предоставившей информацию об экземпляре Дмитриевых для организующей Университетом Киль (Германия) выставки к 200-летию со дня смерти Альбрехта.

⁴² Г. В. Вернадский (впрочем, не зная приведенного автографа М. Дмитриева) объяснял дело следующим образом: «Конечно, не случай или необъяснимая

То, что переводчиком «Пансалвина» был Левшин, было указано и в его некрологии (Северная пчела 1826: 4). Из книгопродавцев-библиографов первым указал на то, что перевод принадлежит некоему «В. Л.», еще В. С. Сопиков в 1816 г. (Сопиков 1905: Ч. 4, 81, № 8073). Между прочим, ссылкой на каталог Сопикова снабжен один из наиболее щедро исписанных экземпляров «Пансалвина» в Библиотеке Академии наук. Неустановленный владелец вклеивает в книгу, кроме того, рукописное «Обозрение или Содержание книги», составленное им самим и занимающее несколько страниц⁴³. Другой экземпляр БАН несет лаконичные указания на номера по каталогам Сопикова и Смирдина⁴⁴.

В то же время сколько-нибудь широко сведения о переводчике, как и об авторе «Пансалвина», не распространяются. «... Фамилии сочинителя и переводчика нам неизвестны», — констатирует автор первой (и насколько мне известно, единственной) статьи о романе Альбрехта в русской печати (Афанасьев 1860: 371). Фрагменты из этого очерка А. Н. Афанасьева уже цитировались выше. Приведем также его общую оценку романа:

«Характер Пансалвина изображен в резких, но непривлекательных чертах. Название: *Князь Тьмы* намекает не только на действительную фамилию героя; в намерение автора входило указать

для Левшина личная ненависть заставили его — много лет спустя после смерти Потемкина — бросить камень на потревоженную еще Павлом I могилу. Левшин был лишь выразителем чувств, общих всему Новиковскому кружку; ненависть членов кружка к Потемкину была не личная, а партийная: ненависть гонимых к своему преследователю» (Вернадский 1917: 237).

⁴³ БАН, шифр: 17485g. В общей сложности в отделе редких книг БАН хранится восемь экземпляров русского «Пансалвина» (из владельческих библиотек М. М. и М. А. Кантакузиных, А. А. Куника, Ф. Н. Панова, Тюменевых, И. Гуляева, М. П. и Н. М. Петровских, а также два экземпляра неустановленного происхождения) и один экземпляр оригинального немецкого издания (из собрания А. А. Куника). — Пользуюсь случаем, чтобы выразить сердечную признательность сотруднику БАН Елене Викторовне Лудиловой, оказавшей мне разностороннюю поддержку в библиографических разысканиях.

⁴⁴ БАН, 17484g (ср.: Смирдин 1828: Ч. 4, 655, № 9160). Более поздняя помета в еще одном экземпляре, принадлежавшем М. М. Кантакузину, указывает на справочник Г. Н. Геннади (БАН, 17486g). Ссылками на указатели Сопикова, Плавильщикова и Геннади снабжен экземпляр Российской национальной библиотеки (шифр: 330/70a).

чрез то на темные стороны его политической деятельности и на демонические силы его гордой и властолюбивой души. В этом взгляде заметна односторонность, но много и справедливого. Если, после должной критической оценки, история и воздаст хвалу замыслам и государственным планам Потемкина, то нет сомнения, что личному характеру фаворита, его своенравию, расточительности и капризам деспотизма произнесет она строгий приговор» (Афанасьев 1860: 371).

Сведения из статьи Афанасьева в общих чертах повторяет и М. И. Пыляев, говоря об усадьбе Потемкина в книге «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга». Как и Афанасьев, он признает за «Пансалвиным» большой анекдотический интерес (Пыляев 1889: 90).

В 1876 г., с учетом уже установленного в немецких публикациях авторства Альбрехта, следующую справку о «Пансалвине» дает библиограф Я. Ф. Березин-Ширяев:

«Это сочинение, написанное на немецком языке актером Альбрехтом, было напечатано в Германии в 1794 г., под заглавием: Pansalvin, Fürst der Finsternis und seine Geliebte. На русский язык оно переведено Василием Левшиным, но напечатано без имени переводчика <...> Эта книга, содержащая в себе пасквиль на Потемкина и других лиц, написана актером Альбрехтом, как говорят, в угождение Графу Пллатону Зубову и другим тогдашним временщикам, завистникам и врагам Потемкина. Несмотря на сказочное и нелепое содержание книги, она имела большой успех как за границу, так и в России и продавалась сначала по 10 руб. ассигн., но впоследствии, когда была запрещена и сделалась редкою, любители платили за нее по 50-ти руб. ассигн. и более» (Березин-Ширяев 1876: 176–177).

После появления статей Афанасьева и Пыляева, а также справочника Березина-Ширяева библиофилы усердно переписывают расшифровки исторических прототипов в свои экземпляры «Пансалвина», как доказывают это книжные собрания петербургских библиотек⁴⁵.

⁴⁵ Помета в экземпляре БАН неустановленного происхождения восходит к справочнику Я. Ф. Березина-Ширяева (БАН, 17482г). Ссылка на статью Афанасьева имеется в экземпляре Российской национальной библиотеки (РНБ, 330/70а). В экземпляр, принадлежавший историку К. Н. Бестужеву-Рюмину (ныне в Научной библиотеке Санкт-Петербургского университета; шифр: Е I 5214), вклеена статья Пыляева из фельетона газеты «Новое время» (дата не установлена), повторяющая указанный фрагмент из книги «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга».

Иную реакцию вызывает «Пансалвин» среди тех, кто всерьез занимается биографией Потемкина. В очерке А. Н. Самойлова, написанном еще в 1812–1813 гг., хотя опубликованном гораздо позже, говорится:

«...вопреки справедливости и благомыслию, по кончине сего великого мужа, появились о нем истории, от издателей отечественных и иностранных, из которых не было ни одной верной: все сии биографы не вникали в существо истины, а может быть не имели и источников, откуда оную почерпнуть; но, следуя преданиям, рассказам и злословию, рассеянному от врагов и завистников князя Потемкина, описывали жизнь его неверно и оскорбительно <Далее текст в примечании. — Г. П.>. Некто (думать должно, что *наемный писакса*) сочинил пасквиль под заглавием *Князь Тьмы*; сие по слогу, по нелепости и по глупостям презрительное и нетерпимое нигде сочинение было напечатано» (Самойлов 1867: 582–583)⁴⁶.

В несколько более сдержанном тоне вторит ему С. Н. Глинка:

«В Германии была издана книга, под заглавием “Князь тьмы”. Потемкин не был ни князем тьмы, ни ангелом света духовного мира; он был сыном России и трудился, и работал не для своего тщеславия, как будто отчужденный от самого себя. Сочинитель упомянутой книги укоряет Потемкина в расхищении достояния нашего отечества; это ложь. Потемкин не грабил достояние народа, подобно Меншикову, Бирону и другим временщикам. Он сыпал за границу червонцы тогда, когда надобно было золотом выкупить неприятельские и тайные замыслы против России: “Деньги — сор, говорил он, — а люди — все”. Сочинитель книги укоряет его и честолюбием. Требовать, чтобы человек, упоенный властью, не был бы честолюбцем, не делал, как корабль, гонимый ветром по волнам, — невозможно» (Глинка 2004: 18).

Из историков-позитивистов конца XIX в. интерес к «Пансалвину» проявляет В. А. Бильбасов, который уделяет ему несколько страниц в своем грандиозном по объему своде иностранных печатных отзывов о царствовании Екатерины (Bilbassoff 1897: 1, 663–669). В продолжении этого труда Бильбасов говорит и о другом романе Альбрехта — «Миранда» (Bilbassoff 1897: 2, 51–54). При том что об обеих этих книгах Бильбасов замечает много справедливого, самостоятельным объектом интереса они для него не являются, а другие романы Альбрехта

⁴⁶ Об этой биографии см.: (Лопатин 2012: 58–73).

на темы русской истории ему, видимо, остались и вовсе незнакомы. Уже поэтому изложение Бильбасова не всегда точно. Так, он полагает, будто «Миранда» не могла быть написана тем же автором, что и «Пансалвин», — на том основании, что некоторые исторические лица в «Миранде» зашифрованы под другими именами, чем было это в «Пансалвине» (в том числе сам Потемкин, который выступает в новом романе под именем Повульцко). Между тем, это часто встречающаяся практика в романах Альбрехта (так, в его «пруссских» романах Фридрих Вильгельм II тоже выступает под разными именами). Впрочем, по Бильбасову, получается, что сочинителем «Миранды» тоже был некто Альбрехт, однако другой Альбрехт, не тот, который написал «Пансалвина». Говоря о «Пансалвине», он ссылается на труд К. Блюма о графе Сиверсе, где со ссылкой на «тайного советника Бека»⁴⁷ справедливо говорится, что автором романа был «доктор Альбрехт в Лейпциге или Эрфурте» (Bilbassoff 1897: 1, 663). Дойдя в своем изложении до «Миранды», он в конце заметки сообщает:

«Петербургский купец Вульферт, большой библиофил, уверял, что сочинитель романа был актером Санкт-Петербургской немецкой труппы, некто господин Альбрехт, которого он знал лично» (Bilbassoff 1897: 2, 54).

Как соотносится этот Альбрехт, живший в Петербурге, с упомянутым выше «доктором Альбрехтом в Лейпциге или Эрфурте», остается неясным. Обнаружить купца-библиофила Вульферта в печатных источниках пока не удалось⁴⁸. Слова Бильбасова заставляют предположить, скорее, ссылку на устное сообщение — но в какое время сделанное? Уже сами даты наводят на мысль о какой-то путанице: потому что странно, что работая над своим исследованием в 1880–1890-х годах, Бильбасов мог ссылаться на сравнительно недавнего очевидца, знавшего лично автора книги, вышедшей в 1798 г.

⁴⁷ Т. е. Христиана Андреевича Бека (1768–1853), дешифровщика при Коллегии иностранных дел; впрочем, Бек был личностью интересной и в историко-литературном плане, так как поддерживал отношения со многими известными немецкими писателями своего времени.

⁴⁸ Может быть, речь идет о Фридрихе Вульферте (1784–1863), купце, жившем в Петербурге, которого упоминает Б. Попов в генеалогическом разыскании «Кто мы?» (<http://www.proza.ru/2008/01/04/556>).

Чуть больше ясности вносят в дело записи академика А. А. Куника в его экземплярах «Пансалвина», который в его книжном собрании, сохранившемся в БАН, представлен и по-русски, и по-немецки. В немецком издании на обороте верхнего форзаца надписано: «Согласно Вульфберту, сочинителем был актер Арнольд [sic!]. О том же идет речь, если не ошибаюсь, в “Минерве” 90-х годов» (оригинал по-немецки). Подробнее запись в русском издании, к сожалению тоже не датированная:

«Нем. подлинник — сочинение Альбрехта (актера) (Ernst A. † 1816).

По словам Ф. Вульфберта и по другим соображениям.

Недостает гравированного рисунка, на котором изображены Потемкин и Екатерина II⁴⁹.

“Verfasser der Lauretta Pisana”. Жена Альбрехта имела некоторое влияние на Шиллера».

Хронологически локализовать запись (вернее, определить границу, не ранее которой она возникла) помогает имеющееся тут же указание на 2-й и 3-й тома «Записок Одесского общества истории и древностей», вышедших в свет соответственно в 1848 и 1853 г. Поскольку Куник не упоминает ни статью А. Афанасьева 1860 г., ни статью или книгу Пыляева, а из библиографических указателей ссылается только на Смирдина (1828), можно предположить, что свою запись он сделал сравнительно рано, между 1853 и началом 1860-х гг. Тогда ссылка на купца Вульфберта как очевидца подвигается ближе к середине XIX в. и не выглядит столь странной, как у Бильбасова. Не является ли позднейшее сообщение Бильбасова результатом общения с Куником? Действительно ли Вульферт утверждал, что сочинитель «Пансалвина» и/или «Миранды» был актером петербургской немецкой труппы? Ответить на эти вопросы вряд ли когда-либо удастся.

По крайней мере, думать, что сообщение об Альбрехте как петербургском актере может быть результатом путаницы, позволяют бумаги Дирекции императорских театров, которые подтверждают, что актер, вернее, режиссер петербургской немецкой труппы Альбрехт действительно существовал. Только он не имеет, по-видимому, ни малейшего отношения

⁴⁹ Имеется в виду гравюра в оригинальном немецком издании «Пансалвина».

к интересующему нас Альбрехту. В хранящихся в РГИА делах Дирекции Императорских театров об актерах немецкой труппы имеется помеченное 10–11 августа 1811 г. дело об увольнении от службы губернского секретаря Алексея Альбрехта, с надлежащим аттестатом (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. № 594). Этому предшествовали долгие препирательства между Дирекцией театров и канцелярией князя А. Л. Нарышкина по поводу уместности сокращений в немецкой театральной труппе. Как можно почерпнуть из этих бумаг, Алексей Альбрехт выполнял в труппе обязанности режиссера, одновременно занимаясь «перепиской ролей и смотрением за библиотекой» (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. № 550). С его увольнением эти обязанности были распределены между другими членами труппы. В аттестате, выданном Альбрехту 11 августа, значится, что он в 1803–1806 гг. был кадетом в Военно-Сиротском доме, а по выходе из него поступил на службу в Дирекцию императорских театров. Таким образом, к нашему Альбрехту, писателю и доктору, этот «петербургский» Альбрехт отношения не имеет. Между прочим, в архивном фонде Дирекции театров сохранились и многочисленные дела о взыскании денег разными купцами с актеров, которые задолжали им большие или маленькие суммы, в том числе дело «О взыскании денег купцом Дерюковым с г. Альбрехта» (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. № 450). Не при подобных ли обстоятельствах познакомился с петербургским актером и купец Вульферт? а позже, услышав откуда-то, что немецкий театральный писатель Альбрехт был сочинителем романов про Потемкина и Екатерину, счел, что это его петербургский знакомец?

Вопросов, как видим, больше, чем ответов. Так или иначе, брошенное у Бильбасова скорее мимоходом замечание об Альбрехте-актере способствовало тому, что в позднейших русских справочных изданиях И. Ф. Э. Альбрехт характеризуется именно как «немецкий актер»⁵⁰, — в то время как в действительности о его выходах на сцену (если они вообще были) сведений не сохранилось. Возможно, он и выходил в Альтоне на подмостки, но по-настоящему он был не актером, а театральным директором и драматическим писателем.

⁵⁰ См., например: (Венгеров 1897: 206 (№ 1866); Сводный каталог 2000: 40).

Легендой о том, что Альбрехт был проживавшим в Петербурге немецким актером, далеко не исчерпываются толки и слухи, эпизодически начинавшие ходить вокруг «Пансалвина». Еще об одной любопытной легенде рассказывают владельческие записи в экземпляре русского издания 1809 г., хранящемся в составе книжного собрания М. Н. Лонгинова в Пушкинском Доме⁵¹. Лонгинов педантично переносит на внутреннюю крышку переплета и оба форзаца «Пансалвина» расшифровку действующих лиц по статье Афанасьева 1860 г., а также сведения из неустановленного немецкого библиографического указателя. (по-видимому, тот же каталог Шмидта, на который ссылался Афанасьев). В отличие от Афанасьева, он указывает на предположительную принадлежность перевода Левшину (руководствуясь инициалами «В. Л.» в справочнике Сопикова), но авторство Альбрехта ему еще тоже неизвестно. Приводит Лонгинов также содержание следующего романа «русской» серии Альбрехта, «Миранды», с подробными библиографическими данными, заимствованными, по-видимому, тоже из немецкого каталога, и со своей расшифровкой действующих лиц. Здесь он сначала неправильно расшифровывает имя романного фаворита «Повульцко» как «Князь П. А. Зубов». Затем исправляет на «Потемкин», а главное, делает приписку: «На странице 382ой Миранды Екатерина явно обвиняется в отравлении Потемкина». Особенный интерес заключается в следующем прибавлении, помеченном 15 ноября 1863 г.⁵²:

«В лавке Матюшина⁵³ встретил я раз старика, бывшего книгопродавца, который уверял меня, что *вторая часть Пансалвина*

⁵¹ Инициалы «П. Б.» на титуле, как и помета «№ 1» на форзаце, сделаны раньше всего прочего и обозначают прежнего владельца.

⁵² Цифра «6» в 1863 крайне неразборчива; в результате описки больше напоминает «8», но 1883 г. запись датирована быть не могла, так как М. Н. Лонгинов умер в 1875 г. За сверку почерка Лонгинова выражаю сердечную благодарность Татьяне Владимировне Мисникевич (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом).

⁵³ Перед началом фразы имеется вставленное (видимо, сразу по написанию) уточнение времени встречи: «1845–1850». О лавке Матюшина, находившейся на Садовой линии Апраксина двора в Петербурге и сгоревшей в 1862 г., ср. между прочим следующий взволнованный некролог в статье А. У. Порецкого «Наши домашние дела. Современные заметки» в журнале Достоевских «Время» (1862. № 6. Июнь). Автор, описывая «впечатления, произведенные на Петербург пожарами», замечает: «А знаете ли, что между прочим погибло 28 мая вместе

была напечатана на русском языке, что он сам относил 600 экземпляров этой книги к переплетчику от своего хозяина и что потом ее запретили. — Я тогда не знал, что существует Миранда, а знал, что Пансальвин в подлиннике состоит из одного только тома, почему и считал этот рассказ ошибочным. Теперь же, узнав о существовании и содержании Миранды, *верю* в рассказ старика, поясняя его тем, что Миранда была напечатана, запрещена, отобрана и уничтожена целиком».

Повышенный интерес к «Пансалвину» далеко не случаен для Лонгинова, бывшему не только библиофилу-собирателем, но и исследователем кружка просветителей-мартинистов вокруг Н. И. Новикова (см.: Лонгинов 1867). Слухи о существовании русской «Миранды» и о ее запрещении были результатом легенд, возникших в подцензурном русском обществе XIX в. Тем не менее, они глубоко симптоматичны, как симптоматичен и сам интерес коллекционера к изданиям, где сообщаются неприемлемые для дома Романовых слухи о членах правящей династии. Отрицать существование и запрет русской «Миранды» позволяют два тома опубликованных после революции цензурных дел из архива Министерства народного просвещения (МНП 1917–1921): «Миранда» среди запрещенных изданий не числится.

6

Следует остановиться еще на одной легенде, возникшей среди русских читателей «Пансалвина» и перекочевавших из XIX

с Апраксиным двором? Об этом надо послушать одного страстного библиофила. “Пришел я, — говорит он, — на другой день утром на пепелище толкучего рынка и встретил там толпу знакомых мне погоревших книжников. Что, спрашиваю, все пропало? — “Почти что все”. — Укажите же, где была лавка *Матюшина*. — “Вот где была она, лавка Матюшина!” ответил один и швырнул камушек в груды пепла и тлеющих угольев <...> а ведь в лавке Матюшина были вещи, которых и не найти нигде; у Матюшина в лавке, — не в этой, что сторела, а в прежней (прежде он торговал в линии по Садовой), — Карамзин занимался, Пушкин приходил к нему за справками; московские знатоки и искатели древностей нарочно приезжали порыться на чердачке Матюшина; к нему обращались иногда за отдельными томами к редчайшим разрозненным изданиям, даже за несколькими недостающими страницами, и он подбирал эти томы и страницы, — вот что было дорого! Это была просто незаменимая сокровищница <...> Если не верите, спросите у М. Н. Лонгинова, он хорошо знает, что такое был сгоревший теперь чердачок старика Матюшина!...” (Порецкий 1862: 44).

в XX в., а именно, предположении, что роман мог быть написан по заказу графа Платона Зубова. Что роман-пасквиль был сочинен «наемным писакой», предполагал еще А. Н. Самойлов, не уточняя, однако, кто из недоброжелателей Потемкина мог инициировать этот труд. В изустной традиции закрепилось имя Зубова. Из печатных источников укажем на упоминание этой версии в уже упомянутом выше справочнике Я. Ф. Березина-Ширяева, а также у С. А. Венгерова⁵⁴ и В. М. Остроглазова (Остроглазов 1914: 420).

Серьезными историками эта версия никогда даже и не рассматривалась — она циркулировала на уровне слухов. Бильбасов, который в XIX в. наиболее подробным образом в русской исторической литературе реферировал «Пансалвина», о возможности заказа со стороны Зубова не говорит ни слова. Эту версию совсем недавно упомянул В. С. Лопатин в книге «Потемкин и его легенда» (2012), посвященной историческому анализу литературы о Потемкине. Исследователь справедливо называет утверждение о «заказе» романа Зубовым совершенно необоснованным. Аргументов, почему это не может быть Зубов, он, впрочем, не приводит, видимо считая такую аргументацию излишней. Действительно, поскольку не было выдвинуто аргументов в пользу «зубовской» версии, то затруднительно и приводить контраргументы. Тем не менее, чтобы расставить точки над *i*, вернемся к этой гипотезе еще раз, прежде всего — зададимся вопросом, почему эта версия вообще могла возникнуть.

Кроме всем известного конфликта между Потемкиным и последним «любимцем» императрицы, подозрительным могло показаться русским читателям «Пансалвина», что, повествуя также о последней эпохе жизни Потемкина и его смерти, автор романа никак не упоминает о конкуренции Потемкина с новым фаворитом, хотя в других местах текста демонстрирует достаточно хорошее знание дворцовых интриг. Но само по себе это молчание вряд ли является намеренным замалчиванием. Перед нами, в конце концов, не историческое сочинение, а роман, и бесконечно вводить в него новые сюжетные линии нельзя уже

⁵⁴ «Альбрехтс [sic!], немец, актер, написавший, повидимому в угоду Платону Зубову, пасквиль на Потемкина и других — “Pansalvin, Fürst der Finsterniss und seine Geliebte”...» (Венгеров 1897: 206, № 1866).

просто из желания сохранить единство действия. Проходящим через весь роман противопоставлением является Пансалвин — фельдмаршал Баста (Потемкин–Румянцев), и вводить под конец еще новое противопоставление было бы сложно уже просто с точки зрения романной архитектоники. Но самое главное: трудно себе представить, чтобы в романе, инспирированном именно зубовской партией, присутствовали намеки на отравление Потемкина — а они в «Пансалвине» присутствуют. В порядке передачи «слухов» сочинитель в конце романа рассказывает, будто бы Пансалвин дрался на дуэли с другим полководцем, который задел его отравленной шпагой⁵⁵. Версию об отравлении князя Альбрехт будет использовать в дальнейших романах еще дважды: в «Миранде» будет показано, как монархиня сама распоряжается отравить прежнего фаворита⁵⁶; в «Какодемоне» это ее распоряжение выполняет Суворов, подсылающий в армию к Пансалвину некоего коварного адъютанта Ибериуса (Albrecht 1800: 284–289). Хотя в «Пансалвине» убийство еще не выставлено столь явным образом как исполнение воли самой Миранды, трудно ожидать, чтобы кто-то из зубовской партии стал оплачивать роман, в котором тема отравления вообще затрагивается: для Зубовых было бы желательно, чтобы подобные слухи обсуждались как можно меньше.

Кроме того, Платон Зубов хоть и не выступает как действующее лицо в «Пансалвине», зато выступает в написанном через десять лет романе о Павле «Турбанс Турбандус» (Albrecht 1804: 85–91). Выставлен он там пусть не отъявленным злодеем, но таким образом, что симпатии читателей — в данных главах — остаются более на стороне Турбандуса-Павла. Это делает версию о связи Альбрехта с зубовской партией совершенно невероятной.

Итак, по всем названным соображениям, от версии заказа «Пансалвина» со стороны Зубова следует отказаться. Однако это не делает безосновательными дальнейшие размышления

⁵⁵ В этом полководце можно заподозрить Н. В. Репнина (Лопатин 2012: 45) или — с учетом позднейших писаний Альбрехта — А. В. Суворова.

⁵⁶ Ср. выше запись Лонгинова в его экземпляре «Пансалвина». В соответствующем эпизоде «Миранды» монархиня поручает организовать отравление своей доверенной придворной даме (Albrecht 1798: 382).

о том, не опирался ли Альбрехт при написании романа на информацию, почерпнутую у какого-то лица или лиц, достаточно сведущих в расстановке сил при Санкт-Петербургском дворе. Во всяком случае, «информанты» Альбрехта должны были быть настроены чрезвычайно позитивным образом по отношению к Панину и Румянцеву, что, впрочем, еще совершенно не означает их принадлежности к близкому окружению того или другого из этих государственных деятелей⁵⁷.

Загадка с возможным «заказом» не решается и так легко, как предлагает В. С. Лопатин в его уже упомянутом исследовании, где утверждается, что «непосредственными заказчиками» пасквиля были «Англия и Пруссия» (Лопатин 2012: 44). С тем, что негативное освещение деятельности Потемкина объективно было на руку европейским державам-противникам того курса России, который был связан с именем Потемкина, можно согласиться — но лишь в самом общем смысле, а не в смысле возможного «заказа». Да и каким, конкретно, образом должны были бы две европейские державы «заказать» Альбрехту эту книжицу?

Лопатиным упоминается также другая версия, косвенно хоть и связанная с «Англией и Пруссией», но более правдоподобная. Речь идет о данной еще Г. В. Вернадским характеристике «Пансалвина» как розенкрейцерского памфлета, питающегося тем ожесточением против Потемкина, какое было распространено в масонских кругах — не только в России, но и в Германии, а именно, при Берлинском дворе, где в те годы у кормила власти стоял ближайший сподвижник короля Фридриха Вильгельма II министр Иоганн Кристоф фон Вельнер (1732–1800). Дело в том, что Потемкин, в последние годы своей жизни, возбудил ожесточение Екатерины против московских масонов, указав на грозящую опасность вовлечения наследника Павла Петровича

⁵⁷ При явной симпатии к Панину и Румянцеву, Альбрехт делает касательные их биографий настолько грубые ошибки, каких он бы никогда не сделал, будь ему этот памфлет «заказан» кем-то из соответствующих группировок, стоявших за Паниным или Румянцевым. Ср., например, утверждение в романе «Пыль I», будто первое знакомство Панина (князя Кародё) с юным Турбандусом и попытка внушить ему более здравые понятия относятся к тому времени, когда Миранда уже была монархиней, или обнаруживаемое в «Пансалвине» совершенное незнание того, что П. А. Брюс (в романе злостная интриганка Шпадьиль) была родной сестрой добродетельного фельдмаршала Баста-Румянцева.

в розенкрейцерский орден, руководствовавшийся наставлениями из Берлина, более того — непосредственно от Вёльнера (Пыпин 1916: 317–318; Вернадский 1917: 235–242). Раскрывая политическую подоплеку тех преследований, что обрушились на кружок Новикова (большей частью состоявший из людей, в своем прекраснодушии даже не подозревавших о закулисной интриге, в какую были вовлечены), Вернадский цитирует одно из писем Вёльнера в Москву, где тот в особенности предостерегает «братьев» от некоего «П.», в котором Вернадский предполагает Потемкина — «в России презиравшего цесаревича и им ненавидимого, в Пруссии — своим австрийским союзом спутавшего всю дипломатическую игру»:

«Вёльнер советовал московским братьям держать не явные ложи, а тайные и немногочисленные <...> Вёльнер дополнял свой совет следующим замечанием: “А наипаче ныне сие рачительно исполнять должно, когда час настoit, в который князь тьмы чрез неисчислимое множество сект господствует во всех местах, и уже большую часть лож в страшное привел заблуждение и стремится совершенно уничтожить великую цель всего каменщичества. Ко исполнению оного находит он везде орудия, которые внутренно суть толико же злобны и черны, как он. При реченном гонении на вас употребил он в орудие некоего П. и других всеми мирозапутанных гонителей истины”» (Вернадский 1917: 236)⁵⁸.

Непосредственно вслед затем Вернадский упоминает и «Пансалвина»:

«Из прусской масонской среды ненавистников кн. Потемкина вышел в 1794 г. известный “Pansalvin”, памфлет, направленный против князя Потемкина (мимоходом задевающий и Екатерину). Книгу написал лейпцигский литератор д-р Альбрехт (Joh. Friedr. Ernst), масон и, вероятно, розенкрейцер» (там же)⁵⁹.

Утверждение, что Альбрехт был масоном, справедливо. Повидимому, не ошибается Вернадский и в том, что Альбрехт принадлежал именно к розенкрейцерам⁶⁰. Когда именно Альбрехт

⁵⁸ Вернадский цитирует русский перевод письма Вёльнера по: Пекарский 1869: 73. Слова «князь тьмы» выделены Вернадским.

⁵⁹ Далее следует уже приводившаяся выше оценка роли Левшина как переводчика из той же масонской среды, далеко не индифферентного к политическому содержанию книги.

⁶⁰ Вернадский руководствовался указанием в библиографии масонской литературы А. Вольфштага (Wolfstieg 1911–1913), где в качестве сочинения

стал масоном, в какую ложу и где он первоначально вступил, сегодня неизвестно, но скорее всего, что ложа была в самом деле розенкрейцерская, так как в его издательстве под Ревелем печаталась розенкрейцерская литература (Sangmeister 2011: 448). Весьма вероятно и то, что Альбрехт позаимствовал перенесенную на Потемкина кличку «Князь Тьмы» из общения с братьями-масонами, жившими или бывавшими в России. Однако решительной поправки требует подразумеваемое Вернадским причисление Альбрехта именно к «прусской масонской среде», к розенкрейцерам-сторонникам Вёльнера и тем самым — к проводникам интересов прусского двора.

Мало того, что Альбрехт никогда не был прусским подданным. Он, как уже было обозначено выше, в своих политических романах вовсе не был также и защитником интересов современной Пруссии, то есть Пруссии взошедшего на престол в 1786 г. короля Фридриха Вильгельма II. «Пропрусскими» романы Альбрехта были лишь в том смысле, что автор ориентировался на идеализированный им образ покойного короля Фридриха Великого. Восшествие Фридриха Вильгельма на престол его скончавшегося дяди означало резкую перемену в политическом климате Пруссии. О просветительской философии и религиозной терпимости было забыто. Правой рукой Фридриха Вильгельма сделался розенкрейцер Х. Р. фон Бишофвердер (1741–1803). Розенкрейцер Вёльнер, которого Фридрих Великий считал «коварным попом-интриганом» и решительно удалял от ответственных постов, сразу же занял важные должности в правительстве, а в 1788 г. стал министром юстиции и возглавил духовный департамент. В том же году Вёльнером был выпущен религиозный эдикт, а также эдикт о печати. Оба эдикта всячески ущемляли свободу мысли и мнений.

Альбрехт не только не был сторонником пришедшей к власти розенкрейцерской клики Вёльнера, но напротив, был их

Альбрехта указана книга «Беседы о масонстве. С приложением о розенкрейцерах» (Gespräche Maurereybetreffend. Nebst einem Anhang von Rosenkreuzern. Leipzig, 1785). Современные библиографы говорят об авторстве Альбрехта применительно к этому изданию не вполне уверенно. Содержательного анализа требовало бы в этом контексте содержащееся в приложении к указанной книге рассуждение о различии «истинного и ложного розенкрейцерства» («Anhang über falsche und ächte Rosenkreuzerei»).

убежденным и саркастическим критиком. В романе «Троякого рода воздействия» Вёльнер, выведенный под именем фон Лебенцов, характеризуется как интриган, «сделавший себе промысел на том, чтобы возбуждать подозрения в отношении дарованных в прежнее царствование свобод <...> перетолковывать улучшения в людских мнениях как злостные ухудшения», и желающий возродить бытовавший в темные времена политический принцип, согласно которому «простолудин должен пребывать в состоянии невежества» (Albrecht 1789: 2, 70).

Каким образом, однако, согласуются эти нападки Альбрехта на розенкрейцерский обскурантизм с тем обстоятельством, что Альбрехт и сам был масоном-розенкрейцером? Здесь следует иметь в виду ту эволюцию и те размежевания, которые происходили в немецких масонских кругах в 1780–1790-х годах. Первостепенную важность приобретает для этих десятилетий полемика между новым, «иллюминатским» направлением, по сути рационально-просветительским, и все более впадающими в мистический обскурантизм розенкрейцерами и прочими представителями рыцарского масонства. Сторонниками иллюминатов (официально запрещенных в 1785 г.) были такие люди, как, например, просветитель Ф. Николаи (1733–1811) и его окружение. Завязавшаяся полемика достигла большого ожесточения с обеих сторон. Просветители обвиняли розенкрейцеров в религиозном и оккультном мракобесии. В реакционных кругах иллюминаты были ославлены как «якобинцы» и истинные виновники Французской революции. Замечательную по своей логической внятности характеристику этих довольно запутанных отношений между разными группировками европейских масонов дал в свое время А. Н. Пыпин, осветивший также последствия этого европейского идейного кризиса применительно к положению дел в России, и конкретно — к настроениям Екатерины последних лет ее царствования в отношении масонов (Пыпин 1916: 282–312).

Что касается Альбрехта, то не следует забывать о том, что он стал масоном еще во второй половине 1770-х годов, когда указанное идейное размежевание еще не успело зайти далеко. Поэтому нет ничего удивительного, если он вступил в ложу розенкрейцеров и печатал в своем издательстве розенкрейцерскую

литературу. Но позже его убеждения, несомненно, проделали эволюцию в сторону более «прогрессивных» масонских направлений. Для компаньона Альбрехта по его раннему «розенкрейцерскому» издательству под Ревелем, Филиппа Вернера Лооса, документирован переход в середине 1780-х годов в орден иллюминатов (Sangmeister 2011: 449). Альбрехт в 1788 г. вступает в руководимый К. Ф. Бардтом «Немецкий Союз», наряду с иллюминатами одно из самых радикальных тайных масонских обществ, ставившее своей целью ни много ни мало, как «низвержение морального деспотизма, освобождение человечества от суеверия и возведение разума в судилище *всяческой* правды» (Sangmeister 2011: 454). В Альтоне он посещает в 1790-е годы собрания прогрессивных лож «Единство и терпимость» и «Карл цум Фельзен» (Sangmeister 2011: 452).

То, что Альбрехт по-прежнему мог поддерживать контакты, в том числе с масонами из розенкрейцерских кругов, более чем вероятно, потому что в жизненной практике контакты между «братьями» из разных лож были более живучи, чем масштабные идейные размежевания. Но нет оснований полагать, что он прямо от берлинских розенкрейцеров позаимствовал кличку «Князь Тьмы», использованную им применительно к Потемкину в подзаголовке романа. По-видимому, эта кличка имела достаточно широкое хождение, о чем свидетельствует часто цитируемое упоминание Потемкина как «Князя Тьмы» («Fürst der Finsternis») графом Яковом Ефимовичем Сиверсом (1731–1808), тоже масоном, но никак не агентом берлинского двора (Blum 1858: 3, 17; ср.: Вернадский 1917: 237).

Упомянув имя Сиверса, нельзя не указать на следующее обстоятельство. Родился Я. Е. Сиверс именно в том городке Везенберге в Эстляндии, где Альбрехт спустя десятилетия организовал свое издательство. Отец Сиверса был управляющим у Тизенгаузенов, владельцев замка и поместья Везенберг (отношения между семьями Сиверсов и Тизенгаузенов, а также графов Мантойфелей сохранились и позже). Именно заручившись покровительством Тизенгаузенов, Альбрехт и основал свое издательство в Везенберге. Его жена, Софи Альбрехт, близко дружила с Оттилией фон Тизенгаузен, что оставило след в некоторых стихотворениях Софи (Sangmeister 2011: 422).

Не будет большой натяжкой предположить, что Тизенгаузен из Везенберга легко могли рекомендовать Альбрехта своим родственникам и знакомым из среды прибалтийского немецкого дворянства, жившим в Петербурге и достаточно близким ко двору. Скорее всего, именно к концу 1770-х годов, времени пребывания Альбрехта в Ревеле, как раз и восходят первые его сведения о происшествиях при русском дворе, а также почерпнутая им из прибалтийского дворянского окружения антипатия к Потемкину.

Более определенно выявить круг знакомых Альбрехта, способных снабдить его сведениями о русских придворных делах, затруднительно уже потому, что архив Альбрехта не сохранился, а разрозненные письма в других фондах немецких архивохранилищ крайне немногочисленны. Собственное пребывание Альбрехта в Петербурге, как сказано выше, если и имело место, то было недолгим. Позднейшие сведения, видимо, восходили к интенсивному общению в немецких масонских кругах, связанных с Россией.

При всех внесенных оговорках, справедливым остается утверждение Вернадского, что та информация о придворной жизни, какой располагал Альбрехт, должна была идти от кого-то из масонской партии, поначалу возлагавшей надежды на цесаревича Павла Петровича. Добавим в заключение, что с восшествием Павла на российский престол Альбрехт в нем, как несложно угадать, быстро разочаровался. Свидетельство тому — оба упомянутые выше романы о Павле: «Пыль I» и «Турбанс Турбандус». Поздние романы Альбрехта о России, вообще, выдержаны в гораздо более негативных и резких тонах, чем сравнительно еще невинный «Пансалвин». Это касается не только обрисовки Павла, но также обрисовки Суворова, чрезвычайно предвзятой и грубой. Гораздо негативнее, чем в «Пансалвине», становится задним числом и характеристика почившей царицы Миранды. Однако с воцарением Александра I Альбрехт опять возлагает самые радужные надежды на будущее России:

«Покойся с миром, Турбандус! Ты оставил свой трон наследнику, коего благословляет весь его народ, все человечество. Его превосходное сердце не знает иного счастья, как счастье подданных.

Во всех сердцах горит пожелание ему долгой жизни» (Albrecht 1804: 268)⁶¹.

Итак, говорить об Альбрехте только как об антирусском памфлетисте было бы несправедливо, несмотря на многие искажения исторической действительности в его сочинениях, особенно поздних. Несомненно, политические романы Альбрехта в их совокупности заслуживают стать предметом более пристального внимания — как еще один образ России и русских в немецкой литературе позднего Просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбрехт 1809 — [Альбрехт И. Ф. Э.] Пансалвин, Князь Тьмы. Быль? Не быль? Однакож и не сказка / [пер. с нем. В. А. Левшин.] М., 1809.
2. Архив Воронцова 1877 — Письма графа П. В. Завадовского к братьям графам Воронцовым // Архив князя Воронцова. 1877. Кн. 12. С. 1–312.
3. Афанасьев 1860 — *Афанасьев А. Н.* Князь тьмы // Московские ведомости. 1860. 2 марта. № 48. С. 371–372 (рубрика «Литературный отдел»).
4. Березин-Ширяев 1876 — *Березин-Ширяев Я. Ф.* Дополнительные материалы для библиографии, или Описание русских и иностранных книг, гравюр и портретов, находящихся в библиотеке любителя N. N. СПб., 1876.
5. Бильбасов 1896 — *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Т. 12: Обзор иностранных сочинений о Екатерине II. Ч. 1–2. Берлин, 1896.
6. Бройтман, Краснова 2005 — *Бройтман Л. И., Краснова Е. И.* Большая Морская улица. М.; СПб., 2005.
7. Венгеров 1897 — Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708–1893) / ред. С. А. Венгеров; изд. Г. В. Юдин. В 3 т. Т. 1. СПб., 1897.
8. Вернадский 1917 — *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
9. Геннади 1880 — *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 2. Берлин 1880.
10. Глинка 2004 — *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004.
11. Елисеева 2005 — *Елисеева О. И.* Григорий Потемкин. М., 2005 («Жизнь замечательных людей»).
12. Зайцева 2005 — *Зайцева А. А.* Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века. СПб., 2005.

⁶¹ Ср. также: Albrecht 1802: 280.

13. Замоийский 2001 — *Замоийский Л.* Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001.
14. Левшин 1809 — [*Левшин В. А.*] Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича Князя Итальянского, Графа Суворова-Рымникского, в коих изображается истинный дух и характер сего ироя, с присвокуплением Вахт-Парада, или Науки Побеждать, сочиненной сим непобедимым полководцем. М., 1809.
15. Левшин 1811 — Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического / [пер. с франц. В. А. Левшин (?).] Ч. 1–2. СПб., 1811.
16. Лонгинов 1867 — *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
17. Лопатин 1997 — *Лопатин В. С.* Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка: 1769–1791. СПб., 1997. С. 473–540.
18. Лопатин 2012 — *Лопатин В. С.* Потемкин и его легенда. М., 2012.
19. Малиновский 2007 — *Малиновский Я.* Массы масонов среди нас // Интересная газета. Мир непознанного. 2007. №7 (http://x-files.org.ua/articles.php?article_id=540).
20. МНП 1917–1921 — Описание дел архива Министерства народного просвещения / ред. С. Ф. Платонов, А. С. Николаев, С. А. Переселенков. Т. 1–2. Пг., 1917–1921.
21. В. М. Остроглазов 1914 — Редкие и ценные издания, собранные В. М. Остроглазовым // Русский архив. 1914. Кн. II. С. 413–446.
22. Панченко 1999 — *Панченко А. М.* «Потемкинские деревни» как культурный миф // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 462–475.
23. Пекарский 1869 — *Пекарский П. П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.
24. Порецкий 1862 — *Порецкий А. У.* Наши домашние дела. Современные заметки // Время. 1862. № 6 (Июнь). С. 43–64.
25. Пухов 1999 — *Пухов В. В.* Левшин // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 198–201.
26. Пыляев 1889 — *Пыляев М. И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889 (репринт. переизд.: СПб., 1994).
27. Пыпин 1916 — *Пыпин А. Н.* Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. / ред. и примеч. Г. В. Вернадского. Пг., 1916.
28. Самойлов 1867 — *Самойлов А. Н.* Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина Таврического // Русский архив. М., 1867. Стб. 575–606, 993–1027, 1203–1262.
29. Санктпетербургские Ведомости 1777 — Санктпетербургские Ведомости. 1777. № 53. 4 июля. С. [22] (раздел «Отъезжающие»).
30. Санктпетербургские Ведомости 1778 — Санктпетербургские Ведомости. 1778. № 58. 20 июля. С. 776 (раздел «Отъезжающие»).
31. Сводный каталог 2000 — Сводный каталог русской книги. 1801–1825 / отв. ред. И. М. Полонская. Т. 1. М., 2000.

32. Северная пчела 1826 — N. N. Некрология // Северная пчела. 1826. 2 сент. № 105. С. 3–4.
33. Скабичевский 1892 — Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.). СПб., 1892.
34. Смирдин 1828 — Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная: в 4 ч. Ч. 4. СПб., 1828.
35. Сопиков 1905 — *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии / ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. СПб., 1905.
36. Сухомлинов 1889 — *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889.
37. Шилдер 1897 — *Шилдер Н. К.* Император Александр I. Т. 2. СПб., 1897.
38. Albrecht 1789 — [*Albrecht J. F. E.*]. Dreyerley Wirkungen. Eine Geschichte aus der Planetenwelt, tradirt und so erzählt. Bd 2. Germanien, 1789.
39. Albrecht 1794 — [*Albrecht J. F. E.*] Pansalvin[,] Fürst der Finsternis und seine Geliebte. So gut wie geschehen. Germanien, 1794.
40. Albrecht 1798 — [*Albrecht J. F. E.*] Miranda. Königin im Norden, Geliebte Pansalvins. Germanien, 1798.
41. Albrecht 1800 — [*Albrecht J. F. E.*]. Kakodämon der Schreckliche. Pansalvins und Mirandas Donnerkeil, Revisor des Codex der Menschen-Rechte. Pyropolis, 1800.
42. Albrecht 1802 — [*Albrecht J. F. E.*] Staub der Erste, Kayser der Unterwelt. Als Beschluß des Pansalvin und der Miranda, von demselben Verfasser. Persepolis, 1802.
43. Albrecht 1804 — [*Albrecht J. F. E.*]. Turbans Turbandus, der großen Miranda kleiner Sohn. Von einer diplomatischen Feder. Berlin und Hamburg, 1804.
44. Bilbassoff 1897 — *Bilbassoff B. von.* Katharina II. Kaiserin von Russland im Urtheile der Weltliteratur. Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen. Bd 1–2. Berlin, 1897.
45. Blum 1858 — *Blum K. L.* Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Bd 3. Leipzig; Heidelberg, 1858.
46. Darnton 1995a — *Darnton R.* The forbidden best-sellers of pre-revolutionary France. New York, 1995.
47. Darnton 1995b — *Darnton R.* The corpus of clandestine literature in France, 1769–1789. New York, 1995.
48. Engels 1999 — *Engels H.-W.* Zu Leben und Werk von Johann Friedrich Ernst Albrecht (1752–1814) // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt. Hg. von Erich Donnert. Bd 5. Köln [u. a.], 1999. S. 645–679.
49. Engels 2002 — *Engels H.-W.* Johann Friedrich Ernst Albrecht (1752–1814). Bemerkungen zu seinem Leben, seinen politischen Romanen und seiner Publizistik // ebd. Bd 6. Köln [u. a.], 2002. S. 685–719.
50. Engels 2009 — *Engels H.-W.* Kryptoradikalität in Aktion. Geheimnisse der «Altonaer Verlagsgesellschaft». Der Verleger Gottfried Vollmer und

- seine verborgenen Mitstreiter // Kryptoradikalität in der Frühneuzeit. Hg. von G. Mühlpfordt und U. Weiß. Stuttgart, 2009. S. 325–348.
51. Geisler 1784 — [Geisler A. F.] Sophie Albrecht, geborne Baumer // Galerie edler deutscher Frauenzimmer. 1784. Bd 1. Heft 1. S. 139–168.
 52. Goedeke 1893 — Goedeke K. Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung. Bd 5. Abt. 2. Dresden, 1893. S. 501–504.
 53. Grab 1966 — Grab W. Demokratische Strömungen in Hamburg und Schleswig-Holstein zur Zeit der ersten französischen Republik. Hamburg, 1966 (Veröffentlichungen des Vereins für Hamburgische Geschichte, XXI).
 54. Grab 1997 — Grab W. Der norddeutsche Demokrat Johann Friedrich Ernst Albrecht (1752–1814) // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt. Hg. von Erich Donnert. Bd 2. Köln [u. a.], 1997. S. 431–438.
 55. Helbig 1797 — [Helbig G. A. W. von]. Potemkin. Der Taurier. Anekdoten zur Geschichte seines Lebens und seiner Zeit. Aus einem Manuscript // Minerva. 1797. Bd 2. S. 1–21, 425–457; Bd 3. S. 105–124, 209–237, 453–467; Bd 4. S. 110–132, 286–309.
 56. Hoffmann 1926 — Hoffmann P. Th. Die Entwicklung des Altonaer Stadttheaters. Altona, 1926.
 57. Kawa 1980 — Kawa R. Georg Friedrich Rebmann (1768–1824). Studien zu Leben und Werk eines deutschen Jakobiners. Bonn, 1980.
 58. Meier 1987 — Meier A. Ein russisches Porträt in Archenholtz' «Minerva»: «Potemkin der Taurier» // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. [Teil 2]. Hg. von M. Keller. München, 1987 (= West-östliche Spiegelungen. Bd 2). S. 481–493.
 59. Neumann-Strela 1907 — Neumann-Strela K. Sophie Albrecht // Vossische Zeitung (Königlich privilegierte Berlinische Zeitung). 1907. Nr. 49 (Sonntagsbeilage). S. 390–392.
 60. Robel 1994 — Robel G. «Staub der Erste — Kayser der Unterwelt». Eine kritische Biographie Pauls aus dem Jahre 1802 // Gesellschaft und Kultur Mittel-, Ost- und Südosteuropas im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert. Festschrift für Erich Donnert. Hg. von H. Reinalter. Frankfurt am Main, 1994. S. 215–224.
 61. Sangmeister 2011 — Sangmeister D. Von Blumenlesen und Geheimbünden. Die Jahre von Johann Friedrich Ernst Albrecht als Verleger in Reval und Erfurt // Baltische Literaturen in der Goethezeit. Hg. von H. Bosse [u. a.]. Würzburg, 2011. S. 411–487.
 62. Sangmeister 2014 — Sangmeister D. Johann Friedrich Ernst Albrecht als Verleger in Prag. Biographie und Verlagsbibliographie // Die Albrechts — Erfolgsautor und Bühnenstar. Aufsätze zu Leben, Werk und Wirkung des Ehepaars Johann Friedrich Ernst Albrecht (1752–1814) und Sophie Albrecht (1757–1840) Hannover: Wehrhan (планируемый выход в свет: 2014).
 63. Thiel 1970 — Thiel M. Johann Friedrich Ernst Albrecht (1752–1814): Arzt, medizinischer Volksschriftsteller, politischer Belletrist. Ein Beitrag zur Trivilliteraturforschung. Inaug.-Diss. Berlin, 1970.

64. Wolfstieg 1911–1913 — *Wolfstieg A.* Bibliographie der freimaurerischen Literatur. Burg; Leipzig, 1911–1913.
65. Zimmermann 1986 — *Zimmermann H.* Streifzüge durch das Zeitalter der Revolution. Zu den politischen Reiseromanen Johann Friedrich Ernst Albrechts // Reisen im 18. Jahrhundert. Neue Untersuchungen. Hg. von W. Griep und H.-W. Jäger. Heidelberg, 1986 (= Neue Bremer Beiträge, 3). S. 200–223.
66. Zimmermann 1999 — *Zimmermann H.* Aufklärung und Erfahrungswandel. Studien zur Literaturgeschichte des späten 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1999. S. 307–330.

G. Potapova. J. F. E. Albrecht's political novel about Prince G. A. Potemkin "Pansalvin, Prince of Darkness" and its life in Russia.

This study is concerned with an analysis of the political novel "Pansalvin, Prince of Darkness" (1794) by popular late-Enlightenment author Johann Friedrich Ernst Albrecht (Stade, 1752–1814, Hamburg). Albrecht was a physician who abandoned his profession to devote himself to literature, he is best known for his "romans à clef" ("novel with a key"), i.e. a kind of novel in which the well-informed reader will recognize identifiable persons from real life thinly disguised as fictional characters. Albrecht's novel about Prince Potemkin (1794; transl. into Russian by Vasiliy Levshin, 1809) was forbidden by censorship but widely known in Russia. This study, based on primary source material, traces the reception of Albrecht's novel "Pansalvin" from the late 18th century up to today.

**ГРЕШНЫЙ ГЕРОЙ В «НАСТАВЛЕНИИ ДЯДИ
СВОЕМУ ПЛЕМЯННИКУ» Д. И. ФОНВИЗИНА
И В «МОЕЙ ИСПОВЕДИ» Н. М. КАРАМЗИНА:
ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ**

Ключевые слова: Карамзин, Фонвизин, типология «грешного» героя, «исповедальное» повествование, повествовательная инстанция, нарративная точка зрения.

В статье предпринята попытка типологического соотнесения подводящего итог своей жизни и раскаявшегося героя Д. И. Фонвизина из «Наставления дяди своему племяннику» (1788) с лишённым способности к покаянию «просвещённым негодяем» графом NN из повести «Моя исповедь» (1802) Н. М. Карамзина. Важная роль отводится исследованию принципов построения «исповедального» («антиисповедального») повествования в обоих произведениях, в частности — анализу нарративных (идеологических) точек зрения, используемых авторами.

Произведение Д. И. Фонвизина «Наставление дяди своему племяннику» (1788, в составе журнала «Друг честный людей, или Стародум: Периодическое сочинение, посвящённое истине», запрещённого цензурой, но ходившего в рукописных списках) и повесть Н. М. Карамзина «Моя исповедь» (1802) разделяет почти пятнадцать лет интенсивного развития русской литературы. Поскольку «Наставление дяди...» впервые было напечатано только в 1830 г. в «Полном собрании сочинений» автора стараниями П. П. Бекетова, не представляется возможным утвердительно ответить на вопрос, знал ли Карамзин о данном, по-видимому, незавершённом (Макогоненко 1959: 653) литературном опыте писателя. Вполне вероятно, что, работая над образом графа NN, Карамзин не подозревал ни о самом существовании фонвизинского «дяди», ни тем более о том, в какой степени разнится его собственная интерпретация сознательно отстранившегося от правды и добра героя с видением

* Анна Юрьевна Тираспольская, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов СПбГУ.

предшественника. В свете вышесказанного было бы принципиальной ошибкой поднимать вопрос о тождественности или даже «близком родстве» героев «Наставления...» и «Моей исповеди». В данной связи можно вспомнить, например, высказывание В. И. Глухова:

«...писатели русского Просвещения, однако ж, ни в одном из своих произведений не показали тип образованного мерзавца и негодяя. По-видимому, этот тип находился как бы за пределами их эстетического кругозора: умными и образованными у них выступали только положительные персонажи. Но то, чего не могли сделать Новиков, Фонвизин, Радищев, берётся осуществить Карамзин в “Моей исповеди”» (Глухов 1999: 53).

Вместе с тем, интересной представляется проблема изучения одного из «векторов» развития русской художественной мысли и в свете её — осторожная попытка типологического сопоставления двух подводящих итог своей жизни героев, созданных Фонвизиным и Карамзиным, — людей, заметим, отнюдь не глупых и далеко не невежественных.

В первую очередь следует отметить принципиальную разнонаправленность намерений героев Фонвизина и Карамзина: если повествование дяди действительно является исповедью, анализом допущенных в течение жизни ошибок и заблуждений, содержит раскаяние, а также имеет очевидные наставительные цели, то изложение собственной биографии графом NN носит «антиисповедальный», местами откровенно эпатажный характер, не является результатом искреннего раскаяния (граф сам не раз заявляет о своей «природной» аморальности), а проистекает из потребности героя выставить себя на всеобщее обозрение, заявить о себе:

«Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу — свою исповедь, не думая, приятна ли будет она для читателей» (Карамзин 1964: 729), «в противность всем исповедникам, наперёд сказываю, что признания мои не имеют никакой нравственной цели. Пишу — так!» (Карамзин 1964: 730).

Представляется важным указать также на одну интересную особенность «Наставления...». Эксплицированная в зачине цель исповедального повествования («Я почитаю за долг дяди остеречь тебя, мой любезный племянник, от сих нравоучительных вралей и преподать тебе тот способ достичь до счастья,

которым я сам столь благополучен» (Фонвизин 1959: 74)) как будто бы предполагает в дальнейшем изложение поучительной истории жизни если не идеального, то, по крайней мере, некоторым образом приблизившегося к совершенству и достойного подражания героя. Однако по мере развёртывания повествования перед читателями, напротив, выстраивается образ человека, всё глубже и глубже погрязающего в порочном образе жизни. Мы узнаём, что дядя у Фонвизина начал осознавать всю меру своей греховности лишь на склоне лет, а «счастье», путь к которому он обещал указать своему племяннику, оказалось всего-навсего материальным и социальным благополучием, в погоне за которым герою пришлось «унизить» собственную душу и замарать совесть до такой степени, что в конце жизни ему удаётся исправить лишь малую толику содеянного им зла. Наше ожидание оказывается обманутым, когда в определённый момент мы обнаруживаем, что герой исповеди ставит знак равенства между понятиями «счастье» и «богатство»:

«Ты видишь, любезный племянник, что пути к богатству, то есть к счастью, гораздо короче и глаже, нежели как болтают о том нравующие врали» (Фонвизин 1959: 77).

Однако читателей снова ждёт сюрприз, когда после отступления-ремарки «издателя» (Стародума?) эта цинично-примитивная трактовка «счастья» резко ниспровергается самим же дядей — в его беспощадном саморазоблачении.

В качестве следующего важного момента сопоставления следует выделить способность или же, напротив, неспособность героя переходить от нравственного поведения к аморальному или наоборот. И если дядя у Фонвизина, будучи на заре жизни (по завету отца) «чистосердечным, благотворительным и трудолюбивым», затем, заглушив на многие годы голос совести, перешёл на тёмную сторону силы и власти под давлением жизненных обстоятельств, а после, на склоне лет, раскаялся от всего сердца в этой «измене» добродетели, то граф из «Моей исповеди» на протяжении всего своего жизненного пути остаётся вне рамок какой бы то ни было морали. Отсюда проистекает и принципиальное различие позиций дяди и графа в восприятии и оценке собственных поступков, что наиболее отчётливо можно обнаружить в заключительных фрагментах обоих

произведений, когда герои подводят некие «предварительные итоги» своей жизни.

Герой Фонвизина, умертвивший на долгие годы в себе совесть и стыд, тем не менее, в конце пути прекрасно отдаёт себе отчёт во всех своих ошибках, трезво оценивает собственную личность и меру нравственного падения:

«Не довольно того, любезный племянник, что я оставил чисто-сердечие, но отучил себя и от добросердечия. Сначала стоило мне труда слышать стон бедных с хладнокровием; но, поверь мне, сердце богатого человека скоро каменеет <...> Наконец я так привык к нечувствительности, что ниже помышлял о бедных людях <...> Я потерял приятность в обхождении, вкус к хорошим вещам, и душа моя унизилась...» (Фонвизин 1959: 77).

Особое внимание хочется обратить на следующие слова дяди:

«Как скоро я обогатился и стал жить порядочно домом, то начал чувствовать глас совести <...> Я не мог сам от себя скрыть, что все добрые люди считают меня бездельником. Богатый мой дом стал для меня адом, и я, казалось, слышу стон бедных, коих я разорил злодейски» (Фонвизин 1959: 78).

В финале карамзинского текста «торжественный панегирик» графа NN собственной беспутной и порочной жизни словно бы во многом повторяет слова дяди из произведения Фонвизина, но только в сознании inferнального героя все его неблагоприятные и отвратительные поступки приобретают, как в кривом зеркале, противоположную, положительную оценку:

«Одним словом, я доволен своим положением и, видя во всём действие необходимой судьбы, ни одной минуты в жизни моей не омрачил горестным раскаянием. Если бы я мог возратить прошедшее, то думаю, что повторил бы снова все дела свои <...> Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остудил род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в отечестве. Но поверю ли им, видя, с другой стороны, как многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов! Нет, нет! Я совершил своё предопределение...» (Карамзин 1964: 739).

Процитированные выше откровения героев Фонвизина и Карамзина заставляют обратиться к категории нарративной

точки зрения (Шмид 2003: 121–144) — компоненту, благодаря которому в произведениях продуцируются в их непростой взаимосвязи все эксплицитные и имплицитные смыслы. Эффект «смыслового взрыва», то есть расхождения так называемого буквального смысла написанного и смысла подразумеваемого, традиционно достигается путём столкновения в пределах текста, как минимум, двух различных идеологических точек зрения: нарраториальной (точки зрения повествователя) и персональной (персонажа) или же двух персональных. Следует отметить, что в обоих рассматриваемых случаях писатели избирают стратегии, далёкие от прямолинейных или шаблонных. Необходимо начать с того, что «исповедальный» / «антиисповедальный» жанр по своей природе подразумевает (по крайней мере — в основном тексте произведения) монологическое повествование от первого лица, а такая характерная особенность неминуемо приводит к наличию (или доминированию) только одной персональной точки зрения. Гегемонию точки зрения исповедующегося героя-повествователя, таким образом, возможно устранить двумя основными способами. Первый из них — внедрение в текст точки зрения некоей повествовательной инстанции, которая в существующих условиях могла бы выступать аналогом категории нарратора (в данном случае это может быть включение мнения любого «комментатора» исповеди, например, нарративной маски издателя или критика и т. п.). Второй способ — прямое или опосредованное вкрапление в текст «исповеди» иной персональной точки зрения (например, цитирование или пересказ «чужого слова»), причём оценка этой «чужой» точки зрения героем-повествователем может не столько свидетельствовать об «истинности — ложности» предлагаемой альтернативной позиции, сколько характеризовать личность самого исповедующегося. Впрочем, существует также и третий, свойственный более позднему периоду развития литературы, способ. При нём исключаются всякие эксплицитные проявления «прочих» точек зрения, а область оценки идеологической позиции персонажа располагается исключительно в пределах категории абстрактного автора и вычленяется в процессе сопоставления точки зрения героя «исповеди» с идеологической точкой зрения или, иными словами,

с «моральным горизонтом ожидания» идеального реципиента (абстрактного читателя) — категории, заложенной в произведении на всех его уровнях (Шмид 2003: 41–63).

Карамзин использует второй из описанных выше способов крайне скупо: прямая резко отрицательная оценка жизни и поступков графа NN «некоторыми людьми» даётся лишь однажды в конце произведения, в сжатом до предела виде, в пересказе самого героя «исповеди», причём в следующий момент им же категорично опровергается. Основным «генератором» столкновения и порождения смыслов при таком подходе, соответственно, становится применение третьего способа: в «Моей исповеди» на протяжении всего повествования происходит постоянное взаимное отталкивание эксплицированной персональной позиции графа (его эгоистического «принципа полной беспринципности») и имплицитно заложенного категорией абстрактного автора, подразумеваемого по умолчанию «морального горизонта ожидания».

Иначе обстоит дело в произведении Фонвизина. Описание дядей его собственной истории головокружительного социального возвышения и шедшей с ним рука об руку стремительной духовной деградации, порой напоминающее беспристрастное изложение фактов, в то же самое время ни в коей мере не лишено строгой моральной оценки. В финале «Наставления...» суровый «приговор» героя самому себе и своей душе, по всей вероятности, совпадает с «горизонтом ожидания», заложенным в тексте и прогнозируемом идеальным реципиентом:

«Приятель мой Воров, умирая, призвал меня к себе. Я был свидетелем, как мерзкая душа его выходила из скаредного тела. Тут узнал я справедливость сих слов: *смерть грешников люта* <курсив Фонвизина. — А. Т.>. Он в постеле своей терзался душевно гораздо сильнее, нежели иной вор страждет на площади. По исходе души его на всех лицах видно было удовольствие, смешанное с презрением к покойнику. Чувствуя, что и мне умирать будет должно так же мучительно, переменил я опять свою систему...» (Фонвизин 1959: 78).

Введение в текст второй повествовательной инстанции, в данном случае это представление идеологической точки зрения «издателя» журнала (Стародума), имеет в «Наставлении...» иные цели, нежели в «Моей исповеди». Едко-саркастические слова этого фиктивного «лица» имеют острую сатирическую

направленность, но они призваны обличить пороки общества и системы конкретного государственного правления в целом, а не осудить личные грехи исповедующегося героя:

«Я сожалею (и каждый читатель, без сомнения, со мною сожалеть будет), что во всём сродническом наставлении нет следа доброты, в которой земле жил сей богатомыслящий дядя; надобно, однако ж, думать, что не между нами: ибо где у нас люди, кои бы наживались при исполнении полезного установления *относительно до первых потребностей в жизни* <курсив Фонвизина. — А. Т.>? Богачей жестокосердых и глупых красавиц у нас также вовсе нет, как меня уверяют» (Фонвизин 1959: 77–78).

В произведении Карамзина через «кривое зеркало» сознания главного героя на суд читателей выносятся тип эгоистичного, безнравственного и самое главное — вредного для общества знатного дворянина, эксплицитно, но чаще имплицитно проводится мысль о высокой личной ответственности каждого человека (и в особенности — занимающего привилегированное положение в социальной иерархии!) за все его поступки относительно «правильности» или же, напротив, «порочности» общегосударственного устройства. Вместе с тем нельзя сказать, что в «Моей исповеди» бичуется исключительно бессовестный граф NN и ему подобные: в определённые моменты «антиисповеди» перед нами явственно обнажаются некоторые серьёзные изъяны общества и ближайшего окружения главного героя. В частности, это становится ясно, когда повествователь описывает поведение семьи, друзей и т. д. в момент собственного разорения. И хотя очевидно, что став банкротом, граф ни в коей мере не изменился с моральной точки зрения ни в лучшую, ни в худшую сторону, отношение к нему близких и общества меняется молниеносно и разительно:

«Родственник принял меня холодно и с упрёком. Эмилия приехала к нему вслед за мною и, забыв, что мы вместе проживали имение, осыпала меня жестокими укоризнами, объявила торжественно, что союз наш разрывается, села в карету и скрылась. Я летел к женщине, которая за день перед тем уверяла меня в любви своей, — меня не приняли, летел ко многочисленным друзьям моим — одних не было дома, другие вздумали читать мне наизусть книжные наставления, как должно быть умеренным и благоразумным в жизни! Им надлежало бы говорить о том, когда я угощал их. — В прибавок ко всему меня выгнали из службы, как распутного человека» (Карамзин 1964: 736).

Интересным также представляется сопоставление самих причин ситуации фиаско, в которой внезапно оказываются герои Фонвизина и Карамзина. И здесь показательно, что дядя из «Наставления...» оказывается полностью разорённым и даже едва не погибает именно из-за своего правдолюбия, благотворительности и человеколюбия:

«Чистосердечие моё произвело на меня великие гонения; им нажил я многих неприятелей. Благотворение довело меня в долги, а знания мои возбудили ко мне зависть и ненависть одного знатного невежды <...> Жестокая болезнь открыла мне наконец глаза <...> Все меня оставили <...> Неприятели мои торжествовали. Друзья мои сами были небогаты; а знатные особы, кои увеселялись забавным моим нравом, когда я был здоров, находили, может быть, настоящее положение моё забавным, ибо они оставили меня без всякой помощи» (Фонвизин 1959: 75).

Графа из «Моей исповеди» в долговую яму привели, напротив, полная беспечность и бездумная расточительность на собственные удовольствия (балы, обеды и ужины, домашний театр и т. д.):

«Мы набрали к себе в дом итальянских кастратов, играли оперы, комедии, давали маленькие балы, большие ужины, — подписывали счёты, но никогда не считали, — занимали деньги и никогда не имели их, — одним словом, жили прекрасно!» (Карамзин 1964: 734).

Однако самым интересным следует признать тот факт, что все эти же светские развлечения возникают и в доме дяди у Фонвизина, но как раз в период его «финансового расцвета» и, устраиваемые героем с корыстными целями, служат, напротив, его обогащению:

«Я стал жить гораздо шире, давать обеды, балы и концерты, но звал только тех, от кого надеялся быть награждён щедро, так что пир, который стоил пятьсот рублей, приносил мне тысячи две» (Фонвизин 1959: 77).

Сопоставляя героев Фонвизина и Карамзина, необходимо также отметить, что в натуре и дяди, и графа заложена некая «витальная сила», жажда жизни, которая позволяет им выживать и выбираться из самых трудных ситуаций. Вместе с тем находить крайне удачный для себя выход из, казалось бы, практически безнадежных положений данным героям помогают не сила духа и человеческое достоинство, а наоборот, умение

приспосабливаться и способность идти на любые унижения ради достижения собственной цели.

В «Наставлении...» дядю из положения нужды и опалы возволяет его решение начать заискивать перед вельможами:

«...всякий знатный человек находил во мне защитника своему жестокосердию или глупости. С самого утра бегал я по передним знатных господ и не стыдился трусить даже и перед их камердинерами. Если кому дадут ленту или знатный чин, то у меня через полчаса попевала ода <...> Дамы тем более мною были довольны, чем бесстыднее выхвалял я красоту у их и душевное достоинство» (Фонвизин 1959: 75); «льстивые похвалы мои, которыми бесстыдно осыпал я моих начальников, приобрели мне скоро их доверенность <...> поднёс я две тысячи рублей супруге нового моего покровителя, а прежнего гонителя. Мои две тысячи рублей произвели весьма полезное для меня действие» (Фонвизин 1959: 76) и т. п.

Графа NN также неоднократно выручает его изворотливость в сочетании с абсолютной беспринципностью. После своего разорения он сперва ни капли не гнушается положением приживальщика в доме второго мужа Эмилии, затем, увезя жену-любовницу от старого богатого князя, без малейшего зазрения совести живёт с ней в Москве на её средства («Эмилия продала свои бриллианты, и мы жили недурно...») (Карамзин 1964: 738)), после гибели Эмилии становится уже откровенным альфонсом, любовником состоятельных и немолодых дам («Не хочу говорить о дальнейших моих любовных приключениях <...> хотя мне удалось ещё разорить двух или трёх женщин (правда, немолодых)» (Карамзин 1964: 739)) и, в конце концов, очевидно, годам к сорока, находит себе новую «стезю», источник постоянных доходов и возможность проникнуть назад в высшее общество — пусть даже в гнусной роли ростовщика, шута и сводника:

«Видя наконец, что лета и невоздержность кладут на лицо моё угрюмую печать свою, я <...> сделался ростовщиком и, сверх того, забавником, шутом, поверенным мужей и жён в их маленьких слабостях. Мудрено ли, что мне снова отворён вход во многие именитые дома?» (Карамзин 1964: 739).

Представляется очевидным, что становление на путь приспособленчества вкупе с желанием преуспеть в обществе любой ценой приводит героев Фонвизина и Карамзина к полной

духовной деградации с той единственной разницей, что дядя из «Наставления...» в конечном итоге находит в своей душе силы одуматься и покаяться.

Наконец, особого внимания заслуживают жизненные позиции героев, а также их «взаимоотношения» с избранными кредо.

И дядя, и граф, несмотря на присутствие у первого совести и принципов (пусть даже большую часть жизни — потенциально) и полное отсутствие таковых у второго, тем не менее, в один голос говорят о наличии у них «системы», жизненной философии, коей они неукоснительно следуют. «Как скоро стало мне легче — “перемени свою систему”, — сказал я сам себе» (Фонвизин 1959: 75): таким образом описывает дядя своё «отречение» от пути добродетели. «Наблюдая новую систему», герой Фонвизина берёт в жёны любовницу некоего фаворита знатного господина (при том что «прежний друг её не отменил к ней своей дружбы», от которой, по словам дяди, у него «исподволь народилось детей великое множество» (Фонвизин 1959: 76–77)) в обмен на весьма выгодное место в столице и различные прочие «милости» покровителей. На закате своих дней, раскаявшись, дядя «переменил опять свою систему» и начал исправлять зло, которое он причинил людям. О «системе» или «философии», взятой им на вооружение, впрочем, один раз — и на всю жизнь, постоянно твердит и карамзинский граф. «Система моя в любви была самая надежная; я тиранил женщин то холодностию, то ревностию...» (Карамзин 1964: 733), — сообщает читателям этот опытный ловелас; по словам героя, его «философия» брака («благородный спектакль») сперва заставляла его жену Эмилию «плакать и рваться» и т. д.

Однако и в данном случае в поведении и убеждениях дяди и графа наблюдается принципиальное различие.

Герой Фонвизина в обеих ситуациях, то есть и идя сперва стезёй правды и добродетели, и свернув затем на тропу приспособленчества и порока, в буквальном смысле слова является «заложником», «рабом» своего пути. Можно сказать, что дядя остаётся по-своему честным даже в своём бесчестии, ибо, избрав определённые жизненные принципы, он считает себя обязанным безропотно принимать, наряду с очевидными выгодами,

и все отрицательные, «неудобные» для него стороны такого выбора. Так, встав на сторону силы и власти, герой как будто бы «подписывает кровью договор со злом» и начинает неукоснительно следовать всем пунктам этого «соглашения», даже весьма невыгодным, а порой и откровенно позорным для себя:

«С книгами моими, составлявшими моё главное удовольствие, я совсем расстался» (Фонвизин 1959: 77), «видя жену мою в беспутстве, должен я, по системе моей, терпеть все её беспорядки» (Фонвизин 1959: 78) и т. д.

Также следует повториться, что дядя у Фонвизина сознательно ступил на этот путь пресмыкания перед властью и богатством под давлением крайне тяжёлых жизненных обстоятельств, а не в силу своей природной порочности, поэтому ему приходилось постоянно бороться с собственной совестью. Почувствовав же себя социально и материально защищённым от превратностей судьбы, герой ясно начинает понимать, что, приобретя уверенность в своем общественном положении и завтрашнем дне, он потерял нечто несоизмеримо большее.

Графа в «Моей исповеди», напротив, следует признать **«всевластным господином» собственной «системы»**, ибо единственным мерилом и движущей силой всех его поступков является присущий ему едва ли не с рождения эгоизм («всякий о себе думай — и довольно!» (Карамзин 1964: 733)). Не имея врождённого понятия о таких вещах как чувство собственного достоинства, совесть, благородство и приличие, граф одинаково комфортно чувствует себя как в роли блестящего светского повесы, так и в положении альфонса, ростовщика, шута или сводника. В отличие от дяди из «Наставления...», этот полностью лишённый совести герой всегда умудряется выйти сухим из воды и заставляет работать на себя, казалось бы, даже самую неблагоприятную ситуацию, при этом, подчеркну, ни в коей мере не пожертвовав своими личными интересами! Наиболее показательным примером в данном случае может служить сопоставление поведения героев Фонвизина и Карамзина в ситуации навязанной им сделки со стороны богатой и влиятельной особы. Дядя «честно» получает выгодное место и «награждения» в обмен на женитьбу на чужой любовнице не самого порядочного поведения, на «беспутство» которой он вынужден

впредь всю жизнь закрывать глаза. Граф же у Карамзина умудряется обвести вокруг пальца пожилого богатого князя, с которым заключает соглашение: князь оплачивает долги графа и этим спасает его от тюрьмы, граф же уступает ему свою жену, возведя на себя «небылицу, которая давала Эмилии право избрать другого мужа» (Карамзин 1964: 737). Избавившись таким образом от долговых обязательств, герой поселяется в доме князя и Эмилии, прибегнув к разным уловкам, соблазняет бывшую жену и вскоре увозит её от нового мужа в Москву, причём, заметим, не с пустыми руками, а с «бриллиантами», на средства от продажи которых они какое-то время «недурно» живут, и получает, в конечном счёте, всё, о чём мечтал: полную свободу действий, Эмилию, удовольствие от неслыханного скандала, очередную громкую славу ловеласа, и, ко всему прочему, средства к существованию!

Следует подчеркнуть, что жизненная позиция скандального графа NN вообще представляется гораздо более губительной для окружающих его людей, нежели «система» дяди. Этот факт становится наиболее очевидным при обращении к взаимоотношениям героев с их жёнами. Дядя в произведении Фонвизина получает жену уже испорченной в нравственном (да и физическом) смысле, и «глупая красавица» лишь продолжает своё прежнее поведение в браке с ним. Граф же своей «философией брака», то есть постоянным попиранием семейных ценностей, как то: любовь и привязанность, взаимоуважение и доверие, обоюдная супружеская верность и т. п., развратил и погубил Эмилию, которая досталась ему девушкой с чистым сердцем и невинной душой:

«Я выбрал прекрасную небогатую девушку (хорошо воспитанную в одном знатном доме), надеясь, что она из благодарности оставит меня в покое, и <...> обещался на другой день ужинать <...> с глазу на глаз с резвою Алиною <...> Вышло напротив. Эмилия из благодарности считала за долг быть нежною, страстною женою, а нежность и страсть всегда ревнивы. Философия моя заставляла её плакать, рваться: я вооружился терпением, смотрел, слушал равнодушно <...> Эмилия мало-помалу приходила в рассудок <...> Наконец я совершенно уверился в исправлении жены моей, видя вокруг её толпу искателей <...> Одна мать моя <...> говорила <...>, что Эмилия дурно ведёт себя!» (Карамзин 1964: 734–735).

Типологическое сопоставление раскаявшегося дяди из произведения Фонвизина и упорствующего в своих грехах графа из повести Карамзина, несмотря на выявленные различия в осмыслении образов героев их создателями, тем не менее, позволяет говорить о зарождении идеи художественного изображения «просвещённого негодяя» ещё за десятилетие до появления «Моей исповеди» и даёт возможность задуматься о новых перспективах изучения типа «грешника» в русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухов 1999 — Глухов В. И. «Моя исповедь» Карамзина в творческом сознании Достоевского // Карамзинский сборник: Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск, 1999. С. 50–62.
2. Карамзин 1964 — Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964.
3. Макогоненко 1959 — Макогоненко Г. П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследства // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 622–663.
4. Фонвизин 1959 — Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959.
5. Шмид 2003 — Шмид В. Нарратология. М., 2003.

A. *Tiraspoljskaja*. The “sinful” character in “Uncle’s Admonition to his Nephew” by D. I. Fonvizin and in “My Confession” by N. M. Karamzin: the problems of typology.

The article focuses on the comparison of two characters, the “Uncle” from “Uncle’s Admonition to his Nephew” by D. I. Fonvizin and the Count NN from “My Confession” by N. M. Karamzin, in the situation of confession: their points of view in the nature of confession, their “steps” to evil, the ability or disability of a sincere remorse, the relationship between them and their “philosophy” (“the system”), their way to bankruptcy, the peculiarities of behaviour in the situation of fiasco and so on. The main question in the article is how the character of the “Uncle” correlates with the image of an immoral “educated villain” Count NN, which was created by Karamzin ten years later. The second important problem is related with the analysis of narrative points of view in the texts of “Uncle’s Admonition...” and “My Confession”.

**«ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА» П. И. МАКАРОВА:
ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ**

Ключевые слова: сентиментализм, литература путешествий, чувствительность, П. И. Макаров, наррация, повествовательные стратегии, автор, герой, риторика, ирония, Л. Стерн, Н. М. Карамзин, русско-английские связи, Лондон, русские европейцы.

П. И. Макаров занимает видное место в литературном движении и языковой полемике конца XVIII — начала XIX вв. Несмотря на изученность языковой позиции и критической деятельности Макарова, его литературное творчество не исследовано. Наиболее значительное оригинальное произведение автора — «Письма из Лондона» — представляет существенный интерес для исследователя, в частности тем, что в нем оригинально соединились предшествующие литературные традиции. Однако следование им не привело Макарова к созданию эпигонского текста, что отчетливо проявилось в его сложной повествовательной структуре.

I

П. И. Макаров (1764–1804) — заметная фигура в литературном движении конца XVIII — начала XIX в. Он стал одним из наиболее ярких и выразительных представителей русского сентиментализма, выразив стилевые представления карамзинизма и активно участвуя в языковой полемике с А. С. Шишковым. В своем журнале «Московский Меркурий», издававшемся с января 1803 г. по апрель 1804 г., Макаров придерживался литературной позиции, близкой Карамзину. По мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, П. И. Макаров «воплотил в себе все, что соответствовало ходячим представлениям» о карамзинизме, стал его «своеобразной маской» (Лотман, Успенский 1994: 360).

Фигура П. И. Макарова с давних пор привлекает внимание исследователей. О его издательской и критической деятельности писали как ученые XIX в., например, Г. Н. Геннади

* Анастасия Алексеевна Цылина, бакалавр филологии, магистрант филологического факультета СПбГУ.

(Геннади 1854), А. Г. Максимов (Максимов 1902), так и XX — Н. И. Мордовченко (Мордовченко 1959), В. Г. Березина (Березина 1965). Немалый интерес вызывал П. И. Макаров и у историков русского литературного языка, достаточно вспомнить работы В. В. Виноградова (Виноградов 1982), В. М. Живова (Живов 1996), Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана (Лотман, Успенский 1994: 331–491). Кроме этого, как о видной фигуре сентиментализма пишет о нем Н. Д. Кочеткова в своей книге «Литература русского сентиментализма» (Кочеткова 1994). Однако, несмотря на относительную изученность этого автора, его прижизненный авторитет, известность его взглядов, критической и издательской деятельности, наши представления о нем имеют существенный изъян — литературное творчество Макарова совершенно не исследовано.

II

Художественное наследие Макарова состоит из его оригинальных сочинений и переводов. Наиболее значительное оригинальное произведение автора — «Письма из Лондона». Опубликовано в 1803 г. спустя два года после выхода в свет первого полного издания «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, оно представляет существенный интерес для исследователя.

Публикация текста началась в январе 1803 г. в 1 части «Московского Меркурия», издаваемого самим Макаровым, и продолжилась в 1804 г. в 9 номере «Вестника Европы». В этих изданиях текст опубликован под названием «Россиянин в Лондоне, или письма друзьям моим». Он переиздавался четыре раза под названием «Письма из Лондона»¹: в 1805 г.

¹ Изменения в названии текста Макарова были внесены в собрании его сочинений и переводов, изданных в 1805 г. в Москве спустя год после смерти автора. Редактор в этом издании не указан. Однако есть все основания полагать, что правку внес издатель — П. П. Бекетов, который нередко выступал не только в качестве издателя, но и становился редактором издаваемых книг. Заглавие «Письма из Лондона» представляется более удачным, поскольку русская тема в произведении практически отсутствует. Это название впоследствии сохранил при издании «Сочинений и переводов» Макарова в 1817 г. М. А. Дмитриев, снабдивший тексты Макарова вступительной статьей.

(Макаров 1805), в 1817 г. (Макаров 1817), в 1990 г. (Макаров 1990) и в 2001 г. (Макаров 2001).

Произведение имеет небольшой объем — чуть более 35 тысяч знаков. Данный текст делится на шесть писем, в которых говорится о пребывании героя в Лондоне. Они датированы 15-м августа, 16-м августа, 23-м августа, 3-м сентября, 4-м сентября и 8-м сентября 1795 г. и адресованы друзьям путешественника. Отметим, что в основу «Писем из Лондона» легло реальное путешествие П. И. Макарова в Англию в 1795 г.

III

Перед исследователем «Писем из Лондона» встает множество значительных вопросов, в том числе и вопрос о литературном влиянии других авторов на творчество Макарова. Как известно, Т. А. Роболы в своей старой, но по-прежнему сохранившей значение статье «Литература путешествий» выделяла два основных типа литературного путешествия, сформировавшихся во второй половине XVIII в.: «стерновский», основанный в большей степени на «путешествии воображения», и «и другой — типа Дюпати, представляющий гибридную форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями» (Роболы 2007: 108–109), к которому относятся и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (Роболы 2007: 110). По мнению исследователя, «Письма из Лондона» П. И. Макарова явным образом «приближаются к карамзинскому типу» (Роболы 2007: 115–116). С этим утверждением трудно не согласиться. Действительно, «Письма из Лондона» имеют сложную гибридную структуру. Однако бесспорен и факт воздействия на него и «Сентиментального путешествия»: автор «Писем из Лондона» ориентируется не только на Карамзина, как замечает Т. А. Роболы, но и на Стерна, однако в несколько других аспектах.

Сделаем оговорку: сопоставляя «Письма из Лондона» с произведениями Н. М. Карамзина и Л. Стерна, мы не собираемся возводить творчество П. И. Макарова в ранг выдающихся, классических текстов, обладающих возможностью «служить

всеобщим образцом» и заключать в себе «уникальную художественную неповторимость» (Маркович 1991: 57). Без сомнения, «Письма из Лондона» относятся к произведениям второго ряда. Тем не менее, и они обладают некоторым своеобразием и заслуживают подробного изучения.

IV

Обратимся к теме влияния «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Л. Стерна на «Письма из Лондона» П. И. Макарова, которые было весьма значительным. Следует иметь в виду, что автор «Писем» в самом тексте крайне высоко характеризует это произведение и называет его своим главным литературным ориентиром.

Как известно, «Сентиментальное путешествие» начинается со слов: «Во Франции <...> это устроено лучше» (Стерн 1940: 219), в сущности, с этой же темы начинаются и «Письма из Лондона». Йорик предпринимает путешествие во Францию для того, чтобы «самому удостовериться» (Стерн 1940: 220). Герой Макарова так же совершает своеобразную проверку; он путешествует, «чтобы не иметь предубеждений» (Макаров 1817: 12), и не соглашается со словами румяного англичанина: «Всегда лучше сделать заключение свое заблаговременно» (Макаров 1817: 6), с которых начинается повествование о Лондоне.

Заметим, что герою «Писем из Лондона» свойственны и другие качества Йорика. Он является чувствительным путешественником, предпринявшим путешествие исключительно «вследствие *besoin de voyager*» (Стерн 1940: 235) и столь же спонтанно: «без рекомендательных писем, без товарища, не зная английского языка — и без денег» (Макаров 1817: 14), — как и герой Стерна, забывший о войне между Францией и Англией и о паспорте. Путешественник Макарова так же не испытывает интереса к великим мужам эпохи. В письме 8-го сентября он вскользь упоминает о Лафатере, объясняя свою остановку в Цюрихе и поздний приезд в Констанц желанием посетить швейцарского физиогномиста. Однако о самом визите к Лафатеру путешественник умалчивает, его в гораздо большей степени интересуется новое знакомство с «графом де Б*,

молодым человеком, сыном знаменитого отца, известного в республике литераторов по переводу Саллустия на французский язык» (Макаров 1817: 45).

Герой «Писем из Лондона», подобно Йорику, нарочито равнодушен к историческим и культурным достопримечательностям. Королевский дворец кажется ему «снаружи конюшнею» (Макаров 1817: 12). Это безразличие является принципиальным для автора писем, рассказчик «Писем из Лондона» заявляет:

«...не описываю зданий, статуй, картин, монументов, редкостей, произведений искусств и Натуры <...> я даю вам отчет в подлинных своих деяниях и мыслях; следственно намерен говорить только о том, что действительно со мною случилось» (Макаров 1817: 21).

С вышеперечисленными особенностями сочетается острый интерес героя Макарова к национальным чертам характера, обычаям и взаимоотношениям между представителями различных наций. Все это делает героя Макарова преемником Йорика.

Повествователя «Писем из Лондона» сближает со стерновским рассказчиком не только сентиментальность, но и ироничность, которая пронизывает все повествование Макарова. А. А. Елистратова называет иронию Стерна юмором относительности, или «скептическим юмором» (Елистратова 1988: 71). «Синтез чувствительности и юмора» (Канунова 1975: 261) лежит в основе и «Писем из Лондона». Повествователь подчеркивает относительность многих явлений жизни, непостоянство судьбы. В тексте Макарова воры могут оказаться и «злыми», и «любезными», пример тому и постояльцы пансиона, в котором живет путешественник, незаурядные личности, которые «обернулись несколько раз на колесе Фортуны» (Макаров 1817: 29).

Подобно Стерну, повествователь «Писем» склонен к насмешке над чрезмерной чувствительностью. Россиянин в Лондоне обращается к друзьям в письме 23-го августа:

«Вам, конечно, странно покажется, что я по сию пору не гуляю по какому-нибудь прекрасному и пространному саду, не поручаю зефирам нести мои чувствования, мои вздохи к богине этого рая, молодой, прелестной англичанке — белокурой, нежной, томной, чувствительной <...> с сердцем мягким, как воск на солнце» (Макаров 1817: 20–21).

Можно сделать вывод о том, что повествователь «Писем из Лондона» относится скептически не только к крайним проявлениям чувствительности, не только к жеманству или искусственности, его ирония обращена к чувствительности вообще (См.: Кочеткова 1994: 256–257). В «Письмах из Лондона» сомнению могут подвергаться не только вредоносные, но и нейтральные явления как, например, путешествия — произведение заканчивается словами: “*Ou peut-on être mieux qu’au sein de sa famille?*” (Макаров 1817: 50). Мы имеем дело с интересным явлением: повествователь сентиментального путешествия иронизирует и над сентиментальностью, и над стремлением путешествовать. Это сильно отличает поэтику текста Макарова, которого принято считать эпигоном карамзинской школы, от поэтики «Писем русского путешественника». Убеждения Н. М. Карамзина имеют явный «оптимистический характер» (Макогоненко 1980: 17); как справедливо отмечает Ф. З. Канунова,

«Карамзин отказывается от излишеств сентиментализма <...> с тем, чтобы сохранить главное для себя в сентиментализме — веру в спасительные свойства чувства, в возможность обрести гармонию в душе отдельного человека» (Канунова 1975: 263),

а Макаров, вслед за Стерном, переходит эту черту.

И все же несмотря на многие сходства «Писем из Лондона» с «Сентиментальным путешествием», нельзя не заметить существенное различие между ними. В произведении Стерна основное внимание рассказчика обращено «на анализ своего внутреннего состояния и мотивов поведения» (Атарова 1988: 38), мы наблюдаем «процесс вытеснения фактического материала лирическим началом» (Атарова 1988: 37) повествователя. Для нарративной структуры «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» названная черта принципиальна, в «Письмах из Лондона» мы не находим ничего подобного. Для поэтики текста Макарова существенно внимание к реальному миру, объективное и субъективное начала сосуществуют на страницах его путешествия. Это не отменяет влияния Стерна, однако существенно сближает «Письма из Лондона» с произведением Карамзина, который, по справедливому замечанию Ф. З. Кануновой,

«решительно не принимал порождаемого в принципе чуждым ему скепсисом Стерна его крайнего субъективизма в творчестве, когда

широко расплеснутые авторские эмоции и бесконечный поток пестрых ассоциаций поглощали собою объективный мир с его сложнейшими коллизиями и диссонансами» (Канунова 1975: 263).

V

Вопрос о влиянии творчества Карамзина на Макарова является сложным и недостаточно исследованным. П. И. Макаров в своем произведении прямо и непосредственно ориентируется на «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. В тексте встречается множество прямых отсылок к карамзинскому путешествию. Крайне выразительным оказывается начало «Писем из Лондона»:

«Колумбовы спутники, увидя Америку, кричали: берег! берег! а я, приближаясь к Лондону, твердил тихонько: Лондон! Лондон!» (Макаров 1817: 6),–

в котором содержится намек на английские главы «Писем русского путешественника», начинающиеся словами: «берег! берег!» (Карамзин 1964: 514).

При этом Макаров ориентируется на Карамзина и в главных моментах своего произведения. Черты карамзинской манеры повествования проявились в «Письмах из Лондона» глубоко и последовательно. Так, Макаров следует за Н. М. Карамзиным в организации структуры «Писем из Лондона», которая оказывается крайне неоднородной в жанровом отношении. Бытовые зарисовки (описание пансиона, анекдотические ситуации из жизни его постояльцев, описания кулачных поединков, английских обедов, «выдуманных, кажется, для испытания человеческого терпения» (Макаров 1817: 44)) чередуются с философскими размышлениями о значении путешествий, о прогрессе и с лирическими пассажами, вызванными восхищением английской столицей, или, например, связанными с темой обманутых ожиданий (прекрасные женщины оказываются падшими, произведения искусства приводят к разочарованиям в реальной жизни). В тексте мы видим множество диалогов (примечательно, что повествование начинается с разговора в почтовой карете между героем-повествователем, графом де Преви и «толстым румяным англичанином»). В «Письмах» с целью имитации документальности включаются и подробный счет на «годовой прожиток» в Лондоне и газетные статьи о лондонских ворах.

К важным текстообразующим принципам «Писем русского путешественника» относится то, что в них «темы возвышенного и <...> мелкого, приземленного», развиваются «контрастно, в постоянных наложениях друг на друга» (Бухаркин 1999: 21). Эта черта свойственна и тексту Макарова, примеров тому множество. Крайне выразительны в этом отношении описания лондонских проституток, которые Э. Кросс называет «претендующими на поэтичность панегириками» (Кросс 1996: 275):

«Вообразите богиню любви, когда она вышла из океана; представьте себе глаза небесного цвета, большие, томные, сладострастные, губы маленькие, пунцовые, пленяющие милою улыбкою <...> выпуклости, отлитые роскошью, тело нежное и белое, как лилея, гладкое, как атлас, пышное, как роза <...>» (Макаров 1817: 31).

Приведем другой не менее яркий эпизод. С-в, православный священник при русском посольстве, к которому путешественник обращается в ожидании духовных наставлений, дает ему советы, касающиеся исключительно бытовых вопросов. Путешественник несколько разочарован в священнике, но благодарен ему, так как эти советы приносят ему материальную пользу. Человеческий характер оказывается невозможно исчерпать социальным статусом, он исполнен противоречий, острая религиозная устремленность может сочетаться в нем с пристальным вниманием к внешности и светским приличиям.

Н. Д. Кочеткова отмечает, что в «Письмах русского путешественника» «субъективное и объективное органично связано и почти нерасчленимо» (Кочеткова 1980: 753), что проявляется, по мнению П. Е. Бухаркина, в том, в произведении Карамзина

«внешние происшествия, тщательно выписанные картины увиденного <...> соединяются с <...> воссозданием переживаний путешественника» (Бухаркин 1999: 21).

Как было отмечено выше, этот структурообразующий принцип проявляется и в «Письмах из Лондона». Одна из важнейших мыслей произведения:

«Надобно путешествовать, чтобы не иметь предубеждений» (Макаров 1817: 12).

Повествователь заявляет своим друзьям, что станет описывать лишь то, «что видел *своими* глазами, и в чем уверился *своим* умом» (Макаров 1817: 21–22). Соответственно, объект

описания и впечатления, личные ассоциации и размышления, вызванные им, оказываются неразрывно связанными между собой. Два начала: очерковое и эмоционально-субъективное — выступают равноправно и оказываются слитыми воедино.

Приведем в пример описание приезда героя в город:

«Лондон, лежащий на плоском месте — покрытый вечным туманом — не радует издали взоров путешественника. — Я проехал несколько улиц и не видел ни одного великолепного здания. — Сердце мое упало. Вообразите несчастного, который вместе с пробуждением теряет одним разом все милые мечты свои: я похож был на сего несчастного» (Макаров 1817: 6).

Первое предложение стилистически приближается к очерку, последнее по своей образности и лиризму — к поэтическому произведению.

«Письма из Лондона» близки «Письмам русского путешественника» не только в содержательном, но и в формальном отношении. Хотелось бы обратить внимание на специфическую логику повествования, а именно на внешне немотивированную смену тем и бессвязность переходов от одного тематического блока к другому. Приведем пример. Повествователь в «Письмах из Лондона» описывает английские публичные дома и задает вопрос, связанный с этим явлением: «Хорошо ли это?». И отвечает:

«Нет, друзья мои», добавляя: «Лондонские женщины, которых покупают за две гинеи <...> похожи на стыдливых невест, обвенчанных принужденно <...> Хотел писать еще, но зовут обедать» (Макаров 1817: 37).

Далее повествователь продолжает письмо и начинает следующий абзац такими словами:

«Найду ли я когда-нибудь в Лондоне хотя одну дурную вещь?...» (Макаров 1817: 37)

И прибавляет:

«Начиная от земледельческих инструментов до самых дорогих часов <...> от сапогов, которые носит слуга, до металла, блистающего на прелестной груди молодой леди <...> здесь все хорошо» (Макаров 1817: 37).

Было бы ошибочным интерпретировать бессвязность переходов от одной мысли к другой, от одного предмета к другому как случайность, недосмотр автора или его неумение писать.

Автор сознательно не исправляет противоречия в повествовании, более того, подчеркивает их. Художественный мир текста строится на непрерывной игре противопоставлений. Описание кулачного поединка, «сцены отвратительной для всякого благонаправленного и чувствительного человека», следует непосредственно за высказыванием:

«Русский, который не выезжал из своего отечества, уверен, что Петербург прекраснее всех городов на свете. Я сам так думал, но Лондон меня переуверил» (Макаров 1817: 12).

Приведем еще один пример. В письме 3-го сентября повествователь приводит отрывки из газетной статьи о том, как некий вор остановил карету, в которой ехала дама, но у нее не было с собою ничего ценного. Вор спросил у нее: «А перстень на прекрасном вашем пальце?» — и услышал ответ: «Но я получила его от любимого человека». Узнав об этом, вор поцеловал руку даме, поклонился и ушел. Путешественник комментирует этот случай одним единственным восклицанием: «Какие любезные вору!» В следующем же абзаце повествователь рассказывает о жестокости воров, например, об убийстве женщины на улице из-за небольшой суммы денег. Путешественник восклицает: «Какие злые вору!» (Макаров 1817: 27). В этой смене оценок проявляется стремление автора показать жизнь в ее незавершенности, динамике и непредсказуемости.

Б. А. Успенский и Ю. М. Лотман говорят об «игре точек зрения» (Лотман, Успенский 1984: 530) как о текстообразующем принципе «Писем русского путешественника». Мы можем отнести это свойство и к «Письмам из Лондона» П. И. Макарова. В них мы также находим игру повествователя с читателем (См.: Тираспольская 2009: 266–286), которая свидетельствует о том, что Макаров воспринял повествовательное новаторство Карамзина. Рассуждая о сходствах литературных путешествий, нельзя не отметить, что образ главного героя «Писем из Лондона» близок не только герою Стерна, но и герою Карамзина. Он «простодушен» и «любезнатылен», при этом «абсолютно чужд изумления перед тем, что он видит» (Лотман, Успенский 1984: 564), поскольку заранее хорошо осведомлен о европейской культуре и не воспринимает ее как далекую и чужую. Он одновременно сочетает в себе черты петиметра и «человека,

глубоко погруженного в культуру» (Лотман, Успенский 1984: 572). В отношении двойственности характера главного героя особенное значение приобретает вопрос о противоречии между его автобиографичностью и вымышленностью, столь важный для «Писем русского путешественника» Карамзина. Игра с читателем проявляется и в примечаниях издателя, под маской которого скрывается сам автор текста. Спор между издателем и автором препятствует отождествлению героя-повествователя с реальным Макаровым.

Немаловажно и то, что повествователь «Писем» эксплицитно ориентируется на фиктивного читателя. Тексту свойственна повышенная диалогичность, рассказчик нередко вступает в спор с читателем, противопоставляет себя ему. При этом в тексте создается не условный адресат писем, а цельный образ сентиментального читателя, приверженного идеалам семейственности, чувствительности (по мнению рассказчика, чрезмерной) и покоя, к которым сам повествователь относится менее однозначно.

Нельзя обойти вниманием, что Макаров выступает преемником Карамзина не только в отношении формальной организации произведения, но и на идейном уровне. Остановимся на одном из многочисленных примеров. В последней сцене произведения пьяный лейтенант королевской службы оскорбляет незнакомого ему друга и соотечественника путешественника только за то, что он иностранец. Этот англичанин называет русского гражданина «френчманом», представителем другой европейской культуры, чуждой и поэтому враждебной. В сущности, в этой сцене повествователь ставит под сомнение саму возможность межкультурной коммуникации. Однако в контексте литературы той эпохи, в особенности «Писем русского путешественника», можно прочесть этот эпизод и так: в глазах других европейцев русский человек в Европе — тоже европеец. Мысль эта имплицитно и в сцене посещения путешественником православного священника при русском посольстве в Англии. За буквами С-в открывается реальная фигура священника Якова Ивановича Смирнова (1754–1840). Путешественник Макарова встречает человека выдающегося, с которым

«ни один русский священник в Англии и ни один его коллега в России — настоятель англиканского прихода в Санкт-Петербурге — не мог бы соперничать <...> размахом деятельности» (Кросс 1996: 60).

Отец Иаков

«был широко образованный человек, всю жизнь интересовавшийся историей, литературой и искусствами <...> и находившийся в личной переписке со многими английскими политическими и общественными деятелями, учеными, историками и литераторами» (Алексеев 1982: 140),

он знал множество иностранных языков, сочинял и переводил, крайне успешно занимался дипломатической деятельностью при русском посольстве, по службе он был тесно связан с Семеном Воронцовым. Смирнов стал абсолютным англичанином, он органично вписался в чужую европейскую культуру, не перестав быть русским, сохраняя с Россией неразрывные связи. Таким образом, в тексте возникает тема англomanии русских, но англomanии не как внешнего подражания, а как глубокого органического усвоения европейской культуры при сохранении своей национальной сущности. Все это позволяет сделать вывод о том, что Макаров является глубоким преемником идеи Карамзина, для которого русский человек уже не «скиф» в Европе, как для Петра Толстого, а такой же европеец, как француз или англичанин. Таким образом, мы имеем дело не с темой России и Европы, а с темой России как Европы, столь важной для последующей русской литературной традиции.

VI

Напомним, что влияние Стерна проявилось в «Письмах из Лондона» в первую очередь в образной системе произведения, характере главного героя и авторской иронии, насколько не затронув нарративную структуру текста, которая во многом имитирует повествовательные принципы Карамзина. Отмеченные выше значительные и многочисленные сходства с «Письмами русского путешественника», казалось бы, заставляют нас увидеть в этом тексте прежде всего подражание повествовательной манере Карамзина. Этот вывод был бы вполне обоснованным и исчерпывающим, если бы не одна интересная

деталь. Действительно, все выделенные черты, без сомнения, ориентированы на произведение Карамзина. Но прежде всего на первые части «Писем русского путешественника», и в значительно меньшей степени на французские и английские главы. Ю. М. Лотман обратил внимание на то, сколь сильно английские главы отличаются от всех предыдущих глав «Писем русского путешественника» и подробно описал это в книге «Сотворение Карамзина» (Лотман 1998: 191–210).

Английские главы «Писем русского путешественника» связаны в первую очередь с описанием общественной и исторической жизни Англии. Крайне примечательны в этом отношении главы «Биржа и королевское общество», «Выбор в Парламент», «Театр», «Литература», «Семейственная жизнь» и др. Ю. М. Лотман называет их

«обзорными статьями <...> явно основанными на книжных источниках и даже имеющими заглавия на манер журнальных статей» (Лотман 1998: 194).

Личность героя-повествователя играет в английских главах роль значительно меньшую, чем в других частях. Повествование в них более последовательно и однородно. Все это не свойственно тексту П. И. Макарова. Напротив, повествовательные особенности первых частей «Писем русского путешественника», о которых говорилось ранее, ярко проявились в «Письмах из Лондона». Макаров предлагает собственное продолжение «Писем русского путешественника» в том духе, в каком писались ранние главы произведения Карамзина.

Таким образом, получается, что П. И. Макаров, подражая Н. М. Карамзину и развивая его повествовательные принципы на английском материале, ориентируется не на английские главы «Писем русского путешественника». Это обстоятельство заставляет видеть в этом произведении не эпигонское подражание Карамзину, а некоторую оригинальность.

Однако перед нами встает вопрос: сознательно ли Макаров ориентируется именно на первые части «Писем русского путешественника»? Возможны два разных пояснения.

Первое: Макаров, проникнувшись духом именно ранних частей «Писем русского путешественника», не ощущает разницу между ними и последними частями путешествия,

воспроизводит то, что считает художественной манерой Карамзина в целом, и описывает собственные английские впечатления, интуитивно продолжая произведение Карамзина, в духе его описаний Цюриха или Парижа.

Второе: Макаров, ориентируясь в первую очередь на немецкие, швейцарские и французские главы «Писем», выступает как глубокий и внимательный читатель, осознавший особенности карамзинской поэтики. Он отстаивает более выразительную манеру Карамзина, ссылаясь на части, в которых наиболее полно выразились принципы карамзинизма, и таким образом полемизирует со своим кумиром.

Ответить на данный вопрос однозначно в настоящий момент представляется невозможным, поэтому оставим в стороне его решение.

В заключение остановимся на последней проблеме, касающейся влияния Карамзина на автора «Писем из Лондона», на вопросе о степени осознанности П. И. Макаровым художественных особенностей «Писем русского путешественника». Для размышления над этой проблемой особое значение представляют для нас два эпизода из литературной жизни Макарова.

Обратимся к непосредственной отсылке в «Письмах из Лондона» к тексту Карамзина. В письме 23-го августа путешественник задается вопросом:

«к чему служат все путешествия (кроме однако ж Стернова), которые называются *сентиментальными*? Не они ли, воспламеняя, обольщая ум и сердце, отвлекают гражданина от отечества, от родственников, от друзей; заставляют его гоняться за мечтательными удовольствиями и лишают настоящих?» (Макаров 1817: 22).

Повествователь делает резкое и в некотором роде провокационное замечание:

«Мы имеем много путешествий <...> а ни одного такого, которое неопытному посетителю чужих земель могло бы служить вместо наставника» (Макаров 1817: 23),

тем самым заявляя о предполагаемой новизне собственно произведения в русской литературе. Однако за этими словами следует примечание издателя «Московского Меркурия», под маской которого скрывается все тот же П. И. Макаров. Примечание это звучит так:

«А “Письма русского путешественника” разве не доказывают, что можно соединить цветы Литературы, Поэтические описания живописной природы, чувствительность с истиною, что можно в одно и то же время писать и для *сердца* и для *ума* и для *воображения* и для *пользы*? — Но Г — К-зин у нас один <...>» (Макаров 1817: 24).

В этом примечании издатель «Меркурия», выходя за пределы текста, но не переставая играть с различными точками зрения (подобно тому, как это делал Карамзин, включая спор между автором и издателем в свои журналы «Аглая» и «Вестник Европы»), четко формулирует названные выше важнейшие повествовательные особенности «Писем русского путешественника», присущие, как уже было сказано, в первую очередь их первым частям: соединение в одном тексте субъективного и объективного, очеркового и эмоционально-лирического, достоверного и фиктивного.

У нас есть еще более значительное основание полагать, что подобная ориентация на «Письма русского путешественника», скорее всего, является результатом отчетливого отрефлексированного теоретического осмысления П. И. Макаровым карамзинского путешествия. С большой долей вероятности можно предположить, что Макаров не просто подражал тексту «Писем русского путешественника». По-видимому, при чтении произведения Карамзина Макаров выявил его главные структурообразующие особенности, которые позже воплотил в своем произведении. Думать таким образом позволяет критический отзыв Макарова, опубликованный в 5 части «Московского Меркурия» (май 1803 г.), на «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова, вышедшее в том же 1803 г. Г. Н. Геннади в своей работе о «Московском Меркурии» касается этой рецензии. По его словам,

«сантиментальное путешествие князя Шаликова не понравилось Макарову своею излишнею нежностью и пустотою содержания» (Геннади 1854: 86).

Однако нам представляется, что данная статья нуждается в более подробном рассмотрении, поскольку в ней проявился ряд существенных расхождений автора «Писем из Лондона» с автором «Путешествия в Малороссию».

П. И. Макаров упрекает П. И. Шаликова в чрезмерной чувствительности «розового цвета» (Макаров 1803: 120), в отсутствии единого замысла, в чрезмерной субъективности и отсутствии обращения к реальной действительности. Макаров называет путешествие Шаликова «собранием отрывков», которые «человек с талантом мог написать, не выезжая из Москвы» (Макаров 1803: 120). Он отмечает в рецензии:

«Издатель сказал: “в сем Путешествии нет ни статистических, ни географических описаний”; а мы прибавим еще: ни исторических, ни философических! Автор не описывает даже ни нравов, ни образа жизни в том краю, по которому он проехал, и предлагает читателям только <...> впечатления свои!» (Макаров 1803: 121)

Не менее значимо и то, что для Макарова оказывается неприемлемой идеализация описываемого мира, он замечает: «автор хотел видеть только *хорошее*; хотел, чтобы *Малороссия* была *Аркадия*» (Макаров 1803: 122), но «всякая картина требует теней», «беспрестанно *прекрасное*, во всех *искусствах* <...> *утомляет*» (Макаров 1803: 123).

Таким образом, главные упреки Макарова связаны с тем, что, по его мнению, Шаликов в своем путешествии отказывается от антиномичности, принципиальной двуполярности карамзинского повествования, абсолютно не свойственной поэтике произведения Л. Стерна. Для Макарова внутренняя противоречивость текста, его гибридность оказывается принципиальной, он отстаивает ее в статье о «Путешествии в Малороссию» и реализует в тексте «Писем из Лондона».

Наблюдение, высказанное в статье, представляется значимым для понимания художественного произведения П. И. Макарова, которое, без сомнения, еще нуждается в подробном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев 1982 — Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982.
2. Атарова 1988 — Атарова К. Н. Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». М., 1988.
3. Березина 1965 — Березина В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX в. Л., 1965.
4. Бухаркин 1999 — Бухаркин П. Е. Н. М. Карамзин — человек и писатель — в истории русской литературы. СПб., 1999.

5. Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
6. *Геннади 1854* — *Геннади Г. Н.* П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» // Современник. 1854. № 10. С. 1–94.
7. Елистратова 1988 — *Елистратова А. А.* Роман Сентиментализма. Стерн. Голдсмитт. Поздний Смоллет // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5. М., 1988. С. 68–74.
8. Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
9. Канунова 1975 — *Канунова Ф. З.* Карамзин и Стерн // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и международные связи. М.; Л., 1975. С. 258–263.
10. Карамзин 1964 — *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964.
11. Кочеткова 1980 — *Кочеткова Н. Д.* Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 726–764.
12. Кочеткова 1994 — *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб., 1994.
13. Кросс 1996 — *Кросс Э.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.
14. Лотман 1998 — *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1998.
15. Лотман, Успенский 1984 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–606.
16. Лотман, Успенский 1994 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2. С. 331–491.
17. Макаров 1803 — *Макаров П. И.* Путешествие в Малороссию, изданное г. П. Шаликовым // Московский Меркурий. М., 1803. Ч. 5. С. 118–124.
18. Макаров 1805 — *Макаров П. И.* Письма из Лондона // Макаров П. И. Сочинения и переводы. М., 1805. Т. 2. С. 7–59.
19. Макаров 1817 — *Макаров П. И.* Письма из Лондона // Макаров П. И. Сочинения и переводы. М., 1817. Т. 2. С. 5–50.
20. Макаров 1990 — *Макаров П. И.* Письма из Лондона // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / сост. В. И. Коровин. М., 1990.
21. Макаров 2001 — *Макаров П. И.* Письма из Лондона // «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николькин. М., 2001. С. 127–140.
22. Макогоненко 1980 — *Макогоненко Г. П.* Николай Карамзин и его «Письмо русского путешественника» // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. М., 1980. С. 3–24.
23. Максимов 1902 — *Максимов А. Г.* «Московский Меркурий» 1803 года: Ежемесячный журнал, издание П. И. Макарова // Литературный вестник. 1902. № 8. С. 1–18.

24. Маркович 1991 — *Маркович В. М.* К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // *Классика и современность*. М., 1991. С. 53–66.
25. Мордовченко 1959 — *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
26. Роболи 2007 — *Роболи Т. А.* Литература путешествий // *Младоформалисты: Русская проза*. СПб., 2007. С. 104–127.
27. Стерн 1940 — *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие. Воспоминания. Письма. Дневник. М., 1940.
28. Тираспольская 2009 — *Тираспольская А. Ю.* О принципе игры с читателем в повестях Н. М. Карамзина 1790-х годов // *Литературная культура России XVIII века*. СПб., 2009. Вып. 3. С. 266–286.

A. Tsykina. “The Letters from London” by Pyotr Makarov: the problem of the literary influences.

Pyotr Makarov is a significant figure in the literary movement and language controversy of late XVIII — early XIX centuries. Nevertheless, in spite of certain stage of knowledge of his language position and his critical and publishing activity, the literary activity of Makarov is not investigated absolutely. The most important fictional work of the author “The Letters from London” is of profound interest for research. It joined the previous literary traditions in original way. For example, the influence of Laurence Sterne is noticeable, primarily, in the character of the protagonist and irony of the author, while the narrative structure of the text considerably imitates the narrative principles of Karamzin. However, following the literary tradition has not led Makarov to create the epigonous text, that clearly becomes apparent in its poetics and elaborate narrative structure.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАСЛЕДИЯ А. Т. БОЛОТОВА¹

Ключевые слова: А. Т. Болотов, русская литература XVIII в., церковно-славянский язык, переложения псалмов, молитвы, богослужебные тексты.

Публикуемые тексты находятся в 12-м томе «Собраний мелких сочинений в стихах и прозе» А. Т. Болотова, хранящемся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (ф. 69, № 29) и датированном 1824 г. Для публикации выбраны «Письмо другу о славенском языке и следствиях производимых им», в котором Болотов рассуждает о необходимости адаптации для простого народа молитв, церковной службы и проповедей, а также переложение 91-го псалма, выполненное Болотовым. Оба текста отражают просветительские тенденции в творчестве Болотова и тематически и идеологически соотносятся с его философскими произведениями для детей.

В неопубликованной части весьма обширного наследия А. Т. Болотова значительное место занимают небольшие заметки на самые разные интересовавшие его темы. Обычно Болотов сначала записывал свои сочинения такого рода в тетради в хронологическом порядке, по мере их создания, а затем некоторые из них перерабатывал и перераспределял по тематическому принципу. Большая часть таких заметок не дошла до этапа переработки и сохранилась в черновом варианте. Черновики оформлялись и переплетались Болотовым в виде рукописных книг, как и беловые варианты, но почерк в них заметно небрежнее, встречаются помарки, стилистические, грамматические и орфографические погрешности и описки. В архиве Болотова сохранилось несколько таких «серий», имеющих общее заглавие, сквозную нумерацию и распределенных по годам. В них подряд идут статьи и заметки по экономическим

* Александра Юрьевна Веселова, канд. филол. наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 13-04-00334 «Мемуары А. Т. Болотова в контексте его творчества и литературной культуры эпохи», 2013 г.

и социальным вопросам, стихи (как собственного сочинения, так и чужие), выписки из газет и журналов, отечественных и иностранных, переводы, планы будущих сочинений и т. д. В то же время, внутри отдельных томов иногда выделяется доминирующая тема, очевидно особенно занимавшая Болотова в определенный период его жизни. Таким обладающим относительным единством сборником является 12-й том «Собраний мелких сочинений в стихах и прозе», хранящийся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук и датированный 1824 г. (Болотов 1824). Основной темой, которой так или иначе посвящена большая часть помещенных в этом томе текстов, является невежество простого народа в вопросах христианской веры. Очевидно, что собранные в книжке статьи — результат долгих размышлений Болотова на эту тему, лежащих в русле просветительских тенденций его творчества в целом. В частности, Болотов создал несколько философских произведений, разъясняющих вопросы веры для детей, такие как «Детская философия» 1776–1779 гг. (Болотов 2013) и «О душах умерших людей. Разговоры у старика со внуком» 1822 г. (Болотов 2006). Обращаясь к этому вопросу Болотов исходил из недостаточности преподавания Закона Божия и, главное, непонятности и затемненности этого предмета для детей, приводящей к простому заучиванию. Книги Болотова построены в виде диалога взрослых с ребенком и последовательно в казавшейся ему доступной форме излагали устройство мира и основные понятия о Боге и человеке.

Аналогичным образом Болотов рассуждает и о необходимости «предуготовления» простого народа к восприятию молитв, церковной службы и проповедей. Программой статьи сборника следует признать публикуемое ниже «Письмо <...> о славенском языке» (Болотов 1824: 197 об.–212 об.). Оно написано в излюбленном Болотовым эпистолярном жанре и обращено к условному приятелю. Возможно своеобразным толчком для создания этого письма послужила смена председателя Российского Библейского общества (создано в 1813, закрыто в 1826 гг.) и размышления о неоправдавшихся надеждах на него (подробнее см.: Чистович 1899). Всегда открытый ко всему новому, Болотов еще в ранние годы, во время службы в Кёнигсберге,

оказался под сильным влиянием протестантизма и немецкой образовательной модели и, оставаясь православным, до конца жизни полагал, что у протестантов стоит многому поучиться, в частности, адаптации системы обучения для разных уровней подготовки, в том числе и в вопросах христианского просвещения. Упомянув в статье Библейское общество, Болотов пишет, что усилия Общества по распространению русского перевода Библии не привели к желаемым результатам и перевод этот не получил распространения.

В развитие темы народного невежества Болотов помещает также в сборник статью «Письмо к другу о проповедях наших» (Болотов 1824: 44–57об.) и семь образцов проповедей для простого народа (Болотов 1824: 58–115об., 137–197). Темы, которым они посвящены, и их последовательность в целом соответствует распределению материала по начальным главам в «Детской философии» (сначала идут сведения о Боге, божественной воле, затем о человеке и его душе и далее об окружающем нас мире). Кроме того, в томик входят шесть болотовских переложений псалмов и одно духовное стихотворение его собственного сочинения. Одно из них, переложение 91-го псалма (Болотов 1824: 121–123об.) приводится в публикации ниже.

Тексты публикуются в современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей грамматики и произношения оригинала.

Письмо другу о славенском языке и следствиях производимых им.

Сочинено 25 декаб. 1824

Друг мой!

Для сегодняшнего моего письма вздумалось мне избрать особенный предмет, к чему побудил меня бывший недавно со мною случай и замеченное одно особое обстоятельство. Недавно случилось мне застать одного коротко и даже дружного мне человека, отправляющего свое утреннее молитвословие. Увидев читающего его в молитвеннике своем какой-то канон, подивился я тому, что он крепко придерживался еще своего старинного обыкновения и не хотел никак отстать от оногo, хотя я, многажды разговаривая с ним, старался всячески внушать и вразумлять его, какого рода, каким образом произносимые и какие молитвы несравненно лучше и по многим отношениям преимущественнее и полезнее обыкновенных молитв,

напечатанных в наших церковных книгах на древнем славенском языке, а особливо каноны и акафисты. а именно, молитвы недлинные, немногословные, не затверженные наизусть, не читаемые слишком скоро и так бегло, что ум не успевает значение всех слов обнимать, а сердце иметь нужные и такие чувствования, какие собеседованию с Богом приличны. а произносимые не на славянском, а на простом нашем природном языке и таким образом, чтобы они растрогивали ум и сердце. Не хотя сделать ему неудовольствия, а того меньше, побудить его к негодованию на себя, промолчал я и не сказал ни слова, но сам в себе подумал и в мыслях говорил: «О Господи! Как глубоко впечатлелось в умы и сердца многих людей предубеждение в пользу славенского языка и то совсем неосновательное мнение, что все моления и просьбы, воссылаемые ко Господу, не на ином каком языке, как на славенском одни только к нему доходны и ему приятны. Таковым мнением, мне кажется, заражены весьма многие и не только мирские, но принадлежащие и к самому нашему духовенству люди. Всегда, когда ни приходило мне на ум сие обстоятельство, не мог я никогда надивиться тому, что при нынешнем, не говоря о ложном, а истинном просвещении умов человеческих, а особливо первенствующего нашего духовенства, никому из них не приходит на ум помыслить о сем предмете и подумать о всех тех невыгодных следствиях, какие производит славенский язык, на котором производятся не только все наши богослужения, но и печатаются духовные и церковные наши книги, а что того удивительнее, и вновь даже сочиняемые каноны службы и молитвы на сем языке, так, как бы то непременно необходимо было надобно. Не один раз дельвал я сам себе вопросы: неужели и оне, не говоря уже о прочих и о тех из главного и низшего нашего духовенства, которые не погружены уже в такое глубокое невежество, в каком находились духовные наши в прежние века, но не только разумеют употребительнейшие другие европейские языки, но и начитаны имеющих на сих языках и переведенных с них на русский язык книгам и духовным сочинениям. Неужели, говорю, и сии, наравне с прочими, и поныне еще думают и заражены тем же предрассудком, что славенский язык угоднее и приятнее Творцу и Господу, нежели наш русский, и на первом все суждения и молитвословия к нему доходят вернее и лучше, нежели на русском. Кажется сему никак быть невозможно, и я мыслить не хочу, чтоб они имели такое вздорное и нелепое мнение! Неужели думают, что язык сей столь же довольно вразумителен и простому нашему безграмотному народу, сколь вразумителен самим им и отчасти всем учившимся русской грамоте по старинному обыкновению по церковным книгам, азбукам, часовникам и псалтыри! Ах! Они имеют сие мнение, то оне ужасно обманываются. Им нужно бы только поймав одного, двух или трех человек из простейшего народа,

заставить каждого из них порознь прочесть пред ними вслух все те молитвы, какие кто умеет и какие произносит при молениях своих к Богу, и спросить каждого, разумеет ли он в точности все то, что он читал или говорил! Тогда удивились бы они и удостоверились, что они не только из них очень немногие знают, но которые и знают, так и те читают с такими нескладницами и погрешностями, что все чтение их сущим еролашем почесть можно. И все правомыслящие из них верно столько ж бы удивились, как и я, при делании таких испытаний с некоторыми из нашего простого народа, а особливо из женского пола! Я, так сказать, в пень становился от удивления, слыша, что оне и самую молитву Господню, Отче наш, порядочно и вразумительно прочесть не умеют, а о прочих молитвах и говорить нечего, а о числе их и того меньше! Оное так мало, что ничем почти почесть можно. Когда же случалось мне из любопытства испытывать понятия их о Боге и о законе христианском, то истинно я содрогался даже от удивления, находя, что погружены они в глубочайшее невежество и как о Боге, так и обо всем, относящемся до святой нашей христианской религии, имеют очень немногие темные и недостаточные понятия, а иные даже вздорные и нелепые мысли, что глубокому их незнанию и малому обо всем, и даже о наинужнейших вещах, сведению довольно начудиться невозможно. а при таких обстоятельствах можно ли и удивляться тому, что оне заражены многими и нередко наигрубейшими суевериями и мнениями, совсем с их святою самою верою несообразными и ей крайне неприличными.

Помышляя далее о сем предмете, вопрошал я сам себя, в мыслях говоря: неужели все вышеупомянутое всем просвещеннейшим и ученейшим из нашего первенствующего духовенства неизвестно? Нельзя, кажется, предполагать сие! Поелику все и сами оне были сначала либо сами дьячками, дьяконами и попами, либо детьми поповскими или других церковников и имели в молодости своей короткое обращение с простым народом. И как бы, кажется, не знать им образа их мыслей и все их грубые суеверия? а ежели знают, то как бы, кажется, благомыслящим и лучшим из них не подумать никогда о том, что самый высокий сан их и наисвященнейший и первейший долг оных требует того, чтоб подумать о средствах, могущих сколько-нибудь уменьшить глубокое невежество низкого подлого народа и познакомить их сколько-нибудь более со всем, относящимся до той святой религии, которую они исповедуют и которой наименование на себе носят.

Неужели за многими своими делами не находят они никогда удобного к тому и досужного времени? а ежели помышляли они о том когда-нибудь, то что такое удерживало и удерживает их еще и поныне от изыскивания и употребления помянутых способов?

Неужели удерживают их от того какие-нибудь политические причины и преклоняет их к поддержанию простой народ в нынешнем незнании и в суевериях оного? Неужели боятся они и опасаются, чтоб в случае просвещения онаго и множайшего пред нынешним знания закона и своей христианской веры не сделался он наклонным к мятежам и возмущениям? Но сие кажется несообразно ни с чем. а ежели не сие, то неужели преклоняют их к таковому небрежению какие-нибудь собственные выгоды и опасение, чтоб низкое духовенство, а особливо сельское, не лишилось бы чрез то многих своих доходов и выгод в случае образумления простого народа, и когда оной будет сколько-нибудь более сведущим и не станет так много придерживаться к некоторым грубым суевериям, которые сельское духовенство, по корыстолюбию своему, употребляет в свою пользу. Ежели удерживает их первое, то боязнь и опасение их не имеет ни малейшего основания. Наклонности к мятежам и возмущениям неможно никак произойти от множайшего познания своей веры и всех христианских должностей! Скорее и надежнее можно ожидать того, что сделаются они лучшими, добронравнейшими и вернейшими подданными, а особливо если б народ точнее узнал всю важность наиглавнейших христианских должностей. а ежели удерживает их второе опасение, то причина сия может почесться прямо постыдною для их и такую, что им не только стыдно, но и совестно было бы придерживаться такого мнения и давать оному отвлекать себя от исполнения священной своей должности.

Далее скажу вам, что при таковых размышлениях всегда встречался со мною вопрос. Какие б то средства были, которые к тому употребляемы быть могли? При помышлениях о сем приходило мне на ум: первое то, что от городских училищ, которые ныне везде почти по самым малым городам заводятся, едва ли можно ожидать дальней, в рассуждении сего пункта, пользы и успеха! Ибо хотя то и правда, что в оных между прочим обучаются ученики и закону христианскому по катехизису, то не говоря уже о том, сколь малое действие производит сие учение, производимое кое-как и далеко не таким образом, как бы учить надлежало, то хотя бы учение сие и было производимо надлежащим образом, то многие ли могут оным пользоваться? Есть ли хотя малейшая возможность к тому, чтоб крестьяне наши могли отсылать детей своих для обучения их в училища таковые? Для них невеликую пользу произвели и сельские училища, хотя б они по примеру других земель при каждой церкви и в каждом приходе заведены были, но сего едва ли когда-нибудь нам дожидаться можно. Да ежели б когда сие и совершилось, то из опытности известно, что таковые деревенские школы и в других государствах не производят далеко такой пользы, а научают только крестьянских детей грамоте. а сие для детей крестьян наших

и хорошо и нет, а можно даже опасаться, чтоб не произошло от того каких-нибудь вредных следствий. Ежели ж возлагать надежду на наших попов семинаристов, коими епархиальные архиереи стараются снабжать множайшие приходы, и предпола<га>ть, что они будут наставлять простой народ всему нужнейшему, относящемуся до закона, то сия надежда слишком обманчива быть может, ибо из опытности известно, что у них сие всего меньше на уме бывает, и никто из них о том не помышляет, да и до того ли им, чтоб сим заниматься. Ежели думать, что могло б поспешествовать к тому употребление каких-нибудь насильственных средств к принуждению народа ходить чаще, по крайнее мере во все праздничные и воскресные дни, в церкви к обедням, то опытность доказывает, что и частое хождение к церкви и слушание служб божественных не производит почти никакого влияния на нравственность крестьян наших и всего меньше побуждает их к истинному благочестию. Но все приходящие в церковь выходят из них таковыми ж, каковыми входили, и не выносят с собою никакой для душ их пользы, и причину тому то, что все наши божественные службы производятся на славенском языке, который простолюдины наполовину не понимают, умалчивая уже о том, что производятся они кое-как, и без всякого старания, чтоб были они для простого народа чувствительнее, наставительнее, побудительными к улучшению нравственности онаго. Некоторой пользы можно б хотя ожидать от частого сказывания или чтения проповедей, то о сем и неспособностях сего имел я уже случай к вам писать и сообщить мои замечания. Ежели ожидать успеха от действий и стараний нашего Библейского общества и распродажи Библии и переведенного на наш язык Нового Завета и Псалтыри, то и сие ожидание едва ли так же не обманчиво, или, по крайней мере, вожделенного успеха от того очень долго и очень долго доведется дожидаться. Ибо и в таком даже случае, когда бы все церкви снабжены были печатными библиями, переведенными новыми заветами, то есть опасение, что книги сии будут долго валяться и пылиться в шкафах и на полках церковных без всякого прикосновения к ним наших церковнослужителей, как то и ныне уже водится.

А если хотеть, чтоб производили они свою пользу и труды бы, и старания Библейского общества, а особливо благодетельное нашего великого монарха не были тщетны, то надлежало бы простому народу к тому наперед попредуготовить. а самое сие предуготовление могло б уже составить одно из наиглавнейших средств к поправлению нравственности и улучшению нашего простого народа.

Но какое бы сие, равно как и другие средства, удобны были, о том можно бы благоразумнейшим из нашего главного духовенства, устранив от себя все посторонние и пристрастиями производимые мысли, собраться когда-нибудь тщательнее подумать и, понайдя сих

удобнейших, предложить о том мнение самому государю, который, как истинно пекущийся о пользе народной, удостоил бы, верно, своего монаршего внимания, с своей стороны охотно бы всем, чем возможно, поспешествовал такому полезному и прямо богоугодному делу.

Впрочем, если хотите вы о сих средствах знать мое мнение, то скажу, что в сей раз не могу я вас в том удовлетворить, поелику сие увеличило бы слишком пределы письма. а предоставлю другому и досужнейшему времени пересказание в подробности всего, что приходило мне относительно до сего предмета в мысли, и какие бы точно средства казались мне могущими быть к поправлению и улучшению нашего простого народа удобнейшими. Почему теперешнее письмо сим окончу, сказав вам, что я есмь и прочее.

Переложения псалмов, выполненные Болотовым, одно из которых публикуется ниже, можно рассматривать как примеры реализации высказанных в «Письме <...> о славенском языке» идей о переводе на понятный простому народу русский язык основных богослужебных текстов, в том числе молитв и псалмов. Переложения псалмов являются типичными образцами болотовской поэзии: это нерифмованные стихи, написанные двусложными размерами (подробнее о поэзии Болотова см.: Веселова 2000). Аналогичным образом Болотов писал и собственные духовные стихи, которые он, по его свидетельству, сочинял «для употребления <...> вместо молитв» (Болотов 1873: 1093).

Преложение псалма 91. Благо есть исповедоватися господеву.

О как нам нужно и полезно
Господне имя прославлять
И песнями хвалы своими
Всевышнего превозносить.

Во всяко утро возвещая
Твои к нам милости, Господь,
И истину твою святую
В нощи устами прославлять!
Хвалить Тебя на арфе звучной
И гуслей громких на струнах,
Ты сам утешил дух мой, Боже,
Творением дел рук твоих.

О как дела твои велики,
Как восхищаюсь ими я.
И помышления глубоки
Твои, о Господи, весьма.

Несмысленный того не знает,
И глупый человек их весь,
И разуместь того не может,
Как превелик и силен ты.

Что нечестивый возникает
И беззаконник в жизнь цветет,
Тому причиною бывает,
Что в век исчезнуть должен он.

Но Ты, о Господи, над ними
Высоко вечно возвышен.
Враги Твои все гибнуть должны,
И прах развеется всех их.

А мой Ты Бог, о Всемогущий!
Возвысишь выше всех людей,
Ты умастишь елеем свежим,
О Господи, главу мою.

Бесстрашно вижу я глазами
Врагов моих окрест меня,
И слух мой слышит не смущенно
Угрозы беззаконных всех.

Как финик, правый зеленеет,
Любящий Господа, всегда
И высится, как кедр в Ливане,
И размножается в горах.

Все насаждения во дворах
И в доме Бога процветут
И в старости своей пребудут
С плодами многими всегда.

И станут возвещать собою,
Что праведен Ты, мой Творец,
Что Ты защитник мой всегдашний
И что неправды нет в Тебе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов 1824 — *Болотов А. Т.* Собрание мелких сочинений в стихах и прозе Андрея Болотова. 1824. Том XII. РО БАН Ф. 69. № 29.
2. Болотов 1873 — *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. IV. СПб., 1873.
3. Болотов 2006 — *Болотов А. Т.* О душах умерших людей / вступ. ст., подготовка текста, ком. Т. В. Артемьевой. СПб., 2006.
4. Болотов 2013 — *Болотов А. Т.* Детская философия / вступ. ст., подготовка текста, прим. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешинной. СПб., 2012.

5. Веселова 2000 — *Веселова А. Ю.* Стихотворения А. Т. Болотова: Хорошая физика и плохая поэзия // *Slavic Almanach. The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies.* 2000. Vol. 6. № 9. P. 152–171.
6. Чистович 1899 — *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. Изд. 2-е. СПб., 1899.

A. Veselova. Unpublished essay by A. T. Bolotov.

The published texts are from the 12th volume of “Collection of little writings in prose and verse” by A. T. Bolotov, which are stored in the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences (f. 69 , № 29) and dated 1824. The “Letter to a friend about slavic language” was selected for publishing. In this text Bolotov writes about adopting of prays, church services and sermons for the peasants. The additional text is the arrangement of Psalm 91, done by Bolotov. Both texts reflect educational trends in Bolotov’s works and relate to his philosophical writings for children. Bolotov’s texts are accompanied by some comments.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К СОЗДАНИЮ ЭЛЕКТРОННЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ¹

Ключевые слова: электронные коллекции, представление текста, русская литература, сохранение письменного наследия.

В статье производится сравнительный анализ методов презентации текстов в существующих электронных коллекциях русской литературы (проекты «Русская виртуальная библиотека», «Фундаментальная электронная библиотека “Русская литература и фольклор”», библиотека “ImWerden”). Показываются ограничения традиционного иерархического подхода к организации таких коллекций. Отмечается слабая степень интеграции этих коллекций в интернет-пространство.

В отличие от чисто лингвистических корпусов текстов, принципы построения которых достаточно хорошо изучены, методологии разработки электронных коллекций, ориентированных на историко-литературоведческий анализ, фактически не существуют.

В настоящее время на материале русской литературы развиваются несколько электронных коллекций, из которых наиболее известные проекты — это «Фундаментальная электронная библиотека “Русская литература и фольклор”» (<http://feb-web.ru>), «Русская виртуальная библиотека» (<http://www.rvb.ru>), “ImWerden” (<http://imwerden.de>). В данной статье мы не будем касаться вопросов, связанных с комплектацией фондов электронных библиотек, мы ограничимся лишь проблемами организации и презентации текстов внутри коллекций. Актуальность этого вопроса, на которую еще в 1964 г. указывал Ю. М. Лотман

* Артем Викторович Андреев, младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

** Марина Валерьевна Пономарева, канд. филол. наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 11-07-00493-а, «Разработка информационно-поисковой системы по корпусу текстов русской литературы XVIII века», 2011 г.

(Лотман 1994), связана с тем, что за последние два десятилетия в связи с развитием информационных технологий сменилось традиционное представление о бытовании текста: место статического, привязанного к материальному носителю текста занимают динамические, виртуальные структуры. Как традиционный текст, утратив свою материальную «оболочку», будет представлен в этом новом для него пространстве? Рассмотрим способы презентации текста, которые предлагают перечисленные электронные библиотеки.

«Русская виртуальная библиотека» («РВБ»), основанная в 1999 г., представляет собой собрание произведений русской литературы XVIII–XX вв. В электронной библиотеке опубликованы художественные произведения более 400 авторов, которые сгруппированы по трем хронологическим разделам — XVIII, XIX, XX вв.

В разделе, посвященном каждому автору, воспроизводятся тексты одного или нескольких авторитетных изданий, при этом каждый текст публикуется только в одном варианте. Тексты приводятся с сохранением пунктуации, орфографии и пагинации, приведены комментарии, вступительные статьи и указатели источника. К произведениям многих авторов прилагаются указатели словоформ и — реже — жанрово-хронологические указатели стиховых форм, составленные специально для «РВБ».

Структура авторского раздела повторяет иерархическую организацию произведений в печатном источнике: например, в случае собрания сочинений вначале представлен список томов, в томе — список произведений, копирующий печатное содержание². Этот список произведений активен, из него пользователь попадает на конкретный текст, откуда в свою очередь может перейти к предыдущему и последующему произведениям, примечаниям к тексту и содержанию тома. Примечания снабжены гиперссылками, которые ведут к собраниям произведений других авторов, уже опубликованных в «РВБ». Электронную публикацию произведений каждого автора или сборника сочинений разных авторов предваряет вступление редакторов «РВБ», оно очень кратко представляет писателя,

² В частности, сохраняется привязка примечаний к текстам, если она присутствует в печатном издании.

содержит ссылки на материалы «РВБ» и на другие ресурсы, посвященные его творчеству. Это последнее обстоятельство — указание на сторонние ресурсы — размыкает пространство электронной библиотеки, включает ее в общий интернет-контекст.

Прозрачный и минималистичный подход к презентации текстов, а также грамотно разработанная навигация, характерные для «РВБ», очень облегчают пользование библиотекой.

С технической точки зрения, «РВБ» не предоставляет никаких специальных средств интеграции с инструментами анализа текста, однако простой формат представления произведений и использование прямых ссылок для их адресации делает задачу такой интеграции достаточно тривиальной (Litvinov, Pilshchikov 2004, Литвинов 2011)³.

Некоммерческая электронная библиотека “ImWerden” (основана в 2000 г.) представляет собой регулярно пополняющееся хранилище самых разнообразных текстов, которые сгруппированы по авторам и по темам (древнерусская литература, русская литература XVIII–XXI вв., литература русского зарубежья, переводы, детская литература, периодика, критика, публицистика, мемуарная литература, энциклопедии, справочники, работы по философии, языкознанию, истории, искусству и т. д.) Библиотека содержит также архив аудио- и видеозаписей авторских чтений, документальных выступлений, интервью писателей.

Ни принципы отбора литературы, ни цели и задачи проекта на сайте библиотеки не заявлены. Авторский каталог, как следует из комментария к нему, состоит на данный момент из основных авторов библиотеки (указано более 110 авторов) и находится в стадии пополнения. Тематический каталог, на наш взгляд, лишен логического основания — наряду с хронологическими разделами русской литературы (напр., «Древнерусская литература», «Русская литература первой половины XIX в.», «Русская литература XXI в. (современная)») даны такие разделы, как «Письма», «Философия, психология, педагогика», «Периодика начала XX века», «Книги в старой орфографии», «Детская

³ «РВБ» использует и специальный машинно-читаемый формат для внутренней работы с текстами, однако для обычных пользователей доступ к нему, к сожалению, невозможен.

библиотека “Лесенка”, «Журнал “Аполлон” (1909–1917)», «Языкознание», «Ex libris Г. Грасгофа и А. Лаух (H. Graßhoff & A. Lauch)», «Книги из библиотеки Михаила Гоголина» и др. «Генеральный каталог библиотеки “ImWerden”», организованный по хронологическому принципу поступления текстов, насчитывает 3729 публикаций.

Google-поиск, который предлагает библиотека пользователю, помогает ориентироваться в составляющей данный ресурс литературе и обеспечивает лексический поиск по корпусу текстов.

Тексты выложены в виде pdf-файлов — «факсимильных воспроизведений» бумажных оригиналов, по выражению организатора библиотеки А. Никитина-Перенского (Никитин-Перенский 2009). Это дает возможность читателю познакомиться со всеми особенностями (орфография, шрифт, оформление и т. п.) редких и старинных изданий, которые составляют значительную часть библиотечной коллекции. Обратной стороной такого подхода, к сожалению, является практически полная невозможность использовать автоматизированные инструменты анализа применительно к текстам библиотеки.

Нельзя не упомянуть и о международном проекте Gutenberg (<http://gutenberg.org>), учрежденном в 1971 г., сверхзадача которого состоит в оцифровке и сохранении всего письменного наследия человечества (Hart 2004)⁴. Проект поддерживается силами волонтеров и ориентирован скорее на массового читателя, чем на филолога. Общие принципы организации текстов в проекте Gutenberg сходны с принципами библиотеки “ImWerden”, однако существенное техническое достоинство этой библиотеки состоит в использовании множественных форматов для представления текстов (включая, как правило, и наиболее удобный для машинной обработки так называемый формат plain text). К сожалению, пока русскоязычные тексты представлены в этой коллекции в очень незначительном объеме.

Самый, пожалуй, амбициозный из рассматриваемых нами проектов — это «Фундаментальная электронная библиотека “Русская литература и фольклор”», созданная

⁴ В настоящее время библиотека насчитывает, по заявлению организаторов, более 42000 единиц.

в 2002 г. и поддерживаемая Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН) и Научно-техническим центром «Информрегистр» Мининформсвязи РФ. «ФЭБ» позиционирует себя как «сетевую многофункциональную информационную систему, аккумулирующую информацию различных видов (текстовую, звуковую, изобразительную и т. п.) в области русской литературы XI–XX вв. и русского фольклора, а также истории русской филологии и фольклористики» (см. сайт «ФЭБ», раздел «О проекте», п. 1, <http://feb-web.ru/feb/feb/about1.htm>, а также: Вигурский, Пильщикова 2005).

Помимо базы художественных текстов, «ФЭБ» включает в себя подборку научно-исследовательской литературы к ним. Главная установка «Фундаментальной электронной библиотеки», сформулированная ее создателями, в первой своей части дословно повторяет то, что называет своей отличительной особенностью проект «Русская виртуальная библиотека» — «глобальный охват и полнота представления материалов» (см. сайт «ФЭБ», раздел «О проекте», п. 1, <http://feb-web.ru/feb/feb/about1.htm>). Однако «глобальный охват» понимается двумя электронными библиотеками по-разному. Для «РВБ» важна широта охвата русской художественной литературы в целом — на сайте, помимо авторов первого ряда, можно найти литераторов и произведения, которые образуют культурный фон эпохи (см., напр., сборники «Письма русских писателей XVIII века» или «Неофициальная поэзия»). «ФЭБ» говорит о глобальном охвате и полноте «по вынесенным в ее название темам», т. е. стремится как можно полнее представить творчество одного автора, литературный памятник или фольклорный жанр. Наиболее полно в «ФЭБе» отражено собрание произведений Пушкина, которое включает два академических Полных собрания сочинений, дополненное переиздание «большого» академического издания, том из Полного собрания сочинений 1935 г.⁵, отдельные

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959; *Он же*. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979; *Он же*. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994–1996; *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 7. Л.: Изд-во АН СССР, 1935.

издания произведений⁶ и писем⁷ писателя, черновики, рисунков и автографов⁸, в планах новое академическое собрание сочинений⁹. Таким образом, читатель имеет возможность сравнить, как один и тот же авторский текст отражается в различных изданиях.

Если говорить о художественной литературе, по количеству представленных на сегодняшний момент авторов «ФЭБ» сильно уступает «РВБ». В настоящее время в «ФЭБе» насчитывается 20 электронных научных изданий (ЭНИ), разбитых на соответствующие рубрики: XI–XVII вв. — 2 ЭНИ («Слово о полку Игореве», «Житие протопопа Аввакума»), XVIII в. — 1 ЭНИ (Ломоносов), XIX в. — 11 ЭНИ (Пушкин, Грибоедов, Жуковский, Батюшков, Боратынский, Чехов, Лермонтов, Тютчев, Гоголь, Л. Толстой, Гончаров), XX в. — 3 ЭНИ (Маяковский, Есенин, Шолохов), Фольклор — 3 ЭНИ («Былины и песни», «Заговоры», «Сказки»).

ЭНИ представляет собой основной структурный элемент «ФЭБа», как описывает ЭНИ сама электронная библиотека — «это самостоятельный законченный полнотекстовый информационно-программный продукт, поддерживающий аппарат гипертекстовых связей и содержащий информацию, прошедшую научную и редакционно-издательскую обработку» (см. сайт «ФЭБ», раздел «О проекте», п. 9 <http://feb-web.ru/feb/feb/about1.htm>). При формировании состава ЭНИ используются наиболее авторитетные научные издания художественных текстов. Кроме того, в эту структуру включаются научные исследования и справочные материалы, посвященные теме ЭНИ. Информация организована по принципу иерархического

⁶ Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996; *Он же*. Капитанская дочка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984; *Он же*. Медный всадник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978; *Он же*. Стихотворения. СПб.: Наука, 1997.

⁷ Пушкин А. С. Письма, 1815–1825. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926; *Он же*. Письма, 1826–1830. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928; *Он же*. Письма, 1831–1833. М.; Л.: Academia, 1935; Пушкин: Письма последних лет, 1834–1837. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969; Переписка А. С. Пушкина: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1982.; Пушкин А. С. Письма к жене. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986.

⁸ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Academia, 1935; Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994–1996. Т. 18 (дополнительный). Рисунки. 1996.

⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб.: Наука, 1999.

дерева, где корень — тема ЭНИ (автор/литературный памятник/фольклорный жанр), самостоятельные ветви — разделы, посвященные энциклопедическим сведениям по теме, художественным произведениям, научной литературе, справочным материалам, библиографии, указателям и мультимедийной составляющей (см. рис. 1).

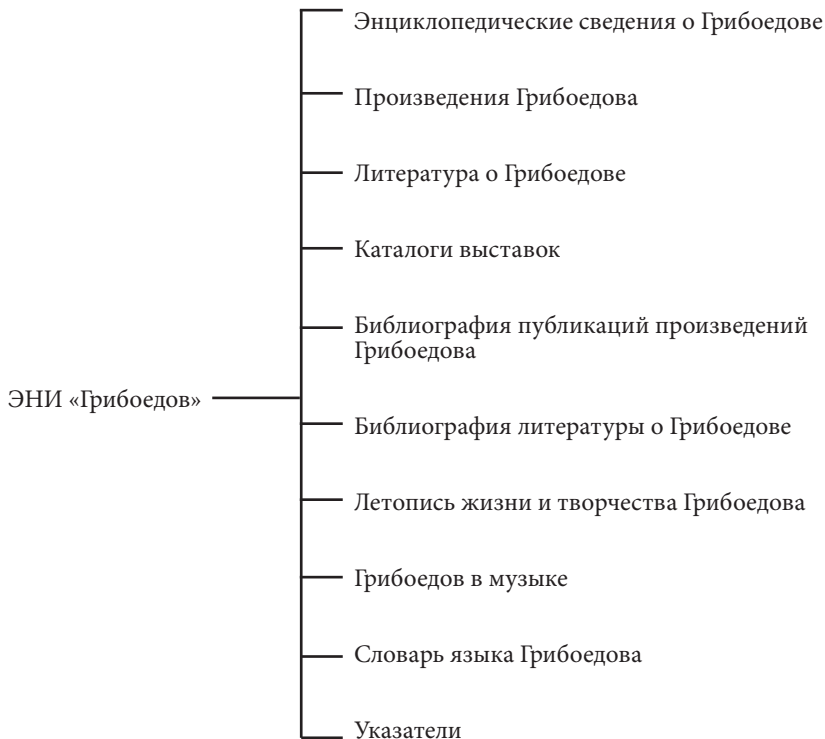

Рис. 1. Составляющие элементы ЭНИ

Эдиционные принципы, которых придерживается проект, — это максимальное воспроизведение особенностей издания: его структуры, правописания, пагинации, пунктуации, шрифтов и пр.

Так как предмет нашего анализа — цифровое представление художественной литературы, сосредоточимся на разделе, в котором собраны собственно литературные произведения. Раздел «Произведения» состоит из двух основных («Основные

издания произведений», «Издания отдельных произведений») и факультативных («Отдельные издания писем», «Рукописи и рисунки», «Изобразительные произведения» и др.) подразделов. Разделы следующего уровня организованы согласно хронологическому принципу: так первым Полным собранием сочинений в подразделе «Основные издания произведений» будет самое раннее, последним — самое позднее по времени из отобранных «ФЭБом» собраний. Структура самого цифрового собрания воспроизводит структуру своего печатного оригинала. Собрание сочинений состоит из томов, каждый из которых организован по тому или иному принципу — жанровому или хронологическому. Самой мелкой единицей в этой иерархии является текст (см. рис. 2).

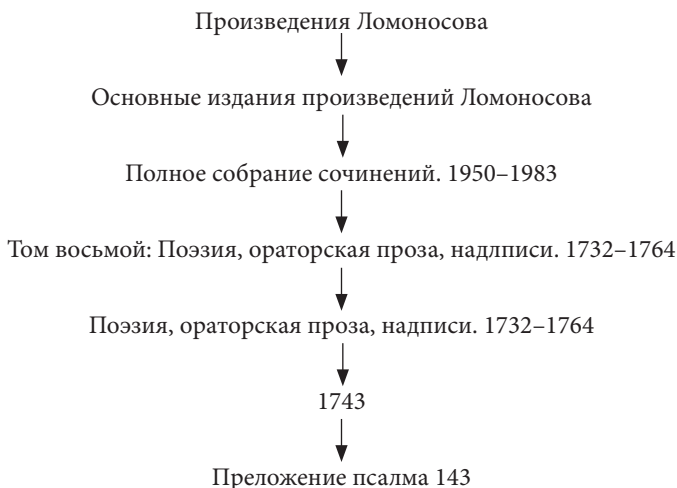

Рис. 2. Иерархическая структура ЭНИ

На наш взгляд, подобная многоступенчатая организация материала, во-первых, затрудняет доступ к конкретным произведениям — во многих случаях его можно получить, только добравшись до самого низа иерархической структуры. Поиск, который предлагает пользователю «ФЭБ», зачастую не отвечает своим задачам. Так, например, нам не удалось по предложенным параметрам («Слово», «Заглавие») обнаружить список всех имеющихся в системе од М. В. Ломоносова. Не помог

и «Указатель произведений» — одические тексты Ломоносова (впрочем, как и другие ломоносовские произведения) в нем отсутствуют.

Во-вторых, такая форма подачи материала выглядит в настоящее время анахронизмом. Бытование информации в новой среде предполагает поиск новых форм, новых способов ее презентации (Горный 2012).

В-третьих, существование единственного надежно работающего механизма доступа к текстам и жесткой иерархической системы ограничивает сферу применения данного ресурса. Более того, как отмечает К. Ю. Мьёр, иерархичность свойственна и другому — содержательному — уровню проекта. Выбор авторов, по мнению исследователя, воспроизводит русский классический литературный канон, восприятие текста в рамках которого вступает в противоречие с принципами новой интернет-культуры (Mjør 2009: 90, 97).

В целом же «ФЭБ» не представляет собой никакой единой структуры: ЭНИ изолированы друг от друга, лишены перекрестных ссылок, следствием чего оказывается невозможность сквозного поиска по всем текстам, указатели авторов и произведений не согласованы с основной частью ЭНИ.

Интеграция с «ФЭБ» сторонних инструментов анализа может быть осуществлена теми же способами, что и в случае «РВБ», хотя используемый формат представления текстов несколько менее удобен для машинной обработки, а извлечение информации о структуре произведений затруднено вследствие уже упомянутой иерархической организации ЭНИ. Однако от фундаментального проекта мы вправе ожидать большего: общая тенденция развития интернет-ресурсов в настоящее время состоит в максимальном облегчении использования данных одного ресурса другими. В частности, существуют стандартизованные методы организации доступа к текстовым коллекциям, в том числе структурированным (например, AtomPub, CMIS, OKI Repository (Collier, Robson 2002)); отсутствие в «ФЭБ» поддержки хотя бы одного из них выглядит достаточно странно — во всяком случае, технических препятствий к осуществлению этого быть не должно, тем более, что необходимость интеграции интернет-ресурсов организаторами проекта вполне осознается (Вигурский, Пильщиков 2003).

Итак, рассматриваемые нами электронные коллекции тяготеют к воспроизведению традиционных моделей организации текста, он по-прежнему мыслится неразрывно связанным с изданием, в которое входит. Потенциал, заложенный в современных технологиях, остается большей частью нереализованным, фактически единственным новым инструментом анализа оказывается пословный поиск. Главная задача электронных библиотек сводится, таким образом, к обеспечению доступа к книге (что само по себе, безусловно, представляет большую ценность), но не к организации работы с ней. Можно надеяться, что именно эта последняя задача образует в будущем магистральную линию развития электронных библиотек, а прогресс в данном направлении окажет благоприятное влияние на филологическую науку в целом, поскольку новое представление текста невозможно без осознания его важнейших характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вигурский, Пильщиков 2003 — *Вигурский К. В., Пильщиков И. А.* Информатика и филология (Проблемы и перспективы взаимодействия) // Электронные библиотеки. 2003. Т. 6, Вып. 3 (http://feb-web.ru/feb/feb/media/200307_elbib.htm).
2. Вигурский, Пильщиков 2005 — *Вигурский К. В., Пильщиков И. А.* Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) // Вопросы интернет-образования. 2005. № 27 (http://vio.uchim.info/Vio_27/cd_site/articles/art_1_16.htm).
3. Горный 2012 — *Горный Е. А.* Проблемы сохранения культурного наследия в эпоху цифрового текста // Всероссийская научная конференция «Филологические аспекты книгоиздания-2», Новосибирский государственный педагогический университет, 21 февраля 2012 г. Новосибирск, 2012 (<http://netslova.ru/gorny/digtext.html>).
4. Литвинов 2011 — *Литвинов В.* Оцифровка текстов и рукописей О. Мандельштама в контексте различных подходов к сохранению культурного наследия // Конференция «Мандельштамовские дни в Варшаве — VI Мандельштамовские чтения», Варшава, 18 сентября 2011 г., Warsaw, 2011 (http://rvb.ru/about/meta/warsaw2011_vl_pn.pdf).
5. Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 24–26.
6. Никитин-Перенский 2009 — *Никитин-Перенский А.* О новых поступлениях в электронную библиотеку “ImWerden” // Toronto Slavic Quartetly. 2009. № 29. (<http://www.utoronto.ca/tsq/29/nikitin29.shtml>).

7. Collier, Robson 2002 — *Collier G., Robson R.* What is the Open Knowledge Initiative, MIT. 2002 (http://web.mit.edu/oki/learn/whtpapers/OKI_white_paper_120902.pdf).
8. Hart 2004 — *Hart M.* Project Gutenberg Mission Statement, Project Gutenberg. 2004 (http://www.gutenberg.org/wiki/Gutenberg:Project_Gutenberg_Mission_Statement_by_Michael_Hart).
9. Litvinov, Pilshchikov 2004 — *Litvinov V., Pilshchikov I.* Russian Virtual Library (RVL): Some aspects of visualization of literature text and comments to it // EVA 2004 Berlin: Konferenzband: Elektronische Bildverarbeitung & Kunst, Kultur, Historie: 10.–12. November 2004 in den Staatliche Museen zu Berlin am Kulturforum Potsdamer Platz: Die 11. Berliner Veranstaltung der internationalen EVA-Serie Electronic Imaging & the Visual Arts. Berlin, 2004. S. 124–126 (http://www.rvb.ru/about/meta/2004_eva_berlin.htm).
10. Mjør 2009 — *Mjør K. J.* The Online Library and the Classic Literary Canon in PostSoviet Russia: Some Observations on “The Fundamental Electronic Library of Russian Literature and Folklore” // *Digital Icons*. 2009. Vol. 1. № 2. P. 83–99.

A. Andreev, M. Ponomareva. Comparative analysis of methods of presenting texts in electronic literature collections.

The article deals with comparing methods of presenting texts in existing electronic collections of Russian literature (the “Russian Virtual Library” project, The Fundamental Digital Library “Russian Literature & Folklore”, the ImWerden library). Limitations of a traditional hierarchical approach to organizing such collections are analyzed. Weak degree of integration of these collections into the Internet space is demonstrated.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ
XVIII ВЕКА

Выпуск 5

Ответственные редакторы:
П. Е. Бухаркин, Е. М. Матвеев

Тех. редактор: *Н. В. Ткачева*
Компьютерная верстка: *Е. Е. Кузьмина*
Дизайн обложки: *К. Ю. Тверьянович*

Подписано в печать 14.02.2014. Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 19,25.

Тираж 300 экз. Заказ №

СПбГУ, Филологический факультет
199004, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

Отпечатано в типографии издательства «Геликон Плюс»
199053, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 28
Тел.: (812) 327-46-13, 328-20-40

**СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ СБОРНИКА
«ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XVIII ВЕКА»**

Литературная культура XVIII века: Материалы XXXVI Международной филологической конференции / под ред. П. Е. Бухаркина и Е. М. Матвеева. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2007. — 208 с.

<i>Бухаркин П. Е.</i> Изучение русской литературы XVIII века на кафедре истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.....	5
<i>Бухаркин П. Е.</i> Украинские барочные риторики и развитие русской культуры на рубеже XVII–XVIII веков.....	17
<i>Тоичкина А. В.</i> Вергилий и Сковорода.....	25
<i>Карева Н. В.</i> К вопросу о семиотическом статусе слова в первой половине XVIII века ...	34
<i>Власов С. В., Московкин Л. В.</i> Учебник русского языка для французов «Грамматика французская и руская...» (1730).....	40
<i>Матвеев Е. М.</i> Церковная панегирическая проповедь елизаветинской эпохи как вид ораторской прозы XVIII века.....	57
<i>Гуськов Н. А.</i> Итальянско-русские культурные связи в XVIII столетии.....	67
<i>Пономарева М. В.</i> О некоторых значениях словесных повторов в композиционной структуре державинской оды.....	92
<i>Булгакова А. А.</i> Семантика движения в лиро-эпической поэме С. Боброва «Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом».....	103
<i>Тираспольская А. Ю.</i> О разновидности игры с читателем в повести-сказке Н. М. Карамзина «Дремучий лес» (1794).....	112
<i>Тираспольская А. Ю.</i> «Невинный» город и «развратная» деревня в повести П. И. Шаликова «Темная роща, или Памятник нежности» (1798).....	123
<i>Руднев Д. В.</i> Предшественники А. С. Шишкова в Морском кадетском корпусе (к постановке вопроса).....	138
<i>Автухович Т. Е.</i> Массовая литература в свете антропологической риторики.....	146
<i>Жеребкова Е. В.</i> «Евгений Онегин» на фоне усадебной темы в русской литературе XVIII века.....	152
<i>Чердаков Д. Н.</i> К трактовке темы смерти и поэтического бессмертия в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и лирике А. С. Пушкина 1836 г.....	162
<i>Беляева О. Н.</i> Анакреонтика в русской литературе: трансформация традиции.....	174
ПРИЛОЖЕНИЕ. <i>Базанова В. И.</i> «Знакомый» дом на невском берегу.....	179

Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2 / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, М. В. Пономаревой. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2008. — 160 с.

<i>Бухаркин П. Е.</i> Русская литература XVIII века: хронологические границы и проблема периодизации.....	5
<i>Матвеев Е. М.</i> Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века.....	41
<i>Руднев Д. В.</i> Григорий Андреевич Полетика и книжная культура XVIII века.....	53
<i>Власов С. В., Московкин Л. В.</i> Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Новая российская грамматика (1788).....	65
<i>Ильичев А. В.</i> О метафизическом сюжете комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»....	77
<i>Бухаркина М. В.</i> К вопросу о разновидностях русского мадригала XVIII века.....	86
<i>Натали Шнайдер</i> «Дети, надо постараться дядиньку потешить нам» (домашний спектакль в мнении Званка).....	102
<i>Тираспольская А. Ю.</i> Повесть Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия»: к проблеме трагического смысла.....	120
<i>Тоичкина А. В.</i> «Энеида» Осипова и «Энеида» Котляревского (к проблеме определения канона классического произведения).....	129
<i>Карева Н. В.</i> «Pièces fugitives» и распад жанровой иерархии в европейской литературе XVIII века.....	138
<i>Беляева О. Н.</i> Три века русской анакреонтики (к постановке проблемы).....	154

Литературная культура России XVIII века. Выпуск 3 / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2009. — 311 с.

Тоичкина А. В. Эпоха барокко в исследованиях Д. И. Чижевского	5
Власов С. В., Московкин Л. В. Илья Федорович Копиевский и его лексикографические труды	36
Бухаркин П. Е. Стефан Яворский и культурное движение петровской эпохи.	43
Волков С. С. Еще раз о словосочетании «Максимовская грамматика» у В. К. Тредиаковского.	67
Власов С. В. Концепция правильного языкового употребления у Тредиаковского и французские теории <i>bon usage</i> XVII–XVIII веков.	75
Матвеев Е. М. Словарь рифм М. В. Ломоносова: проблемы описания рифмы в русской поэзии XVIII века	105
Кислова Е. И. Проповедь Симона Тодорского «Божие особое благословение» и бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны	115
Петров А. В. «Слова» на Новый год российских духовных писателей XVIII века: христианская традиция праздника новолетия в самодержавном государстве	139
Гуськов Н. А. Духовная поэзия А. П. Сумарокова	180
Клепацкий В. В. Проблема повторных переводов XVIII в.: переписка Вольтера с Екатериной II (историко-библиографические заметки)	233
Веселова А. Ю., Милютин М. П. Этнические стереотипы и опыт восприятия иностранной культуры в мемуарах А. Т. Болотова	242
Тираспольская А. Ю. О принципе игры с читателем в повестях Н. М. Карамзина 1790-х годов	266
Руднев Д. В. Особенности поэтики повести Н. М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода»	287
Беляева О. Н. «Старик» и «старость» в русской анакреонтике.	293
ПРИЛОЖЕНИЕ Андреев А. В., Бухаркин П. Е., Матвеев Е. М., Пономарева М. В. О разработке новой теоретической модели репрезентации истории литературы (на материале русской литературы XVIII века)	303

Литературная культура России XVIII века. Выпуск 4 / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 280 с.

И. К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова	
Двина́тин Ф. Н. Омосиллабические серии в поэзии М. В. Ломоносова: об одном специальном типе звукомысловых связей	6
Бухаркин П. Е. Поэзия М. В. Ломоносова: стилистика и проблематика торжественной оды	33
Матвеев Е. М. Одическая поэзия М. В. Ломоносова: методологические проблемы изучения	48
Волков С. С. Куда приводят нас «врата учености»?	62
Салова С. А. Французские «собеседники» М. В. Ломоносова в его «Разговоре с Анакреоном»	69
Карначев А. Е. «Торжество любви» (черновой набросок М. В. Ломоносова)	81
II	
Карева Н. В. Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.)	90
Кислова Е. И. «Слово в день явления иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани» Димитрия Сеченова	110
Гуськов Н. А. Деревце и птицы среди говорящих стен (к истории литературного быта екатерининской эпохи)	148
Власов С. В. О французских версиях пьесы Екатерины II «Обобщенный» из собрания рукописей Эрмитажной библиотеки	205
Власов С. В., Московкин Л. В. «Заметки о русском языке и его алфавите» Е. Н. и Ф. В. Каржавинных (1789–1791)	216
Тираспольская А. Ю. К проблеме незавершенности повести Н. М. Карамзина «Лиодор»: вопросы повествования	238
Руднев Д. В. Неизвестные имена XVIII в.: Прохор Иванович Жданов.	262